

ИСТОРІЯ ХІХ ВѢКА. ДО ВАТЕРЛОО.

Мишле.

Томъ III.

ПЕРЕВОДЪ

Р. Поповой и М. Дебриковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Ф. С. Сущинскаго.

Екатерининскій каналъ, 168.

—
1884.

Ходъ годовъ торопитъ меня кончить работу, а также и упадокъ силъ, до того быстрый въ последнее двадцатилѣтіе, что можно сказать, будто вѣкъ несетъ въ пропасть. Смотря на Европу, я вижу то тамъ то сямъ нѣкоторыя блестящія исключенія, потому что общая приниженность кажется еще больше поднимаетъ черты великаго мужества; такъ рядомъ съ высшими понижающимися вокругъ нихъ равнины и пустыни кажутся еще низменнѣе.

Эта третья часть говоритъ о мирѣ, и болѣе всего о Франціи и Бонапартѣ, съ 1800 до 1812 года, т. е. о тѣхъ годахъ, которые изнурили вѣкъ при самомъ началѣ его, которые породили вѣковыя вражды и сдѣлали то, что Франція, увлеченная въ предпріятія, бывшія болѣею частью возмутительными и для нея самой, стала предметомъ общаго недовѣрія.

Я имѣлъ несчастіе родиться и расти въ эту бѣдственную эпоху и я могу сказать, что всегда Франція была только на половину одурачена Бонапартѣ. Всѣ, слѣдуя глазами за великимъ фокусникомъ въ облакахъ, гдѣ онъ балансировалъ, говорили всегда: «Это кончится дурно» Даже сама великая армія говорила это, слѣдуя

за нимъ изъ военной чести. Франція, умъ которой подъ властью его казался совершенно уничтоженнымъ, существовала однако внизу. И какъ только исчезъ Бонапартъ, то даже подъ глупымъ правительствомъ смѣнившимъ его, она заявила себя съ такими невѣроятными плодотворностью и блескомъ, въ промышленности, искусствѣ и литературѣ *).

*) Книга эта составлена отчасти по моимъ собственнымъ воспоминаніямъ; но я могу сказать, что весь свѣтъ сотрудничалъ въ пей, благодаря обязательности друзей моихъ отъ Англіи до Россіи. Я долженъ много благодарить гг. библіотекарей Парижа, Лозанны, Женевы, Тулона и въ особенности библіотеку очень мало извѣстную—польскую библіотеку въ Парижѣ (Иль-сенъ-Луи, набережная Орлеанская 6), которою завѣдуетъ г. Залѣскій, составитель прекраснаго атласа татарскихъ степей, гдѣ онъ самъ жилъ нѣкоторое время.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Общій взглядъ на вѣкъ и быстрый упадокъ его.

Съ 1800 г. съ самой колыбели этого вѣка я хочу предвидѣть періоды возраста его и даже старость его,—упадокъ такъ очевиденъ-ли въ наши дни. Вѣкъ этотъ—вѣкъ великой работы и замѣчательной изобрѣтательности заслуживалъ быть болѣе крѣпкимъ. Что касается меня, то родившись съ нимъ вмѣстѣ, я тѣмъ болѣе скорблю о томъ, что онъ умираетъ прежде времени. Дѣло идетъ не объ одной Франціи, на мигъ такъ пострадавшей отъ паденія своего и такъ много заслуженнаго паденія цезаризма. Дѣло идетъ о цѣломъ мірѣ, о народахъ наиболѣе процвѣтающихъ и торжествующихъ.

Америка, напрімѣръ, на которую мы полагали столько надеждъ и которая недавно еще такъ быстро вышла изъ такой страшной бури, каждый годъ съ радостью встрѣчаетъ приливъ, неизмѣримый потопъ низшихъ классовъ изъ Европы, которые непрестанно понижаютъ уровень ея, понижаютъ ее самую какъ расу. Германія испытала великую и гордую радость, очень естественную: она думала, что завоевала единство свое; но она завоевала его на очень жесткомъ условіи—сжаться

въ прусскомъ уложеніи, исключаящемъ все что было экспансивнаго, свободнаго и великаго въ германской натурѣ. Россія, въ работѣ великаго превращенія, выноситъ тяжелыя условія переходнаго состоянія, которыя въ мірѣ природы сопровождають великія метаморфозы, даже наиболѣе благотворныя въ цѣломъ. Англія всѣмъ, кто спрашиваетъ о ней, показываетъ цифру богатствъ своихъ все возрастающихъ, но не возвращающихъ ей молодость. Истощенная въ сельскомъ населеніи своемъ, которое есть жизненный нервъ каждаго народа, она, безъ сомнѣнія, захочетъ, по великой практической мудрости своей, прочныхъ гарантій общей федераціи запада, т. е., міра труда противъ міра войны и хищности.

Впрочемъ этотъ всеобщій упадокъ вѣка мало удивить, когда подумаютъ объ обстоятельствахъ, которыя съ рожденія его, казалось, предсказывали ему такъ мало прочности. Въ годъ рожденія его, въ 1800 г. увидѣли двойное страшное чудо. Видѣли-ли вы когда нибудь среди ночи, на желѣзной дорогѣ приближающійся къ вамъ издалика быстрый поѣздъ? Два огромныхъ глаза циклона, искры ихъ наводятъ страхъ. Это именно то, что видѣли въ 1800. Однимъ глазомъ была грозная великая армія Наполеона, опустошившая Европу и оставившая Францію истощенную, изсохшую.

Да, восклицаютъ люди гуманности; но къ счастью другимъ огненнымъ глазомъ была машина Уатта и великая армія рабочихъ, благотѣльное орудіе мира и пользы для всѣхъ. Правда орудіе это временно неисчислимыми капиталами своими служить войнѣ, служить морской тираніи; оно доставляетъ неистощимыя силы войнамъ Европы и Индіи, откуда приходитъ холера (1817) и тысячи бѣдствій. Болѣе это царство машинъ, удивительныхъ какъ средство создавать богатство, притягиваетъ и пожираетъ расы, обезлюдиваетъ деревни.

Намъ возразятъ: другой вѣкъ, восемнадцатый родился не болѣе счастливо. Онъ родился въ войнахъ Людовика XIV и голодѣ 1709, такъ же какъ XIX отъ войнъ и голода революціи. Но это не объясняетъ различіе шаговъ ихъ. Шагъ нашего колеблющійся. О, Боже мой, насколько въ сравненіи съ нимъ восемнадцатый живъ, идетъ ходко, крѣпокъ мышцами. Когда восемнадцатый вѣкъ далъ регентство, Персидскія письма Монтескье, Вольтера, движеніе его просто, онъ поднимается къ свѣту, удаляется отъ мрака среднихъ вѣковъ. Но даже и тогда, когда онъ идетъ въ ширь—энциклопедіею и Дидро—онъ все таки идетъ по тому же направленію; даже расколъ Руссо—расколъ только наружный и ведетъ вѣкъ къ той же цѣли только другимъ путемъ. Все это можетъ быть выражено однимъ словомъ: завоеваніемъ свободы.

Девятнадцатый вѣкъ—богатый и широко захватывающій вѣкъ, но онъ тяжелъ на ходу и обращаетъ взглядъ свой на фатальность. Отцы наши, хорошіе ходоки, могли иногда пройти по грязи, но тѣмъ не менѣе они поднимались, цѣпляясь за все, за страсти свои, даже за пороки и постоянно смотрѣли вверхъ. Наши напротивъ: на что направили они страсти свои? Они всегда мрачно смотрятъ внизъ, на темныя мѣста, на матеріальное, на низкую алчность.

Девятнадцатый вѣкъ, еще передъ рожденіемъ своимъ былъ уже раздвоенъ, надорванъ внутреннею борьбою среди внѣшней борьбы противъ Европы. Помѣсь христіанства, скопированная съ идей Руссо могла гильотинировать Дантона и партію природы, природа все таки осталась силой девятнадцатаго вѣка, во всѣхъ научныхъ школахъ и въ массѣ народа. Правители всѣ пристали къ противоположному тезису. И такъ вѣкъ этотъ былъ метисомъ; онъ влачилъ за собою толстый

нелѣпный хвостъ, армію животныхъ, которыя могутъ ходить только на четверенькахъ.

Школы, которыя съ различныхъ точекъ зрѣнія говорили болѣе всего о природѣ, какъ натуралисты Германіи, а здѣсь наши соціалисты, слишкомъ часто забывали, что въ природѣ наивысшее есть свобода. Неблагодарные сыны, они хвалились что рѣшительнымъ прыжкомъ въ сторону уйдутъ отъ героическаго отца своего, восемнадцатаго вѣка.

Бонапарте умеръ. Отъ желѣзнаго вѣка родился денежный вѣкъ вслѣдствіе займовъ сдѣланныхъ даже во времена мира, для армій, и для всего прочаго. Умный еврей, Олинъ-де-Родригъ, во имя Сень Симона написалъ евангеліе этой новой религіи. Евреи, которые до этой минуты составляли республику, учредили свое двойное королевство. Нѣмецкіе евреи, а позже евреи юга создали два резервуара, куда приливали капиталы. Въ то время какъ первые давали фонды для армій святаго союза, другіе служили второму Бонапарте. И такъ тезисъ мира и промышленности быстро повернулъ на службу военнымъ правительствамъ.

Фурье, болѣе опредѣленно говорившій нежели сень-симонизмъ, будетъ ли имѣть болѣе шансовъ? Онъ явился съ своими остроумными взглядами на коллективную жизнь, фаланстеръ и пр. въ ту минуту, когда арміи и фабрики внушили отвращеніе къ общежитію. Отъ него отвернулись, не спросивъ даже не было ли въ великой смѣси теоріи его чего нибудь полезнаго. Ладья его, увязшая въ пескахъ, не вышла изъ гавани.

И такъ Франція не могла породить ни одной системы, которая бы продержалась, въ то время какъ системы Германіи окончавшіяся Гегелемъ, казалось истощили ее, сдѣлали безплодной, будто именно для того, чтобы предать ее Пруссіи. Но если Франція съ точки зрѣнія философіи оказалась мало

плодовитой, за то она въ продолженіи тридцати лѣтъ свѣтила яркимъ блескомъ литературнымъ въ лирикѣ, драмѣ и романѣ. Я возвращусь къ этому и поговорю о томъ продолжительнѣе. Послѣ великихъ произведеній, во Франціи и въ Англіи получили преобладаніе журналы-обозрѣнія, а въ наше время исключительно газеты, редактируемыя съ блестящимъ жаромъ и большимъ искусствомъ.

Таковъ нашъ измѣняющійся вѣкъ. И измѣненіе его есть слѣдствіе не прихоти, но подвижности очень естественной, которая часто подготавливаетъ ему обновленія изумительной неожиданности. Кто бы могъ предсказать намъ, что Англія, такъ безплодная со временъ Байрона и повидимому вся ушедшая въ толкотню промышленности, въ формализмъ англиканства, пробудится сначала въ Ляйэлѣ и Дарвинѣ, въ такъ многихъ смѣлыхъ ученыхъ, сореовнователей Ламарка и нашихъ естественныхъ союзникахъ *). Они начали засыпать проливъ и основывать великій союзъ запада, въ ожиданіи того, что назовется будущими Соединенными Штатами Европы.

Въ продолженіи моей Исторіи Франціи и въ первыхъ частяхъ исторіи девятнадцатаго вѣка я слѣдовалъ, насколько позволяли мои силы, принципу, который я постановилъ въ 1830: что *исторія должна всегда показывать природу рядомъ съ человекомъ*, отмѣчать какіе были въ каждомъ вѣкѣ роды пищи, возбуждающія средства, лекарства. Говоря объ Аустерлицѣ, я говорилъ о болѣзни свойственной великой арміи, естественномъ послѣдствіи ея насильственной жизни, постоянно переходившей отъ недостатка къ изобилію. Я говорилъ о Бруссе, о знаменитыхъ хирургахъ того времени. Далѣе по

*) Я присоединю къ нимъ великихъ мыслителей философскихъ и политическихъ—Стюарта, Гарризмона и др.

поводу декрета, которымъ Наполеонъ запретилъ ввозъ сахара, кофе и всего что возбуждаетъ умъ, когда слабѣвшее человѣчество требовало наиболѣе этой поддержки, я говорилъ тоже о нашихъ новыхъ потребностяхъ.

Но я слишкомъ мало говорилъ о пищевомъ режимѣ вообще, который такъ много измѣнился въ нашемъ вѣкѣ. Исторія говоритъ намъ всегда о томъ какъ умираютъ, никогда о томъ какъ существуютъ. Однако каждый народъ имѣетъ свою спеціальную пищу, возрождающую его день за днемъ, которая, если можно такъ выразиться, есть ежедневный творецъ его. Для французовъ во всѣ времена пищею былъ хлѣбъ, супъ. Для англичанъ въ особенности съ 1760 г. и открытій Бакуэля, который изобрѣлъ новыя породы скота, Англія все болѣе и болѣе предалась мясу и, такъ сказать обратила его въ религію пищи. Ребенокъ, выкормленный до двѣнадцати лѣтъ мясомъ, растетъ чрезвычайно и принимаетъ яркій блескъ розы. Однако, не смотря на такую укрѣпляющую діету, Англія говорила, что томилась ею и — постоянно кричала: хлѣба; кричала до тѣхъ поръ, пока законы Роберта Пиля не принесли ей хлѣбовъ изъ Франціи, Россіи, Польши, и др.

Странное дѣло! Франція, послѣ такъ многихъ событій, несшихъ ей смерть, выпустившая изъ себя такъ много крови, видно не слишкомъ еще истощилась и предлагала кормить Англію. Послѣдняя увѣряла, будто ростъ понизился во Франціи, дѣло возможное послѣ Бонапарте; но раса оставалась въ ней болѣе сильной, чѣмъ когда либо. Крестьянинъ, плохо питавшійся, какъ говорили, могъ исполнять самыя тяжелыя работы. Изъ этого увидѣли насколько рожь есть существенная пища, хотя она и не даетъ, какъ мясо, энергію момента. Рожь въ концѣ концовъ есть кремень, впитывающійся въ растеніе, когда оно въ цвѣту, и придающій ему твердость и необычайную продолжи-

тельность питательности. Франція, это надо знать, питается отъ кремня; такая діѣта даетъ ей минутами искру, а всегда силу сопротивленія.

Англичане, съ нѣкотораго времени, очень разумно приняли смѣшанный родъ пищи и освободили себя отъ исключительной діѣты, которой они держались болѣе вѣка. Въ то же время Франція потребляетъ теперь болѣе животной пищи. Истинный прогрессъ и съ той и съ другой стороны. Прогрессъ этотъ однако нисколько не мѣшаетъ нашимъ расамъ, по крайней мѣрѣ въ буржуазныхъ классахъ, видимо упадать. Хлѣбъ, мясо конечно были бы достаточной пищей. Однако напряженная жизнь, какую ведетъ Европа, усилія моментовъ и порывовъ требуютъ тоже мгновенныхъ средствъ помощи, которыя повидимому поднимаютъ насъ надъ самими собой и придаютъ намъ чудесную силу, то, что средніе вѣка, жившіе болѣе воображеніемъ, называли пресуществленіемъ.

Алкоголь даетъ это опасное подкрѣпленіе смѣшанное съ помраченіемъ ума; кофе, напротивъ, проясняетъ умъ; и потому кофе есть благодѣтельное средство, помощникъ цивилизаціи. Онъ возбуждаетъ мысль. Табакъ заставляетъ мечтать. Табакъ — это первая летаргія усталыхъ народовъ. Послѣ Турціи, начали курить Испанія, Фландрія и Германія; потомъ французы съ 1832 г. при осадѣ Антверпена, а англичане немного позже насъ. Но я думаю, что усиленіе нравственной и умственной жизни ослабитъ эту печальную привычку, которую не знали отцы наши менѣе мрачные, менѣе нелюдимые. Конфессія, романъ, алкоголь—великіе развратители девятнадцатаго вѣка ускоряютъ еще болѣе стремленіе въ пропасть уничтоженія, куда мы, какъ вѣжется, низвергаемся.

Въ небольшой книгѣ, появившейся въ 1854 г., я говорилъ о томъ что кромѣ духовенства нашего и нашихъ от-

вратительныхъ правительствъ, зло было болѣе всего въ насъ самихъ, въ семьѣ. Бракъ очень слабъ и легковѣсенъ во Франціи; въ Германіи онъ мягокъ и добродушенъ; въ Англіи онъ лучше. Почему? Потому что домъ закрытъ *) Но во Франціи одна изъ добродѣтелей ея также страшна, какъ и пороки ея, я говорю о чрезмѣрной привязанности родителей къ дѣтямъ. Это происходитъ преимущественно отъ причины слишкомъ забытой. Со времени жестокихъ разлукъ—реквизицій республики, наборовъ Бонапарте, которые несли смерть, сердца матерей ослабѣли, и у насъ существуетъ традиція слабости, которой не знаетъ Англія. Сыновъ, котораго такъ берегутъ, такъ балуютъ, тѣмъ болѣе ничего не дѣлаетъ, изъ него не выходитъ ничего путнаго. Законы революціи, созданные для великой борьбы противъ Европы, давали всѣ преимущества молодежи, тѣмъ кто сражался. Въ наше время тѣ же преимущества остаются у молодежи, ожирѣвшей и лѣнливой, которая смѣется надъ совѣтами отцовъ и все таки наследуетъ имѣніе ихъ. Отсюда быстрый упадокъ. Поколѣнію реставраціи, еще только немного сонному, послѣдовала толстопузая молодежь Людовика Филиппа и истощенная излишествами (*petits crevés*) молодежь Людовика Бонапарте.

Нужны законы, которые возбуждали бы молодаго человѣка; потому что, какъ это вѣрно говорятъ американцы, если собственность возбуждаетъ, заставляетъ быть дѣятельнымъ, то наследственность, наоборотъ, дѣлаетъ лѣнливыми, усыпляетъ.

*) Идея Мишле о семьѣ не разъ встрѣчали серьезное опроверженіе у насъ за ту жалкую роль вѣчнаго ребенка и безсильной больной, какую онъ отводилъ женщинѣ въ семьѣ. Онъ договорился даже до того, что женщина рада правдивой плеткѣ. Замкнутость англійской семьи и подчиненность женщины сильна тормозитъ въ Англіи развитіе женщины; семья можетъ существовать только какъ прочный союзъ равноправныхъ существъ. Во Франціи таже подчиненность и безправіе женщины, а домъ открытъ только для свѣтской толпы. *Прим. перев.*

Въ то время, когда я занимался изслѣдованіемъ этикъ, нѣкоторые лица, слишкомъ много довѣрившія моему ясно-видѣнію, спросили меня: «Что думаетъ вы о будущемъ? Поднимется ли этотъ вѣкъ?» Великій вопросъ! Тѣ, которые сдѣлали его мнѣ, зная, что жизнь моя была посвящена исторіи, и думая, что прошлое заключаетъ въ себѣ настоящее, спрашивали меня: не вижу ли я нѣкоторые просвѣты лучшихъ дней, которые, быть можетъ, наступятъ.

Время всегда приноситъ намъ какой нибудь новый элементъ. Я не изъ тѣхъ плакальщиковъ, которые въ каждомъ вѣкѣ воображаютъ, будто наступаетъ конецъ міра. И какая земля будетъ настолько свѣжа, чтобы порождать еще? Австралійская-ли, которую ежедневно поднимаютъ кораллы? Великая-ли Америка, которая носитъ образъ второй Европы, которая есть болѣе подражаніе Европы, нежели помолодѣвшая Европа? Концентрація наукъ, открывающая съ каждымъ днемъ взаимныя отношенія ихъ, приведетъ ли она къ идеѣ-матери, отъ которой родится новая вселенная? До сихъ поръ этого не видно.

Европа, говорятъ, дряхла. Но и въ кажущейся дряхлости своей она носитъ въ себѣ болѣе молодости, нежели вся остальная земля. Жизненное электричество ея, дѣлающее ее такъ подвижною, даетъ ей силу обновляться умомъ, а умъ въ свой чередъ, придаетъ неслыханную энергію волѣ. Пусть появится великая идея, воля устремится къ ней и съ нею создастъ міръ. Нѣтъ другаго способа созданія. Какая идея родилась? Идея ассоціаціи воли людей, душъ ихъ въ свободѣ. Она родилась и возрождалась три раза въ столѣтіе и всегда черезъ Францію. Почему? Франція, такъ скоро забывающая, не умѣетъ ненавидѣть, она всегда симпатична, что бы ни происходило съ нею. Она не даетъ себѣ, какъ другія страны, засохнуть, ожесточиться, сдѣлаться бесплодною въ ненависти. Въ прошедшемъ

вѣкъ она такъ мало ненавидѣла Англію, что подражала ей, создала новую Англію въ Америкѣ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ она, вмѣсто того чтобы ненавидѣть Германію, питаетъ горячія желанія, чтобы страна эта была истинной Германіей, великой и свободной *).

*) Въ другомъ предисловіи я попытаюсь пополнить пробѣлы этого съ точки зрѣнія науки, искусства и религіи.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Франція. Италія. Россія.

I.

Новое правленіе Нѣтъ болѣе законовъ. Люди. Выборъ служащихъ.

18 Брюмера имѣло дѣйствіе большаго сраженія, которое выиграла бы коалиція. До сихъ поръ англичане были уstraшены положеніемъ дѣлъ. Послѣ капитуляціи Голландіи и пораженія при Цюрихѣ, они думали, что Массена бросится на Германію. Они погнались за Суворовымъ, умоляя его пріостановить свое быстрое отступленіе, предлагая ему армію, которой обѣщали уплачивать жалованье. Но онъ былъ слишкомъ недоволенъ, также какъ и его государь—русскій царь. Онъ удалился въ Россію.

Время года было правда позднее. Но французы, взявшіе Амстердамъ и побѣдившіе голландскій флотъ на льду въ январѣ мѣсяцѣ, не остановились бы, по дошли бы пожалуй до

Вѣны. Побѣдилъ ли эрцгерцогъ Массену и его молодую армію, воодушевленную блестящимъ началомъ? Этого нельзя было знать. Правда Массена, ничего не получавшій изъ Франціи долженъ былъ голодать. Но онъ могъ пройти изъ Швейцаріи въ Баварію, въ земли еще нетронутыя. Извѣстіе о Брюмерѣ остановило его движеніе.

Западня эта была бы невозможною если бы англичане не задержали четыре мѣсяца обвинительное письмо Клебера, писанное имъ 24 сентября о *быстрѣ изъ Египта* и о томъ ужасномъ состояніи арміи, въ которомъ покинулъ ее Наполеонъ. Письмо это захваченное на морѣ, было сохранено англичанами въ секретѣ до тѣхъ поръ, пока они надѣялись, что Наполеонъ возстановитъ Бурбоновъ, и пока они полагали, что консульство было лишь переходною ступенью къ тому, чтобы вѣрнѣе очистить путь для возвращенія короля. Гойе, этотъ честный человѣкъ, но жена котораго была дружна съ Жозефиною, подтверждаетъ, что Бонапарте дѣлалъ предложенія Людовику XVIII, конечно лишь для того, чтобы вначалѣ поводить за носъ роялистовъ. Питтъ еще не вышелъ изъ министерства, но въ дѣйствительности дѣлами уже управлялъ Аддингтонъ. Георгъ и Аддингтонъ были увѣрены, что Наполеонъ будетъ слишкомъ счастливъ тѣми богатствами, которыми надѣлилъ бы его Людовикъ XVIII. Англичане были не въ состояніи понять Францію; они не постигли того, что въ десять лѣтъ она пережила столѣтія и потому считали реставрацію возможною и совершенно естественною. Французы также мало понимали Англію и ту великую революцію, которую произвела въ ней промышленность. Словомъ, они ничего не видѣли передъ собою и борьба велась въ непроглядномъ мракѣ.

Доказательствомъ того, на сколько сомнителенъ былъ успѣхъ 18-го Брюмера служитъ то, что онъ зависѣлъ отъ услужли-

вості англичанъ, отъ желанія ихъ сохранять въ тайнѣ письмо Клебера; а также отъ неподвижности Массены, отъ его добровольнаго согласія не двигать свою армію на Парижъ. Армія эта въ 80.000 человекъ, сформированная почти цѣликомъ изъ послѣдняго набора, воодушевляемая горячностью 20-ти лѣтнихъ юношей, съ тою-же страстью пошла бы въ битву за республику, съ какою шла противъ русскихъ. Бонапарте не смѣлъ написать правду, онъ подослалъ къ Массенѣ ловкихъ обманщиковъ, которые увѣрили его, будто событіе брюмера было вызвано лишь желаніемъ спасти республику. Массена писалъ, что, «вѣрный республикѣ, онъ считаетъ своею славою служить ей всѣми силами и будетъ цѣнить высоко уваженіе Бонапарте». Три дня туда и три дня обратно. Шесть, семь дней спустя, Бонапарте могъ успокоиться, онъ получилъ письмо довѣрчиваго простяка Массены, узналъ, что Массена останется въ Швейцаріи и что Брюнъ, который немного продвинулся къ Парижу, не выйдетъ изъ Голландіи. Тогда совершенно успокоенный, онъ рѣшился на то, чего ожидали англичане и эмигранты,—на изгнаніе якобинцевъ.

Въ этомъ дѣйствіи, безъ сомнѣнія вынужденномъ, онъ сдѣлалъ одну вещь рискованную, неосторожную. Въ числѣ тысячи неизвѣстныхъ именъ онъ подвергъ изгнанію Журдана. Генералъ этотъ, въ извѣстномъ отношеніи, генералъ завала героевъ древняго міра за великія воспоминанія о Ватиньи и Флерусѣ; онъ остался патріотомъ и въ эти времена, и былъ замѣчательно ненавистенъ коалиціи за предложенный имъ законъ о рекрутскомъ наборѣ, который ему и удалось провести. То было великое торжество, потому что наборъ этотъ въ первый же годъ создалъ армію, двѣ побѣды: надъ англичанами и русскими. Первые сохранили злобное чувство противъ Журдана за свое пораженіе, и партія эмигрантовъ, болѣе преданная Англіи чѣмъ Фран-

ции, должна была, въ угоду ей, конечно, выпросить у Бонапарте это нелѣпое, неполитичное изгнаніе больнаго генерала, преждевременно одряхлѣвшаго, не бойкій умъ котораго не могъ внушать новой власти никакихъ опасеній. Въ спискѣ рядомъ съ именемъ Журдана были помѣщены якобинцы, имена которыхъ вызывали мрачныя воспоминанія, между прочимъ имя Фурнье, американца, одного изъ убійцъ и главнаго дѣятеля страшныхъ дней. Недостойное оскорбленіе для Журдана и для великихъ республиканскихъ воспоминаній вызываемыхъ его именемъ. Впрочемъ, неодобреніе даже приверженцевъ своихъ заставило Бонапарте задуматься и онъ созналъ, что этимъ неосторожнымъ поступкомъ онъ объявляетъ себя роялистомъ и даетъ поводъ говорить, что онъ мститъ за коалицію въ лицѣ человека создавшаго наборъ. Онъ вычеркнулъ имя Журдана и съ тѣхъ поръ старался удачнѣе сохранять нейтралитетъ, представляя изъ себя безпристрастнаго посредника партій. А до этого времени сколько было противорѣчій въ его поступкахъ, сколько мрака и смущенія! Не онъ, а его братья съ ихъ зятемъ Бернадоттомъ подняли клубъ якобинцевъ въ манежѣ и прогнали Ла-Ревельеръ-Лепо, какъ недостаточно яраго якобинца. А Бонапарте 18-го Брюмера ссылался лишь на необходимость противостоятъ якобинцамъ, ихъ мнимому заговору. Въ дѣйствительности же 18-е Брюмера сдѣлалъ Люсьенъ, якобинецъ и патріотъ, ради того чтобы, какъ онъ говорилъ, остановить заговоръ якобинцевъ. Никто ничего не понималъ въ этой путаницѣ. Роялисты полагали, что все дѣлалось ради нихъ. Въ сущности Бонапарте мнѣ опирался на роялистовъ, желавшихъ возстановленія династіи бурбоновъ, чѣмъ на quasi—роялистовъ т. е. на всю массу, господствующую надъ Парижемъ, на богатыхъ, на друзей порядка, на банковыхъ и торговыхъ дѣльцовъ; въ

общемъ этой толпѣ было все равно: какое ни существовало правительство, но она надѣялась, что монархическая магистратура, управляемая твердою военною рукою, вѣрнѣе обезпечить покой и сама по себѣ будетъ вѣрнѣе. Многіе думали, что Бонапарте создастъ себѣ славу, подражая великому американцу тогда умершему, Вашингтону, въ память котораго онъ устроилъ погребальное торжество.

Бурьень говоритъ, что Бонапарте съ самаго начала не довѣрялъ роялистамъ, хотя и былъ къ нимъ расположенъ; онъ предпочиталъ замѣщать мѣста революціонерами, увѣренный, что эти, по крайней мѣрѣ, не захотятъ призвать бурбоновъ. Одно вѣрно, что въ началѣ консульства, Бонапарте устранивъ все, что обезпечивало конституцію, желалъ повидимому оправдать слова одного депутата: «наша конституція самая лучшая; она написана въ сердцѣ великаго человѣка».

При такомъ правительствѣ все зависѣло отъ выбора чиновниковъ, изъ которыхъ каждый располагалъ огромною властью.

Для такого выбора необходимо было знать всѣхъ общественныхъ дѣятелей послѣднихъ лѣтъ, занесенныхъ въ избирательные списки Сіесомъ, который переписалъ, для своихъ плановъ, всѣхъ извѣстныхъ личностей революціи. Но у Бонапарте была другая мысль. Не довѣряя роялистамъ, ужасаясь (такъ онъ выражался) якобинцевъ, онъ по необходимости долженъ былъ ощущать нѣкоторыя затрудненія. Онъ спрашивалъ списки, совѣтывался съ приближенными, вообще мало достойными довѣрія, большею частью посредственностями довольно легкомысленными, въ родѣ Бурьена, благодаря которому и сохранилась часть этихъ списковъ. Въ нихъ мы видимъ то, чего казалось нельзя было ожидать; что большинство рекомендованныхъ личностей были представлены ему

какъ *патріоты*, даже какъ *республиканцы*, но республиканцы умѣренные, патріоты безличныя, весьма мало извѣстные и которые своею репутаціею неспособны были *испугать* какую бы то ни было *партію*. Одинъ изъ нихъ, бывшій комиссаръ, доказалъ чѣмъ онъ могъ быть на болѣе высокомъ посту, (это Дюбуа, префектъ полиціи). Другой, которому Бонапарте довѣрилъ префектуру Сены, обладалъ всѣми достоинствами; главною заслугою его было то, что онъ служилъ въ полиціи при Карно; онъ былъ другомъ, неразлучнымъ совѣтникомъ Кошонъ-де-л'Апарана. Роялизмъ не вредилъ имъ въ глазахъ Бонапарте, такъ какъ ему представлены были Шово-Лагардъ, Реньо де Санъ-Жанъ д'Анжели, которые 13 вандемьера предводительствовали отрядами инсургентовъ.

Выборы дѣлались постепенно, на удачу. Въ дѣйствительности-же, большинство и бѣлыхъ и красныхъ совершенно потеряли всякую окраску; они дорожили мѣстами и жалованьемъ, которое новое правительство, выставлявшее себя такимъ защитникомъ экономіи, значительно увеличило. Безличность этихъ чиновниковъ, ихъ добродушіе вначалѣ службы, простота жизни перваго консула, казались отлично рассчитанными на то, чтобы усыпить общественное мнѣніе. Всякіе республиканскіе порывы стихли.

Большинство торговцевъ было скорѣе въ восхищеніе отъ той неясности, которая господствовала надъ всѣмъ. Бонапарте представлялъ собою образецъ скромной, буржуазной жизни, какую можетъ вести общественный дѣятель. Воскресные дни онъ проводилъ въ деревнѣ въ семейномъ кругу съ женою и дѣтьми своей жены, Евгеніемъ и Гортензіею, которыхъ онъ очень любилъ. Онъ спалъ съ Жозефиною, которая, помирившись съ нимъ, была очень довольна этою близостью, получивъ возможность содержать цѣлый дворъ благородныхъ нищихъ—

эмигрантовъ, привязанныхъ къ ней и всюду прославлявшихъ ся доброту. Въ теченіе недѣли единственнымъ развлеченіемъ Бонапарте были вечернія прогулки въ обществѣ секретаря Бурьена, Дюрока и другихъ; онъ отправлялся или въ общественный садъ, или въ торговыя улицы, заходилъ въ лавки, стараясь узнать общественное мнѣніе. Однажды онъ рѣшился спросить: «А что же дѣлаетъ этотъ шутъ Бонапарте?» Торговка была возмущена такою неуважительною рѣчью о первомъ консулѣ и почти вытолкала его за дверь; онъ былъ въ восхищеніи.

При такомъ спокойствіи умовъ, письмо Клебера, столь долго задержанное англичанами и которое они наконецъ предали гласности, не произвело ни малѣйшаго дѣйствія. Оглашенное во время, оно погребло бы Бонапарта въ безднѣ стыда; но оглашенное такъ поздно, оно почти не читалось. Гораздо охотнѣе читалась безстыдная прокламація Бонапарте, которую онъ приказалъ выставить повсюду. Въ ней онъ предписывалъ солдатамъ *имѣть довѣріе къ Клеберу*; такъ что тѣ, которые не читали письма, были далеко отъ мысли, что оно содержало въ себѣ обвиненіе.

Бонапарте дѣлалъ четыре мѣсяца потѣшался простоватою довѣрчивостію роялистовъ и новаго англійскаго министерства. За это время онъ пустилъ въ ходъ послѣдній механизмъ, который онъ назвалъ конституціею VIII года.

Такъ много говорили о *дефицитѣ*, въ которомъ обвиняли директорію, что общимъ желаніемъ было видѣть въ главномъ правителѣ строгаго счетчика и неподкупнаго раскладчика. Его сухая виѣшность соотвѣтствовала такому представленію. Многіе изъ его портретовъ того времени напоминаютъ изображеніе скупаго, и онъ ничѣмъ не пренебрегалъ для пріобрѣтенія репутаціи строгаго расходчика общественнаго капитала.

Онъ заставлялъ думать, что не смотря на множество занятій, у него доставало времени провѣрять счета, смѣты, открывать ошибки въ итогахъ. Администрація была строгая, но весьма дорогая, благодаря большимъ окладамъ, открытію новыхъ должностей общихъ сборщиковъ и цѣлой массы чиновниковъ. Бонапарте уничтожилъ прогрессивный заемъ, утвержденный директоріею, уменьшилъ платежи богатыхъ, такъ что тяжесть налоговъ всецѣло обрушилась на бѣдныхъ. Главнымъ банкирамъ онъ разрѣшилъ открыть французскій банкъ; фондъ этого банка состоялъ изъ 30 милліоновъ; но Наполеонъ позволилъ банкирамъ выдать облигаціи на 60 милліоновъ и тѣмъ одержать верхъ надъ торговцами, которые не имѣли права выдавать бумаги вмѣсто денегъ, или изготовлять бумажные деньги. Вся финансовая администрація была организована консуломъ Лебренемъ и Гюденомъ (герцогомъ Газты).

Ничего новаго, ни оригинальнаго не представляла эта новая конституція, ничего такого, что бы не было заимствовано у Людовика XIV или у римской имперіи. Префекты Цезаря, или уполномоченные Рипелье и Кольбера назначены въ префектуръ каждаго департамента. «Вездѣ, говоритъ самъ Бонапарте, эти префекты разыгрываютъ роль маленькихъ консуловъ». Писатели разныхъ направленій: Гойе, Барни и Дювержье-де-Горанъ, подробно описали и оцѣнили эту конституцію. Она сосредоточивалась въ одной личности—перваго консула. Другіе два консула, Лебрёнъ и Камбасаресъ, имѣли лишь совѣщательные голоса. Камбасаресъ былъ однимъ изъ тѣхъ законониковъ, которые готовы поддерживать всякую власть. Лебрёнъ былъ однимъ изъ помощниковъ государственнаго казначея Мопу, создавшаго брюмеръ Людовика XV—банкротство.

Такова была *исполнительная* власть; она была вся въ рукахъ Наполеона. Что касалось *законодательной* власти, то

она представляла настоящую машину Марли съ тремя колесами, поставленными одно на другое. Трибуналь, который обсуждалъ не вотируя; законодательный корпусъ, который вотировалъ, не обсуждая; корпусъ этотъ былъ назначаеми изъ списка нотаблей, которые могли быть вновь избираемы до безконечности; наконецъ сенатъ, первые члены котораго были назначаемы консулами.

Но самымъ важнымъ было то, что судьи уголовные и гражданскіе были назначаемы первымъ консуломъ, который оказывался черезъ это главнымъ распорядителемъ имуществъ и жизни всѣхъ французовъ.

Слѣдовательно, нѣтъ больше выборовъ, нѣтъ народнаго представительства. Никакого участія народа въ составленіи законовъ. Словомъ вмѣсто народа—*одинъ человекъ*.

Въ административной организаціи тотъ же произволъ. Законъ исходилъ изъ того положенія, что община, округъ, департаментъ неспособны имѣть сужденія не только въ дѣлахъ государства, но и въ своихъ собственныхъ; слѣдовательно, ихъ всегда слѣдуетъ держать подъ опекой пачальнической мудрости. Необходимо, чтобы эта мудрость господствовала лишь въ самомъ центрѣ управленія. Нѣтъ болѣе мѣстной жизни. Во всемъ должно было ожидать толчка сверху, которой передавался зависимыми и смѣняемыми чиновниками. Все это давало поводъ предполагать, что въ центрѣ находился свѣтлый дѣятель или умъ, который могъ дѣйствовать самъ по себѣ, мыслить одинъ за весь народъ, отвѣчать мысли, выраженной Сіесомъ, быть можетъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи: на другой день послѣ 18 брюмера Сіэсъ сказалъ: «Не нужно забывать, господа, мы имѣемъ господина, который умѣетъ все дѣлать, который можетъ все дѣлать и который хочетъ все дѣлать».

Въ этой великолѣпной машинѣ противоестественнаго произрожденія, случайныя власти порождали другъ друга безъ всякаго права, безъ причины, безъ необходимости, на основаніи одного лишь предположенія о существованіи власти, которой ничто не могло противодѣйствовать. Но существовала ли сила этой власти, или была она только воображаема? Армія предполагала, что власть заключается въ народѣ, а народъ думалъ, что она въ арміи. Парижъ представлялъ себѣ Наполеона, окруженнаго военною силою, невидимыми легіонами. Но нѣтъ сомнѣнія, если бы заставили высказаться арміи Брюна и Массены, то онѣ высказались бы за республику, противъ неограниченной власти. Съ другой стороны масса роялистовъ и полу-роялистовъ, послѣ убійства Фротте непременно высказались бы тоже противъ Бонапарте. Изъ этого видно, что 18 брюмера, опираясь на ложь мнимаго единодушія, въ сущности не имѣло опоры въ выдающихся личностяхъ обѣихъ партій, а нашло ее въ большомъ числѣ купцовъ и банкировъ, т. е. въ сторонникахъ порядка во что бы то ни стало; богатые боялись, чтобъ наконецъ не установили справедливости въ налогахъ, а Бонапарте удалось ихъ успокоить на первыхъ порахъ отмѣною займа или прогрессивнаго налога. Этотъ классъ людей, исключительно занятый своими денежными дѣлами, замѣтилъ строгость правленія только по многочисленнымъ изгнаніямъ, которыми подверглось множество лицъ, безъ всякаго повода по одному только подозрѣнію въ заговорахъ; изгнанія эти продолжались послѣ брюмера до самаго конца года.

Никто не вспомнилъ о словахъ сказанныхъ Люсьеномъ въ ночь на 19 брюмера нѣкоторымъ депутатамъ, которые собрались, какъ послѣдніе представители законодательнаго корпуса: «Что послѣ трехъ мѣсяцевъ новые правители дадутъ отчетъ

націи.» Никто не вспомнилъ, что нужно чтобы народъ далъ предварительно согласіе свое для того, чтобы они имѣли право повиноваться конституціи *).

Эта жалкая конституція, еще до своего окончанія, была уже упразднена на западѣ, въ департаментахъ Нормандіи, Вандеи, дикою прокламаціею, которая передавала солдатамъ и покорнымъ жителямъ имущества непокорныхъ общинъ и дробила ихъ при томъ на мелкіе участки, чтобы создать множество мелкихъ собственниковъ (еще болѣе жадныхъ). Бонапарте проявилъ особенно личную, страшную горячность въ усмиреніи вандейцевъ. Ихъ начальникомъ въ то время былъ храбрый Фротте, который не разъ изъ рошъ Нормандіи дѣлалъ удачныя нападенія въ глубь Нормандіи. Онъ издалъ противъ Бонапарте сатирическую прокламацію, вѣрную до жестокости; приложенная гравюра изображала великаго человѣка въ обморокъ падавшаго на руки своихъ гренадеровъ. Фротте былъ вызванъ обѣщаніемъ помилованія и подъ какимъ-то предлогомъ разстрѣлянъ.

II.

Борьба Франціи и Россіи. Нельсонъ и Суворовъ въ Италіи.

Исторія представляетъ иногда крайнія разногласія, столкновенія противоположностей, какъ бы каррикатуры, когда народы, совершенно различные по генію, по привычкамъ, случайно сталкиваются, благодаря войнамъ или политическимъ

*) Лучшій писатель о конституціи VIII г., т. е. о пораженіи Франціи—это Готье; прибавьте современныхъ: Барни, Дювержье-де-Горанна, Гамеля и Панфре, который очень подробно и ясно говоритъ о ней.

причинамъ. Такое столкновѣніе произошло на рубежѣ двухъ столѣтій (99 г.—1800 и 1801 г.) когда, къ вѣковой борьбѣ между Франціею, Англіею и Германіею присоединилось новое лицо — Россія.

Не Россія, которая управлялась Екатериною, а Россія съ царемъ Павломъ во главѣ, съ Суворовымъ полководцемъ.

Павель, характеръ полный противорѣчій и причудъ, но добрый, чувствительный и великодушный, преданный закону и любившій правду, стремился возстановить справедливость на землѣ, ради этой цѣли, былъ готовъ на всякія жертвы.

Сперва онъ довѣрился эмигрантамъ, воображая, что они представители настоящей Франціи, и всталъ на ихъ сторону. Сестрѣ Маріи Антуанеты, неаполитанской королевѣ, удалось его заинтересовать, и Павель послалъ въ Италію сто тысячъ человѣкъ съ храбрымъ Суворовымъ во главѣ; поражая все на своемъ пути, эта армія была побѣждена Массеною подъ Цюрихомъ.

Недовольный союзниками, которые оказали ему весьма плохую поддержку, Павель взглянулъ на умиротворенную Францію; затѣмъ онъ взглянулъ на Европу, гдѣ всѣ морскія державы жаловались на англичанъ.

Ихъ тиранія на морѣ, ихъ насилія въ Индіи и въ другихъ отдаленныхъ странахъ представляли рѣзкую противоположность съ замѣчательно степенными, правильными привычками, которыя усвоивала тогдашняя промышленная Англія. Въ этой странѣ великихъ контрастовъ, нравы и различный образъ жизни создали въ дѣйствительности двѣ народности, изъ которыхъ вторая, на морѣ и въ мало знакомыхъ областяхъ, сохранила дикую необузданность. Идея владычества ввружила головы англичанъ и они проявляли свою необузданность не только въ Индіи, но и относительно всѣхъ, кого встрѣ-

чали на морѣ. Несчастье грозило всѣмъ слабымъ и невооруженнымъ народамъ, надъ которыми англичане такъ легко брали перевѣсъ, достижимый при другихъ условіяхъ лишь цѣною мужества и смертельной борьбы. Несчастье постигало маленькія державы, которыя въ виду англійскаго корабля должны были подчиняться постыднымъ осмотрамъ, часто всевозможнымъ униженіямъ! Все это дѣлалось подъ предлогомъ безопасности Англіи, даже въ самыхъ отдаленныхъ моряхъ.

Мы уже видѣли, что необходимость постоянного набора для содержанія большой арміи въ нездоровомъ климатѣ, убійственномъ и для нравственной природы человѣка, какъ напр. климатъ Индіи, вынуждало не только на ужасающіе расходы и взысканія, но заставляло относиться снисходительно ко многому, что вызывало болѣе всего негодованіе самихъ туземцевъ. Я говорилъ объ этомъ въ одномъ изъ примѣчаній второго тома. Военныя вакханаліи въ могилахъ, ночныя пиршества и другія безобразія, какъ напр. постановка кавалеріи въ обширномъ кладбищѣ Акбара, все это повторилось въ Европѣ при сумасшедшихъ празднествахъ, устроенныхъ въ честь Нельсона на древнихъ развалинахъ городовъ, которые раскапывались около Неаполя. Въ письмахъ самого Нельсона видно то презрѣніе, которое суровый морякъ высказывалъ относительно Италіи въ отвѣтъ на ея пріемъ, и сужденіе его объ этомъ геніальномъ народѣ. Италія отомстила ему однимъ лишь обаяніемъ своимъ. Благодаря ей, обнаружилась его дикая грубость и необузданность, до этихъ поръ не выходившая изъ границъ. Портреты его и въ особенности прекрасное изображеніе его изъ воска, представляютъ его маленькимъ человѣчкомъ съ жесткимъ и спѣсивымъ видомъ, что рѣдко встрѣчается у настоящаго героя.

Онъ былъ сыномъ министра и остался на всегда истымъ

англиканомъ. Получивъ при Абукирѣ рану, которую онъ считалъ опасною, онъ призвалъ духовную помощь, но потребовалъ для этого священника своей церкви. Затѣмъ въ Неаполѣ онъ неожиданно испыталъ странное перерожденіе. Сто разъ уже передавали эту сцену, если хотите живописную, но въ сущности постыдную и жалкую. Среди оглушающаго шума своего торжества, онъ попался въ самую недостойную ловушку, увлеченный падшей женщиной, Эммой, извѣстной въ проституціи своимъ циничнымъ пахальствомъ. Ей было сорокъ лѣтъ, она была полная женщина, еще красивая. Формы ея, близкія къ античному, понравились антикварію Гамильтону, шотландскому шуту, который нашелъ очень забавнымъ жениться на ней (хотя онъ былъ посланникомъ Англіи). У ней былъ талантъ къ мимикѣ, который она показала, разыгравъ при встрѣчѣ Нельсона сцену восторга, преувеличивъ свою роль до того, что упала въ обморокъ въ его объятія. Онъ былъ увлеченъ и слѣдовалъ за нею, какъ собака слѣдуетъ за своимъ господиномъ. Онъ, бывши до этихъ поръ очень разсудительнымъ челоуѣкомъ, теперь тѣмъ съ большею силою предался безумію. Подъ вліяніемъ этой преступной связи, онъ какъ сумасшедшій писалъ о своемъ счастьи всему свѣту, даже лордамъ адмиралтейства, этому корпусу старыхъ моряковъ, которые должно быть ничего не могли уразумѣть въ этомъ унизительномъ безуміи.

Что болѣе всего поражаетъ въ его письмахъ, это негодованіе его на нравы Неаполя, который онъ глубоко презираетъ. Онъ не зналъ, что испорченность большихъ городовъ юга, смѣшанная съ искусствомъ, даже съ высокою культурою, менѣе пагубна для души, чѣмъ мрачная и грязная испорченность сѣвера, чѣмъ пороки варваровъ. Неаполь и то, что нѣкогда называлось великою Греціею, кромѣ искусства имѣетъ

еще и серьезныя стороны, юридическій и метафизическій геній; это страна Архитаса, Архимеда, Пифагора, Вико и др. Въ восемнадцатомъ столѣтіи, итальянцы, ученики нашихъ философовъ, не обладали ироніею, но выказали замѣчательную кротость, которая приводитъ въ умиленіе, когда размышляешь о судьбѣ ихъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ какое удивительное равновѣсіе, какая гармонія характера! *).

Походъ неаполитанскаго короля и его генерала Мака въ Римъ былъ шутовскою выходкою, надъ которою всѣ потѣшались. Нельсонъ, бывшій въ то время въ Неаполѣ, могъ убѣдиться, что въ этомъ городѣ соединились въ эту минуту цѣлыхъ два города, совершенно противоположныхъ одинъ другому; независимо отъ плебеевъ, населявшихъ портъ, ханжей, испорченныхъ нравственно, существовалъ еще большой цивилизованный городъ, совершенно не похожій на другой—варварскій. Не смотря на различіе обоихъ городовъ, нижній городъ слѣдилъ за тѣмъ что дѣлалъ другой Неаполь и, когда онъ увидѣлъ, что послѣдній отдался отъ Нельсона, то и онъ поступилъ точно также. Нельсонъ очутился одинъ.

Горсть французовъ подъ предводительствомъ Шампіоне находилась вблизи Рима и, безъ всякихъ затрудненій, разбила большую армію Мака. Король первымъ обратился въ бѣгство, а генералъ Макъ, которому на возвратномъ пути угрожали лазарони, былъ счастливъ найти пріютъ въ лагерѣ самого Шампіоне. Король и его сокровище, королева, были перевезены Эммою на корабляхъ Нельсона и высажены въ безопасномъ мѣстѣ въ Палермо.

*) Она особенно поражаетъ въ одномъ молодомъ человѣкѣ, ихъ воспитанникѣ, который не могъ выполнить своего назначенія; я говорю о Паоли, который въ глазахъ какъ французовъ, такъ и англичанъ, казался идеаломъ челоѣческаго совершенства. Среди дикихъ противорѣчій своей родины онъ выказалъ столько покорнаго терпѣнія и кротости.

При этомъ случаѣ можно было убѣдиться въ кротости итальянцевъ, которая какъ нельзя болѣе согласовалась съ великодушiемъ французовъ. Когда настоящiе неаполитанцы приняли французовъ, какъ гостепрiимные хозяева, все было пощажено, ко всему отнеслись съ уваженiемъ. Шампионе, не получавшiй ничего изъ Францiи, былъ принужденъ обложить Неаполь выкупомъ (чтобы прокормить своихъ); тѣмъ не менѣе его обожали. Дѣла приняли другой оборотъ, когда съ одной стороны англичане, съ другой стороны разбойники дикой Калабрiи, подосланные кардиналомъ Руффо, привезли обратно въ городъ королеву съ ея кровожадной любимицей Эммой. Последняя старала отъ желанiя отмстить итальянскимъ дамамъ за ихъ насмѣшки надъ нею и надъ ея постыдными обязанностями по отношенiю къ королевѣ. Сохранившiяся бюсты ея ужасають порочнымъ и злобнымъ выраженiемъ лица; передъ ними блѣднѣетъ образъ Мессалины.

Въ Неаполѣ шелъ тогда настоящiй пиръ безобразiй, насилiй; различiе національностей усиливало впечатлѣнiе омерзительными противоположностями: Англiйскiе моряки, протестанты соединились съ разбойниками фанатиками, которые въ корзинахъ съ фруктами приносили адмиралу головы республиканцевъ. Эмма требовала казней и предписывала ихъ Нельсону. Несмотря на капитуляцiю, французскiе плѣнники не избѣгли бы печальной участи, если бы тому не воспротивился начальникъ русскаго флота. Тогда обѣ кровожадныя самки доставили себѣ наслажденiе убивать великихъ патрiотовъ Неаполя, избранныхъ людей Италии. Онѣ совершали свои убiйства самымъ подлымъ образомъ не на итальянской землѣ, а на англiйскихъ корабляхъ, подъ реей Нельсона. Впрочемъ послѣднiй поступалъ, какъ пьяный; онъ былъ чуждъ самой Англiи, отказался исполнять предписанiя своихъ начальниковъ,

которые посылали его въ другое мѣсто; онъ отвѣчалъ имъ, что останется въ Неаполѣ, чтобы покровительствовать королевѣ.

Между тѣмъ императоръ Павелъ, котораго неаполитанская королева умоляла о помощи, послалъ ей не только флотъ, но и большую армію подъ предводительствомъ храбраго и пылкаго Суворова, который воспользовался нашей малочисленностью и одно время сталъ властителемъ всей Италіи. Эти временныя успѣхи безъ всякаго результата, подобно предшествующимъ успѣхамъ Шампіоне, могутъ быть рассказаны другими. Послѣ Нови, гдѣ былъ убитъ Жуберъ, Суворовъ стоялъ на высотѣ своей славы, героемъ въ глазахъ русскихъ и всей ретроградной партіи въ Европѣ; но плохо поддержанный Австріею, онъ вслѣдъ затѣмъ потерпѣлъ кровавое пораженіе при Цюрихѣ отъ арміи Массены. Эта многосложная битва, которая разыгрывалось на разныхъ театрахъ войны, можетъ быть объяснена только при помощи картъ и комментаріевъ военныхъ писателей. Всѣ говорятъ, что въ этомъ сраженіи русскій герой былъ такъ же великъ, какъ нашъ былъ ловокъ. Рассказываютъ, что доведенный до крайности, имѣя противъ себя голодъ, снѣгъ и неумолимые Альпы, преграждавшіе ему путь со всѣхъ сторонъ, онъ сказалъ своимъ солдатамъ: «копайте мнѣ могилу, я дальше не пойду. Я хочу здѣсь умереть». Эти слова тронули русскихъ. Они устояли, унесли своего стараго генерала и, не смотря на громадныя потери, перешли страшныя ущелья и шагъ за шагомъ отступили.

III.

Походъ въ маѣ 1880 г. Переходъ черезъ большой Сень-Бернардъ. Голодъ въ Генуѣ. Массена покинуть.

Бонапарте полагалъ, и не безъ основанія, что, завладѣвъ управленіемъ Франціи путемъ неожиданнаго удара, онъ могъ укрѣпить за собою власть только рядомъ другихъ такихъ же ударовъ, которые должны были держать Францію въ состояніи полу-сна, когда люди видя самыя естественныя вещи и не разглядѣвъ хорошо ихъ причину, говорятъ: «мы не понимаемъ». Этотъ изобрѣтатель чудесъ, рожденный отъ суетвѣрной корсиканки, оставался всю жизнь вѣренъ этой системѣ геніальныхъ фокусовъ и становился страшнымъ для тѣхъ, кто слѣдилъ за нимъ слишкомъ внимательно. Такимъ онъ явился въ брюмерѣ, когда не смотря на деньги Колло и нахальное хвастовство любимца «бога войны и фортуны», обнаружили штуки неловкаго фокусника. Прибавьте къ этому смѣшной моментъ, когда въ припадкѣ слабости онъ упалъ на руки своихъ гренадеровъ, — сцена весьма забавная для воинственнаго громовержца. Фротте выбралъ ее для кроваво-оскорбительной иллюстраціи, за которую онъ и поплатился жизнью.

Все это дѣлало необходимымъ для героя прославиться какимъ-нибудь чудомъ, войною, счастливою побѣдою, которая подняла бы его въ глазахъ толпы и на долго бы овладѣла умами. Случай для этого былъ на лицо. Англичане, которымъ роялисты надавали столько ложныхъ обѣщаній за счетъ Бонапарте, видѣли себя обманутыми и, при помощи громадныхъ денежныхъ жертвъ, покрыли моря своими кораблями; они считали, что Генуя, Тулонъ и Марсель уже въ ихъ ру-

кахъ. Съ другой стороны Геную осаждало австро-венгерское населеніе Дуная, наводнившее Италію. Если бы наши войска не удержались въ Генуѣ, то Провансъ и область Роны вскорѣ сдѣлались бы жертвою непріятеля. На всемъ югѣ Франціи господствовала паника между патріотами и владѣльцами общественныхъ имуществъ; вторженіе непріятеля грозило имъ общею рѣзней. Взоры ихъ были обращены на Геную, гдѣ Массена съ восемнадцатью тысячами человѣкъ держалъ въ своей рукѣ якорь спасенія Франціи. Если бы рука его ослабѣла, все было кончено. Его хорошо знали и вѣрили, что онъ будетъ держаться въ Генуѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи дать своимъ солдатамъ кусокъ хлѣба; попытки Бонапарте обезчестить его въ 98 году и обмануть въ брюмерѣ 99 г. не могли испортить его репутаціи.

И такъ надежда того, кто только что убилъ республику, заключалась въ республиканскимъ героѣ и въ двухъ личностяхъ, которыя тоже не безъ причины были имъ недовольны: Моро и Карно. Моро онъ упизилъ, назначивъ его въ брюмерѣ тюремщикомъ директоріи. Карно, покровитель его, въ отношеніи котораго онъ выказалъ такъ много неблагодарности въ фруидиторѣ,—Карно согласился занять мѣсто военнаго министра *). Онъ сдѣлалъ болѣе: онъ отправился къ

*) Для того чтобы усилить дѣйствіе чуда, которое подготавливали для Бонапарте, предположили сначала предварительное чудо — мгновенную организацію великой арміи. Нужно припомнить, что за шесть мѣсяцевъ передъ тѣмъ Массена и Брюнъ нанесли два рѣшительные удара: одинъ храброй и фанатичной русской арміи, другой—англійской, такъ хорошо обученной. Гдѣ же были всѣ побѣдители? Говорили, будто „солдаты были безъ оружія, безъ одежды, безъ провіанта“, Карно привелъ все въ порядокъ въ двадцать дней.

Конечно Бертъ, превосходный секретарь для абсолютной власти, но плохой и расточительный администраторъ, могъ съ 18 брюмера привести въ безпорядокъ побѣдоносныя арміи. Карно выказалъ много искусства, если онъ въ двадцать дней организовалъ то, что называлось *резервной арміей*, т. е. корпусъ въ

Моро въ нѣмецкую армію и убѣдилъ его, оставивъ свое побѣдоносное шествіе, уступить восемнадцать тысячъ человѣкъ итальянской арміи. Моро и Карно, хотя слабые республиканцы, тѣмъ не менѣе такъ любили Францію, что готовы были для нея на самыя большія жертвы. Безъ этихъ восемнадцати тысячъ человѣкъ и ихъ начальника Лекурба, главнаго героя при Сень-Готардѣ въ 99 году, смѣлый планъ Наполеона былъ бы невозможенъ. Предстояло перейти всѣ альпійскія высоты, а главное Сень-Бернардскій проходъ *въ одинъ мигъ* и напасть на правый флангъ австрійцевъ совершенно неожиданно въ то время, когда ихъ вниманіе сосредоточивалось на Генуѣ и на предполагаемомъ вторженіи во Францію. Такое неожиданное нападеніе, возможное съ небольшою кучкою солдатъ, было неисполнимо съ арміею въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, которую Карно сформировалъ для Бонапарте въ двадцать дней и собралъ около Дижона и Лозанны подъ вымыш-

50.000 чел., которые, прибывая изъ Голландіи, Вавден, Парижа, безумно соединились въ Дижонѣ и Швейцаріи, и которые должны были, по мнѣнію австрійцевъ, раздѣлиться между нѣмецкой и итальянской арміями, между Моро и Массеною.

Бонапарте еще недавно сказалъ въ своей конституціи, что консулы не переступятъ территоріи республики, желая тѣмъ дать понять, что онъ, Бонапарте, останется въ Парижѣ и конечно не будетъ болѣе вести войны. *Резервная армія* находилась подъ номинальнымъ начальствомъ Бертье, Бонапарте пужна была великая побѣда, которая оправдала бы его послѣ брюмера и онъ сказалъ „Нужно рисковать всѣмъ, чтобы получить все“.

Никогда еще у коалиціи не было такъ много надеждъ. Наши роялисты, одурченные Бонапарте, переворотомъ 18 брюмера, который, они наивно воображали, былъ сдѣланъ для нихъ, и съ другой стороны подавленные въ Вандѣ, за то считали себя господами на Ронѣ, въ Марсели и, видя австрійцевъ уже въ Провансѣ и на Варѣ, во второй разъ предали бы имъ Тулонъ. Англійскія эскадры захватили все море. Единственнымъ препятствіемъ—важнымъ пунктомъ, останавливавшимъ ихъ, былъ только одинъ городъ, Генуя, защищаемая Массеною и малочисленною арміею его. Мыслью цѣлой Европы была Генуя, окруженная моремъ непріятеля.

левымъ именованъ *резервной арміи*, весьма грубой ловушкой, но которая тѣмъ не менѣе обманула австрійцевъ? Вотъ на сколько страсть способна ослѣплять людей! Они думали лишь о Генуѣ, о Марсели, о Франціи. Бонапарте, съ своей стороны, мечталъ о покореніи Италіи. Онъ помнилъ какое поразительное впечатлѣніе произвела на Парижъ тирольская компанія 96 года, когда перейдя восточныя Альпы, онъ, благодаря побѣдамъ Массены, очутился почти у воротъ Вѣны. На этотъ разъ онъ замышлялъ нѣчто болѣе удивительное: перейти высокія западныя Альпы такъ, чтобы *непріятель этого не подозревалъ*, напасть на него въ то время, когда взоры его были обращены на Геную и Провансъ.

Для того, чтобы планъ этотъ могъ удался, надо было предполагать въ Меласѣ замѣчательно смѣлое упрямство взять Геную и безграничное послушаніе англичанамъ; послѣдніе, платя за войну и желая имѣть Геную во что бы то ни стало, стали бы удерживать его на позиціи и на всякій шумъ съ другой стороны Альпъ сказали бы: «это ничего».

Планъ Бонапарте, великолѣпный, поэтичный, предполагалъ массу самыхъ невѣроятныхъ усложненій. Первое и главное—что новая армія, большею частью состоявшая изъ молодыхъ солдатъ, окажется на одномъ уровнѣ съ итальянскою и египетскою арміями и совершитъ чудеса стратегической быстроты и ловкости, въ такомъ новомъ дѣлѣ и противъ такого могущественнаго непріятеля, какъ Альпы! И что же? Это удалось.

Другое чудо,—благоразумная опытность генерала и предвѣдѣніе столькихъ комбинацій—было далеко не такъ удачно. Когда армія начала уже переходъ, Бонапарте находился еще въ Швейцаріи, въ Мартиньи, и дождался извѣстій; ему сказали, что еще не переходятъ. На итальянскомъ склонѣ находилась крѣпость, которая загораживала проходъ. Такія укрѣп-

ленія существуютъ на всѣхъ дорогахъ изъ Піэмонты. Онѣ всѣ прославлены геройскими усиліями нашихъ армій при взятіи ихъ. Крѣпость Баръ, о которой идетъ рѣчь, была мало изслѣдована. Бонапарте кончилъ тѣмъ, что отправился туда самъ, расположилъ батареи на противоположныхъ высотахъ; но это мало помогло, такъ какъ крѣпость продержалась еще нѣсколько дней. Наконецъ, прошли подъ огнемъ, обернувъ соломою колеса зарядныхъ ящиковъ и тяжелыхъ орудій.

И такъ армія очутилась въ Піэмонтѣ, на дорогѣ, которая вела въ Геную, на помощь къ Массенѣ. Онъ обѣщалъ держаться до 24 мая. Онъ продержался еще десять дней безъ продовольствія, въ ужасномъ положеніи, и тѣмъ спасъ Бонапарте, удержавъ австрійцевъ, которые иначе успѣли бы встрѣтить разрозненную армію французовъ и уничтожить ее поглотивъ у каждаго альпійскаго прохода; одни спускались черезъ Симплонъ, другіе черезъ Готардъ и т. д. Бонапарте, очутившись въ Піэмонтѣ и переночевавъ въ Ивре, долженъ былъ рѣшить: повернуть ли ему на право или на лѣво. Человѣчность, признательность и патріотизмъ совѣтывали ему повернуть на право, чтобы спасти Массену, Геную, Провансъ, быть можетъ, всю Францію. Что сталъ бы онъ дѣлать, если бы Меласъ, уже овладѣвшій Варомъ, послѣдовалъ бы за нашими эмигрантами, которые предлагали провести его въ Провансъ? Меласъ очень скоро очутился бы въ Марсели и въ Ліонѣ.

Каково было въ то время положеніе Массены? Ужасное. Все было съѣдено: лошади, собаки, кошки, крысы. Солдаты приходили въ отчаяніе отъ мысли, что они покинуты Франціею; они не могли стоять отъ истощенія и имъ было разрѣшено сидѣть на часахъ. Бѣдные французы умирали, — умирали молча. Генуезцы держали себя иначе. Этотъ кри-

ливый, нервный, судорожный, почти эпилептический народъ умиралъ въ крикливомъ отчаяніи. Чтобы перенести такое зрѣлище, требовался мѣстный уроженецъ, каменный человѣкъ, какимъ былъ Массена. Такой большой городъ, какъ Генуя, не крѣпость, гарнизонъ которой легко подавить. Разыгрывались ужасающія сцены. Итальянцы умирали у самыхъ ногъ Массены театрално-трагически. Иногда къ нему являлись процессіи въ пятьдесятъ человѣкъ. Однажды явилась такая процессія, ужасная по количеству истощенныхъ голодомъ, почти скелетовъ, которые, страшные по своей худобѣ еле тащились и стучали своими костями. Во главѣ ихъ находился весьма толстый капуцинъ, который кричалъ: «Господинъ генералъ съжалитесь надъ *povera gente!*».

Массена очень хорошо видѣлъ, что св. отецъ былъ австріецъ. Сначала онъ посмотрѣлъ на него взглядомъ, напоминавшимъ потоки Генуи, сѣрымъ, мрачнымъ, безжалостнымъ. Затѣмъ, разсмотрѣвъ его ближе, онъ сказалъ ему глухимъ голосомъ, казалось выходящимъ изъ глубины пустаго желудка: «Отецъ мой, вы и такъ жирны!» Капуцинъ вздрогнулъ и смутился.

Затѣмъ, усиливая впечатлѣніе своимъ дикимъ видомъ, напоминавшимъ профиль волка, оскаливъ свои бѣлые зубы, Массена повторилъ: «Отецъ мой, отецъ мой, вы жирны!» Капуцинъ задрожалъ, поблѣднѣлъ и отступилъ, затѣмъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, спотыкаясь на мраморной лѣстницѣ и вся толпа бросилась за нимъ *).

*) Послѣ Маренго, Бонапарте имѣлъ побужденіе быть справедливымъ относительно Массены, который, продержавшись лишннихъ десять дней, далъ Бонапарте добраться до непобѣдимыхъ Лекурба, Додэ. Бонапарте сказалъ ему: „Безъ обороны Генуи не было бы Маренго“. И только. Массена, который до сраженія при Цюрихѣ чуть не сдѣлался бы жертвою явтрига Бернадотта, еслибы не заступничество Барраса, то испыталъ жестоко неблагодарность Наполеона послѣ обороны Генуи; даже на островѣ св. Елены, Бонапарте продолжалъ клеветать на него самымъ гнуснымъ образомъ.

IV.

Маренго. 14 июня 1800. Проигранное и выигранное сраженіе.

Желаемый эффектъ былъ произведенъ. Цѣлый рядъ торжествующихъ бюллетеней возвѣстилъ Парижу, что Бонапарте вступилъ въ Миланъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ уже былъ побѣдителемъ. Слово, сказанное 18-го брюмера, оправдалось. Его уже представляли сходящимъ съ Альповъ въ сопровожденіи его богинь—Войны и Фортуны. Всѣмъ казалось, что онъ въ одно мгновеніе пройдетъ и усмирить Италію. Въ дѣйствительности за нимъ была только мѣстность, занимаемая его арміею, даже не весь Миланъ, такъ какъ замокъ еще держался. Ни Мантуя, ни одна изъ большихъ

Много разъ мнѣ приходилось описывать и наблюдать коварство іезуитовъ и ихъ недостойныя продѣлки, но я долженъ признаться, что въ этомъ случаѣ Наполеонъ превзошелъ ихъ въ злодѣйствѣ и противъ кого же—противъ человека, который въ дѣйствительности спасъ его; благодаря которому ему удалось это безумное предпріятіе, возвысившее его до небесъ въ общественномъ мнѣніи. Массена, говоря я, заслужилъ восторженное поклоненіе всего начальства арміи которая готовилась вновь покорить Италію. Но онъ хорошо зналъ своего Бонапарте, не забылъ клеветы относительно Рима въ 98 г. и взялъ свои предосторожности, опубликовалъ общіе итоги полученныхъ суммъ и расходовъ со времени его командованія арміею. Взбѣшенный Бонапарте не смѣлъ употребить свое обыкновенное орудіе—Бертье противъ такой гласности; онъ обратился къ Карно, который всегда ненавидѣлъ Массену, какъ славу якобинской партіи и друга Ревельеръ-Лено. Карно имѣлъ слабость дать свое имя для недостойнаго обвиненія. Секретарь Массены нѣкто Моренъ (который въ былое время былъ общественнымъ обвинителемъ и преслѣдовалъ одного изъ братьевъ Бонапарте) былъ обвиненъ въ подлогѣ, сдѣланномъ *конечно въ пользу Массены*, потому что Массена былъ смѣненъ.

Противъ Морена не нашлось уликъ. Бонапарте считъ, что вполне удовлетворилъ Массену, сказавъ ему: „Я побранию Карно“. Штука была сыграна. Какъ покорился этому Массена? Онъ удовлетворился надеждою на то, что ему общали на востокъ. Смотри ниже.

крѣпостей не были еще отняты у австрійцевъ. Если бы Меласъ соединилъ свои силы, которыя его правительство разбрасывало по разнымъ гарнизонамъ, то у него было бы сто тысячъ человѣкъ, противъ пятидесяти тысячъ французовъ. Необходимость дожидаться Монсея, который неторопливо спускался съ альпійскихъ проходовъ, заставила Бонапарте пробыть восемь дней въ Миланѣ, среди радостныхъ восторговъ народа, считавшаго себя спасеннымъ.

Онъ остался тамъ отъ 2 до 9 іюня; эти дни были рядомъ праздниковъ. Между тѣмъ въ Генуѣ умирали. 4 числа Массена долженъ былъ съ горстью своею сдаться, послѣ того какъ онъ столько времени выдерживалъ осаду. Австрійцы дали ему самыя лучшія условія. Но англичане стрѣляли по немъ, когда онъ выѣзжалъ изъ порта. Они сказали, что австрійцы, находившіеся подъ начальствомъ адмирала Кейта, не имѣли права ни согласиться на капитуляцію, ни взять Геную.

Бонапарте послѣ торжества долженъ былъ наконецъ подумать о побѣдѣ надъ своимъ укрѣпившимся врагомъ. Въ дѣйствительности, если бы австрійскій дворъ, согласно своей методѣ, не заставилъ Меласа раздробить его силы по разнымъ укрѣпленіямъ, то тотъ имѣлъ бы надъ Бонапарте подавляющее превосходство числа. Но ограниченный въ своихъ силахъ этою системою, онъ не былъ сильнѣе Наполеона. Послѣдній, взявъ руками Мюрата Піаченцу и руками Ланна—Монтебелло, послѣ кровавой битвы, о которой самъ Ланнъ отозвался, какъ о страшномъ кровопролитіи, Бонапарте, говорю я, дошелъ до равнины при Маренго, на Бормидѣ, и очутился противъ арміи Меласа. Увидя ее собранную въ этой равнинѣ, Бонапарте увѣрялъ, будто онъ заперъ ее; но непріятельская армія, состоявшая отчасти изъ лучшихъ войскъ Венгріи, могла бы сказать то же самое.

Дезэ явился изъ Египта и изъ Прованса очень ксгати; Наполеонъ поспѣшно вытребовалъ его; опасаясь, чтобы во время сраженія какая нибудь новая армія не явилась изъ Генуи напасть на него, онъ поставилъ Дезэ на дорогѣ къ Нови. Но послѣ двѣнадцати часовъ и Дезэ сталъ нуженъ, и Бонапарте послалъ за нимъ, видя, что три линіи войскъ уже смяты и только вторая частью еще держалась подъ предводительствомъ Ланна. Онъ показалъ Дезэ поле сраженія и спросилъ его мнѣніе. Дезэ посмотрѣлъ на часы и сказалъ: «это сраженіе проиграно, но еще рано, мы успѣемъ выиграть другое». Меласъ дѣйствительно побѣдилъ. Этотъ восьмидесятилѣтній старикъ провелъ пятнадцать часовъ верхомъ, двѣ лошади были подъ нимъ убиты, онъ умиралъ отъ усталости и удалился въ Александрію, чтобы нѣсколько отдохнуть. Онъ приказалъ объявить повсюду, что сраженіе выиграло.

Неаполитанская королева дорогою узнала радостное извѣстіе и предалась восторгу, выраженному и неприлично, который вскорѣ смѣнился слезами. Даже въ Парижѣ были получены разныя впечатлѣнія. Было собрано совѣщаніе, на которомъ обсуждалось кого назначить преемникомъ Бонапарте, въ случаѣ его гибели. Колебались между Лафайеттомъ, Моро, Брюномъ и Карно. Болѣе всего вѣроятно, что выбрали бы послѣдняго, какъ человѣка способнаго примирить партіи. Очень поздно узнали о побѣдѣ. Она частью была дѣломъ случая. Храбрый Захъ, которому Меласъ передалъ командованіе, былъ близорукъ. Ему показалось, что идетъ Массена, а Дезэ онъ принялъ за одного изъ своихъ, пошелъ къ нему на встрѣчу и далъ себя взять.

Дезэ, обладавшій выдающимися способностями и всѣми качествами человѣка и хорошаго солдата, былъ чувствительный овернецъ; онъ стремился привязаться, любить, повиноваться;

своимъ идеаломъ онъ сдѣлалъ Бонапарте, котораго зналъ очень мало. Въ этомъ случаѣ, рискуя жизнью для Франціи, онъ, надо полагать, былъ готовъ жертвовать собою и для своего героя. Увлеченный сраженіемъ, онъ получилъ рану въ грудь, смертельную. Наполеонъ приписалъ ему хвастливые слова, которыхъ онъ не говорилъ. Его единственнымъ ощущеніемъ была боязнь за армію и за исходъ сраженія. Онъ только сказалъ: «Не говорите никому». Его узнали потомъ по его густымъ, чернымъ волосамъ *). Онъ побѣдилъ послѣ смерти. Молодой Келлерманъ, вызванный имъ, явился съ своими кирасирами какъ ураганъ, и взялъ въ плѣнъ корпусъ въ пять тысячъ венгерскихъ гренадеровъ. Это было послѣдней перипетіей сраженія; за то Келлерманъ и сказалъ слова, которыхъ ему никогда не простили: «Этимъ нападеніемъ я надѣлъ вамъ на голову корону».

Оба фланга арміи Меласа побѣдили; если бы они обрушились на французовъ, то уничтожили бы ихъ; но у нихъ не было начальниковъ; семь генераловъ выбыли изъ сраженія. Армія перешла Бормиду, удержавъ за собою мосты и одну передовую позицію недалеко отъ Маренго.

Позиція Меласа была неприступна. Значительный корпусъ долженъ былъ придти ему на помощь и за нимъ находились много укрѣпленныхъ пунктовъ. У Бонапарте не было ни одного. Странно, несмотря на нетерпѣніе арміи, Меласъ сдался на капитуляцію (15 іюня). Чтобы отступить къ Ман-

*) Въ тотъ же день Клеберъ былъ зарѣзанъ въ Египтѣ. Двѣ великія потери, но совершенно различныя. Клеберъ былъ превосходнымъ гражданиномъ, Дезэ рабомъ своего поклоненія Бонапарте; скромность дѣлала его зависимымъ, легко-вѣрнымъ; Жуберъ болѣе сумѣлъ ускользнуть отъ обаянія Бонапарте; тестъ его, Семонвилъ, и Талейранъ разожгли въ немъ честолюбіе и жажду подняться выше; женитьба его, казалось, огняла у него холодную и твердую волю его. Онъ стремительно повесся и кинулся на смерть.

туѣ, онъ уступилъ Александрію, Миланъ, Туринъ и Геную, съ артиллеріею и со всѣмъ прочимъ. Непонятная капитуляція, которая заставляетъ думать, что этотъ храбрый человѣкъ потерялъ рассудокъ.

Баловень фортуны, не смотря на смерть Дезэ, котораго онъ велѣлъ похоронить далеко отъ Парижа на Сентъ-Бернардѣ, отправился торжествовать въ Миланъ, гдѣ его встрѣтили не только какъ короля, но какъ Бога. Въ отношеніе Парижа онъ былъ болѣе скромнѣе. Онъ написалъ слова, которыя еще напоминаютъ гражданина: «Я надѣюсь, что французскій народъ доволенъ своею арміею».

V.

Тиранъ. Сестры. Ракъ. Адская машина. Безумныя изгнанія.
Конецъ 1800 г.

Быстрота этой кампаніи, удивительный финалъ, заключенный однимъ сраженіемъ, недоумѣніе Меласа, его глухота, помѣшавшая ему замѣтить переходъ такой огромной арміи черезъ Альпы,—все это забавило Парижъ, заставило его забыть страданія Генуи, сомнительный успѣхъ Маренго, смерть Дезэ и тяжелыя потери, которыми была куплена побѣда.

Публика была удовлетворена театральнымъ эффектомъ, результатомъ настолько великимъ и неожиданнымъ, что онъ превосходилъ всѣ ожиданія. Сохранилось въ памяти нѣсколько остротъ, модное рагу, цыплята à la Маренго, зарѣзанные, сваренные и поданные сразу. Имя побѣдителя не сходило съ устъ народа: «этотъ шутъ Бонапарте».

Но подражая великимъ актерамъ, которые сами никогда не смѣются надъ самыми удачными шутками своими, Бона-

парте возвратился величественный и мрачный, вовсе не съ видомъ импровизатора, которому легко даются самыя трудныя вещи, а съ видомъ глубокомысленнаго мыслителя, всесильнаго чародѣя, заклинаніями своими побѣдившаго природу, покорившаго даже Альпы.

Да, теперь возвращался совсѣмъ другой Бонапарте. Неожиданность его баснословнато успѣха ослѣпила не только другихъ, но и его самого, хотя онъ конечно лучше зналъ, чѣмъ кто либо другой, недостатки своихъ дѣйствій и опасность угрожавшаго ему пораженія.

Въ новомъ своемъ положеніи, триумфаторъ стоялъ слишкомъ высоко надъ толпой, чтобы заботиться о мнѣніи ея, и онъ вдругъ измѣнилъ свои нѣсколько буржуазныя привычки, которыя онъ выставлялъ на показъ послѣ 18 брюмера. Не оставляя Жезефину, (которая все еще спала съ нимъ) онъ уже нѣсколько пренебрегалъ ею и выписалъ въ Парижъ красавицу итальянку Грассини, воспѣвавшую его побѣды въ Миланѣ, ее можно было назвать голосомъ Италіи. Не была-ли Грассини, (съ которою онъ самъ обращался весьма грубо *), только ширмами, за которыми скрывались еще другія вольности, какія разрѣшилъ себѣ новый властелинъ? Сестры Бонапарте, всегда враждовавшія съ Жозефиною, теперь окончательно побѣдили; онѣ господствовали до тѣхъ поръ, пока Гортензія, падчерица Бонапарте, не смѣнила ихъ въ свою очередь.

Сатирики видѣли во всемъ этомъ кровосмѣшеніе. Такой выводъ сомнителенъ. Впрочемъ, почему бы этотъ раздражитель королей въ такъ многихъ отношеніяхъ и не попробовалъ бы, (повторяя извѣстное выраженіе принцессы Генріетты орлеан-

*) Однажды, когда она попросила у него портретъ, онъ далъ ей монету въ 100 су.

ской и примѣръ Людовика XV и многихъ другихъ) воспользоваться этою привиллегіею королевской нравственности.

Всѣ эти самки должны были сдѣлаться королевами. Каролина сдѣлалась королевою Неаполя, Полина—Сень-Доминго, наконецъ Гортензія—Голландіи. Тѣ, которые слѣдили только за его внѣшнею дѣятельностью, не подозрѣвали, что онъ былъ болѣе озабоченъ своимъ семействомъ, чѣмъ судьбами Франціи и Европы. Честолюбіе этихъ женщинъ, требовавшихъ трона, честолюбіе его братьевъ, которые въ виду его бездѣтности мечтали о наслѣдованіи, все это создавало ему массу непріятностей. Послѣ Маренго и до амьенскаго мира и отъѣзда Полины въ Сень-Доминго, въ немъ зрѣла болѣзнь, разразившаяся вскорѣ послѣ отъѣзда Полины.

Земляной, желтоватый цвѣтъ лица, (не того оттѣнка, какой бываетъ у итальянцевъ) и страданія острыя до того, что секретарь долженъ былъ его поддерживать, когда онъ переходилъ корридоръ, все это доказывало что болѣзнь его была серьезною. Былъ ли это ракъ желудка, который онъ унаслѣдовалъ отъ отца и который сталъ причиною его смерти? Или это была болѣзнь кожи, столь обыкновенная на родинѣ его матери, болѣзнь, отъ которой онъ въ этотъ годъ, болѣе занятый женщинами, старался избавиться разными лекарствами? Въ 1800 году, послѣ Маренго онъ не былъ еще боленъ, но страшно возбужденъ разными страстями, всевозможными планами. Повелитель Европы онъ показалъ себя другимъ Бонапарте, жестокимъ и бѣшенымъ. Въ немъ проснулся дикій звѣрь. Онъ сталъ тираномъ.

Онъ оставилъ свои притворныя привычки и показалъ каково новое правительство,—беззаконное. Каждый почувствовалъ желѣзную цѣпь. Итальянскій скульпторъ Черавки, создавшій для директоріи прекрасный бюстъ Бонапарте, разочаровался

на его счетъ, какъ разочаровались многіе другіе, между прочимъ знаменитый музыкантъ Бетховенъ. Черакки и его друзья сильно поговаривали о необходимости убить тирана. Нѣкто Гарель предупредилъ довѣреннаго секретаря, Бурьена, объ этихъ замыслахъ. Бонапарте приказалъ выдать заговорщикамъ деньги и оружіе. Все было извѣстно и все предусмотрѣно. Заговорщиковъ хотѣли вовлечь еще дальше и затѣмъ погубить. Имъ доставляли всѣ средства.

Это дѣло еще не было кончено, когда явилось другое, *адская машина*; она не удалась, но подала только поводъ Бонапарте сбросить маску и дать волю своему бѣшенству.

Сперва онъ имѣлъ въ виду быть посредникомъ партій; но въ дѣйствительности, рожденный роялистомъ онъ и остался имъ. Изъ этой партіи онъ погубилъ одного Фротте, за личное оскорбленіе; впрочемъ онъ не исполнилъ своихъ угрозъ относительно Вандеи. Имѣли-ли роялисты поводъ къ жалобамъ? Онъ далъ имъ если не короля, то королевство, монархическое правленіе, которое они желали, и мало по малу возвращалъ имъ непроданные имущества.

Главнымъ предметомъ вражды его была республика и республиканцы. Онъ засталъ ихъ побѣдителями въ Голландіи и Швейцаріи, передъ ними отступала Европа и, посредствомъ подлаго фиглярства, онъ создалъ 18-е брюмера. Вотъ что онъ сознавалъ и онъ отдавалъ себѣ справедливость полагая, что вполне заслужилъ здоровый ударъ кинжаломъ.

Когда онъ спасся отъ взрыва, увидя смерть такъ близкой, онъ находился въ театрѣ и сохранилъ наружное спокойствіе. Но возвратясь домой, онъ далъ волю своему бѣшенству, обозвалъ виновныхъ якобинцами и сентябристами. Фуше и другіе напрасно старались доказать ему, что прежде чѣмъ называть виноватыхъ, ихъ слѣдовало розыскать... Расположеніе къ

эпилепсіи дѣлало его въ такія минуты страшнымъ; свинцовый взглядъ его, тусклый и стеклянный, загорался и онъ повторялъ шипящимъ голосомъ: «Сентябристы, убійцы».

Фуше боялся за себя. Воспоминанія о Ліонѣ и Нантѣ могли зародить подозрѣнія въ томъ, что, защищая якобинцевъ, онъ защищалъ и свою личность. Онъ признался Буррьсенну, что сознавая ошибочность подозрѣній консула, онъ не могъ ничего доказать. Въ своемъ докладѣ, онъ изъ страха покорился, и это самымъ подлымъ образомъ, и тоже обвинилъ якобинцевъ: «Не всѣ хватились за кинжалы, но всѣ способны это сдѣлать».

И такъ не существовало болѣе ни закона, ни правъ. Приказъ консула, скрѣпленный сенатомъ, присуждаетъ къ изгнанію сто тридцать человекъ. Всѣ прочіе сѣли на корабли. Мѣстомъ ихъ изгнанія было дно океана. Почти всѣ погибли во время бури. Только двое умерли на эшафотѣ, вмѣстѣ съ Черакки и другими, а также виновные роялисты, которыхъ они не знали.

Бонапарте, которому наконецъ объяснили истину, не отмѣнилъ ничего, а сказалъ. «Ну что-жь? Я отъ нихъ отдѣлался!»

VI.

Императоръ Павелъ. Его любовь къ Франціи. 1798 — 1800.

Наглая свирѣпость, выказанная Бонапарте въ этомъ дѣлѣ, тогда какъ обыкновенно онъ предпочиталъ болѣе ловкіе и не столь откровенные приемы, объясняется приступомъ гордости, которая вдругъ имъ овладѣла. Восхищеніе и дружба Павла и общіе планы ихъ вскорѣ обѣщали сдѣлать Бонапарте господиномъ всей Европы.

Если спросите русскихъ о царѣ Павлѣ, вы услышите отъ нихъ повтореніе одного и того же, точно они сговорились въ своемъ одностороннемъ пониманіи этой личности. Это не удивительно.

Между тѣмъ многіе изъ современниковъ, знавшіе его близко, не отрицая рѣзкія противорѣчія его характера, хвалили его доброту, великодушіе, справедливость и сострадательное сердце. Можно сказать, что въ то время Павелъ былъ единственнымъ честнымъ правителемъ. Это наводитъ на размышленія о человѣческой душѣ, всюду одинаковой и даже иногда болѣе возвышенной у тѣхъ, кого мы называемъ варварами.

Недостойные царедворцы не находятъ въ томъ, кого они столько оскорбляли, ни ненависти, ни горечи. Вотъ истинное великодушіе. Но сердце его было слишкомъ нѣжно, слишкомъ чувствительно и онъ слишкомъ ему подчинялся. Когда эмигранты стекались въ Россію и рассказывали трагедію Людовика XVI и Маріи Антуанетты, Павелъ, не подозрѣвалъ ни ихъ измѣны, ни ихъ призыва непріятелей на Францію, очень жалѣлъ Людовика XVI и ненавидѣлъ революцію. Онъ принялъ живѣйшее участіе въ судьбѣ принцевъ лишенныхъ престола революціею, особенно въ королѣ Піэмонты и въ неаполитанской королевѣ, которая, можно сказать, обнимала его колѣни. Онъ послалъ сто тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Суворова въ Италію противъ нашихъ армій, въ то время слабыхъ и плохо содержанныхъ.

Но когда подъ Цюрихомъ Павелъ увидѣлъ себя почти покинутымъ Австріею, которая совсѣмъ не поддерживала его въ борьбѣ съ Массеною и была причиною пораженія при Цюрихѣ, столь обиднаго для славы русскаго орудія, то онъ вышелъ изъ коалиціи.

Другіе интересы привлекли его рыцарскую душу, но интересы тождественные, «всегда защита слабыхъ». На этотъ разъ его призывали морскія державы, Швеція, Данія, Гамбургъ, и др. незаслуженно оскорбленныя, обиженныя Англіею, которая также мало уважала даже Пруссію, Италію. Передъ портомъ Барцелоны англичане захватили три корабля, выставивъ на палубѣ своихъ кораблей лишь англійскихъ офицеровъ, переодѣтыхъ испанцами. Павелъ, котораго жертвы этой недостойной тираніи со всѣхъ сторонъ умоляли о помощи, вспомнилъ, что въ 1780 году Россія стала во главѣ лиги для покровительства нейтральныхъ державъ.

Вопросъ касался свободы мореплаванія, о чемъ разсуждали не мало уже въ семнадцатомъ столѣтіи, о *mare liberum* голландцевъ и *mare clausum* англичанъ—положеніе, которое вторые поддерживали въ началѣ во имя собственной безопасности на тѣсныхъ моряхъ Европы; но положеніе крайней тиранніи, когда, овладѣвъ Индіею, они распространили его на всѣ моря и желали такъ сказать конфисковать цѣлую стихію. Но это мнимое право свободного плаванія по всѣмъ морямъ, которые они исключительно присвоивали для своихъ кораблей, заключало въ себѣ еще другое право—приставать на всѣхъ берегахъ, т. е. овладѣть и самою землею. Взявъ въ свои руки этотъ важный вопросъ, Павелъ тѣмъ самымъ долженъ былъ сблизиться съ Франціею, которая всегда отстаивала его, и съ Бонапарте, который послѣ брюмера отослалъ Павлу его солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Голландіи вмѣстѣ съ англійскими войсками, и отослалъ ихъ съ честью, въ новыхъ мундирахъ и при знаменахъ.

Такая ловкая, великодушная и лстивая политика Бонапарте тронула Павла. Весь русскій дворъ раздѣлился на два лагеря по одному важному вопросу. Испытавъ столько не-

справедливостей отъ своей матери, Павелъ всѣмъ сердцемъ своимъ полюбилъ Россію и сталъ врагомъ престолонаслѣдія, возводившаго на русскій тронъ женщинъ.

Екатерина заставила его сперва жениться на гессенской принцессѣ. Овдовѣвъ вскорѣ, онъ женился на баденской принцессѣ, добродѣтельной и достойной женщинѣ, которая имѣла поэтому большое вліяніе на своихъ сыновей. Будучи настоящимъ русскимъ, настоящимъ славяниномъ, вспыльчивый и неустойчивый, Павелъ, хотя и былъ добрѣ къ эмигрантамъ, не могъ сдѣлаться центромъ иностранцевъ, нѣмецкой, англійской, голландской колоній, усилившихъ свое вліяніе со времени Петра Великаго. Они скорѣе должны были держать сторону Германіи. Также положеніе вещей было бы весьма благопріятно коммерціи и всѣмъ иностранцамъ вообще, а также и русскому дворянству, которое обогащалось англійскою торговлею.

Павелъ принялъ твердое рѣшеніе, которое сочли деспотическимъ, между тѣмъ оно было только патріотическимъ. Онъ пожелалъ, чтобы отнынѣ *Россія управлялась только русскими*, и чтобы никакая иностранка, въ родѣ Екатерины, не всходила на тронъ. Старшій въ мужескомъ колѣнѣ долженъ былъ царствовать. Этимъ узаконеніемъ императрица устранялась отъ престолонаслѣдія.

VII.

Царь Павелъ. Его проектъ. Его смерть 31 марта 1801 г.

Въ срединѣ года, когда Европа была удивлена, восхищена побѣдою при Маренго, небольшая группа людей, которая осмѣливалась отстаивать въ Петербургѣ болѣе тѣсное

сближеніе съ Францією, осмѣливалась и высказываться болѣе откровенно и совѣтывать выйти изъ нейтральнаго положенія. Павлу дали замѣтить, что англичане хвалившіеся тѣмъ, что спасали оттоманскую имперію, въ сущности незамѣтно овладѣвали ею. Побѣда при Сень-Жанъ д'Акрѣ, смерть Клебера, погибшаго отъ руки убійцы въ самый день битвы при Маренго, все это благопріятствовало ихъ планамъ. Они управляли всѣми дѣлами порты и знали, что, не снимая маски, они могли дѣлать что хотѣли; удѣляя часть добычи пашамъ, они могли не гласно завладѣть всею оттоманскою имперією. Они это и сдѣлали въ настоящемъ столѣтіи подъ самымъ носомъ у русскихъ. Россія, сторонница Греціи, отстаивала полное преобразование Турціи. Англичане же предлагали *больному* (такъ называли Турцію еще въ то время) болѣе пріятное лекарство и, въ то же время, стремились подчинить его себѣ и дать ему погибнуть отъ овладѣвшей имъ холеры.

Въ августѣ и сентябрѣ единственный человѣкъ, осмѣливавшійся быть дѣйствительно русскимъ въ партіи царя—Ростопчинъ, доложилъ ему объ этомъ подъ большимъ секретомъ, боясь оскорбить партію пѣмцевъ, иностранцевъ и молодой Россіи, которая своими мыслями и интересами склонялись на сторону англичанъ. Они съумѣли внушить этой слѣпой, непредусмотрительной молодежи восхищеніе порядками Англіи. Молодой Строгоновъ напр. воспитанный французомъ Роммомъ, увлекся англійскими идеями. Самъ Александръ, сынъ царя, воспитанныкъ Лагарпа, патріота французской Швейцаріи, присоединялся всего охотнѣе къ обществу молодыхъ Чарторыхскихъ и мечталъ создать для Польши, а быть можетъ и для всей Россіи послѣ смерти Павла, конституцію въ духѣ англійской.

Павелъ, повелитель страны, чувствовалъ въ то же время,

что вокругъ него образуется пустыня. Около 1-го октября онъ попросилъ наконецъ Ростопчина написать и сдѣлать выводъ изъ всего того, что тотъ ему говорилъ. Нѣмцы, обладающіе монополіей въ описаніи историческихъ событій Россіи, говорятъ очень дурно объ этомъ Ростопчинѣ. Мы знакомы съ этимъ именемъ лишь по московскому пожару, мы склонны видѣть въ немъ настоящаго русскаго, преданнаго отечеству и царю. Въ запискѣ до сихъ поръ неизвѣстной, которую я имѣю передъ глазами, онъ развертываетъ картину Европы, разясняетъ политику англичанъ и виды ихъ на Турцію, и совѣтуетъ положить предѣлъ ихъ замысламъ. Бонапарте, послѣ смерти Клебера и въ виду плохаго положенія дѣлъ въ Египтѣ, будетъ въ восторгѣ отъ такого предложенія. При раздѣлѣ онъ получитъ Египетъ и приморскую Грецію, Россія — Румелію (Константинополь) Болгарію, Молдавію, Австрія — остальное, а Пруссія какое нибудь удовлетвореніе.

На поляхъ записки Ростопчина сохранились отмѣтки карандашемъ Павла, мысли, которыя онъ выражалъ въ слухъ во время чтенія. Замѣтки эти, къ сожалѣнію рѣдкія, очень любопытны. Это крики сердца, совѣсти, обращенные къ самому себѣ; напр. по поводу той большей доли, которую Ростопчинъ опредѣлилъ въ этомъ раздѣлѣ для Россіи, Павелъ восклицаетъ: «Не много ли будетъ!» Затѣмъ, при размышленіяхъ о вѣроятномъ успѣхѣ покоренія, на поляхъ замѣчено «Не смотря на все это, меня тѣмъ не менѣе будутъ брать...!» Нѣтъ сомнѣнія что такой образъ дѣйствій поссоритъ его съ Англіею съ Европою, съ міромъ *порядочныхъ людей*, защитникомъ которыхъ онъ являлся до сего времени. Сноше-

*) Этотъ драгоценный документъ, списанный княземъ Гагаринымъ и опубликованный въ русскомъ періодическомъ изданіи, былъ мнѣ доставленъ благодаря любезности Ивана Тургенева.

нія Павла съ Францією и въ особенности съ Бонапарте, котораго они продолжали называть *Вандемьеромъ*, должны были показаться ужасными. Ужасъ этотъ усилился, когда Павелъ оказывавшій раньше поддержку Неаполю, отправилъ туда посланника, для соглашеній съ посланникомъ перваго консула; они оба засѣдали въ одной ложѣ и передъ глазами всего собранія соединили два знамени—французской республики и Россіи.

Въ дѣйствительности, французская армія, вступавшая въ неаполитанское королевство, должна была занять тотъ берегъ Италіи, откуда ближе всего можно было наблюдать за Грецією. Бонапарте желалъ доставить славу покоренія Востока Македональду (впослѣдствіи герцогу Тарентскому), умному, но не блестящему генералу, который не могъ соперничать съ Наполеономъ. Но Павелъ, въ порывѣ благородства, говорятъ, потребовалъ болѣе достойнаго, побѣдителя Суворова, Массену, котораго всѣ восхваляли послѣ осады Генуи. Имя Массены, знаменитаго якобинскаго генерала, повторялось въ гласно-революціонной партіи, для того чтобы придать еще болѣе возмутительный оттѣнокъ замысламъ Павла.

Чтобы сбить съ толку любопытныхъ, передавали, какъ достовѣрное, нелѣпое предположеніе, (которое однако повторяли всѣ историки), будто Павелъ и Бонапарте готовятъ экспедицію въ англійскія владѣнія Индіи. Англичане сами, такъ мало этому вѣрили, что вызвали часть войскъ изъ Индіи, и послали ихъ въ Египетъ на помощь туркамъ. Говорили также, что сформируютъ конницу въ пятьдесятъ тысячъ казаковъ. Къ этимъ воинственнымъ племенамъ *) родственнымъ Польшѣ, подъ знаменемъ которой они долго воевали противъ

*) Мишле считаетъ казаковъ родственными Польшѣ. Впрочемъ оговаривать ошибки его относительно Россіи и русскихъ едва ли нужно. *Прим. перев.*

Турокъ, могли присоединиться безъ сомнѣнія эскадроны польскіе и литовскіе.

Павель воротилъ поляковъ изъ Сибири. Но что еще болѣе возмутило общественное мнѣніе, это освобожденіе героя Польши, Костюшки. Когда Павель вошелъ въ тюрьму и увидѣлъ эту жертву, этого великаго человѣка, изрубленнаго, еще не оправившагося отъ ранъ, онъ не могъ удержаться и горько заплакалъ. Костюшка, одинаково дорогой русскимъ, полякамъ и казакамъ, представлялся вѣроятно Павлу, какъ общій мученикъ этой великой славянской расы, какъ олицетворенія ея закрѣпощенія, ея угнетенія.

Отправляясь на это благородное, быть можетъ, нѣсколько неосторожное свиданіе, возбудившее тревогу тѣхъ, кто получилъ въ даръ отъ Екатерины конфискованныя имущества, Павель пригласилъ съ собою сына, молодаго Александра, друга и товарища Чарторижскихъ. Александръ, воспитанныкъ Лагарпа, французскаго швейцарца, но окруженный молодыми эмигрантами, какъ Ришелье, Ланжеронъ, Сенъ-Присть и др. не долженъ былъ чувствовать влеченія къ революціи. Нѣмецъ по маэри, англичанинъ по своимъ симпатіямъ, онъ былъ естественнымъ врагомъ (кроткимъ, скромнымъ, но все же врагомъ) всѣхъ стремленій Павла. Онъ такъ же, какъ и отецъ, заплакалъ при видѣ Костюшко, но безъ сомнѣнія рассказалъ матери и всѣмъ эту трогательную сцену, надѣлавшую много тревогъ, принятую за вѣрный признакъ воскресенія Польши. Она могла стать опаснымъ орудіемъ противъ Турціи, противъ англичанъ, которые конечно заступились бы за порту, какъ союзницу въ настоящемъ (и будущую жертву). Минута казалось была благопріятна для Павла. Министерство Питта пало, а мануфактурная Англія и ея король съ его министръ Аддингтономъ вздыхали о мирѣ.

Между тѣмъ наступала весна, сѣверныя моря очищались отъ льда. Павелъ вообразилъ, что можно отвлечь вниманіе англичанъ, атакуя ихъ въ Ганноверѣ при посредствѣ пруссаковъ. Ганноверъ—это древнѣйшее родовое княжество королевскаго дома, Георгу III оно было дороже всего и онъ охотно бы сказалъ: «Возьмите лучше мои три королевства, но оставьте мнѣ Ганноверъ». Это былъ такой чувствительный вопросъ, что Павелъ положилъ этимъ начало борьбы на смерть, и миролюбивыя стремленія Георга и его честность, какъ человѣка, были сильно затронуты. Англійскій флотъ былъ снаряженъ въ Балтійское море.

Петербургскіе англичане, которымъ Павелъ приказалъ остановить торговлю, были въ отчаяніи, а также и русскіе торговые дома, имѣвшіе съ ними сношенія. Кожи, капаты, сало, деготь, всѣ эти товары, которые Англія ежегодно увозила на своихъ корабляхъ, были задержаны въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Ригѣ, а также и цѣлые склады хлѣба, вывезеннаго изъ Польши. Владѣльцы огромныхъ помѣщеній были въ большемъ затрудненіи, ихъ лишили воздуха: сѣверные порты и торговля съ Англіею служили единственными путями сбыта. Закрывъ порты, Павелъ раззорялъ и стѣснялъ ихъ и, для своего освобожденія, они готовы были прибѣгнуть къ самымъ мрачнымъ мѣрамъ.

Получилось удивительное явленіе: неограниченный монархъ былъ безсиленъ, покинутый всѣми. Это былъ плохой признакъ: Цѣны на квартиры въ Петербургѣ значительно упали. Многіе обращались въ бѣгство.

Павелъ довѣрялъ одному Ростопчину. Но въ меморіи, которую я имѣю подъ глазами, видно, что между ними былъ порѣшенъ отъѣздъ Ростопчина въ Парижъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ впалъ въ немилость. Соглашаясь на отъѣздъ Ростопчина, Павелъ самъ себя обезоруживалъ, лишаясь слуги,

который болѣе всѣхъ его успокоивалъ. Онъ назначилъ его директоромъ почтъ.

Конечно, весною, надо было не мѣшая приняться за исполненіе великаго плана. Въ отсутствіи Ростопчина Павлу казалось, что онъ могъ довѣриться человѣку, котораго онъ благодѣтельствовалъ и назначилъ губернаторомъ Петербурга. То былъ не русскій и не нѣмецъ, а курляндецъ (подозрительная народность, не русская, но которая слишкомъ часто управляла Россіею). Этого курляндца звали Палень. Надѣялись, что Павелъ возстановитъ Польшу подъ покровительствомъ Россіи.

Раздѣлъ Польши, предложенный коварнымъ Фридрихомъ, сначала показался большою выгодною для Россіи, которой дали большую долю и которая оказалась такимъ образомъ въ сѣдствѣ двухъ пособницъ своихъ, Пруссіи и Австріи, и была тѣмъ самымъ втянута во всѣ европейскія распри. Тогда не предвидѣли, что Россія, къ которой присоединили этотъ трупъ королевства, ради него отвлечетъ вниманіе отъ усилій личнаго развитія, которое могло совершиться только путемъ уступокъ сильному русскому народу, признаваемому ими за варваровъ.

Тогда не предвидѣли, что Германія посредствомъ сотни способовъ овладѣтъ Россіею, доставляя ей управляющихъ, экономовъ, государственныхъ людей, сдѣлается владыкой края и что, наконецъ, эта незаконнорожденная Германія, одна изъ самыхъ ограниченныхъ посредственностей между государствами всего свѣта, отстранить русскихъ, совершенно иначе одаренныхъ отъ всякаго прогресса; русскіе, не будучи подавленными, обнаруживаютъ способности и даже живую геніальность народовъ юга.

Грубая Германія съ тѣхъ поръ стала стѣною между Рос-

сією и Европою, наложила на геній русскихъ свою печать посредственности, тугости, парализовала тѣ нѣжные органы, посредствомъ которыхъ Россія ощущала электрическія теченія запада, ту теплоту, которую далеко распространяють искусства Франціи и Италіи, и чудеса промышленной Англіи. Это солнце, освѣщающее, согрѣвающее западъ имѣло всегда притягательную силу для Россіи, если ей не мѣшала Германія. Германія, безъ сомнѣнія, культурная страна. Но это другая культура, которая трудно передается по своимъ формуламъ, по своей извѣстной схоластической тяжеловѣсности, свойственной всему нѣмецкому. Все это стоитъ серьезной преградой. Русскіе умы, которые воспитываются на нѣмецкій ладъ въ университетахъ, приобрѣтають какую то неловкость, неспособность къ полному развитію, и даже иногда вовсе парализуются.

Тяжеловѣсная Германія эта, принявшись за подвижную Россію, слишкомъ легко справилась съ нею, подавила ее, не позволяя ей ни одного самостоятельнаго шага. По смерти Павла, она получила въ лицѣ Александра (француза по воспитанію, но нѣмца по матери) подражателя нѣмцевъ. Военныя поселенія, устроенныя имъ по примѣру Австріи, довели народъ до такого отчаянія, что многіе предпочитали умирать подъ кнутомъ, чѣмъ подчиниться нелѣпой регламентаціи.

Кончина Павла, послѣ котораго Россія вернулась подъ иностранное вліяніе, была несчастьемъ для Европы. Она отдала Россію отъ всякаго сближенія съ Франціею. Тираннія Наполеона, роковыя побѣды подъ Аустерлицемъ и Москвою, обратившіе войну въ національное дѣло, которое привело русскихъ во Францію, только подтверждаютъ разрывъ между западомъ и востокомъ Европы, между двумя народами, родственными по своему характеру и рожденными для взаимной дружбы.

VIII.

Послѣдствія смерти Павла. Тиранія англичанъ на морѣ, а Бонапарте на сушѣ. Англійскій миръ. Конкордатъ 1802 г.

Великая промышленная революція, совершавшаяся въ Англіи, требовала денегъ во что бы то ни стало, слѣдовательно нуженъ былъ миръ, отставка воинственнаго Питта и торжество болѣе миролюбиваго министерства Аддингтона. Но съ другой стороны смѣлость Павла, освободителя морей, требовавшего для этой цѣли, чтобы его союзники напали на Ганноверъ, столь дорогое наслѣдственное герцогство королевскаго дома, личную собственность короля, побудила Георга III начать войну. Питтъ подалъ въ отставку въ февралѣ, но въ мартѣ нападеніе на Ганноверъ вызвало сожалѣніе объ удаленіи его. Такъ что Георгъ, нерѣшительный въ своихъ намѣреніяхъ, счелъ за лучшее, чтобы Питтъ удаляясь заявилъ, что будетъ поддерживать своего преемника передъ парламентомъ, и въ дѣйствительности онъ удержалъ въ своихъ рукахъ часть администраціи. Впрочемъ это было весьма естественно, такъ какъ большинство высшихъ сановниковъ и начальниковъ получили свои назначенія еще во время Питта, держались имъ и дѣйствовали въ его духѣ.

Назовемъ напр. бульдога Нельсона, который признавалъ только Питта и не обращалъ вниманія на другихъ начальниковъ до смерти Павла. При первой вѣсти о нападеніи на Ганноверъ, которое онъ предписалъ пруссакамъ, было рѣшено, что англійскій флотъ, для устрашенія союза нейтральныхъ державъ, будетъ дѣйствовать не противъ Пруссіи, у которой нѣтъ портовъ, и не противъ Петербурга, хорошо защищеннаго Кронштадтомъ, но противъ слабой и неповинной

Даніи, которая ничего не сдѣлала противъ Англіи, кромѣ того, что закрыла рѣки для ея торговыхъ судовъ. Англійскій флотъ двинулся въ море 1 марта, подѣ начальствомъ Паркера и помощника его, храбраго Нельсона, который конечно не сталъ бы слушать никого и не остановился бы ни передъ какими насиліями, разѣ что ему бы удалось проникнуть въ Балтійское море и пойти на приступъ Копенгагена. Эта прекрасная столица ничѣмъ не была защищена со стороны моря и не имѣла бы почти никакихъ оборонительныхъ средствъ, если бы только Павелъ, увѣдомленный во время не послалъ русскій флотъ въ тылъ Нельсону.

Благодаря узости Балтійскаго моря, Нельсонъ, чтобы тамъ ни говорили, узналъ во время извѣстіе о смерти Павла и приступилъ къ бомбардированію Копенгагена. Паркеръ желалъ, чтобы варварская операція была пріостановлена; бомбардировка на такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы была ничѣмъ другимъ, какъ повальнымъ убійствомъ. Но Нельсонъ не прекратилъ своего неистовства; онъ замѣтилъ иронически, что, будучи близорукимъ, онъ не замѣтилъ сигналовъ, подаваемыхъ Паркеромъ. Онъ потерялъ только восемьсотъ человекъ набранныхъ по улицамъ Лондона и убилъ шесть тысячъ датчанъ, людей болѣе драгоцѣнныхъ, студентовъ университета, профессоровъ медицины, и много другихъ личностей высокихъ профессій, словомъ цвѣтъ сѣвера. Не смотря на это, датчане не сдавались. Потребовалась варварская угроза Нельсона, взявшаго въ плѣнъ нѣсколько датскихъ кораблей, съечь ихъ виѣстѣ съ людьми. Датчане, чтобы спасти своихъ родственниковъ, друзей, дѣтей отъ сожженія, подчинились и уже не было больше рѣчи о нейтральной лигѣ ни о свободѣ мореплаванія.

Россія, которая отказывалась отъ борьбы или отдѣлыва-

лась неопредѣленными словами, оставила Францію одну въ борьбѣ съ Англіею. Англичане попытались повторить надъ однимъ изъ портовъ ея копенгагенскую бойню, но все было подъ защитой. Два раза въ іюль и въ августъ Нельсонъ являлся передъ небольшимъ портомъ, Булонемъ, и въ послѣдній разъ съ сильною эскадрою подъ начальствомъ своимъ и еще пяти адмираловъ. Много бомбъ было брошено безъ всякаго результата, и такъ какъ наши корабли, выдвинутые впередъ на пятьсотъ сажень, были соединены цѣпами, образуя линію, то всѣ попытки абордажа оказались безуспѣшными и покрыли море трупами. Дѣйствительнымъ пораженіемъ для Франціи и побѣдою для Англіи была смерть Павла, вступленіе на престолъ молодаго Александра, замѣчательнаго по своей кротости. Всѣ порты были снова открыты, обрадованные помещики могли возобновить выгодную торговлю съ Англіею и сохранить безъ всякаго страха свои помѣстья въ Польшѣ. Александръ давалъ Польшѣ неопредѣленныя обѣщанія и удерживалъ возлѣ себя Чарторижскихъ, которые ублажали свое отечество надеждами на королевство, организованное по примѣру Англіи.

Съ другой стороны семейныя добродѣтели Александра способствовали къ тому, чтобы сдѣлать его политику очень мягкою. Онъ чрезвычайно уважалъ свою мать, она была нѣмецкой принцессой изъ Вюртемберга. Очень естественно было желаніе Александра, чтобы семейство его матери, а также и семейство его жены, баденской принцессы, получили бы свою долю выгоды при новомъ устройствѣ Германіи. Самъ онъ сохранялъ благоговѣйное воспоминаніе о родовомъ герцогствѣ царствующаго дома, Ольденбургѣ, и былъ готовъ оказывать ему во всемъ поддержку.

Люневильскій миръ давалъ ему возможность участвовать въ

третейскомъ судѣ по дѣламъ Германіи и удовлетворить своему душевному желанію. Но Бонапарте, пользуясь страхомъ своего имени и уступчивостью Александра, сталъ въ дѣйствительности хозяиномъ этого новаго порядка вещей, который за счетъ духовныхъ особъ обогащалъ особъ свѣтской власти. Пособники Бонапарте, Талейранъ и Дальбергъ въ Парижѣ, были распорядителями этой богатой добычи и не забыли семейства, которыя такъ интересовали Александра; его нѣмецкіе родственники были надѣлены болѣе щедро, чѣмъ то сдѣлалъ бы самъ Александръ. Благодаря этому русскій дворъ былъ очень снисходителенъ къ Бонапарте, который творилъ что хотѣлъ въ Германіи и въ Италіи.

Въ 1802 году Англія, удовлетворенная уступкою права нейтралитета (т. е. уступкою ей владычества надъ морями), выказала впезашно такое миролюбіе, что безъ особеннаго раздраженія слѣдила за приготовленіями, которыя дѣлали наши въ сѣверныхъ портахъ, съ цѣлью вновь покорить Сень-Доминго. Съ тѣхъ поръ, какъ Бонапарте почувствовалъ себя нездоровымъ (отъ наслѣдственнаго рака), въ 1800—1801 году, онъ принялъ твердое рѣшеніе удалить свою любимую сестру Полину, сдѣлавъ ее королевою міра черныхъ; онъ выдалъ ее замужъ за очень посредственнаго человѣка, не особенно имъ любимаго, генерала Леклерка, который былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи. Армія въ тридцать тысячъ человѣкъ была посажена на суда, но это не встревожило англичанъ. Питтъ окончательнo упалъ, или скорѣе устранился, и его мѣсто занялъ миролюбивый Аддингтонъ, котораго привѣтствовала Англія, а также и король, во чтобы то ни стало желавшій сохранить миръ, или покрайней мѣрѣ перемиріе, позволившее бы на нѣкоторое время пріостановить взиманіе военныхъ налоговъ, самыхъ обременительныхъ для страны.

Миръ этотъ былъ заключенъ на скорую руку въ Аміенѣ другомъ короля, лордомъ Корнваллисомъ, усмирителемъ Индіи.

Чтобъ скорѣе достигнуть желаемой цѣли, очень мало разбирали спорные вопросы. Франція въ то время занялась эвакуаціею Египта, но удержала за собою остальные завоеванія. Особенно она дорожила Мальтою, какъ центральнымъ пунктомъ этого моря; она предлагала уступить остальные завоеванія, лишь бы не уступить англичанамъ этого острова. Мальта осталась камнемъ преткновенія, о который разбивались переговоры и относительно котораго никакія соглашенія не были возможны. Въ сущности это было только перемиріе. Это временное затишье, всеобщая радость по поводу мира, помогли Бонапарте совершить то, что онъ называлъ великою внутреннею политикою, т. е. рядъ необыкновенныхъ глупостей, въ которыхъ онъ смѣло объявилъ себя ретроградомъ и антиреволюціонеромъ. Онъ пріостановилъ продажу національныхъ имуществъ; мѣра эта превратила массу эмигрантовъ въ льстецовъ, царедворцевъ его и просителей, добивавшихся возврата своихъ помѣстій.

Бонапарте раздумывалъ еще о совершеніи великой внутренней побѣды, какъ онъ выражался, т. е. заручиться духовенствомъ, назначать священниковъ—чиновниковъ, должностныхъ лицъ, которые, получая отъ него жалованье, были бы его послушными орудіями. Онъ живо представлялъ себѣ всѣ выгоды, какія онъ могъ извлечь изъ этого сословія, которое въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, передавало полиціи всѣ тайны исповѣдалень. Агентомъ его былъ знаменитый Бернье, вандейскій священникъ, товарищъ Стофле, тотъ Бернье, котораго сами вандейцы упрекали въ жестокости. Бонапарте назначилъ его священникомъ въ Сентъ-Есташъ. Мнѣ было пять лѣтъ, когда мой отецъ рассказалъ мнѣ происшествіе,

которое случилось тогда въ Сентъ-Есташѣ, ужасный случай, заставившій меня затрепетать и твердо сохранившійся въ моей памяти. Бернье, облеченный въ священническія одѣянія находился въ алтарѣ; одинъ изъ пострадавшихъ послѣдовалъ за нимъ, напомнилъ ему его варварства, мѣсто, время, когда онъ его изуродовалъ, и громовымъ голосомъ приказалъ ему выйти вонъ.

Съ другой стороны Бонапарте привлекъ къ себѣ знаменитаго кардинала Мори, посланника Людовика XVIII въ Римѣ. Этотъ интриганъ, расточительный и весьма вольнодумный, желая возвратиться въ Парижъ и занять тамъ мѣсто епископа, обманулъ обѣ партіи послѣ смерти Пія VI и употребилъ свое значеніе роялиста и агента Людовика XVIII на то, чтобы выбрать папу угоднаго Наполеону. Папа Пій VII былъ человѣкомъ тонкимъ и мягкимъ; по своимъ проповѣдямъ онъ казался олицетвореніемъ терпимости, но обманулъ всѣхъ и доказалъ, что патеръ останется всегда патеромъ. Онъ втихомолку отправилъ въ Парижъ очень опытнаго человѣка, Консальви, перваго министра предшественника своего, папы Пія VI. Этотъ осторожный министръ трепеталъ передъ разнорѣчивыми мнѣніями Парижа и сперва не смѣлъ показаться, но употребилъ въ дѣло болѣе смѣлаго Бернье.

Вначалѣ переговоры не приводили ни къ какому соглашенію. Пій VII съ большимъ упрямствомъ настаивалъ на томъ, чтобы католическая религія была объявлена *господствующею религіею*. Бонапарте на это не рѣшался и слово: *господствующая* было замѣнено словами: большинства французовъ; на счетъ всего остальнаго соглашеніе состоялось и папа отлично надулъ консула. Наполеону предоставлено было *назначеніе* епископовъ, но папа давалъ *каноническую инвеституру*, безъ которой назначеніе не имѣло цѣны въ глазахъ вѣрую-

щихъ; національное духовенство, которое требовало выбора духовныхъ лицъ, какъ въ первое время христіанства, было принесено въ жертву. Консулъ и папа подѣлились между собою церковною добычею. Епископы были королями священниковъ и назначали ихъ. Новое разграниченіе епархій уничтожило за одинъ разъ шестьдесятъ епископовъ. Священники получали содержаніе отъ государства, (кромѣ случайныхъ доходовъ) и обязаны были ему подчиняться. Архіепископы получали въ годъ до пятидесяти тысячъ франковъ, а епископы пятнадцать тысячъ. Отъ почитателей церкви зависѣло дѣлать добровольныя приношенія; весьма важное дозволеніе, благодаря которому имущества женщинъ часто переходило въ руки духовенства. Право наслѣдства, дарованное имъ революціею въ особенности послужило на пользу духовныхъ лицъ.

Договоръ подразумѣвалъ одно непремѣнное условіе: устраненіе священниковъ патріотовъ, которые присягали республикѣ и теперь не знали что съ собою дѣлать. Я зналъ одного, который сдѣлался водоносомъ. Десять тысячъ изъ числа ихъ были женаты *), подобно служителямъ древней церкви,

*) Вопросъ о безбрачїи духовенства, къ которому древняя церковь относилась безучастно, а протестантская рѣшила согласно природѣ чловѣка,—вопросъ этотъ могъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи возбудить лишь минутное колебаніе, когда епископъ, былъ въ тоже время и сеньеромъ, и вълѣдствїи этого жаднымъ и селоннымъ къ грабежу для своего семейства, нерѣдко обладавашаго всѣми пороками феодальныхъ правовъ. Въ то время Григорій VII рѣшился на свою страшную реформу: надѣясь уничтожить злоупотребленія, уничтоживъ причину, онъ запретилъ священникамъ вступать въ бракъ; онъ рассчитывалъ что лишившись цѣли, для которой они стяжали, они сдѣлаются безкорыстными и обратятъ все свое вниманіе на духовныя обязанности свои. Этотъ страшный моментъ очень хорошо описанъ Вильменомъ въ посмертномъ сочиненїи, которое явилось въ концѣ 1872 г.

Остается разсказать то, что не входитъ въ кругъ исторїи, что безбрачїе духовенства, не оправдало надежды Григорія VII. Священнослужители освобожденные отъ семейныхъ заботъ, не стали отъ этого болѣе развитыми

напр. епископу Сенезію въ третьемъ столѣтіи; женатыя подвергались преслѣдованіямъ на смерть и впади въ отчаяніе. Одинъ изъ нихъ, замѣчательно геніальная личность, Гренвилль, бросился въ Сомму. Бернье въ награду былъ сдѣланъ епископомъ Орлеанскимъ. Мори, архіепископъ Парижскій могъ продолжать свою распутную жизнь въ погонѣ за замужними женщинами.

Въ тотъ день, когда состоялись предварительныя соглашенія по Аміенскому миру, совершилось первое официальное молебствіе въ церкви Богоматери. Ретроградная партія возвѣстила черезъ Фонтана въ Монитѣрѣ о появленіи книги, успѣхъ которой занималъ всю партію и которая превозноси-лась ею до небесъ: «Красота религіи» иначе «Геній христіанства». Все это было очень враждебно общественному мнѣнію. Законодательный корпусъ, каковъ бы онъ ни былъ, выказалъ нѣкоторое мужество, назначивъ своимъ президентомъ чело-вѣка менѣе всего преданнаго церкви, автора «Происхожденіе култовъ», знаменитаго Дюпюи.

Консулъ направился съ большою торжественностью въ храмъ Богоматери и могъ видѣть, что всѣ ѣли во время службы. Что касается до него самаго, онъ былъ мраченъ. Онъ дѣлалъ видъ что въ немъ произошла нѣкоторая пере-

духовно. Готическія церкви, возбуждающія совершенно справедливое восхищеніе, не были построены безбрачнымъ духовенствомъ, какъ то полагали еще въ 1830 г. по архитекторами изъ не духовныхъ и женатыми, имена которыхъ сдѣлались извѣстными. Что касается схоластики, я уже говорилъ, какъ мало она оказалась плодотворною. Со времени Абельара и до Оккама, т. е. отъ двѣнадцатаго до четырнадцатаго столѣтія, она не могла сдѣлать шага впередъ и возвращается снова къ своей первоначальной точкѣ отпаденія. Объ этихъ важныхъ предметахъ—о безплодіи церкви въ средніе вѣка и о первой эпохѣ возрожденія 1200 г. такъ насильственно и безплодно подавленной, см. мое предисловіе къ *Возрожденію* въ VI т. моей *Исторіи Франціи*, Н. Шейра *Исторія альбигойцевъ*, Амарі *Исторія мусульманъ двухъ вѣковъ*.

мѣна, заставлялъ читать себѣ вслухъ Боссюэта. Жозефина и ея партія побѣдили его сестеръ и Бонапарте только что ввѣрилъ океану будущую королеву Сень-Доминго, возлюбленную Полину; она устроила рабство черныхъ въ то время, какъ ея братъ устраивалъ рабство бѣлыхъ.

Ланнъ и другіе храбрецы выказали много характера. Они не захотѣли войти въ церковь иначе какъ по приказу, отданному по формѣ. Вечеромъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, Бонапарте произвелъ нѣчто въ родѣ смотра генераламъ. Онъ увидѣлъ что Дельмасъ особенно мраченъ и спросилъ его мнѣніе о молебствіи. Этотъ храбрецъ *) который не одинъ разъ собственною рукою выхватывалъ австрійскія знамена изъ середины непріятельскихъ каре, не испугался настойчиваго запроса Бонапарте и отвѣтилъ: «Да, конечно это была прекрасная капуцинада; не доставало только присутствія милліона людей, которые пожертвовали своею жизнью, на то чтобы это не повторялось».

IX.

Торжество скуки. Безсильный возвратъ прошлаго. Шатобрианъ. 1801—1806.

Послѣ Маренго до Аустерлица Франція страшно скучала, да будетъ это извѣстно. Нынче можно вообразить, благодаря историкамъ Бонапарте, что его мнимыя возсозданія, надувательства старинными костюмами, взятыми изъ временъ римской имперіи, могли производить значительное впечатлѣніе.

*) Дельмасъ подавъ въ отставку и вновь поступилъ на службу лишь въ 1813 году. Онъ былъ убитъ, защищая Францію.

Заблужденіе! На всѣ перемѣны одежды, почетныхъ званій (десятилѣтнее консульство, пожизненное, имперія) слышались однѣ и тѣже замѣчанія: «Знаемъ! знаемъ!» Было извѣстно къ чему онъ стремился послѣ брюмера. Мало кто читалъ его законы и конституцію: непобѣдимая сила единогогласнаго избранія, которую приписывали несправедливо Бонапарте въ арміи, придавала этому новому правленію величественный видъ самой судьбы. Онъ двигался впередъ неуклонно, никто ему не перечилъ, точно масса желѣза или свинца, которая движется по закону тяжести. Многіе разсуждали подобно Сіэсу, что это прогрессивное шествіе приведетъ его къ пропасти. Ротшильдъ держался того же мнѣнія и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ игралъ на одну ставку—Ватерлоо. Но все это было еще далекое будущее и зависѣло отъ той азартной игры, на которую онъ рѣшился между 1806 и 1812 годами, отъ Аустерлица и Москвы.

Я говорю теперь о времени послѣ 1800 и до 1806 года, объ этихъ шести глухихъ годахъ, въ продолженіе которыхъ онъ не дѣлалъ ничего, рѣшительно ничего,—если не считать декретовъ, которые никто не читалъ; погребенные на страницахъ Монитера, они мало измѣняли характеръ существовавшаго порядка вещей. Онъ казался бы менѣе скучнымъ, если бы не назвалъ себя въ брюмерѣ *сыномъ Марса и Фортуны*. Но провозгласивъ такъ громко свое стремленіе къ дѣятельности, провести шесть лѣтъ въ полиѣйшемъ бездѣйствіи, кромѣ сочиненія разныхъ церемоній, которыя забавляли только дѣйствующихъ лицъ, — это было крайне скучно и несносно. Представьте себѣ глупое зрѣлище ярмарочнаго геркулеса, который хвастается силою своихъ мускуловъ, потрясаетъ въ воздухъ могучими руками, но не продѣлываетъ тѣхъ фокусовъ, какіе отъ него ожидаютъ. Его интриги въ Германіи, заботы

объ итальянскихъ дѣлахъ, представляли для Франціи мало интереса. Все, что она видѣла — это напрасныя усилія создать себѣ флотъ, посылка на удачу въ приморскіе порта людей, которые имѣли отвращеніе къ морю. Все это было трагично и смѣшно. Невинное удовольствіе строить маленькія лодочки, подражанія которымъ дѣти отлично воспроизводили, было предметомъ общихъ насмѣшекъ. Онъ безпрестанно съ самымъ серьезнымъ видомъ совершалъ поѣздки къ морскимъ берегамъ, смотрѣлъ на море и возвращался. Все это съ бѣшеною и ненужною торопливостью, которая всеѣмъ надоѣдала.

Незначительное движеніе, которое сохранилось въ націи послѣ параличной конституціи VII года, прекратилось, трибунать умолкъ. Государственный совѣтъ обсуждалъ съ Бонапарте гражданскіе законы при закрытыхъ дверяхъ; онъ же долженъ былъ производить инспекцію департаментовъ. На обязанности этой инспекціи перешли къ сенаторамъ, совершенно неподвижному учрежденію, не сходявшему съ мѣста и члены котораго ~~котораго~~ до того скучали, что ради поддержанія въ нихъ терпѣнія потребовалось созданіе въ каждомъ департаментѣ сенаторства въ сорокъ тысячъ франковъ дохода, прибавленнаго къ содержанію ихъ. Вотъ каковы были наши удовольствія, предметъ нашихъ разговоровъ вмѣстѣ съ классическими фельетонами, которые писалъ аббатъ Жоффруа въ газетѣ Débats. Прибавьте къ этому выставки картинъ, на которыхъ постоянно воспроизводилась одна и та же героическая фигура, надоѣдавшая наконецъ точно также какъ и безцвѣтныя рѣчи, произносимыя консуломъ во время его путешествій и съ которыми насъ пещадно знакомили.

Пытались устраивать промышленныя выставки. Тутъ же выставлялись и вещи тонкаго вкуса, отвратительная мебель

той эпохи, греческаго или египетскаго стиля. Знакомство съ Каиромъ доказало какъ ничтожны были эти печальныя поддѣлки подъ восточный вкусъ.

Что касается до строго промышленныхъ издѣлій, то они были въ милости. Шанталю оказали почетъ и сдѣлали его министромъ. Всюду только и шла рѣчь объ употребленіи бертолетовой соли при стиркѣ бѣлья. Свекловичный сахаръ былъ въ большомъ ходу, когда послѣ неудачной экспедиціи въ Сантъ-Доминго, Франція была заперта со стороны моря и не могла имѣть сношеній съ своими колоніями. Нѣсколько бумагопрядильныхъ машинъ грубой постройки, давали намъ поводъ хвастаться передъ Англіею. Паровая машина, очень неудачная въ своемъ подражаніи, почти не приносила пользы. Когда я былъ еще ребенкомъ меня повезли смотрѣть паровой насосъ Перье, тяжеловѣсную и малосильную машину, работавшую неловко при страшномъ шумѣ, такъ что все зданіе дрожало и въ него входили со страхомъ.

Что касается наукъ, Бонапарте постоянно говорилъ о математикѣ, хотя онъ съ трудомъ зналъ основанія ея. Онъ правда далъ первое мѣсто въ институтѣ и главную власть начальнику, папѣ науки, астроному Лапласу. Ему правилась система правильнаго движенія свѣтилъ, которыя слѣдовали непреложнымъ законамъ, и напротивъ того, онъ ненавидѣлъ Ламарка, который во время республики читалъ въ Музеумѣ о своихъ открытіяхъ и излагалъ свое ученіе о движеніи и круговращеніи существъ. Бонапарте и Лапласъ убивали Ламарка, насколько это было въ ихъ власти, и только много времени спустя Жоффруа и другіе могли снова поднять знамя жизни.

Около 1800 года въ Музеумъ проникъ молодой человекъ, Кювье и мало по малу сдѣлался въ немъ господиномъ. Остро-

умный и ловкий писатель, порядочный художникъ, Кювье запретилъ своимъ примѣромъ всякія теоріи о *превращеніи* видовъ, о самопроизвольномъ движеніи жизни, обративъ естественную исторію въ простое изученіе о *соотношеніи* формъ, которое объясняетъ и возстановляетъ жизненные отправления и нравы исчезнувшихъ животныхъ. Эти работы, какъ бы остроумны ни были онѣ, предполагали, что жизнь будетъ ждать всего отъ единственнаго работника, такъ что невольно является сравненіе ихъ съ конституціею VIII года, подчиненной дѣйствию одного человѣка. Поэтому рѣка жизни, указанная Ламаркомъ и которой онъ приписывалъ самостоятельное движеніе и превращеніе своихъ водъ, должна была остановиться на все время царствованія великаго описателя, который повидимому сказалъ природѣ: «Остановись, пожалуйста. Не измѣняйся, пока я рисую, пока я создаю твой портретъ».

Былъ человѣкъ, которому удалось бы пожалуй перешагнуть границы, если бы онъ жилъ и продолжалъ свои изслѣдованія объ основахъ жизни. Но въ то время, когда Кювье началъ царствовать, мы потеряли молодаго Биша, великаго анатома, который скорѣе всего постигъ бы движеніе жизненныхъ формъ. Онъ успѣлъ уже совершить одно важное открытіе: что жизнь здоровая или больная не заключена въ тѣсныхъ границахъ одного какого-нибудь *органа*, но что она распространяетъ на оболочки обнимающія нѣсколько органовъ. Биша умеръ тридцати лѣтъ, но въ своихъ трудахъ пережилъ цѣлую жизнь. Онъ былъ чрезвычайно плодovitъ, и во время великихъ убійствъ имперіи, многіе изъ остроумныхъ нашихъ хирурговъ и докторовъ вдохновлялись, въ своихъ разнообразныхъ теоріяхъ, наслѣдіемъ его могучаго ума.

Во внутренней жизни науки царствовалъ полнѣйшій застой. Сама жизнь была не только приостановлена, но отвергнута и

осмѣяна. Кювье, человѣкъ ума и хорошаго общества остановилъ Жоффруа-Сенъ-Илеръ на двадцать лѣтъ. Онъ принялъ на себя роль полиціи въ наукѣ и запретилъ появленіе смѣльныхъ теорій, уничтожая самые факты своимъ авторитетомъ. Онъ явился противникомъ не только теоріи о родствѣ человѣка съ животными, изложенной Жоффруа, но и всѣхъ теорій о превращеніяхъ земной коры, которыя были имъ отвергнуты какъ-то: теорія подпятій Леопольда Буха и пониженій Констанца Прево.

Міръ былъ объявленъ молодымъ, чтобы сдѣлать удовольствіе клерикальной партіи. Ископаемые слѣды человѣка были запрещены, изъяты изъ коллекцій и самое занятіе раскопками было уничтожено въ институтѣ. Таково было счастливое вліяніе на науки самовластнаго авторитета Бонапарте. Въ исторіи человѣчества умерла критика. Не смотря на древніе памятники Египта, провозгласили, что Египетъ страна молодая. Кювье запретилъ ему отдѣляться изъ клерикальной хронологіи. Поддержанный духовенствомъ въ Оксфордѣ, въ Берлинѣ, такъ же какъ и въ Парижѣ, онъ продлилъ свою тираннію и послѣ паденія Наполеона, до 1832 года. Во время царствованія Кювье всюду процвѣтала клерикальная партія. Соревнуя тѣмъ писателямъ, которые въ правленіе Людовика XIV составляли славу и плодovitость XVII вѣка, Роско, доказывалъ въ своихъ слабыхъ произведеніяхъ, повсюду переведенныхъ, что безцвѣтная эпоха Медичисовъ составляла величіе итальянской націи въ гораздо большей степени, чѣмъ эпоха Данте.

Одно не можемъ обмануть—это искусство.

Въ то время, когда наука себя сѣуживаетъ и кастрируетъ, литература падаетъ, жжетъ и гримасничаетъ, искусство въ эпоху безобразія становится тоже безобразнымъ. За исключеніемъ Прю-

дона, родившагося въ лучшую эпоху, и Гро, замѣчательнаго тонкаго колориста, который къ концу сдѣлался однако простымъ декораторомъ, наполеоновское искусство внушаетъ отвращеніе своею сухостью и безобразіемъ. Глава школы—Давидъ, но былъ ли великій и ученый профессоръ въ дѣйствительности художникомъ? Если бы не нѣсколько знаменитыхъ его портретовъ, то можно было бы усомниться въ этомъ. Его ученики были настоящими мучениками; они дѣлали напрасныя усилія и чувствовали, что всѣ ихъ мученія ни къ чему не ведутъ. Бездушный Герень, слабый и безцвѣтный Жераръ, навели страшную тоску. Жиродэ, вѣчно мучившійся потугами творчества и сознаніемъ совершеннаго безплодія, герой-неудачникъ напоминалъ собою свирѣпый образъ маленькаго бѣсноватаго картины «Преображеніе»,—этого жалкаго ребенка сжимающаго кулаки, глядя на небо. Жиродэ, этотъ мученикъ искусства, напоминалъ до нѣкоторой степени пылкаго, измѣнчиваго Шенье, настоящаго патріота, который во времена Робеспьера осмѣлился написать «Тимолеона» и воспѣть убійство тирана. Онъ самъ былъ обманутъ тираномъ въ брюмерѣ и потомъ написалъ лучшіе свои стихи противъ тираніи. Его «Прогулка въ Сень-Клу», и стихотвореніе «Противъ клеветы», также безсмертны какъ и его сужденія о литературѣ той эпохи и о Шатобріанѣ. Во всемъ замѣчается нѣсколько сухое, но мѣткое и горячее краснорѣчіе, какъ бы отголосокъ ума противъ безцвѣтнаго и фальшиваго византизма этой эпохи.

Рядомъ съ Шенье, нѣсколько ниже его по воображенію и легкости пера, можно поставить человѣка, о которомъ рѣчь еще впереди, поэта Лемерсье, достойнаго жить навсегда въ памяти, за литературную смѣлость и попытки создать зарю

романтизма, а также за то, что онъ поднялъ литературу смѣлымъ протестомъ противъ Бонапарте.

Лемерсье, нѣжный ангельскій обликъ котораго очаровалъ и г-жу Ламбаль и Жозефину, былъ тѣмъ не менѣе человѣкомъ твердаго характера. Бонапарте зналъ его хорошо, онъ никогда не могъ вызвать въ немъ угодливости и поэтому преслѣдовалъ его всѣми силами, то отвергая его пьсы, а если онѣ были приняты, то непременно устраивая имъ фіаско. Лемерсье не зналъ искусства успѣха, эту промышленность современныхъ богатыхъ поэтовъ. Онъ жилъ на шестнадцать су въ день. Вотъ причина его гордости, независимости, его предсказаній, даже пророчествъ противъ Наполеона. Онѣ исполнились буквально. Онъ сказалъ ему въ 1804 году. «Вы стали императоромъ, и вы приготовили ложе для бурбоновъ. Вы займете его на десять лѣтъ (до 1814 г.)». Въ 1811 году императоръ, собираясь въ походъ на Москву, увидѣлъ поэта на одномъ собраніи въ институтѣ, и имѣлъ подлость сказать человѣку, голосъ котораго онъ заглушалъ: «Чтожь вы ничего не пишете для театра?» Лемерсье отвѣтилъ: «Я жду».

1802 годъ былъ торжествомъ человѣка, счумѣвшаго лучше приготовить себѣ успѣхъ; онъ принаровился къ партіи, дѣлая видъ что сохраняетъ независимость. Шатобріанъ, умѣлый пловецъ, постоянно плылъ по теченію, давалъ себя увлечь приливу, набѣгавшей волнѣ, будь то волна церкви, то роялизма и реставраціи. Не лишнее будетъ прослѣдить, какъ этотъ молодой человѣкъ, эмигрантъ воротившійся около брюмера и отлично принятый въ салонъ Жозефины, устроилъ свои успѣхи и расчистилъ имъ путь. Онъ началъ не трагически, не громовыми ударами, какъ де-Местръ, но болѣе умѣренными пріемами, эклектически «Замѣтками о революціи», которыя не могли задѣть никого. Онъ понялъ, что для Парижа требовалось

прежде всего, что-нибудь удивительное; и пока онъ довольно неудачно строчилъ для нѣсколькихъ газетъ (Débats, Quotidienne) онъ, чтобы лучше обратить вниманіе проходящей толпы, вдругъ выпрыгнулъ въ окно... т. е. я хочу сказать — онъ написалъ *Атталу* въ 1801.

Небольшой романъ, въ которомъ авторъ сперва имѣлъ въ виду подражаніе предестной книгѣ «Пасель и Виргинія», но въ которомъ онъ, чтобы привлечь вниманіе, выдумалъ совершенно своеобразный языкъ, не французскій и не ниже-бретаонскій. Это произвело эффектъ и всякій прислушиваясь говорилъ, смѣясь. «Это ново!» Или «Что-жь это такое?» *) Чудовищный комизмъ

*) Всѣ тѣ, которые читали первое изданіе столько разъ переправленное въ послѣдствіи, отвергивались съ ужасомъ. Видѣлъ ли онъ Сѣверную Америку? Въ этомъ можно усомниться. Онъ описываетъ только картины природы тропиковъ. Страна, о которой онъ говоритъ съ ласками кипарисами и мхами ея (тиллязія *) совершенно различна отъ сѣвера Америки. Эти напрасныя описанія имѣютъ только цѣлю подражаніе, и очень неуклюжее, Бернардену де Сенъ Пьеру и наводненіе литературы грубымъ потокомъ неологизмовъ. Бѣдный французскій языкъ два раза подвергся въ этомъ столѣтіи варварскимъ помѣсямъ, которыя можно сравнить съ опасной операціею переливанія крови, сдѣланною неискусными хирургами.

Я всегда держался очень далеко отъ всего этого движенія, зная, что нововведенія нужныя въ такомъ богатомъ языкѣ, какъ языкъ Рабле, Мольера, Вольтера и Дидро, должны быть сдѣланы съ большою осмотрительностью и въ очень ограниченномъ количествѣ по мѣрѣ того, какъ новыя идеи требуютъ новыхъ оборотовъ фразъ и сочетаній словъ. Въ классическомъ образованіи моемъ, я имѣлъ счастье получить это указаніе отъ профессора своего, Вильмена, которому отдали справедливость крайне жалкую и скудную. Онъ вначалѣ былъ секретаремъ. Нарбонна, одного изъ остроумнѣйшихъ людей того времени, несравненно болѣе остроумнаго, чѣмъ Талейранъ, о которомъ, такъ много кричали. Нарбонъ, котораго считали сыномъ Людовика XV и принцессы Аделаиды, былъ долгое время любимымъ другомъ г-жи Сталь, и Бонапарте передъ своимъ гибельнымъ походомъ, послалъ его въ Россію испробовать надъ Александромъ обаяніе французскаго

*) *Тиллязія* Tillandsia usnevides, Barbe Sespagnole, растеніе изъ семейства ананасовыхъ (Bromeliасха), съ узкими длинными листьями, висющими пучкомъ съ деревьевъ, на которыхъ *тиллязіи* эти поселяются. *Прим. пер.*

этого произведенія окончательно бы погубилъ автора. Но въ немъ заключалось нѣчто—*обращеніе*. Героиня молодая дикарка умираетъ христіанкой. Это доставило книгѣ успѣхъ въ извѣстномъ кругу читателей, вѣроятно очень терпѣливыхъ; они дождались, пока, путемъ нѣсколькихъ изданій, авторъ постоянно передѣлывая свое произведеніе, не придалъ своей героинѣ болѣе человѣческій образъ.

Ханжи и критики способствовали къ тому, чтобы доставить ему славу... краснорѣчія или глупости.

Пока передѣлывали этого уroda и расправляли его неправильные члены, католическіе книгопродавцы совершенно резонно замѣтили молодому автору, что нельзя составить себѣ состояніе такими тоненькими брошюрами. Они указали ему на толстыя, многотомныя изданія г-жи де Жанлисъ, назначенныя для воспитанія и которыя продавались, какъ горячій хлѣбъ:

ума. Умъ этотъ, умъ XVIII вѣка блестялъ вмѣстѣ съ Нарбономъ въ салонѣ матери Вильмена, которая была очень добра ко мнѣ. Вильменъ былъ обязанъ покровителю своему, Нарбону блестящимъ случаемъ, который оказался несчастіемъ въ его жизни.

Гумбольдтъ привелъ Александра I и другихъ сѣверныхъ монарховъ въ институтъ, и члены его, не предупрежденные о предстоявшей чести, очутились въ затруднительномъ положеніи; чтобы выйти изъ него они выбрали сказать рѣчь монархамъ, мальчика Вильмена, который только что получилъ премію въ институтѣ. Онъ такъ прекрасно сдѣлалъ свое дѣло и съ ловкостью такъ полной достоинства, что ему этого никогда не простили. Выгнанный въ отставку Вильменъ и ультра-роялистами, онъ долго оставался безъ всякой общественной должности, кромѣ каеэдры преподавателя въ Сорбоннѣ. Онъ давалъ тамъ въ продолженіе тридцати лѣтъ рѣдкое зрѣлище дѣйствительной импровизаціи, всѣ другія были такъ искусственно подготовлены; но онъ во очію всѣхъ импровизировалъ, металъ настоящія искры, поражавшія всѣхъ и его самого. И въ то же время этотъ великій импровизаторъ былъ терпѣливѣйшимъ изъ писателей, это доказано его Григоріемъ VII, произведеніемъ усидчиваго труда, старательной отдѣлки и очень либеральнымъ для своего времени. Любящая рука издала наконецъ этотъ важный трудъ. Не разъ онъ дѣлалъ мнѣ честь читать отрывки, дополненія, которыя возникали мгновенно, такъ что я могъ удивляться въ немъ двумъ вещамъ, которыя кажутся несомнѣстными: внезапности творчества и терпѣнію.

Историческія картины и др. Тогда появилась въ четырехъ томахъ *Красота религіи*, заглавіе не христіанское, которое никогда не принялъ бы настоящій вѣрующій. Къ нему прибавили еще заглавіе, такое же неудачное «Геній христіанства». Этотъ *Геній* такъ хорошо распродавался, что находили удобнымъ дополнять его все новыми и новыми прибавленіями. Къ таинствамъ, праздникамъ, колоколамъ, прибавили церковь, монаховъ, миссіонеровъ, нищенствующие ордена, іезуитовъ и т. д.

Такая энциклопедія, украшенная воспоминаніями, но безплодная по своему содержанію, тѣмъ не менѣе представляла много привлекательнаго для людей, которые соединяли съ этой книгой воспоминанія дѣтства. Она не имѣла впрочемъ особеннаго вліянія. Для достиженія такого успѣха надо было ждать, чтобы возстановленная королевская власть доставила ей вліяніе на государство, на бюджетъ, на общественную благотворительность, а главное требовалось появленіе предательскаго механизма, амфибіи Сень-Випсентъ-де-Поль *). Книга Шатобріана имѣла литературный успѣхъ вотъ и все. Тѣ, которые видѣли съ какимъ смѣхомъ приняла папу армія на карусельной площади, хорошо поняли, что Франція вольтеріанская страна и что восемнадцатое столѣтіе переживетъ всякое другое вліяніе.

Церкви, открытыя до Бонапарта, были теперь вновь посѣщаемы, чествуемы, но публика отправляясь туда, зѣвала. Вѣрные и часто упорные послѣдователи стараго порядка вещей должны были найти въ этомъ притворномъ возрожденіи прежняго порядка утѣшеніе, которое заставило бы ихъ забыть новый

*) Общество филантропическое помѣсь свѣтскаго и духовнаго элемента, работавшая для ультрамонтанства подъ маской филантропіи. Прим. пер.

строй государства и военную тиранию, но на самомъ дѣлѣ они не утѣшались, а чувствовали скуку и отвращеніе.

Началось совершенно новое явленіе, общество занимало нейтральное положеніе между патерами и солдатами, равно безпристрастно ненавидѣло и тѣ и другія механическія пружины. Но куда идти? Гдѣ найти источникъ жизни? Въ себѣ? Въ эгоизмъ? Въ нравственномъ усовершенствованіи личности? Но невозможно было найти душевный миръ и всякій ощущалъ кругомъ себя пустоту.

Время Бонапарта отмѣчается одною оригинальною чертою—новымъ родомъ литературы — *литературою скуки*. Это удивило Наполеона. Онъ иногда читалъ вновь вышедшія книги и не находилъ ничего. Онъ совѣтывался съ Фіэве, который жилъ у него на антресоляхъ. Однажды онъ приказалъ одному министру составить исторію Франціи. Ничего изъ этого не вышло. Пустота, ничтожество—этотъ новый властитель міра,—ничтожество одно подало ему отвѣтъ. Шумные и оживленные своими разговорами салоны — временъ директоріи находились теперь подъ надзоромъ, ихъ посѣщали шпіоны Фуше; не смѣя закрыться совершенно, они постепенно пустѣли и, наконецъ, упразднились. Отсюда пошла волна всеобщей скуки. Послѣ закрытія трибуната, блестящій ораторъ, молодой Бенжаменъ Констанъ написалъ романъ «Адольфъ»; въ немъ доказывается, что любовь единственное утѣшеніе того времени, не спасаетъ отъ скуки. Г-жа Сталь съ своей стороны создала многословный романъ Дельфина въ 1802 г., затѣмъ Коринну, герой которой, безличный Освальдъ, обнаруживаетъ нерѣзительность наводящую сплинъ.

Наконецъ весьма замѣчательный писатель Сенанкуръ *)

*) Замѣчательные умы того времени, болѣе тонкіе нежели умы нашего времени, которые такъ часто любятъ выставять себя, напротивъ любили и упо-

не пытается уже скучать вдвоемъ, онъ ищетъ жизни въ уединеніи, на лонѣ природы, не фантастической, раскрашенной природы романа «Аттала», но настоящей возвышенной природы Альповъ *). Даже тамъ въ его убѣжище, въ Вале, скука остается его вѣрнымъ товарищемъ и онъ всюду съ ней встрѣчается. Она овладѣла всѣмъ существомъ его. Скука дѣлается властительницею эпохи до такой степени, что даже Шатобрианъ, который недавно взялся утѣшить общество приманкою воспоминаній прошлаго, сознается, что религія призываемая имъ въ Геніѣ христіанства, не успокоила и не утѣшила его. Отсюда явилось его новое произведеніе — «Рене», эта исповѣдь отчаянной меланхоліи, хотя противоестественная страсть, на которую намекаетъ авторъ и придаетъ ханженству

требляли очень странныя усилія на то чтобы скрыться. Сенанкуръ, очень долго былъ тайной; не знали ни жизни, ни личность его. Наконецъ, родственники его рѣшились въ этомъ году передать бумаги его тонкому критику нашему, Жюлю Левауа наиболее достойному разсѣять тьму неизвѣстности.

*) Эти картины, изумительныя и однако безсильныя передать нѣкоторыя вещи, заставили меня сдѣлать одно размышленіе. Пейзажъ, великая слава искусства XIV вѣка, наконецъ передалъ то, чего стиль едва ли можетъ передать ничего не достигали сами великіе пейзажисты XVII вѣка. Голландцы очень рѣдко передавали это, за исключеніемъ нѣкоторыхъ картинъ Поль Поттера, наши передали: *они пишутъ воздухъ*, и можно, увидѣвъ на картинахъ ихъ атмосферу, сказать не только какое мы видимъ время года и мѣсяцъ, но даже и степень температуры воздуха. У меня передъ глазами пейзажъ Поля Гюэ, возродителя великаго искусства, пейзажъ уединенный, сирой; солнце, котораго не видятъ за скрывающимъ его холмомъ, садится, и эта картина, прелестная и умиляющая, говоритъ: *четырнадцать градусовъ въ сентябрь*. Рядомъ я вижу пейзажъ Лорте, великаго ліонскаго живописца: Веттергорнъ. Необозримая сцена, высокія вершины горъ еще освѣщенныя солнцемъ; но при сильномъ и свѣжемъ вѣтрѣ, на нихъ всего два градуса, тогда какъ низкія террасы ихъ въ еловыхъ лѣсахъ, хотя и защищенныя отъ вѣтра, *кажутся* еще болѣе близкими къ точкѣ замерзанія. Съ самаго низа до самаго верха, на возвышеніи около шести тысячъ футъ, эта превосходная картина заставляетъ меня ощущать всѣ степени швейцарскаго холода, такъ рѣзкаго, такъ живительнаго.

нѣсколько скандальный оттѣнокъ. Странная примѣсь среди такой христіанской энциклопедіи *).

Наконепъ послѣ столькихъ вздоховъ, столькихъ ложныхъ призывовъ въ смерти, смерть приходитъ и говорить: «Вотъ и я!» Гренвилъ писалъ — затѣмъ умолкъ. Вотъ что ясно, откровенно, что заставитъ замолчать болтуновъ. «Послѣдній человѣкъ» Гренвилля значительно выше по замыслу всѣхъ произведеній того времени, хотя и безцвѣтное по исполненію, оно заключаетъ въ себѣ замѣчательно правдивыя черты, будучи созданіемъ самого отчаянія (1798—1804).

X.

Гренвилль. Послѣдній человѣкъ.

Англичанинъ, національное безпристрастіе котораго доказывало его великодушіе, высказалъ свою оцѣнку этой поэмы: «она сохранится до послѣдняго человѣка, до скончанія міра, скорѣе чѣмъ поэма Мильтона».

Къ сожалѣнію, она сама по себѣ ничто иное какъ набросокъ прозой; авторъ умеръ и только начало ея переложено стихами. Очеркъ былъ напечатанъ первымъ книгопродавцемъ Детервилемъ, которому онъ былъ рекомендованъ Бернарденомъ Сентъ-Пьеромъ. Впослѣдствіе его вновь отпечаталъ Нодье. Но оба эти изданія составляютъ рѣдкость, поэтому я самъ составилъ выписку въ 1850 г.; которую и напечаталъ вмѣстѣ съ моими «Легендами демократіи».

*) И буду говорить далѣе о «Мученикахъ» и тамъ я обращу вниманіе на большую несправедливость того времени: на странное согласіе выказанное прессою, чтобы задавить молчаніемъ прекрасную книгу, полную новыхъ и оригинальныхъ взглядовъ: «Исторію литературныхъ идей». Альфреда Мишеляса. См. что онъ тамъ говоритъ о элементѣ чудеснаго.

Оригинальность этого труда заключается не только въ мрачномъ величїи его, оригиналенъ самый замыселъ, идея, составляющая центръ произведенія, высокая теологическая мысль, которую не могли выяснить самые великіе гевїи. Гомеръ ска- залъ, что боги и люди висятъ на одной цѣпи, конецъ которой держитъ богъ, Юпитеръ. Но что это за цѣпь? Никто этого не объяснилъ. Данте не могъ этого сдѣлать, не смотря на теологическія тонкости и величіе своей поэзіи гнѣва. Шекспиру это тоже не удалась, его фантазія витала между туман- ными представленіями Гамлета и радужными переливами его волшебныхъ пьесъ. Гренвилль проникъ далѣе. Глубокою думою и сердцемъ, истерзаннымъ отчаяніемъ, онъ первый позналъ эту цѣпь, посредствомъ которой богъ держитъ міръ въ своей рукѣ.

Зимою 1804 года, въ тяжелый годъ коронованія, можно было видѣть въ Амьенѣ несчастный домикъ, къ которому никто не подходилъ. Онъ находился такъ сказать подъ опалою, подъ общественнымъ осужденіемъ и остракизмомъ. На него указы- вали издали. Трава свободно росла на сырой узенькой улицѣ и передъ дверями дома, почти всегда запертыми. Если бы не плескъ грязной воды въ канавѣ, протекавшей за домомъ, ко- торая приносить своимъ теченіемъ овощи сосѣднихъ огород- никовъ, то никакой звукъ не нарушилъ бы эту проклятую тишину и не напоминалъ бы, что находишься въ центрѣ боль- шаго многочисленнаго города. Обитателями этого печальнаго дома были мужчина и женщина приблизительно одного возраста, около шестидесяти лѣтъ. И онъ и она выходили каждое утро, ихъ можно было наблюдать: они шли покушать по близости хлѣба. Кроткая фигура женщины внушала скорѣе сочувствіе; мужчина поражалъ своею благородной осанкою, при страшной бѣдности, и постоянно задумчивымъ и разсѣяннымъ видомъ.

Какое проклятіе тяготѣло на этомъ человѣкѣ? Отчего всѣ

избѣгали его? Не были ли руки его осквернены преступленіемъ? Или не лежало ли на немъ клеймо убійцы? Быть можетъ, онъ принадлежалъ къ числу жестокихъ патріотовъ, которые поставили свободѣ кровавые памятники и которыхъ въ свою очередь, такъ безжалостно преслѣдовала реакція? Нѣтъ, онъ былъ напротивъ того жертвою террора.

До революціи Гренвилль (его имя) былъ священникомъ и искалъ спасенія въ женитьбѣ. Онъ обвинчался съ родственницею зрѣлыхъ лѣтъ, бѣдною, но развитою умственно, кроткаго и покорнаго характера; то былъ чистый союзъ, заключенный подъ гнетомъ необходимости и который остался безплоднымъ.

Гренвилль имѣлъ тысячу пятьсотъ ливровъ дохода и потерялъ ихъ, онъ открылъ небольшой пансіонъ, который обезпечивалъ вначалѣ его существованія, такъ какъ въ то время почти всѣ прежнія заведенія были закрыты. Вскорѣ вернулись всѣ враги революціи, помилованные ею и неумолимые въ своей злобѣ противъ нея. Патеры воротили свое вліяніе. Новый терроръ, въ обратномъ смыслѣ, обрушился на всѣхъ, кого считали революціонерами. Теперь не гильотинировали, а изводили голодомъ. Женщины оказались самыми жестокими помощницами патеровъ, самыми безжалостными орудіями преслѣдователей. Свѣтскія дамы говорили, что не будутъ болѣе посылать въ лавки людей, неимѣющихъ религіи. Ихъ примѣру послѣдовали буржуазки; онѣ не рѣшились бы допустить невѣрующаго работника приколотить доску, гвоздь, вставить стекло. Посудите сами, какую войну должны были объявить женатымъ священникамъ! Училище Гренвилля опустѣло; ученики уходили одинъ за другимъ—учитель остался въ одиночествѣ. Въ полномъ, безусловномъ одиночествѣ, не видя ни единого человѣческаго лица около себя. Друзья, знакомые

Гренвиля тоже опальные передъ общественнымъ судомъ, тоже отлученные за свои сношенія съ нимъ, мало по малу оставили его, конечно не безъ сожалѣнія; но они не могли получить прощеніе и возвратиться въ общество, не покинувъ осужденнаго. Одиночество его уже ни кѣмъ не нарушалась, оно равнялось одиночному заключенію. Повидимому человѣкъ былъ свободенъ и въ то же время находился въ тюрьмѣ; общество сказало ему: «Ты можешь идти куда хочешь, воротиться; но ты всегда будешь одинъ, ты не встрѣтишь человѣка, который пожелалъ бы обмѣняться съ тобою словомъ... Ты не будешь больше ни говорить, ни слышать!»

Въ своемъ скорбномъ произведеніи Гренвилль высказы-
ваетъ, что высшее благополучіе это *счастіе видѣть людей и слышать человѣческій голосъ*. Того, чье сердце было преис-
полнено нѣжнымъ чувствомъ человѣчности, заставили умереть
одинокимъ какъ дикаго звѣря! Когда знаешь каковы были въ
то время провинціальныя города—а большинство и теперь не
измѣнилось—можно безъ труда представить себѣ послѣдствія
такого заговора. Что касается Амьена, то этотъ городъ, не
смотря на нѣкоторыя внѣшнія измѣненія вслѣдствіе промыш-
леннаго движенія, по существу своему, не измѣнился. Это
все тотъ же древній Амьень, тяжело раскинувшійся по бере-
гамъ Соммы; соборъ выдается своею прочною постройкою и
какъ бы подавляетъ весь городъ, господствуетъ надъ нимъ.
Дома, сады, торфяныя ямы — все это раскинулось на ни-
зинѣ, среди тумана и воды. Движенія мало, очень мало.
Книжная торговля находится въ рукахъ духовенства. Во вре-
мя короткой прогулки, я открылъ тамъ три типографіи: пер-
вая принадлежала епископу, второю была типографія журнала
духовенства, въ лавкѣ третьей можно было найти только мо-
литвенники.

Не существуетъ, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ болѣе жалкаго населенія, нежели обитатели нижней части города Амьена. Женщины шьютъ мѣшки и, работая шестнадцать часовъ, получаютъ десять су; нитки и освѣщеніе на ихъ счетъ. Живутъ онѣ въ неимовѣрной тѣснотѣ, среди грязныхъ узкихъ улицъ, въ небольшихъ домахъ, которые раздѣлены между нѣсколькими семействами. Стоячія воды канавъ, идущихъ вдоль улицъ, покрыты вѣчнымъ туманомъ, который въ дурное время года долженъ насквозь пропитать своею сыростью эти печальныя жилища, нездоровыя и неприглядныя; туманъ этотъ кажется олицетвореніемъ тоски. Проходя тамъ, я подумалъ: «если человѣкъ способенъ почувствовать отвращеніе къ жизни, то именно здѣсь...» Что поддерживаетъ этихъ несчастныхъ? Вода—и въ то же время она низводитъ ихъ на степень животныхъ. Она доставляетъ имъ временное забвеніе и помогаетъ имъ терпѣливо дожидаться конечнаго благодѣянія—смерти.

Гренвилль долго противился плѣнительному образу смерти. Онъ боролся, все еще надѣясь, работая, увѣряя себя, что душа, въ которой зрѣетъ великая мысль, не должна умирать. Онъ боролся, поддерживая въ сердцѣ своемъ нѣжныя чувства къ этой женщинѣ, къ этой сестрѣ, невинному и покорному существу; она не жаловалась, не роптала, скрывала свои слезы. Положеніе человѣка, обязаннаго жить только потому что онъ любитъ, что онъ сердцемъ прикованъ къ жизни во всемъ невыносимый, повліяло главнымъ образомъ на геній Гренвилля; если это положеніе не спасло его отъ самоубійства, то оно вдохновило его произведеніе и доставило ему безсмертіе. Содержаніе его поэмы—это *послѣдній человѣкъ*, иначе сказать конецъ свѣта; это разсказъ о послѣдней борьбѣ земнаго Генія, изнемогающаго, обреченнаго на смерть и, не смотря на смертный приговоръ свой, упорно стремящагося жить, под-

держивать любовь между людьми, вдохновлять ихъ, чтобы они еще любили другъ друга; потому что, говорить великій поэтъ, земля наша не можетъ погибнуть, пока на ней живутъ хотя двое людей, которые связаны взаимною любовью *).

Гренвилль цѣлую жизнь свою обдумывалъ эту поэмъ смерти. Онъ родился въ Гаврѣ, такъ же какъ и Бернардень де Сенъ-Пьеръ, который женился на сестрѣ его; съ дѣтства передъ его глазами разстилался океанъ; онъ наблюдалъ разрушительное вліяніе его на берега, слѣдилъ за постепеннымъ уничтоженіемъ нашихъ прибрежныхъ утесовъ, подмываемыхъ волнами. Печальныя развалины, въ которыхъ мечтается видѣть земной шаръ по частямъ исторгнутый изъ нѣдръ его постоянными терзаніями дикой стихіи. Гренвиллю не было еще шестнадцати лѣтъ, когда, пораженный мыслью о неизбѣжномъ разрушеніи нашей земли, онъ сказалъ ей: «ты умрешь!» Какъ юноша благороднаго, но бѣднаго происхожденія, Гренвилль принадлежалъ къ тому слою общества, который долженъ былъ погибнуть; онъ былъ представитель класса людей, воплощавшаго въ себѣ всю ветхость этого общества. Дворянство Франціи, по свидѣтельству де Местра, вырождалось, разрушалось, уничтожалось.

Бѣдный и благородный Гренвилль былъ обреченъ сдѣлаться священникомъ, облечься въ духовную одежду и въ лицемѣріе, потому что пылкій страстный юноша имѣлъ по видимому совершенно другое призваніе. Чтобы побороть природу, отречься отъ нея и заставить ее молчать, требовалась вѣра твердая и непоколебимая. Гренвилль убѣдился, что его церковь есть школа невѣрія. Товарищемъ его по семинаріи въ Сенъ-Сюльписѣ былъ самый невѣрующій человекъ, поли-

*) Переводъ поэмы этой приложенъ къ II тому «До 18 Брюиера».

тический дѣятель, молчаливый, угрюмый Сіэсъ. Странная личность, объяснившая революцію побѣдою числа; онъ считалъ людей за атомы, или числа и старался построить изъ этихъ атомовъ геометрическія, мертвенныя гробницы, которыя онъ называлъ конституціями. Настоящій политикъ смерти! Вотъ наконецъ Гренвилль священникъ, съ жаромъ говорящій проповѣдь о томъ, чему онъ старается вѣрить; онъ говоритъ громко, кричитъ, чтобы убѣдить самого себя. Вотъ онъ въ числѣ другихъ поднимаетъ лай на философовъ и отвергаетъ разумъ. Въ этомъ смыслѣ онъ пишетъ отвѣтъ на вопросъ поставленный одною академіею; онъ весьма неудачно подражаетъ Руссо.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день эта лживая жизнь и разыгрываемая роль становятся ему невыносимыми, его природная искренность одерживаетъ побѣду. Онъ усталъ быть патеромъ, а не человѣкомъ. Онъ разрываетъ свою рясу, оставляетъ кафедру, отказывается отъ небольшихъ успѣховъ и небольшого кружка своего сословія и своихъ земляковъ, покидаетъ Амьень, отправляется въ Парижъ, гдѣ пишетъ драму. Это было наканунѣ 89 года. Замѣчательна судьба этого человѣка! Только что онъ стучится въ двери этого общества, едва успѣваетъ войти—и все кругомъ рушится, остаются лишь обломки.

Молодой гигантъ, вышедшій изъ этихъ развалинъ—революція, въ младенческой неопытности полагаетъ, что разрушивъ престолъ, можно сохранить алтарь. Она возобновляетъ выборы священниковъ по примѣру древней церкви, ихъ возвеличиваютъ, князей уничтожаютъ; призываются лучшіе священники и имъ поручаютъ проповѣдывать равенство передъ Богомъ. Гренвилль возвращается въ обновленную церковь, онъ вступаетъ на кафедру, говоритъ... Кафедра обрушивается подъ

нимъ. Вскорѣ нужно будетъ другое, болѣе могущественное, болѣе глубокое — внутренняя реформа, не одной дисциплины, но духа закона. Все это въ будущемъ. 93 годъ раздражается надъ головою Гренвилля. Терроръ встрѣчаетъ его священникомъ и кладетъ на него свою суровую руку.

Въ Аміенѣ находился проконсулъ, свирѣпый, но ловкій человекъ; жестокій съ виду, суровый неумолимый на словахъ; онъ держится этой формы свирѣпости, чтобы избѣжать пролитія крови. Онъ зоветъ Гренвилля: «я общалъ, говоритъ онъ ему, головы шестидесяти четырехъ священниковъ; ты одинъ изъ нихъ и не изъ послѣднихъ. У тебя есть способности и я тебя уважаю: но если я пощажу твою голову, то буду отвѣчать своею собственною. Спаси насъ—женись; будь патріотомъ и гражданиномъ». Женитьба сама по себѣ законное, невинное, благородное дѣйствіе, но оставалась ли она тѣмъ же, разъ она была вынуждена? Обѣтъ безбрачія, этотъ безбожный противоестественный обѣтъ, тысячу разъ проклятый, Гренвилемъ, какъ остатки тиранніи древняго міра, сталъ для него дорогимъ, когда новѣйшая тираннія потребовала нарушенія его. Затрогивалось самое существо человека, все что у него оставалось, послѣ того какъ колебалась вѣра — я хочу сказать: воля человека. На это онъ не согласился. Онъ сохранилъ власть надъ своею волею, уступилъ силѣ только внѣшнимъ послушаніемъ, женился на родственницѣ зрѣлыхъ лѣтъ и надѣялся въ бракѣ продолжать свое безбрачіе; онъ видѣлъ въ этомъ союзѣ подраженіе бракамъ древнихъ христіанъ, братскія узы. Невыносимое положеніе, полное мученій, борьбы и нравственныхъ терзаній! Нѣтъ болѣе мира у домашняго очага—то мѣсто, гдѣ всякій человекъ ищетъ отдыха и забвенія, становится центромъ волненій, полемъ борьбы. Многіе изъ современниковъ этой эпохи, которые остались въ жи-

выхъ, могутъ подтвердить на основаніи воспоминаній молодости, какъ невыносимо скучно тянулась жизнь. Громадныя раззоренія, потеря столькихъ иллюзій, скорбь о гибели столькихъ жертвъ, о гибели самихъ принциповъ, которые были погублены, проданы, громадная законодательная Варооломеевская ночь стубившая столько лучшихъ учрежденій революціи, наконецъ сама револкція выброшенная за окно въ Сень-Клу— все это поселяло глубокое отчаяніе въ тѣ души, которыя сохранили нѣкоторое достоинство. Что случилось съ тѣмъ свѣточемъ 89 года, передъ которымъ на одно мгновеніе весь міръ преклонилъ колѣна? Куда исчезъ алтарь братства, къ которому наши федераціи въ одинъ день привели миллионы людей,—алтарь, на который народъ возложилъ свое сердце, оросилъ своими слезами... Все исчезло... Молнія сверкнула на небесахъ!.. И небо снова покрылось мракомъ.

Правда существовала слава, неутомимая, кровожадная, устрашакшая. Наступило время великаго уничтоженія людей; никто не могъ отгадать чѣмъ оно кончится. Отъ побѣды къ побѣдѣ, отъ рѣзни къ рѣзнѣ, міръ катился къ своей гибели. И многіе находили въ этомъ удовольствіе, возводили смерть въ принципъ. Де Местръ поучалъ насъ, что истребленіе есть любимое дѣйствіе божества. Сёванкуръ написалъ на могильной плитѣ полную отчаянія книгу «О любви». Въ такое время Гренвилль взялся за перо. Его книга была для него отсрочкою самоубійства. Первая мысль юности, мысль горькая и мрачная пришла ему на память. Теперь уже не море и разрушающая сила его говорили поэту о кончинѣ міра, но море людей, мелькнувшее передъ его глазами. Но насколько быстрѣе и грознѣе проносились передъ нимъ людскія поколѣнія, сравнительно съ быстро несущимися волнами, омывавшими утесы въ Гаврѣ. Онъ самъ колеблющаяся волна, — что

могъ онъ сдѣлать противъ разрушенія? Одно и самое великое,—мечь челоѣка и побѣда его надъ стихіею—онъ могъ ее описать, сказать ей. «Ты меня увлекаешь за собой... хорошо... Что бы ты ни сдѣлала со мной, но побѣда твоя такъ незначительна, что я изъ твоей же глубины почерпну вдохновеніе, обновленіе своей души, жизнь будущаго...»

Если вѣрить остроумному издателю этой поэмы, Нодье, который далеко не признавалъ все громадное нравственное значеніе ея, но который зналъ очень хорошо изъ самаго близкаго источника подробности жизни автора, то поэма эта задуманная очень рано, потомъ заброшенная, вдругъ цѣликомъ вылилась въ послѣдніе часы отчаянія. Его жена, рассказываетъ Нодье, передавала мнѣ не одинъ разъ подробности того вечера, когда послѣдній ученикъ оставилъ домъ Гренвилля. Оба старика сидѣли у камина и отъ времени до времени обращали другъ на друга взглядъ полный тоски. Глаза женщины, наконецъ, наполнились слезами, которыя она не могла долѣе скрывать. Гренвилль взялъ ее за руку и ударилъ себя по лбу, точно желая остановить внезапно мелькнувшую блестящую мысль: «Успокойся, сказалъ онъ ей: «Дай мнѣ эту ненужную бумагу и чернила, которыя они уже не будутъ употреблять... Я отвѣчаю за будущее!» Съ этой минуты поэма сложилась въ его головѣ и онъ написалъ ее сразу и безъ помарокъ *).

Произведеніе Гренвилля въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ, представляетъ какъ бы планъ поэмы, который онъ собирался переложить стихами. То, что я сообщилъ изъ нея есть такъ сказать очеркъ очерка. Я сильно опасаюсь, что въ немъ уже не сохранилось ничего отъ величія оригинала.

*) Поэма Гренвилля приложена въ концѣ II тома перевода.

Впрочемъ, я увѣренъ, что тѣ, у кого есть сердце, съумѣютъ и въ этомъ неумѣломъ изложеніи найти и угадать великія и сильныя мысли, положенія исполненныя трогательнаго величія, замыслы краснорѣчивые сами по себя, какими бы словами ихъ ни передавали.

Произведеніе это создано силою души. Оно ничѣмъ не обязано готовымъ приемамъ условнаго чудеснаго. Гренвилль не заимствуетъ ничего ни у языческаго классицизма, ни у христіанскаго міра преданій. Первый человѣкъ, день суда не принадлежать исключительно христіанству; они составляютъ достояніе всѣхъ религій вообще. Я не буду сравнивать этотъ очеркъ съ великими, законченными поэмами Данта и Мильтона. Нельзя однако не замѣтить изъ чувства справедливости, что какъ та, такъ и другая, въ ихъ общемъ построеніи, находятся подъ властію преданія. Милтонъ не отступалъ отъ него ни на шагъ. Данте обновилъ его силою своего могучаго генія но все же и онъ многое заимствовалъ—это чувствуется очень сильно—изъ забытыхъ легендъ, многое изъ народныхъ божественныхъ комедій, которыя разыгрывались въ продолженіе столькихъ столѣтій у дверей храмовъ. Гренвилль не справлялся ни съ чѣмъ, его поэму создало время, слишкомъ дѣйствительныя страданія той эпохи, въ которую онъ жилъ. Изъ всѣхъ произведеній того времени, его поэма самая историческая, въ томъ смыслѣ, что она съ глубокою правдою рисуетъ намъ *самую душу того времени*, ея страданія, ея мрачную мысль.

Мысль эта, зародившаяся надо признаться, отъ физическихъ страданій также какъ и отъ нравственныхъ, заключаетъ въ себѣ тѣмъ не менѣе суровую и дикую поэзію. Она олицетворяетъ собою голодъ и ужасъ, который охватилъ всѣхъ въ концѣ XVIII столѣтія при мысли, что земля повидимому отказывается быть производительной. Этотъ ужасъ болѣе силь-

ный чѣмъ тотъ, который внушали эшафоты въ 93 году, сквозить въ каждой строчкѣ исторіи того времени. Я объяснялъ уже раньше тѣ причины, которыя со времени Людовика XIV незамѣтно довели землю до полнаго истощенія, пока революція не уничтожила заклятіе тяготѣвшее надъ нею и, освободивъ природу одновременно съ человѣкомъ, не возвратила ей плодородіе. Земля снова стала давать жатву подъ благодатною росой справедливости. Къ несчастію, это благотворное вліяніе революціи принесло плоды не сразу; плодородіе явилось тогда, когда сама революція уже почти исчезла и обильныя жатвы, послѣдствія мудрыхъ законовъ ея, явились во время того правленія, которое ничего не сдѣлало для этихъ жатвъ. Единственная память, которую она оставила по себѣ, была напротивъ, памятью лишь обоюдныхъ случайныхъ бѣдствій, которыя пришлось выносить. Голодъ и *тахитум*, кровавое возмущеніе вызванное недостаткомъ зерна, долгія ночи ожиданія у дверей булочныхъ—вотъ все, что сохранилось въ народномъ воображеніи.

Этотъ ужасъ передъ голодомъ охватилъ въ то время не одну Францію. Какъ разъ въ тотъ годъ, когда Гренвилль началъ повидимому писать свою поэму, 1798, въ Англіи появилась другая поэма, тоже плодъ воображенія, хотя и въ отвлеченной, серьезной формѣ, книга, которую можно назвать *Экономія отчаянія*. Я говорю о книгѣ Мальтуса. Сотни голосовъ отвѣчали ему. Эти стоны, эти крики самой природы породили цѣлую литературу. Голоса эти можно назвать *поэмами голода*. Удивительное совпаденіе! Основаніе книги Мальтуса, его нечестивые выводы заключаются въ томъ, что любовь не нужна въ этомъ мірѣ; для того чтобы этотъ міръ продолжалъ свое холодное и жалкое существованіе *люди не должны любить*. Совершенно напротивъ смыслъ поэмы Грен-

вила, придающій ей такое прекрасное высокое значеніе, это великая и нѣжная идея, настолько же духовная, насколько идея первой матеріалистична и низменна, что *любовь есть главный смыслъ этой жизни*, только ею и держится міръ, и что онъ не можетъ погибнуть пока еще любовь не умерла на землѣ; такъ что Богъ, желая видѣть конецъ міра, долженъ просить человѣка, чтобы онъ допустилъ этотъ конецъ, *переставъ любить*.

Гренвилль имѣлъ полное право сказать о своей поэмѣ то, что говорилось о произведеніяхъ гораздо менѣе оригинальныхъ: *prolem sine matre creatum* (сынъ рожденный безъ матери): Матерью этою, если бы пришлось отыскивать ее, было бы одно страданіе, благородная поэзія, все возвышающая, никогда не снисходящая до того, чтобы плакать о себѣ. Для отпечатанія своего произведенія Гренвилль обратился къ Бернардену де-Сенъ-Пьеру, женатому на его сестрѣ; онъ послалъ ему свою поэмѣ. Авторъ Павла и Виргиніи, вѣроятно прочелъ ее, потому что онъ принялся отыскивать издателя и рекомендовалъ книгу. Онъ нашелъ издателя, но не могъ найти публику. Разошлось всего четыре или пять экземпляровъ.

Для того, чтобы овладѣть вниманіемъ публики, отвлечь ее на минуту отъ заботъ, потребовалось по меньшей мѣрѣ что нибудь уморительное, смѣхотворный успѣхъ, успѣхъ «Атталы» въ первомъ изданіи книги, которое въ послѣдствіи авторъ уничтожилъ. Гренвилль не обратилъ ни малѣйшаго вниманія критиковъ. Никто не хвалилъ, не порицалъ поэмѣ. Всѣ отнеслись съ одинаковымъ пренебреженіемъ къ единственному оригинальному произведенію того времени. Это пренебреженіе, это молчаніе было для автора смертельнымъ ударомъ. Онъ рѣшилъ, что судьба произнесла надъ нимъ безповоротный приговоръ. Его поэма, его надежда и утѣшеніе послѣднихъ

мрачныхъ лѣтъ, вѣрный товарищъ, благородный другъ, такъ часто служившій ему поддержкой, еще и теперь согрѣвавшій его внутреннимъ огнемъ у потухшаго очага, его поэма, повторяю я, не существовала болѣе; она покинула его, увы, на то, чтобы потерпѣть крушеніе!... Только тотъ, кто самъ творилъ, пойметъ тоску писателя, который, окончивъ произведеніе, расстаётся съ нимъ навсегда и остается одинокимъ, утративъ сына своей мысли.

Мрачная дѣйствительность положенія поэта охватила его съ новою силою. Онъ вновь почувствовалъ голодъ, холодъ. Онъ увидѣлъ себя старымъ, нищимъ, несчастнымъ, одинокимъ. Что я говорю? Нѣтъ не одинокимъ. Жалкая постройка, служившая когда то для училища, теперь была занята не однимъ семействомъ Гренвилля. Она была раздѣлена, какъ большинство построекъ нижняго Аміена, между нѣсколькими семьями бѣдняковъ, шумливыхъ, грязныхъ и почти всегда пьяныхъ. Гренвилль, принужденный ограничиться небольшимъ помѣщеніемъ въ нижнемъ этажѣ, слышалъ черезъ плохія перегородки весь шумъ, всѣ отголоски этого ада, крики дѣтей, ссоры родителей и сплетни женщинъ. Не похожій на своихъ сосѣдей, онъ сталъ предметомъ насмѣшекъ. Надъ старикомъ потѣшались, его передразнивали, за нимъ слѣдили. Такъ ему казалось, покрайней мѣрѣ. Онъ предполагалъ, что его сосѣди передавали его врагамъ все, что онъ говорилъ и дѣлалъ, а тѣ потѣшали городъ этими разсказами. Даже у своего очага онъ не чувствовалъ себя въ безопасности; онъ говорилъ своей женѣ: «говори тише, насъ услышатъ».

При такомъ нестерпимомъ существованіи, только мысль о женѣ удерживала его отъ неоднократнаго желанія покончить съ собою. Однако мало по мало, надо полагать, въ немъ созрѣла мысль, что женѣ не будетъ хуже, а что напротивъ она

избавится отъ проклятiя, которое тяготѣла на немъ. Совершенно справедливое предположеніе. Г-жа де-Гренвиль, милая и образованная женщина, по смерти мужа, устроила себѣ весьма сносное существованіе. Гренвиль давно страдалъ лихорадкой и не спалъ по ночамъ. 1-го февраля 1805 г. въ два часа ночи, былъ сильный, холодный вѣтеръ; онъ вышелъ чтобы освѣжить свою горячую голову. Пройдя небольшой садикъ, онъ осторожно отворилъ калитку; заперевъ ее потомъ на ключъ, онъ положилъ его въ карманъ своей единственной одежды. Запоздавшіе молодые гуляки, которые возвращались съ какой то масляничной пьяной пирушки, видѣли странное привидѣніе, которое пробиралось по противоположному берегу и затѣмъ слышали шумъ падающаго тѣла. На другой день, когда лодочники пришли на работу, они замѣтили что-то плавающее между разбитыми льдинами. Они вытащили тѣло баграми. Это былъ Гренвиль.

Покойника безъ всякаго обряда свезли на кладбище. О немъ поговорили въ теченіе дня. Вечеромъ дамы говорили въ одинъ голосъ, что это очень грустное происшествіе, но что видно Богъ наказалъ его совершенно справедливо. Вотъ каково было надгробное слово. Немного времени спустя, иностранецъ, англійскій антикварій, неутомимый собиратель литературныхъ рѣдкостей, Крофтъ, пріѣхалъ въ Амьенъ. Онъ читалъ «Послѣдняго человѣка», и просилъ показать ему скорѣе оригинальнаго и величественнаго творца поэмы, которую онъ признавалъ за единственную современную эпопею. Увы! поэтъ уже не существовалъ! Крофтъ горько заплакалъ. «Ахъ! сказалъ онъ, я бы спасъ его!»

Жестокая судьба! Покидаешь жизнь иногда накануне того дня, который сдѣлалъ бы ее дорогою. Крофтъ не имѣлъ вообще удачи. Онъ пріѣзжалъ всегда слишкомъ поздно и только

для того, чтобы хоронить умершихъ. Еще въ Англіи онъ открылъ и превознесъ поэзію Чаттертона, въ то время когда этотъ молодой человѣкъ уже лишилъ себя жизни. Крофтъ, выпивъ уже забытый, обезсмертилъ себя тою слезою, «которую онъ пролилъ надъ могилою Гренвилля», между тѣмъ какъ во Франціи ни кто не интересовался еще ни человѣкомъ, ни поэмою. Въ своихъ замѣткахъ о Гораціи, восторженный англичанинъ, забывъ всякое національное самолюбіе, написалъ объ этой поэмѣ: «она дойдетъ до послѣдняго человѣка, до конца міра, скорѣе чѣмъ поэма Мильтона».

КНИГА ВТОРАЯ.

Англія. Франція. Германія. 1798—1805.

I.

Мальтусъ. 1798.

1798 годъ, въ которомъ я родился, отмѣченъ мрачною чертою; въ этотъ годъ, двѣ великія націи издали крикъ отчаянія, крикъ великихъ бѣдствій; онѣ призывали смерть, проваливали жизнь, плодородіе, желали, чтобы наступилъ конецъ свѣта. Въ этотъ годъ, когда Гренвилль, собравъ послѣднія силы, началъ писать свою поэму, пѣснь своей надежды о близкой кончинѣ міра, серьезный человѣкъ, профессоръ Мальтусъ, лично наслаждавшійся жизнью довольства, изъ тиши своего уединенія, подаетъ голосъ за призывъ къ смерти, къ безбрачію, къ бездѣтности. Еще скорѣе можно было бы допустить такой призывъ во Франціи, послѣ того какъ она перенесла столько внутреннихъ раздоровъ, когда республика, не смотря на свою побѣду въ фруктидорѣ, видѣла, что на нее обруши-

вается другая Франція, въ лицѣ эмигрантовъ, дерзкая, требовательная, а солдаты, вернувшіеся изъ Италіи, мечтали о раздѣлѣ земель.

Но Англія, владѣлица Індіи, царица морей, которая въ богатой Азіи и повсюду выжила Францію,—какъ объяснить, что именно она высказала такое отчаяніе? Я очень хорошо знаю, что Індія была истощена учрежденіями Корнваллиса и давала доходы только извѣстному классу буржуазіи, занимавшей главныя мѣста, и довѣренными лицамъ правительства; я знаю, что въ 1797 году возмущеніе флота вызвало большія преобразованія въ слѣдующемъ году, которыя стоили много денегъ, и что заговоръ роялистовъ въ фруэтидорѣ дорого обошелся англійскому карману. Англія находилась въ положеніи очень богатаго человѣка, у котораго много долговъ и который не знаетъ покоя. Питтъ съ демонической усмѣшкой, говорилъ этому богатому и голодному народу: «Радуйтесь! Французы, овладѣвая Голландією, даютъ вамъ цѣлый міръ, вторую Індію, голландскія колоніи, Яву, это сокровище, пупъ земли, оттуда къ вамъ направится цѣлый потокъ богатствъ». Въ отвѣтъ на этотъ радостный гимнъ, который можно заподозрить въ ироніи, Ирландія указала на свои опустошенныя поля, показала картофель, который тогда сажали, а Шотландія на свой овсяный хлѣбъ. На возвышенностяхъ уже нельзя было долѣе оставаться; горные жители (highlands) спускались и увеличивали нищету въ долинахъ. Мужчины, если имъ не удавалось заняться рыбной ловлею, нанимались въ Індію, чтобы умереть тамъ. Кромѣ Глазгоу, Эдинбурга, Шотландія повсюду становилась пустынею. Женщины, худыя и воздержныя, мало по мало сѣуживали свои желудки, или благочестиво умирали, не проронивъ ни одной жалобы. Эти одинокія существа на землѣ, гдѣ уже не осталось больше мужчинъ, снова

устроивали промышленные монастыри, гдѣ терпѣливое искусство ихъ и изумительная ровность пряденья создали фильдэкошь—пряжу, на которую былъ спросъ по всей Европѣ. Англія не умѣетъ постничать, какъ Шотландія. Здѣсь появилось существо нигдѣ не виданное—*бѣдный*, промышленность котораго состоитъ въ сборѣ контрибуціи по приходамъ, у людей богатыхъ и трудолюбивыхъ. Бѣдные образуютъ цѣлое государство, для котораго были изданы законы еще въ царствованіе Елизаветы. Гораздо выше этого бѣднаго стояли люди подобнаго же рода жизни, но носившіе другое названіе: *синекуристы* всѣхъ видовъ. Къ числу такихъ людей нельзя отнести, не оскорбляя ихъ, бывшихъ воспитанниковъ университета, (*fellows* феллоу), получившихъ степень и привиллегію очень выгодную, брать къ себѣ на содержаніе и для довольно слабаго надзора и руководства, воспитанниковъ изъ богатыхъ и знатныхъ домовъ. Ремесло довольно выгодное, но въ одномъ только стѣснительное, оно требовало условія не *жениться*. Условіе не легкое; покойная и тихая жизнь наводила на мысль о женитьбѣ. Въ то время, когда Годвинъ и др. по примѣру нашихъ революціонеровъ, проповѣдывали женитьбу и плодовитость, въ 98 году, бывший феллоу Кембриджа, Мальтусъ, 38-ми лѣтъ написалъ книгу, которая совѣтуетъ бездѣтность.

Книга эта замѣчательная, мрачная и угрожающая; авторъ старается доказать цифрами, что трудъ человѣка безсиленъ увеличить продукты сообразно увеличенію народонаселенія; пагубное увеличеніе народонаселенія, постояннымъ приростомъ, который превышаетъ нашу способность создавать и увеличивать средства питанія, рождаетъ враговъ безмѣрно увеличивающагося народонаселенія — голодь и нищету. Что же дальше будетъ? Болѣе сильныя расы будутъ побѣждать менѣе сильныя и получать на нѣкоторое время большія

пространства земли для воздѣлыванія. Это дастъ отсрочку. Но не все ли равно? Тоже затрудненіе должно явиться только нѣсколько позднѣе. Правда войны, болѣзни, оспа, эти владычицы восемнадцатаго столѣтія, довольно удачныя предохранительныя средства отъ голода. Но медицина и въ особенности оспопрививанія стараются сохранить человѣка, отдать его въ жертву голоду, поддержать, увеличить затрудненія міра. Такъ какъ смерть не довольно свирѣпствуетъ противъ сгущенія народонаселенія, обратимся за помощью къ охранительнымъ средствамъ: постараемся не родиться.

Книга эта начинена цифрами, часто довольно сомнительнаго источника; Мальтусъ заимствуетъ ихъ напр. изъ оплаченныхъ памфлетовъ Питта; не смотря на выставляемые доводы, она напоминаетъ мечтанія людей за тысячу лѣтъ тому назадъ о кончинѣ міра, который долженъ наконецъ умереть отъ истощенія и отъ голода. Въ христіанскую эру, когда было объявлено о кончинѣ міра и о религіи смерти, эти мечтанія по временамъ снова появлялись. Мальтусъ, излагая ихъ, сочинилъ романъ, возбуждающій гораздо большее отчаяніе, чѣмъ поэма Гренвилля.

Мысль послѣдняго, что любовь 'поддерживаетъ міръ, что отъ нея зависитъ жизнь нашей планеты,—проливаетъ живой лучъ свѣта, за которымъ идетъ послѣдній человѣкъ даже среди развалинъ міра. Совсѣмъ напротивъ, въ книгѣ Мальтуса, вмѣсто утѣшительнаго свѣточа, мы видимъ мракъ смерти и, не смотря на помощь, которую смерть извлекаетъ изъ чумы, оспы и другихъ союзниковъ своихъ, можно предугадывать, что для оставшихся въ живыхъ постыдная грязь замѣнитъ любовь въ мірѣ, въ которомъ любовь и плодovitость будутъ воспрещены. Только богатые будутъ имѣть дѣтей. Бѣдный родится одинокимъ и долженъ умереть такъ же

какъ родился. Авторъ имѣетъ подъ рукою тысячи социальныхъ объясненій бѣдности въ этой богатой странѣ, которая обла- даетъ Индією, морями, самыми прекрасными странами свѣта; но онъ остерегается конечно видѣть настоящія осязательныя причины этого дѣйствія.

Я не берусь перечислять ихъ, но я скажу слѣдующее. Въ годину бѣдствій можно поступать двоякимъ образомъ: стѣс- няясь и отказывая себѣ во всемъ, или наоборотъ отыскивая средства увеличить производительность, создавая себѣ другія средства къ жизни, новыя искусства, новыя отрасли промыш- ленности. Во Франціи, — странѣ сравнительно болѣе бѣдною послѣ банкротствъ Людовика XIV и регента, во время вто- раго регенства герцога, всѣ думали, что пришло время уми- рать. Правительство самымъ глупымъ образомъ запретило Парижу распространяться и окружило его стѣною. Что сдѣ- лалъ работникъ Парижа? Онъ не сталъ искать средствъ про- питанія среди полей, которыя онъ не сумѣлъ бы воздѣли- вать. Онъ создалъ другое средство, — не оставляя Парижъ, онъ обложилъ податью очарованную Европу. Онъ замѣнилъ дорогую, роскошную мебель Людовика XIV, болѣе дешевою и красивою, слегка изогнутою въ своихъ очертаніяхъ, на изящныя формы которой шли въ дѣло случайныя неправиль- ности дерева, корни и другія природныя неровности. Всѣ могли приобрѣсти себѣ мебель по недорогой цѣнѣ. Начиная съ 1730 г. и по 1760 годъ и даже много позднѣе, Парижъ работалъ на Европу, построилъ новый Парижъ, предмѣстье Сень-Антуана, работникъ женился и имѣлъ семью. Совер- шенно несогласно съ идеями Мальтуса, любовь и семья сдѣ- лали человѣка болѣе производительнымъ, болѣе трудолюбивымъ и остроумнымъ.

Въ самой Англіи совершалось еще большее чудо: въ то

время, когда Мальтусъ писалъ свою книгу въ 98 году, Уаттъ, путемъ постепеннаго усовершенствованія, создалъ къ тому времени новую производительную силу. Въ 98 году Уаттъ сынъ принялъ открытіе отъ своего отца и вмѣстѣ съ великимъ промышленникомъ, Больтономъ, произвелъ множество паровыхъ машинъ. Употребляемыя вначалѣ только для одного дѣла въ рудникахъ Корнваллиса, онѣ были мало по мало примѣняемы для тканья и для всего прочаго. Силы природы удвоились, удесатерились, увеличились во сто разъ, благодаря двигательной силѣ, которая явилась вездѣ и за недорогую цѣну. До тѣхъ поръ эту силу доставляли потоки, падающая вода, но либо въ слишкомъ большомъ или въ слишкомъ недостаточномъ количествѣ, весьма не равномерно. Теперь явилась новая сила, которую можно было поставить всюду, передвигать съ мѣста на мѣсто и заставлять работать неограниченное время, въ неограниченномъ количествѣ.

II.

Уаттъ и Машины. Невѣроятное обогащеніе Англіи.

Амьенскій миръ, переговоры о которомъ начались еще съ марта 1802 г., былъ заключенъ въ октябрѣ; онъ освободилъ капиталы, которые теперь направились на промышленность. Кромѣ того заключеніе германскаго или люневильскаго мира избавило Англію отъ расходовъ—субсидій Австріи и эти капиталы тоже обратились на промышленныя предпріятія. Такимъ образомъ, огромные капиталы могли служить цѣлямъ новой промышленности, машинной, которая обѣщала такую экономію ручнаго труда, что казалось вовсе не пуждалась въ рабочихъ рукахъ. Но она настолько увеличила производства,

благодаря необыкновенной дешевизнѣ всѣхъ производимыхъ предметовъ, что потребовалось напротивъ того большее количество рабочихъ, которые получали хорошую плату: наприм. механики, слесаря и другіе; даже обыкновенные первобытные рабочіе, ткачи, прядильщики и др., которыхъ машина должна была вовсе уничтожить, получали заработокъ при новой системѣ, которая требовала въ тысячи второстепенныхъ мелочахъ помощь человѣческой руки.

Все это разъяснилось въ небольшой промежутокъ мира; убѣдились, что машина увеличить количество работы, а никакъ не уменьшить. Англія, послѣ смерти Павла и послѣ открытія ея судамъ нѣмецкихъ рѣкъ, стала неограниченной властительницей моря; она надѣялась заключить торговый договоръ съ Франціею посредствомъ Бонапарте, который, какъ то было при Людовикѣ XVI, откроетъ Англіи громадный сбытъ ея товаровъ, теперь значительно удешевленныхъ, благодаря машинамъ. Но этого не случилось и отказъ заключить договоръ всего болѣе и способствовалъ тому, чтобы сдѣлать непопулярнымъ миръ, который вначалѣ Англія привѣтствовала съ восторгомъ.

Питтъ могъ удержать часть своего вліянія, обѣщая поддерживать въ парламентѣ партію мира, и министерство Аддингтона, въ 1802 году, имѣло на своей сторонѣ не только короля, но всю среднюю Англію т. е. буржуазію и промышленный классъ. Питтъ удалился на нѣкоторое время изъ парламента, чтобы не быть принужденнымъ безконечно поддерживать своего милого Аддингтона, противъ котораго онъ втихомолку натравливалъ Каннинга и другихъ остроумныхъ молодыхъ людей. Но лучшимъ орудіемъ Питта противъ мира и министерства мира былъ самъ Бонапарте. Машина Папена,— простая мысль, что сила воды по временамъ приподнимаетъ

крышку и тѣмъ производитъ движеніе, все это было извѣстно. И это первое открытіе мало-по-малу усовершенствовалось.

Но гораздо привлекательнѣе машинъ—самъ человѣкъ, великая оригинальность этого изобрѣтателя. Эта странная личность не обладала специально механическими знаніями, но обнаруживала вообще удивительныя способности ко всякому искусству, къ разнымъ наукамъ. Къ счастью, намъ извѣстна исторія его родственниковъ за цѣлое столѣтіе. Удивительно то, что наблюдая этого болѣзненнаго ребенка, который обнаруживалъ замѣчательно раннее развитіе, приходишь къ тому заключенію, что онъ повидимому все зналъ, предугадывалъ и строилъ выводы, и что въ немъ такъ сказать отразилась жизнь, способности всѣхъ предковъ его *). Онъ родился въ Абердинскомъ графствѣ, мало живописномъ, земледѣльческаго характера хотя расположенное въ близи моря, оно было совершенно чуждо морской жизни.

Его прадѣдъ занимался сельскимъ хозяйствомъ; сражаясь за Стюартовъ, онъ былъ убитъ при Монрозѣ, а владѣнія его конфискованы. Казалось, что ребенокъ жилъ еще въ то время; онъ зналъ всѣ эти битвы, всѣ событія того времени и рассказывалъ ихъ такъ очаровательно, что его слушали ночи напролетъ. Если бы онъ не былъ Уаттомъ, онъ былъ бы Вальтеръ-Скоттомъ. Знаменитый романистъ говоритъ, что онъ самъ былъ пораженъ его рассказами. Его дѣдъ, взятый на воспитаніе дальними родственниками, былъ математикомъ, обучалъ математическимъ наукамъ въ приложеніи къ мореплаванію. Уаттъ наследовалъ и отъ него и, начиная съ шести лѣтъ, искалъ развлеченія въ занятіяхъ геометріею. Сынѡвья этого дѣда занялись тою же профессіею. Одинъ изъ нихъ изготов-

*) Эти особенныя способности не были еще ни замѣчены, ни изслѣдованы основательно.

лялъ инструменты для флота. Въ этомъ подражалъ ему сынъ его, Джемсъ Уаттъ, знаменитый изобрѣтатель, который съ дѣтства строилъ и ломалъ свои игрушки; одною изъ нихъ была маленькая электрическая машина.

И такъ жизнь, способности предковъ соединились въ этомъ странномъ ребенкѣ; онъ заключалъ въ себѣ зародыши, начало всего, обладалъ какъ бы двойнымъ зрѣніемъ, благодаря которому онъ могъ почти не учиться. Будучи болѣзненнымъ юношей, онъ любилъ читать медицинскія книги, поглощалъ ихъ въ большомъ количествѣ и потихоньку даже занимался анатоміею. На берегахъ Ломондскаго озера онъ сдѣлался минералогомъ. Затѣмъ, анализируя минералы, сталъ химикомъ и узналъ, что воздухъ, нагрѣваясь и расширяясь пріобрѣтаетъ огромную силу. Онъ былъ уже на дорогѣ къ своему открытію.

Но прежде онъ пожелалъ имѣть опредѣленное занятіе. Онъ отправился въ Лондонъ. Тамъ недружелюбно смотрѣли на шотландцевъ со времени лорда Бюта. Уаттъ остался тамъ всего одинъ годъ, вернулся снова въ Глазгоу; но здѣсь встрѣтилось другое затрудненіе. Инженеры этого города смотрѣли на него, какъ на англичанина, и отказывались принять его. Наконецъ академія, столь знаменитая въ то время, благодаря Адаму Смиту и другимъ изобрѣтателямъ, пристроила его въ собственномъ помѣщеніи, небольшой лавочкѣ, въ которой онъ работалъ и продавалъ математическіе инструменты. По вечерамъ у него охотно собирались, чтобы его послушать. Лавка сдѣлалась знаменитою. Это напоминаетъ, что Христофоръ Колумбъ, въ Генуѣ имѣлъ вначалѣ тоже лавку, въ которой онъ продавалъ книги и географическія карты.

Открытіе Уатта относится къ 1769 году. Но потерпѣвъ неудачу въ первой ассоціаціи, которую онъ устроилъ для примѣненія этого открытія, онъ имѣлъ замѣчательное терпѣніе и

невѣроятную рѣшимость ждать цѣлыхъ десять лѣтъ, переимѣнить родъ занятій и, сдѣлавшись инженеромъ, участвовалъ въ про-
рытіи канала въ озеро Ломонъ, который явился соперникомъ
Каледонійскаго канала; затѣмъ онъ прорылъ еще каналъ, по
которому доставлялся каменный уголь въ Глазгоу. Наконецъ,
въ 1774 онъ вернулся къ своему изобрѣтенію и соединился
съ замѣчательнымъ промышленникомъ Больтономъ; прежде
всего машина его употреблялась для выкачиванія воды изъ
копей въ Корнвалисѣ, такимъ образомъ сберегалась третья
часть каменнаго угля. Наконецъ, Уаттъ примѣнилъ свое изо-
брѣтеніе, создавъ общаго двигателя. Но тутъ онъ встрѣтилъ
неожиданныя затрудненія въ примѣненіи своего открытія. Въ
палатѣ общинъ многіе были противъ выдачи ему привилегіи,
между прочимъ знаменитый Бёрке. Цѣлыхъ семь лѣтъ онъ
велъ процессъ и въ это время у него то оспаривали его от-
крытіе, то увѣрили, что оно повредитъ рабочимъ. Этотъ про-
цессъ раздражалъ его, внушалъ отвращеніе и наконецъ за-
ставилъ его сдѣлаться юристомъ. Пока длились эти непріят-
ности, у него умерли жена и старшій сынъ. Онъ не могъ
забыть этой утраты, отсталъ совершенно отъ дѣлъ въ 1798,
уступивъ привилегію сыновьямъ; они вмѣстѣ съ своимъ ком-
паньономъ создали знаменитую мануфактуру Уаттъ и Боль-
тонъ, которая наводнила Англію своими произведеніями. Одна
частица и, быть можетъ, самая любопытная этой знаменитой
для насъ эры скрыта отъ насъ. Какимъ образомъ этотъ ум-
ный и терпѣливый человѣкъ, на столько же стойкій съ нрав-
ственной точки зрѣнія, насколько онъ былъ свѣдущимъ въ ме-
ханическомъ дѣлѣ, создалъ цѣлый міръ помощниковъ себѣ,
которые подъ его руководствомъ могли привести въ исполне-
ніи его замыслы? Мы видимъ, что тогда зародилось начало
того могучаго рабочаго сословія, трудолюбиваго, добросовѣст-

наго, которое въ продолженіе тридцати лѣтъ создало превосходство Англіи, ея промышленное преобладаніе въ цѣломъ мірѣ.

Въ 1798 году еще ничего подобнаго нельзя было предвидѣть и конечно Мальтусъ, издавая свой трудъ полный отчаянія, предполагалъ, что новое изобрѣтеніе уменьшить заработокъ, отниметъ у рабочаго хлѣбъ и усилитъ нищету. Конечно, плата была увеличена для тѣхъ работниковъ, которыхъ нанимали. Но устройство фабрикъ, которыя работали посредствомъ этихъ большихъ машинъ, подавило мелкую промышленность ткачей, работавшихъ дома съ семьями, и о томъ конечно слѣдовало сожалѣть *). Напр. въ Лидсѣ существовало четыре тысячи небольшихъ мастерскихъ, которыя должны были исчезнуть; но большая заработная плата, которую внесла новая система, нѣсколько поправила зло и обратилась на пользу рабочихъ семей. Многіе рабочіе женились, чего они не могли сдѣлать при старой системѣ, оставаясь подмастерьями и холостяками.

Что бы ни было однако, эти проходящія неудобства нельзя сравнить съ тѣмъ всемірнымъ благомъ которое создала новая система. Цѣна на одежду и на орудія труда понизилась до

*) Подробности о прежней шерстяной мануфактурѣ, которая была преобладающей въ средніе вѣка, можно узнать въ большомъ и важномъ трудѣ, который г. Жюль Кисера намѣревается напечатать объ этомъ предметѣ и для котораго онъ не щадитъ ни труда, ни времени, ни затратъ на путешествія. Ученая миссъ Тульминъ Смитъ издала въ 1860 г. законоположенія по этому ремеслу, собраніе которыхъ было составлено отцомъ ея. Наконецъ Брентано сынъ напечаталъ книгу очень поучительныхъ изслѣдованій о лондонскихъ гильдіяхъ. Однако онъ оставляетъ безъ вниманія хорошо извѣстныя мѣста хроникъ, гдѣ говорится о стараніяхъ англичанъ привлечь иностранныхъ работниковъ. Кисера, авторитетъ котораго такъ значителенъ, думаетъ такъ же, какъ и я, что англійская промышленность вербовала всего болѣе себѣ руки въ эмиграціяхъ континента.

такой степени, что самыя бѣдныя населенія могли одѣться, приобрести орудія, чтобы начать какое нибудь производство. Англія, эта великая мастерская, дала возможность устраивать тысячи мастерскихъ на всемъ земномъ шарѣ. Весь міръ былъ такъ сказать обновленъ. Англія уже въ продолженіе многихъ столѣтій добивалась славы производить и распространять главное благодѣяніе для сѣвера—одежды которая согрѣваетъ и позволяетъ намъ двигаться и дѣйствовать.

Уже въ 1300 году одинъ древній лѣтописецъ сказалъ: «о Англія! Кто можетъ сравняться съ тобою! Твои корабли, твои произведенія безостановочно слѣдуютъ съ одного конца свѣта на другой. Народы благословляютъ тебя за что ты прикрываешь ихъ наготу и согрѣваешь ихъ шерстью твоихъ овецъ!»

III.

Нарушеніе мира 1803. Борьба Гортензіи и Жозефины съ братьями Бонапарте.

Никто, и Бонапарте въ томъ числѣ, не могъ предвидѣть великую промышленную революцію Англіи, дозволившую ей внезапно увеличить налоги на одну треть, дѣлая въ тоже время большіе займы. Это чудо не было извѣстно Бонапарте. Онъ смотрѣлъ на Англію, какъ на промышленную державу, и не подозрѣвалъ того, что справедливо доказывали ему друзья Питта,—что война будетъ гораздо выгоднѣе для Англіи, такъ какъ корабли исчезнутъ тогда съ океана и отдадутъ его всецѣло въ руки англичанъ. Въ интересахъ французской промышленности, которую онъ думалъ создать внезапно при помощи Шапталя и Бертолета, Бонапарте отсрочилъ договоръ, т. е. не

принялъ торговаго договора съ Англією, котораго нетерпѣливо ожидалъ весь промышленный міръ этой страны. Это убивало Аддингтона и министерство мира, и снова призывало къ войнѣ, къ министерству Питта.

Презрѣніе военнаго къ торгашеству заставляло его думать, что неподвижность Англіи, извлекавшей изъ мира столько выгодъ, будетъ болѣе продолжительною. Онъ принималъ въ Парижѣ многихъ англичанъ, которымъ любопытно было увидѣть снова этотъ городъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ и которые очень удивились, когда проѣзжая по Франціи, увидѣли ее такъ хорошо воздѣланною, между тѣмъ какъ они воображали застать ее въ совершенномъ раззореніи. Они могли убѣдиться насколько лживы были рассказы эмигрантовъ и англо-женевца, сэра Франсиса д'Ивернора. Всѣ европейскіе посланники находились въ Парижѣ, который никогда еще не былъ такимъ оживленнымъ и блестящимъ.

Фоксъ тоже пріѣхалъ сюда, чтобы посмотреть на это чудо того времени. Хотя сначала краснорѣчіе Бонапарте и ослѣпило его, но ему показалось однако, что блестящій говорунъ говорить слишкомъ много и даже болѣе нежели то прилично государственному человѣку. Фоксъ, напротивъ, хотя и относился дружелюбно къ Франціи и былъ чрезвычайно гуманнымъ человѣкомъ, держался и говорилъ довольно сдержанно, какъ и подобаетъ истому англичанину. Объ этомъ можно судить по слѣдующему анекдоту. Однажды на промышленной выставкѣ въ Луврѣ любовались глобусомъ прекрасной работы. Одинъ изъ военныхъ свиты консула имѣлъ дерзость сказать: «О! Какая Англія маленькая!» — Да, да, отвѣтилъ Фоксъ: — но тамъ живутъ англичане, которые хотятъ въ ней жить и умереть. — Указывая на два океана и на обѣ Индіи, онъ прибавилъ: «и они занимаютъ весь земной шаръ и держатъ его подъ

своимъ владычествомъ». Бонапарте восхищался этимъ горделивымъ отвѣтомъ.

Онъ былъ въ духѣ и заставлялъ играть въ Мальмезонѣ комедіи, въ которыхъ принимали участіе Бурьенъ, художникъ Изабей и другіе изъ числа его приближенныхъ. Онъ желалъ быть любезнымъ. Отвергнувъ мастерское произведеніе Гудона, онъ приказалъ сдѣлать свое изображеніе, выписавъ для этого изъ Италіи Канову, работы котораго были изящны, хотя мало выразительны. Но любимымъ его артистомъ былъ маленькій Изабей, креатура Гортензіи и Жозефины.

Изабей изобразилъ Бонапарте на двухъ портретахъ, знаменитыхъ и гравированныхъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ; на одномъ онъ гуляетъ въ паркѣ Мальмезона, а на другомъ изображенъ верхомъ, дѣлающій смотръ войскамъ на площадѣ Карусселя. На послѣднемъ портретѣ онъ лучше, такъ какъ всѣ Бонапарте, отличаясь короткими бедрами и ногами были гораздо красивѣе верхомъ. На этой картинѣ онъ изображенъ въ полномъ величіи славы, окруженный своимъ ореоломъ—непобѣдимыми генералами на великолѣпныхъ коняхъ и съ саблями на голо.

Бѣдная Жезефина въ такихъ случаяхъ находилась на второмъ планѣ. Королевою дня была ея дочь Гортензія, которая только что вышла за мужъ за Людовика, будущаго короля Голландіи. Жозефина этого желала, чтобы разстроить союзъ братьевъ, которые угрожали ей разводомъ. Странныя отношенія существовавшія въ семьѣ Бонапарте, очевидное предпочтеніе оказываемое Гортензіи, вызывало злоязычные толки въ англійскихъ журналахъ, утверждавшіе, что молодая уже родила *). Кромѣ пошлости, и скандала, въ этихъ

*) Бонапарте пришелъ въ сильную ярость и, чтобы опровергнуть слухи эти, нарочно далъ балъ, какъ говоритъ Бурьенъ.

отношеніяхъ существовало странное противорѣчіе. Возстановляя алтари, изгоняя изъ собора Богоматери республиканское духовенство, чтобы замѣстить его духовенствомъ папы, этотъ человѣкъ, заслужившій отъ новыхъ духовныхъ лицъ наименованіе *Христа Провидѣнія*, въ то же время, если вѣрить слухамъ, обезчестилъ своего брата, свою падчерицу и заставилъ свою жену перенести ужасный стыдъ, соблазнивъ ея родную дочь.

Все это конечно не доказано, но весьма правдоподобно, особенно вслѣдствіе той борьбы, которую онъ выдержалъ съ своимъ семействомъ, ради назначенія своимъ наслѣдникомъ сына Гортензіи, какъ говорятъ его сына *). Эти скандальныя подробности, напоминавшія времена древнихъ тирановъ, были всюду распространяемы за достовѣрную истину его врагами, желавшими доказать, что, какъ въ нравственномъ такъ и въ политическомъ отношеніи, этотъ тираническій умъ не признавалъ никакихъ законовъ.

Въ январѣ 1803 года, приказавъ итальянскому совѣту пріѣхать въ Ліонъ, онъ собралъ почти всю Ломбардію подъ именемъ итальянской республики и назначилъ себя президентомъ. Когда на это жаловались въ Амьенъ, онъ гордо отвѣтилъ, что безъ этого итальянскаго республики, слишкомъ слабыя для борьбы съ Австріею, должны были быть присоединены къ Франціи, что вскорѣ и случилось съ Піэмонтомъ. Съ одной стороны Піэмонтъ, съ другой Швейцарія, которою онъ управлялъ подъ именемъ посредника, утверждали господство его надъ Альпами. И все время онъ былъ врагомъ свободы. Въ Піэмонтѣ онъ видѣлъ только военный наборъ среди этого храбраго народа. Въ Швейцаріи онъ подавлялъ революцію и союзное равенство. Онъ всюду поддерживалъ аристократію.

*) Міо въ II т. даетъ самыя обстоятельныя подробности объ этомъ.

Во Франціи онъ дозволилъ возвратиться эмигрантамъ и по возможности отдавалъ имъ помѣстья ихъ. Всѣ министерства были на самомъ дѣлѣ сведены въ одно для рѣшенія важныхъ вопросовъ, подъ начало Маре-Бассано государственнаго министра. Трибунатъ и государственный совѣтъ были ограничены до небольшого числа членовъ. Наконецъ совѣщательный сенатъ 4 августа 1802 г. опредѣлялъ ему пожизненное консульство. Бурьенъ подтверждаетъ странное обстоятельство: когда Англія въ маѣ 1803 г. отозвала своего посланника, Бонапарте никакъ не предвидѣлъ возможность такого близкаго разрыва. И дѣйствительно большинство военныхъ были въ отпуску.

Онъ хорошо зналъ, что аміенскій миръ былъ въ сущности лишь перемиріемъ; но онъ рассчитывалъ, что торговые интересы и преобладаніе въ Англіи промышленнаго класса, управлявшаго при Аддингтонѣ, обезпечиваетъ болѣе продолжительный миръ. Между тѣмъ друзья Питта подпольно подбирались къ власти и доказывали безъ особеннаго труда, что такъ какъ Бонапарте не допустилъ ввозъ англійскихъ товаровъ во Францію, и распространялъ свое вліяніе на материкъ, то миръ былъ скорѣе вреденъ для Англіи, былъ помѣхой, даже быть можетъ опасностью. Множество тайныхъ агентовъ сновали по Англіи и однажды перехватили письмо Талейрана, къ одному изъ агентовъ его, брату секретаря Бонапарте; въ этомъ письмѣ Талейранъ поручалъ изслѣдовать портъ Дублина и сообщить, допускаетъ ли онъ абордажъ судовъ съ пушками. Это напоминало тѣ нечаянныя нападенія, которыя устраивалъ Бонапарте и которыя ему нерѣдко удавались.

Важное дѣло—уступка Мальты все еще не разрѣшалось. Напротивъ, Бонапарте, выгнанный изъ Египта, казалось, снова открывалъ себѣ туда путь, располагаясь по границѣ южной

Италіи, принуждая неаполитанскую королеву дозволить французской арміи занять Отрантскій полуостровъ, который такъ близко подходитъ къ греческимъ островамъ, что переѣздъ туда можетъ совершиться чрезвычайно быстро.

Если охватить взоромъ всю эту картину, и добавить ко всему волненія въ Германіи, то можно только удивляться дѣятельности Бонапарте; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не по-дивиться и его безразсудству—начинать заразъ столько дѣлъ, которыя мѣшали одно другому. Онъ напоминаетъ собою движенія большой кометы, которая сама путается въ блескѣ своихъ безчисленныхъ лучей. Напр. его морскія предпріятія въ Сентъ-Доминго и въ Тарентѣ, противъ Греціи и Египта, раздражали англичанъ и не доставляли ему самому никакой поддержки. Для него было бы гораздо выгоднѣе дѣйствовать только на материкѣ и кажуцуюся неподвижностью поддерживать въ Лондонѣ министерство Аддингтона; между тѣмъ какъ онъ, своими неосторожными продѣлками, раздражалъ и упрочивалъ власть Питта и друзей войны. Ясно, что Бонапарте былъ ослѣпленъ, неостороженъ и слишкомъ смѣлъ; онъ постоянно разжигалъ войну, которая только что прекратилась.

Правда, нѣкоторые англійскіе гарнизоны удалились съ многихъ приморскихъ пунктовъ, но впрочемъ такихъ, которыми, они могли вновь овладѣть каждую минуту. Бонапарте, съ своей стороны, присоединивъ Піэмонтъ къ Франціи и вмѣшиваясь въ германскія дѣла, бросивъ вызовъ всей Европѣ и въ особенности Россіи, объявленной покровительницы Піэмонта. Англичане удерживали за собою Мальту, отказываясь отъ всякихъ уступокъ этого утеса, господствующаго надъ Средиземнымъ моремъ.

Въ своихъ газетахъ и памфлетахъ сочиняемыхъ эмигрантами, Англія кромѣ того старалась навлечь на Бонапарте

ненависть и презрѣніе цѣлаго свѣта. Онъ же, представлялъ себѣ, что всѣ эти диффамациі были предвѣстницами убійства. Адская машина уже доказала, что эмигранты способны на все. Фуше уже не былъ болѣе начальникомъ полиціи, Бонапарте думалъ замѣнить его самъ, учредивъ небольшія и совершенно неспособные отряды военной полиціи, которые не ограждали его безопасности. Даже собственная семья его внушала ему подозрѣніе, онъ видѣлъ нетерпѣніе и досаду Люсьена, желавшаго, чтобы скорѣе было объявлено наслѣдственное право верховной власти, и сказалъ однажды Іосифу, болѣе терпѣливому и спокойному, что онъ не удивился бы если-бы зналъ, что Люсьентъ *) злоумышляетъ противъ его жизни. Онъ удалилъ его въ Испанію а затѣмъ съ удовольствіемъ узналъ объ отъѣздѣ его въ Италію.

Отчего могли явиться такіа ужасныя подозрѣнія? Отъ той внутренней борьбы, которая происходила въ семействѣ Бонапарте. Его братья и сестры всегда вели войну противъ Жозефины и въ брюмерѣ онъ былъ готовъ развестись съ нею.

Ея отчаянныя мольбы послужили Бонапарте ручательствомъ въ томъ, что будучи достаточно наказана, она, получивъ прощеніе, будетъ самою послушною и безпрекословною исполнительницею всѣхъ жестокихъ капризовъ его. Она унизилась до того, что продолжала раздѣлять съ нимъ брачное ложе и тѣмъ сохранила для себя возможность оправдываться по ночамъ съ полною свободою. Все, что братья и сестры наговаривали на нее въ продолженіи дня, она ночью опровергала, или быть можетъ по догадкѣ, предсказывала, чтобы опровергнуть заранѣе. Она напр. увѣряла будто Люсьентъ совѣтывалъ ей взять любовника, чтобы имѣть отъ него ребенка.

*) Мю т. II.

Англійскія газеты поддерживали напротивъ другой слухъ: что Жозефина, постоянно опасаясь быть прогнанною, имѣла безстыдство предложить Бонапарте собственную дочь, что онъ согласился и прижилъ съ Гортензіей ребенка.

Гортензія, въ красѣ своихъ двадцати лѣтъ, была образованною, ловкою и честолюбивою особою. Дочь интригантки, она имѣла еще другую наставницу—горничную Маріи Антуанеты, знаменитую г-жу Кампанъ. Гортензія, кромѣ способности къ интригѣ, обладала еще другимъ качествомъ—опредѣленностью своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Никто не поддерживалъ съ такою настойчивостью въ продолженіе всей жизни легенду Бонапарте, какъ она. Парижъ, также какъ и Лондонъ, вѣрилъ этимъ слухамъ. За то адъютантъ Дюрокъ, любимецъ Гортензін, узнавъ, что она выходитъ за мужъ за другого, выразилъ съ солдатскою грубостью и цинизмомъ свое удовольствіе по поводу избавленія отъ женитьбы, которая все-жъ таки могла доставить ему выгодное положеніе. Первый консулъ потребовалъ, чтобы на Гортензін женился младшій братъ его Людовикъ, хотя обѣ стороны не скрывали свое взаимное нерасположеніе. Міо рассказываетъ, какія ужасныя сцены разыгрывались по этому поводу между Бонапарте и Людовикомъ.

Наполеонъ былъ увѣренъ, что всѣ эти слухи, распускаемые съ цѣлью унижить его, составляли часть того заговора, который замыслили противъ него. Во второй части мемуаровъ Міо можно найти много любопытныхъ подробностей о смутномъ времени 1804 года. Авторъ, довѣренный человѣкъ Іосифа, зналъ черезъ него всѣ семейныя тайны, и доказываетъ совершенно ясно, подъ какимъ гнетомъ Наполеонъ держалъ своихъ братьевъ. Самый терпѣливый братъ который жаловался меньше другихъ, тѣмъ не менѣе высказывалъ, что онъ желалъ бы

его смерти». Въ эту эпоху Жозефина, получивъ вліяніе посредствомъ Гортензіи, говоритъ съ братьями тономъ императрицы, коронуется и во время коронаціи унижаетъ ихъ женъ, заставляя ихъ нести конецъ своей мантіи.

Міо передаетъ эти подробности не только съ полною правдивостію, но и во всемъ хитросплетеніи и путаницѣ, съ какими они слѣдовали одно за другимъ. Онъ не раздѣляетъ семейную исторію отъ политической, такъ какъ среди праздниковъ и торжествъ новой имперіи, на которыхъ блистаютъ двѣ женщины Жозефина и Гортензія, происходятъ трагическія смерти Энгьена и Пишегрю, процессъ Моро и гильотинируются десять роялистовъ. Англіійскій посланникъ оставляетъ Парижъ, а русскій, съ которымъ Наполеонъ очень дурно обращался, остается съ большою неохотою. Среди подобныхъ трагическихъ событій, Наполеонъ повидимому занятъ только двумя тщеславными призраками—булонскимъ флотомъ, приготовленіями къ воображаемому нападенію на Англію и пріѣздомъ папы, который пріѣзжаетъ въ этотъ кровавадный Парижъ, чтобы короновать императора и императрицу. Варварская смѣсь въ 1804 году казней и праздниковъ напоминаетъ времена цесарей Светонія, или еще скорѣе—неудобоваримыя драмы Шекспира, въ которыхъ чередуются жизнь, смерть, свадьбы и похороны.

18 февраля 1803 г. Бонапартъ увлекся тщеславною импровизаціею передъ англіійскимъ посланникомъ, въ немъ заговорило остроуміе южанина и онъ выразилъ сожалѣніе о томъ что Англія не согласилась раздѣлить съ нимъ владычество міра. Онъ даровалъ бы этой царицѣ морей «торговый договоръ и часть добычи и вліянія на материкъ». Англичане мало довѣряли его прекраснымъ рѣчамъ; они охотнѣе повѣрили отчету Себастіани, помѣщенному въ Мониторъ, гдѣ очень не-

осторожно объяснялись виды Бонапарте на Египетъ и Востокъ.

Тѣмъ съ большею настойчивостью держались англичане за Мальту, за эту скалу, которая вмѣстѣ съ Гибралтаромъ охраняетъ Средиземное море.

Чего добивалси этотъ безпокойный умъ, находившійся подъ вліяніемъ близкихъ людей, и гораздо болѣе, чѣмъ то предполагалось? Гортензія и Жозефина конечно были очень довольны миромъ. Самъ Бонапарте хотѣлъ воротить англійскаго посланника, который впрочемъ тѣмъ не менѣе продолжалъ свой путь. И въ то же время онъ дѣлалъ совершенно ненужное предложеніе Людовику XVIII, выплачивать ему большую пенсію. Эти миролюбивыя попытки были повидимому вполне искренни въ ту минуту. Онъ согласился дать много отпусковъ. Многочисленныя войска расположенныя на берегу, предназначались не столько для неправдоподобной высадки въ Англію, сколько для того, чтобы поражать Парижъ, Францію. Въ совѣтѣ онъ сказалъ весьма грубо: «если вы хотите устроить дѣло гражданскимъ порядкомъ, торопитесь; потому что я знаю, что армія готова объявить меня императоромъ». Дерзкая ложь! Армія и не думала ни о чемъ подобномъ. Республиканскій духъ еще не былъ заморенъ окончательно.

VI.

Роялистическія заговоры противъ будущаго императора. Энгьенъ, Моро, Пишегрю, Кадудаль. Февраль Май 1804 г.

Роялисты оказались ужасно неблагодарными относительно Бонапарте. Исключая казни Фротте, который оскорбилъ его жестокою шуткою, онъ всегда высказывалъ страшную благосклонность къ ихъ партіи. Онъ спасъ ихъ покровителей—

Австрію и папу. Онъ открылъ имъ двери Франціи. Онъ возвращалъ имъ имущества, на сколько это было въ его власти. Гортензія и Жозефина, окруженныя совѣтницами въ лицѣ старнхъ дамъ сень-жерменскаго предмѣстья, во всемъ вліяли въ пользу ихъ партіи. Что могъ онъ еще сдѣлать? Развѣ призвать короля? Но это сильно испугало бы владѣльцевъ національныхъ имуществъ и могло вызвать кровавую революцію. Но кому онъ предназначалъ тронъ, на который его натакивали обстоятельства? Сыну Гортензіи, который подъ вліяніемъ воспитанія своей матери и Жозефины, а также совѣтовъ дамъ роялистовъ обратился бы въ настоящаго дворянина, совершеннаго эмигранта. И такъ, благодаря всѣмъ этимъ постыднымъ окольнымъ путямъ, имперія и величіе Бонапарте должны были роковымъ образомъ сдѣлаться достояніемъ партіи роялистовъ.

Адская машина въ достаточной мѣрѣ доказала неблагодарность роялистовъ и безсовѣстность ихъ. Было довольно правдоподобно, что они попытаются произвести нѣчто подобное, до объявленія имперіи. Питтъ, завладѣвъ снова министерствомъ, испросилъ шестьдесятъ милліоновъ изъ секретныхъ суммъ. Естественное раздраженіе англичанъ противъ Бонапарте, который постоянно дразнилъ ихъ булонскими затѣями и угрозами произвести высадку, заставляло ихъ желать смерти этого безпокойнаго, смѣлаго человѣка. Англичане, со времени Кромвелля, считались на материкѣ за представителей доктринъ политическаго убійства: *Oportet unum mori pro populo*. Отсюда и знаменитый памфлетъ напечатанный въ Лондонѣ во время Бонапарта: *Killing no murder*: политическое убійство не есть убійство. Англичане повидимому хотѣли предостеречь, запугать Бонапарте. Ихъ журналы называли консульство *пожизненнымъ* правительствомъ. Вслѣдствіе

неловкости, быть можетъ лишь притворной, посланникомъ въ Парижъ былъ тотъ самый лордъ Витворсъ, который былъ въ Россіи во время смерти Павла. Мягкій, вѣжливый придворный, онъ однимъ своимъ видомъ безпрестанно напоминалъ Бонапарте, что тотъ лишился своего союзника-царя.

Бонапарте, какъ человѣкъ, имѣлъ больше значенія чѣмъ Павелъ и смерть его была болѣе желательна для Англіи. Англичанамъ не нужно бы было даже принимать въ этомъ участіе. Ярые роялисты горѣли желаніемъ приняться за это дѣло. Ихъ герой, мельникъ Кадудаль *), храбрый, сильный и жестокій человѣкъ, смотрѣлъ на это предпріятіе, какъ на мечту, на идеалъ всей своей жизни. Онъ когда-то имѣлъ аудіенцію у Бонапарте, который охотно бы привлекъ его на свою сторону. Кадудаль никогда не могъ утѣшиться, въ томъ что не воспользовался этою минутою, чтобы задуть его. Но онъ считалъ за счастье напасть на него на площади Каруселя, среди его гвардіи и убить его въ кровавой схваткѣ. Онъ не дѣлалъ изъ этого тайны, а рассказывалъ о своемъ планѣ всякому, кто хотѣлъ его слушать **). Миротлюбивое министерство Аддингтона приберегало Кадудалья, какъ боеваго бульдога. Съ удивительною откровенностью оно сообщило консулу, что въ случаѣ уступки Мальты, это смертоносное орудіе будетъ удалено, отослано въ Америку. Довольно наивное предложеніе, которое однако доказываетъ, какое употребленіе могли сдѣлать изъ Кадудалья, если Мальту будутъ оспаривать.

Эти мрачныя предостереженія должны были произвести не малое впечатлѣніе на Бонапарте, особенно послѣ разрыва,

*) Смотри прекрасныя статьи Лежана (Biographies bretonnes).

**) Такъ и Романьоль Піанори имѣлъ безграничную смѣлость напасть на Наполеона III въ Елисейскихъ поляхъ въ полдень.

когда въ отмщеніе за захватъ французскихъ кораблей, Бонапарте приказаль задержать англичанъ, путешествовавшихъ во Франціи. Онъ приказаль тоже занять Ганноверъ, собственность короля Англіи. Такое дѣйствіе, касаясь чувствительной струны, могло имѣть важныя послѣдствія; оно могло вызвать рѣшительнымъ образомъ смерть Бонапарта. Послѣдній долженъ былъ очень жалѣть о томъ, что изъ тщеславія довѣрилъ полицію неумѣлымъ руками министерства юстиціи. Но онъ заботился о личной охранѣ безчисленными отрядами военной полиціи, очень неискусной. Бывшій министръ, Фуше удержаль своихъ агентовъ, продолжалъ наблюдать и предупреждать Бонапарте, котораго еще болѣе тѣмъ тревожилъ.

Странное положеніе! Въ ту минуту, когда онъ казалось достигъ всего, пробился до цѣли, онъ замѣтилъ личную опасность. Сенать предлагаль ему *имперію* даже болѣе—*право назначать наследника*. Это оправдывало желанія братьевъ, главнымъ образомъ пылокое нетерпѣніе Люсьена; но оно вовсе не нравилось женщинамъ, которыя желали *усыновленія* для ребенка рожденнаго Гортензіею. Такъ что когда сенать предложилъ право наследственности, то Бонапарте далъ ему слѣдующій странный отвѣтъ: «черезъ десять лѣтъ я объ этомъ подумаю»; т. е. когда ребенку будетъ четырнадцать лѣтъ—совершеннолѣтіе короля. Отвѣтъ этотъ, нѣсколько циничный, которымъ онъ признался въ своей страсти, доказываль и удовольствіе, какое онъ находилъ не скрывать своего стыда. И вотъ въ ту минуту, когда голосъ природы готовъ была смягчить эту жизнь, до сихъ поръ такую рассчитанную, явилась опасность. Странно, но именно въ тѣ минуты, когда человекъ болѣе всего дорожитъ жизнью, смерть, эта великая насмѣшница, любитъ являться съ своею иронической судорожной усмѣшкой, которая, кажется, говорить: «А меня вы

забыли! И я пришла на праздник». Не успокоенный нисколько своими военными полицейскими отрядами, Бонапарте думалъ, что со стороны Рейна и Англіи являются цѣлыя арміи убійцъ. Фуше радовался его страху и увеличивалъ его опасенія, написалъ ему: «Самый воздухъ наполненъ кинжалами».

Но такая испытанная и опытная гончая имѣла то неудобство, что уже слишкомъ усердно удаляла непріятеля. Англичане послали молодого Берри, который долженъ былъ высадиться на крутомъ берегу Трувилля; онъ видѣлъ, что его ждуть и не рѣшился на высадку. Савари, посланный Бонапарте, напрасно прождалъ Берри цѣлый мѣсяцъ. Со стороны Рейна англичане имѣли большую силу въ своихъ пансіонерахъ-эмигрантахъ и между прочимъ въ молодомъ Конде, герцогѣ Энгьенскомъ. Роялисты увѣряютъ, что въ продолженіи двухъ лѣтъ онъ оставался вблизи Шварцвальда, удерживаемый охотою, этою страстью всѣхъ Конде, и любовью. Но это сомнительно. Онъ не могъ выбрать другаго мѣстопробыванія, которое-бы сильнѣе раздражало Бонапарте. Страсбургъ былъ наполненъ агентами роялистовъ, дамами и священниками, которые со времени Пишегрю занимались корреспонденціею съ эмигрантами. Принцъ, отважный юноша, переѣзжалъ Рейнъ, чтобы, какъ говорили, позабавиться въ большомъ городѣ. Въ портретной галлерей Версаля, его молодое и тонкое лицо тѣмъ не менѣе поражаетъ черствостью и выраженіемъ ребенка, способнаго на трагическіе поступки.

Главный заговорщикъ, Пишегрю, уже оставилъ Лондонъ и пріѣхалъ въ Парижъ. Но онъ не былъ особенно полезенъ, его презирали. Время успѣло сбросить съ него маску. Въ 97 его переговоры съ австрійцами, въ 98 его совѣты Суворову—какъ бы удачнѣе побить насъ, были слишкомъ хорошо извѣстны. Англичане въ его лицѣ имѣли весьма жалкаго

пансіонера, который не могъ поколебать армію. Слѣдовательно, какъ совершенно справедливо доказывали роялисты, Пишегрю одинъ былъ безсиленъ, онъ долженъ былъ подкупить Моро, у котораго сохранилось нѣкоторое обаяніе. Моро, чувствуя что въ немъ нуждались, не хотѣлъ трудиться исключительно для роялистовъ, но работать прежде всего для самаго себя, онъ говоритъ, не безъ основанія, что армія вовсе не была расположена къ роялистамъ и, чтобы водворить королевскую власть, требовалось переходное лице диктатора.

Свиданіе Моро и Пишегрю на бульварѣ Маделены, хотя и утверждали, будто оно вымышленный фактъ, на самомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ правдоподобно. Почему? Потому что въ Моро очень нуждались, потому что одно его имя уже давало нѣкоторую вѣроятность въ удачѣ задуманнаго предпріятія. Безъ него убійство Бонапарте, совершенное съ успѣхомъ рукою Кадудала или другихъ роялистовъ, могло погубить ихъ партію и напротивъ послужить на руку революціонерамъ. И ярость Бонапарте была всего сильнѣе противъ Моро, какъ человѣка, который могъ лишить его главной опоры, главной силы—арміи. Жоржъ Кадудаль былъ въ Парижѣ; утверждали, будто его видѣли, когда онъ ходилъ представляться какой-то таинственной личности. Это не могъ быть Берри, который не высадился. Слѣдовательно это не могъ быть никто иной, какъ маленькій Конде, молодой д'Энгьенъ, который имѣлъ около себя, въ качествѣ руководителя, Дюмурье, опытнаго и опаснаго человѣка. Подобные слухи чрезвычайно смущали Бонапарте, и хотя его увѣряли, что молодой Конде еще находится въ Баденѣ, онъ рѣшился, не смотря ни на что, освободиться отъ своихъ опасеній.

Маркграфъ баденскій, владѣнія котораго недавно округлились благодаря Бонапарте, былъ его должникомъ и готовъ

былъ оказать ему всякую услугу. Онъ надѣялся бракомъ войти въ семейство Бонапарте, такъ какъ онъ успѣлъ уже этимъ способомъ породниться съ русскою императорскою фамиліею; такимъ образомъ, онъ былъ бы связанъ родственными узами съ двумя самыми могущественными государствами Европы. При такихъ обстоятельствахъ, даже самъ Талейранъ полагалъ, что вполне возможно безъ всякихъ околичностей испросить дипломатическое удаленія эмигранта, молодого принца, который вблизи Франціи устраивалъ противъ нея тайные заговоры. Къ маркграфу отправили очень любезнаго, вкрадчиваго человѣка—Коленкура. «И нѣмецкій князь согласился» (Mio т. II). Маркграфъ могъ предупредить принца. Но въ это время арестованіе совершилось: отрядъ жандармовъ схватилъ принца, привезъ его въ Страсбургъ, затѣмъ въ Парижъ. Даже Бонапарте не ожидалъ, что принца привезутъ такъ скоро и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, такъ что цѣлый день почти прошелъ между привозомъ принца въ Парижъ и заточеніемъ его въ Венсеннѣ. Бонапарте ни съ кѣмъ ни совѣтывался и никто не могъ заступиться за его жертву.

Конечно, нельзя было утверждать, что герцога энгьенскій былъ захваченъ на мѣстѣ преступленія. Онъ находился внѣ Франціи наравнѣ со столькими эмигрантами, которымъ каждый день позволяли возвращеніе въ отечество. Наконецъ, если онъ былъ дѣйствительно виновенъ въ сношеніяхъ съ Пишегрю и Кадудалемъ, то надо было выяснить его виновность, а не употреблять исключительно противъ него такихъ жестокихъ мѣръ, ни на чемъ не основанныхъ. Но корсиканскіе инстинкты, ярость проснулись въ Бонапарте, какъ только онъ почувствовалъ добычу въ своихъ рукахъ. Онъ назначилъ для суда надъ Энгьенскимъ военныхъ судей изъ полковниковъ парижскаго

гарнизона. Эти военные, привыкшіе разстрѣливать шуановъ и эмигрантовъ, не оставили и въ этомъ случаѣ своихъ привычекъ. Однимъ изъ нихъ былъ Гюленъ, побѣдитель Бастиліи, и весьма гуманная личность, такъ какъ онъ тогда пожертвовалъ своею жизнью, чтобы спасти губернатора Бастиліи, Лонэ и, въ порывѣ великодушной отваги, надѣлъ на него свою шляпу.

Принцъ ничего не написалъ, но заявилъ, что желаетъ говорить съ первымъ консуломъ. Объ этомъ передали Реалю, во то время начальнику полиціи. Онъ спалъ, такъ какъ очень усталъ въ тотъ день и приказалъ, чтобы его не будили. Казнь совершилась рано утромъ, въ шесть часовъ, по закону, передъ глазами Савари-Ровиго, который былъ посланъ туда нарочно. Эта варварская торопливость была нелѣпо бесполезна. Бонапарте, въ этомъ случаѣ, дѣйствовалъ себѣ во вредъ. Повидимому, онъ находился въ припадкѣ ярости, и уже не владѣлъ собой, такъ же какъ и въ то время когда, узнавъ объ отплытіи судовъ съ изгоняемыми якобинцами, которое кончилось потопленіемъ сотни человѣкъ (noyade), напрасно пострадавшихъ за адскую машину, онъ сказалъ: «все равно, я отъ нихъ избавился». Напротивъ, прямая выгода его заключалась въ томъ, чтобы онъ настоялъ на обнаруженіе всѣхъ упорныхъ происковъ, продолжавшихся и послѣ смерти царя Павла, на раскрытіе миссіи Кадудаля, этого оружія въ рукахъ заговорщиковъ, и неудачной попытки Берри произвести высадку. Нѣтъ сомнѣнія, что и молодой Конде попалъ бы въ число обвиняемыхъ. Человѣкомъ, который болѣе всѣхъ долженъ былъ опасаться слѣдствія раскрывавшаго все это дѣло, былъ конечно Пишегрю; онъ рисковалъ утонуть въ грязи, столько разъ уже была доказана его измѣна своей арміи; потомъ онъ былъ помилованъ въ фруктидорѣ за австрійскую измѣну и, возвратясь во Францію, онъ заслужилъ свою смерть вторично измѣнивъ въ пользу

русскихъ. Каждый годъ онъ падалъ все ниже и ниже. Объясненіе всего этого погребло бы его въ въ цѣломъ адѣ позора. У него было одно средство избѣгнуть суда—это удавиться. Онъ такъ и сдѣлалъ 16 апрѣля 1804 г., въ надеждѣ, что его смерть припишутъ Бонапарте.

V.

Безуміе Бонапарте относительно старшаго сына Гортензіи. Жозефина принуждаетъ его къ унижительному шагу. Май 1802 г.

Смерть герцога Энгьенскаго надѣлала много шума при европейскихъ дворахъ; многіе принцы возненавидѣли Бонапарте, они были довольно равнодушны къ народнымъ бѣдствіямъ, но принимали близко къ сердцу гибель одного изъ себя подобныхъ, однако они молчали. Одинъ императоръ Александръ громко негодовалъ и надѣлъ трауръ; онъ тѣмъ послужилъ органомъ для эмигрантовъ.

Во время реставраціи утверждали, повторяли неоднократно, что Парижъ былъ сильно потрясенъ этою казнью. Все это выдумки. На третій день Талейранъ давалъ блестящій балъ. Лоншанъ, гдѣ выставались современныя моды, кипѣлъ народомъ и обновлялъ туалеты имперіи, болѣе подходящія для кормилицъ, толстыхъ женщинъ, какою была въ то время Гортензія. Парижъ въ дѣйствительности мало жалѣлъ эту беспокойную эмиграцію, которая постоянно злоумышляла и тѣмъ мѣшала теченію дѣлъ. «Наполеонъ, говорили тогда, отошлетъ Жозефину и можетъ жениться на баденской принцессѣ. Маркграфъ баденскій, который только что выказался такимъ усерднымъ полицейскимъ сержантомъ Бонапарте, не

откажется выдать за него принцессу своего дома; и такимъ образомъ гражданинъ Бонапарте будетъ своякомъ императора Александра». Хорошій залогъ для общаго мира.

Легенда Жозефины какъ видно тогда не зарождалась. Она была сложена дамами сенъ-Жерменскаго предмѣстья, а также прачками и рыночными торговками, которыя полагали, что одной изъ ихъ сестеръ выпала счастливая доля, *большой вымыселъ*, выйти за мужъ за императора. Что дѣйствительно замѣчательно въ жизни этой женщины, это умѣнье, съ какимъ она поднялась въ четыре года изъ самаго презрѣннаго положенія до самого высокаго, и кромѣ того съ такимъ невѣроятнымъ успѣхомъ управляла этимъ человекомъ, который считалъ себя неограниченнымъ властителемъ надъ другими. Она его любила очень мало. Это было замѣтно въ Италіи, когда, раздѣляя его торжество, она уже зѣвала на восьмой день и торопилась возвратиться въ Парижъ, гдѣ ее ожидалъ міръ интригановъ, пройдохъ и модныхъ торговкокъ. Въ 98 году, воротясь изъ Египта, Бонапарте напелъ ее до того запачканной, до того ославленной, что рѣшился было немедленно отослать ее, но потомъ раздумалъ, боясь повредить брюмерскому перевороту и опасаясь раздражить банкировъ, которые доставляли денежныя средства. Кромѣ того она сама выказала столько смиренія передъ наказаніемъ и стыдомъ, что онъ былъ увѣренъ въ невозможности найти болѣе терпѣливую жертву и болѣе ловкую интриганку для привлеченія къ нему сенъ-жерменскаго предмѣстья.

Неловкій образъ дѣйствія братьевъ Бонапарте, чудовищное тщеславіе ихъ въ особенности содѣйствовало возвышенію ея; мягкій и податливый характеръ Евгенія, миловидность Гортензій и даже страхъ, который та вначалѣ чувствовала или только разыгрывала передъ Наполеономъ, очень ему пра-

вились. Весною 1804 года, Жозефина была на высотѣ своего величія. Разрѣшеніе Гортензій, удивительное пристрастіе Бонапарте къ этому ребенку, его планы о великой будущности этого сосунка, все это способствовало возвышенію Жозефины. Но быть можетъ именно это увеличившееся вліяніе двухъ женщинъ, страхъ передъ мольбами и плачемъ ихъ, и заставили его поспѣшить со смертью герцога Ангьенскаго. Онъ въ этотъ день писалъ письма, т. е. заперся у себя въ комнатѣ до тѣхъ поръ, пока все не было кончено безповоротно, непоправимо. Страсть далеко не смягчила его сердца, напротивъ смертью бурбоновъ, которыхъ онъ, судя по его словамъ, хотѣлъ истребить до послѣдняго, онъ разсчитывалъ упрочить, подготовить высокое положеніе наслѣдника, сына Гортензій и ея матери.

Обѣ женщины, которыхъ предупредили слишкомъ поздно, напрасно проливали слезы. Когда подготовлялась вазнь двѣнадцати роялистовъ, онѣ могли добиться помилованія только двухъ личностей: Полиньяка и де-Ривьера, молодыхъ людей, за которыхъ просило все предмѣстье Сень-жермена. Жозефина, успѣвшая сдѣлать такъ мало для своихъ друзей, съ удвоенною настойчивостью стала требовать въ награду уступки въ интересахъ своей дочери и сына этой Гортензій, къ которому былъ такъ привязанъ Бонапарте. Она добилась отъ него страннаго, невѣроятнаго шага въ интересахъ этого ребенка. Подъ вліяніемъ страсти она забыла свое лицемѣріе и опровергла все, что говорилось о ея кротости.

Шагомъ этимъ было посѣщеніе Наполеономъ своего брата Людовика, съ цѣлью объявить ему всѣ планы о будущемъ величіи ребенка, который былъ такъ дорогъ сердцу императора. Весьма щекотливое объясненіе. Бонапарте, который почти воспиталъ Людовика, казалось, могъ бы не чувствовать передъ

нимъ неловкости; но все таки онъ не былъ покоенъ и, чтобы придать себѣ мужество и запугать этого слабого и болѣзненнаго человѣка, онъ придумалъ очень глупое средство: а именно явиться къ нему нечаянно, точно какой-то ураганъ, съ конвоемъ въ тридцать всадниковъ, которые слѣдовали за его каретой въ галопъ и съ обнаженными саблями. Но лучшимъ конвоемъ для него была Жозефина, которая, видя смущеніе супруга, показала больше рѣшимости и напрямикъ объявила Людовику, что законъ о престолонаслѣдіи былъ утвержденъ и что надо ему подчиниться, нужно показать себя человѣкомъ въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ и что кромѣ того онъ самъ долженъ сознавать свои выгоды. Затѣмъ она объявила ему, что согласно только что утвержденному закону, право престолонаслѣдія будетъ предоставлено только тѣмъ членамъ семейства, которые будутъ на шестнадцать лѣтъ моложе перваго консула, и что сынъ Луи единственный въ родѣ, который отвѣчаетъ этимъ требованіямъ, что поэтому онъ и будетъ наслѣдникомъ.

Людовикъ былъ возмущенъ такъ же какъ и Іосифъ, который, чуть только узналъ объ этомъ, то разразился ругательствами, проклялъ честолюбіе Наполеона и пожелалъ его смерти, какъ спасенія для всего семейства такъ и для Франціи.

VI.

Коронованіе. Папа въ Парижѣ. Торжество Гортензіи и Жозефины надъ братьями.

Бонапарте сказалъ Вольнею во время конкордата. «Это оспопрививаніе религіи, черезъ двадцать лѣтъ всѣ объ этомъ забудутъ». Но эти слова и шутовскія дѣйствія его въ Египтѣ

не должны вводить въ заблужденіе. Бонапарте, по своему отечеству, воспитанію и материнскому вліянію, былъ итальянскій дворянинъ католикъ. Впечатлѣніе, произведенное на него звономъ колоколовъ въ Рюелѣ, которое напомнило ему времена дѣтства, вѣроятно не было выдумкой. Подобное настроеніе поддерживалось въ немъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ и жена его окружили себя людьми прежняго двора, старались привлечь къ себѣ старинныя фамиліи сенъ-жерменскаго предмѣстья и поставили себѣ идеаломъ, по словамъ г-жи де Жанлисъ, дворъ Людовика XIV. Что ему особенно нравилось въ этой эпохѣ—это католицизмъ Боссюэта, прекрасное орудіе власти. Онъ отлично понималъ, что проповѣдуя послушаніе и обладая могущественнымъ средствомъ—исповѣдью, католичество обратилось въ прекрасное полицейское орудіе. Фуше по этому поводу выразился довольно дерзко; онъ сказалъ епископу: «Ваше преподобіе, я нахожу что ваше ремесло болѣе походить на мое, чѣмъ это думаютъ».

Со времени конкордата, въ продолженіи двухъ лѣтъ, Жозефина употребляла всѣ средства для того, чтобы поддержать въ Бонапарте религіозное настроеніе; она надѣялась черезъ это добиться осуществленія послѣдняго и самаго важнаго желанія—обряда религіознаго вѣнчанія, котораго ей недоставало, чтобы совершенно упрочить свое положеніе среди дамъ сенъ-жерменскаго предмѣстья. Но какъ кажется, Гортензія не могла добиться такой уступки, которая была бы разрывомъ съ самой революціею. Послѣ смерти Энгьена, обѣ своими слезами и отчаяніемъ достигли того, что должно было привести къ желанному результату: приглашенію папы пріѣхать въ Парижъ, чтобы насладиться торжествомъ религіи и помазать мѣромъ того, кто возстановилъ ее. Если папа пріѣ-

детъ въ Парижъ, чтобы вѣнчать короной императора *), то онъ конечно будетъ вѣнчать тоже и «покровительницу церкви», потребуетъ прежде церковнаго обряда вѣнчанія супруговъ.

Конечно надо было нѣсколько пообождать, отдалиться отъ трагическихъ событій въ Венсеннѣ и казни десяти роялистовъ, которыхъ присудили къ смерти. Эта юридическая рѣзня свершилась въ послѣднихъ числахъ мая, ровно два мѣсяца спустя послѣ смерти Энгьена. 18 мая сенатъ объявилъ Бонапарте императоромъ. Нетерпѣніе Наполеона было однако такъ велико, что еще 10 мая, не говоря ни слова даже Талейрану, онъ поручилъ легату Капрара пригласить папу вѣнчать будущаго императора. Удивительная поспѣшность! Должно быть кровь Энгьена не давала ему покоя. Онъ хотѣлъ смыть ее. Я хочу сказать, что Наполеонъ спохватился нѣсколько поздно о томъ, что онъ совершилъ очень неловкій поступокъ, совершенно противорѣчившій его желаніямъ быть принятымъ въ великую семью королей Европы, въ которую онъ хотѣлъ вступить теперь съ такимъ кровавымъ пятномъ. Отсюда происходило вѣроятно его нетерпѣніе закрыть его хотя бы церковнымъ елеемъ.

10 іюня послѣдовала новая попытка пригласить папу письмомъ кардинала Феша, дяди императора. Два раза кардиналъ, министръ Консальви, подъ строжайшею тайною, посылалъ узнавать мнѣніе совѣта кардиналовъ. Въ этихъ совѣщаніяхъ говорилось о правахъ церкви на итальянскія земли и о конституціонныхъ епископахъ; но вовсе не касались вопросовъ о чести, гуманности и о стыдѣ связанныхъ съ измѣною бурбонамъ, одного изъ которыхъ только что убили — измѣною ради того, чтобы слѣдовать за успѣхомъ, вѣнчать похитителя трона, помазать убійцу. Такое безсердечіе духовныхъ лицъ

*) См. Арго т. I.

невольно вызываетъ ужасъ. Пій VII, въ своемъ холодномъ, сдержанномъ отвѣтѣ, подъ прикрытіемъ самыхъ смиренныхъ выраженій, тѣмъ не менѣе настаиваетъ на исполненіи строгихъ условій коронованія, которыя такъ унижаютъ коронуемую особу передъ священнымъ лицомъ: *на цѣлованіи ногъ*.

Ясно, что папа питалъ надежды, въ которыхъ не смѣлъ сознаться изъ опасенія, чтобы его не обвинили въ симоніи. Разными неопредѣленными обѣщаніями ему давали понять, что Болонья, Авиньонъ и пр. будутъ ему возвращены. Самъ же Бонапарте между тѣмъ рассчитывалъ въ ту зиму и даже во время коронованія, образовать изъ земель, на которыя надѣялся папа, итальянское королевство и короноваться самому въ Миланѣ желѣзною короною ломбардскихъ королей. Онъ не особенно полагался на благословеніе папы, ему хотѣлось добиться другаго, болѣе прочнаго титула—одобренія Франціи, хотя бы только кажущагося. Вездѣ, во всѣхъ департаментахъ были открыты книги, въ которыхъ каждый въ присутствіи чиновниковъ могъ вписывать свои пожеланія для новой имперіи. Въ то же время въ честь радостнаго событія, онъ создалъ сводъ уголовныхъ законовъ и издалъ важный законъ объ общей полиціи.

Между тѣмъ папа все откладывалъ свой пріѣздъ и потребовалась угроза, чтобы заставить его рѣшиться. Бонапарте далъ ему понять, что если въ продолженіе пяти дней онъ не исполнитъ даннаго слова, то конкордатъ будетъ уничтоженъ, т. е. что Франція не будетъ болѣе повиноваться Римѣ. За исключеніемъ небольшихъ поѣздокъ въ Булонь, для раздачи орловъ, и тщеславныхъ приготовленій небывалой экспедиціи въ Англію, Наполеонъ мало обращалъ вниманія на политику и на признаки готовившейся европейской войны; его занимали гораздо болѣе мелочныя семейныя распри. Довольный отѣз-

домъ Люсьена въ Италію, онъ пожелалъ умиротворить другаго брата, Людовика, и назначилъ его генераломъ и членомъ государственнаго совѣта. Іосифа онъ произвелъ въ полковники на время, пока не состоялось еще его назначеніе главнокомандующимъ швейцарскихъ войскъ. Онъ далъ ему кромѣ того тщеславный титулъ курфюрста и помѣщеніе въ люксембургскомъ дворцѣ.

Между тѣмъ онъ обвинялъ его въ сношеніяхъ съ республиканцами и въ томъ числѣ съ генераломъ Журданомъ. На самомъ же дѣлѣ, ихъ ссорило главнымъ образомъ будущее торжество Жозефины.

Событіе это вызвало удивленіе всѣхъ, кто ее зналъ и всю легкомысленную повѣсть жизни ея. Отвергнутая шестнадцатилѣтъ своимъ первымъ мужемъ Богарне, сколько пережила она различныхъ приключеній! Ее знали всѣ не только въ Парижѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ. Папа долженъ былъ проявить не мало рѣшимости, чтобы пріѣхать вѣнчать ее съ Наполеономъ и короновать. Будь она болѣе благоразумной, то она не оглашала бы своего торжества и ей, быть можетъ, и простили бы. Но она желала другаго: ей хотѣлось унижить братьевъ императора.

Странныя противорѣчія въ дѣйствіяхъ Наполеона при встрѣчѣ папы вовсе не указываютъ на невѣжество съ его стороны, или на солдатскую грубость; они объясняются двойственностью стремленій, которыя боролись въ его умѣ. Нѣкоторый недостатокъ учтивости передъ папой вызывалъ одобреніе военнаго двора Бонапарте. Генералы его повторяли съ удовольствіемъ: «онъ никогда не будетъ въ зависимости отъ патеровъ». Въ день церемоніи онъ заставилъ папу ждать добрый часъ. Явившись въ церковь, онъ всталъ на колѣни, но не исполнилъ унижительную церемонію, постановленную папой

въ условіе: цѣлованіе ногъ. Къ большому изумленію папы, онъ самъ надѣлъ корону на себя и на императрицу, такъ что папа оказался совсѣмъ лишнимъ, простымъ свидѣтелемъ, бездѣятельнымъ статистомъ. Однакоже въ концѣ коронаванія папа прочелъ проповѣдь, въ которой требуется отъ властителя искорененія невѣрія, явнаго и тайнаго, это и есть основаніе инквизиціи *).

Наполеонъ казался усталымъ и постоянно зѣвалъ, по свидѣтельству де Прада, духовнаго церемоніймейстера. Солнце, долгое время скрывавшееся за тучами, наконецъ выглянуло въ этотъ холодный день. Вотъ все что было сказано въ Монитерѣ 3 декабря. Онъ воздержался описать шумную встрѣчу, устроенную войсками папскимъ офицерамъ, которые предшествовали папѣ верхами на мулахъ, въ шутовскихъ нарядахъ, и вызвали громовые раскаты смѣха, раздававшіеся до самыхъ Тюльери. 4-го декабря, а также и въ послѣдующіе дни ничего не было напечатано въ Монитерѣ, кромѣ извѣстій о раздачѣ орденовъ и статьи объ имамѣ въ Меккѣ, неограниченномъ государѣ, который сосредоточивалъ въ себѣ и духовную и военную власть. Папа увидѣлъ себя обманутымъ, впрочемъ остался еще нѣсколько дней въ Парижѣ; онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе своею кротостью, но отказался присутствовать въ Миланѣ при итальянскомъ коронаваніи Наполеона.

Коронаваніе въ Парижѣ прошло благополучно, если не считать возгласа одного молодого незнакомца, который крикнулъ: «не надо императора!» Наполеонъ удивлялся, что не было другихъ беспорядковъ и сказали: «Это сраженіе выиграно». Миѣ было тогда шесть лѣтъ, я стоялъ на бульварѣ

*) См. Арто т. I.

и не замѣтилъ ничего, въ этотъ морозный день, кромѣ угрюмаго зловѣщаго молчанія. Сраженіе произошло лишь въ семействѣ императора. Іосифъ хотѣлъ сложить съ себя всякія званія и удалиться въ Германію, скорѣе, чѣмъ позволить своей женѣ нести шлейфъ Жозефины. Наконецъ, онъ нѣсколько смягчился, когда было условлено, что въ церемоніалѣ будетъ напечатано вмѣсто: *нести мантию*, — *поддерживать мантию*. Онъ покорился и Наполеонъ пришелъ въ такой восторгъ, что объявилъ ему съ жаромъ, будто со времени ихъ ссоры онъ не имѣлъ минуты покоя. «Не отъ того, чтобы я думалъ, что вы были бы въ состояніи, по примѣру Люсьена, купить свое величіе цѣною преступленія, какую бы выгоду вамъ ни доставила моя смерть». Покорность Іосифа была вызвана грубыми угрозами, солдатскими выходками: «Я призванъ измѣнить весь міръ... Если вы откажетесь присутствовать при коронаваніи, то объявляете себя моимъ врагомъ... Гдѣ ваши средства нападенія?.. Что ваша армія въ сравненіи съ моей?.. У васъ ничего нѣтъ. Я васъ уничтожу!...»

Эта забавная комедія была разыграна только ради двухъ женщинъ, Гортензіи и Жозефины, которыя хотѣли этимъ напугать братьевъ и заставить ихъ согласиться на отъѣздъ изъ Франціи и уступку трона ребенку. Но братья были непоколебимы. Іосифъ отказался отъ Ломбардскаго королевства. Послѣ его отказа корону эту предложили Людовику, но онъ былъ слишкомъ возмущенъ безстыднымъ желаніемъ Жозефины, не смотря на слухи и какъ бы въ подтвержденіе ихъ, оставить ребенка при Наполеонѣ. Людовикъ объявилъ рѣшительно, что поѣдетъ въ Италію при одномъ условіи, взять ребенка съ собой. Это привело Наполеона въ непонятную ярость. Внѣ себя онъ схватилъ Людовика поперегъ тѣла и вышвырнулъ его изъ комнаты.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Германія.

I.

Политическая Германія.

Знаменитыя слова Сіэса о мнимомъ всемогуществѣ Бонапарте: «господиенъ, который знаетъ все, можетъ все и хочетъ все сдѣлать» — были конечно только шуткою, кромѣ послѣднихъ словъ о слѣпой и неосторожной волѣ, которая все болѣе и болѣе увеличивала его затрудненія. Въ то время, когда такъ трудно было поддерживать непрочный Амьенскій миръ, онъ создавалъ себѣ тысячи новыхъ враговъ; обнаруживая съ одной стороны свои колоніальныя и морскіе замыслы экспедиціею въ Сентъ-Доминго, онъ еще кромѣ того раздражилъ всѣ державы смертью Энгьена, присоединеніемъ Піэмонта и насильственнымъ посредничествомъ въ дѣлахъ Швейцаріи; казалось, что онъ въ дѣйствительности наложилъ руку на Альпы, т. е. на самое сердце европейскаго континента. Все

это дѣлалось поспѣшно, необдуманно въ короткій срокъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Остановился ли онъ на этомъ? Нѣтъ. Въ то же время онъ началъ шевелить, не думая о послѣдствіяхъ, опасную громаду: Германію. Это огромное тѣло неповоротливое, слабое вслѣдствіе своей разбросанности, показалось ему параличнымъ. Однако онъ былъ свидѣтелемъ, съ какою энергическою быстротою маленькая Пруссія потрясла всю сѣверную Германію при Фридрихѣ прусскомъ. Онъ также лучше всѣхъ зналъ, что медленность дѣйствій австрійскихъ войскъ въ итальянскую компанію зависѣла отъ рутинности распоряженій придворнаго совѣта и отъ вліянія англичанъ, которые не разъ препятствовали австрійскимъ генераламъ удачно выполнить задуманные планы.

Съ нетерпѣніемъ южнаго темперамента онъ прилагалъ къ этимъ народамъ самую грубую ариметику. Вмѣстѣ съ Талейраномъ въ Сенъ-Клу, или съ Дальбергомъ на Рейнѣ, онъ только считалъ: столько-то душъ на Пруссію, столько на Баварію, на Виртембергъ и т. д. Мало подвижныя германскія народности, вѣроятно, еще долго остались бы въ томъ же положеніи, если бы не были нарушены дѣленія ихъ и неподвижныя привычки старыхъ правительствъ; но онъ потревожилъ ихъ, раздулъ эти человѣческія пылинки и весьма необдуманно придалъ имъ подвижность, которая не была еще дѣятельностью, но обѣщала приготовить ее. Надо сказать, что въ этомъ большомъ тѣлѣ многое, повидимому прочно соединенное, казалось такимъ лишь вслѣдствіе долгаго сопривосновенія, а вовсе не однородности своей. Такъ стоитъ въ старинныхъ соборахъ срубъ сводовъ, соединенный впродолженіи четырехъ сотъ, пятисотъ лѣтъ, сглаженный временемъ, пылью; истлѣлъ ли онъ на самомъ дѣлѣ? Нисколько.

Попробуйте коснуться его топоромъ и дерево застонетъ.

Еслибы Наполеонъ лучше зналъ исторію Германіи, то увидѣлъ бы, что подъ наружною неподвижностью этого народа скрывается податливость, измѣнчивость. Нѣмецъ именно оттого, что онъ такъ податливъ дисциплинѣ, нѣсколько разъ обнаруживалъ качества прекраснаго солдата, перваго въ Европѣ, напр. при Фридрихѣ. Почему? Потому что, при наружной суровости, онъ въ сущности весьма общителенъ и можетъ быть хорошимъ товарищемъ при совмѣстной дѣятельности. Это можно отлично замѣтить въ искусствахъ, такъ сказать, чисто нѣмецкихъ, и преимущественно въ музыкальной гармоніи, въ оркестровкѣ, гдѣ каждый инструментъ играетъ свою партію. Мы видимъ ту же способность даже въ сельскомъ населеніи, въ другихъ отношеніяхъ довольно грубомъ. Зимомъ крестьяне собираются и прекрасно исполняютъ комнатную музыку. Лѣтомъ концерты на открытомъ воздухѣ позволяютъ многимъ отдѣльнымъ группамъ соединяться для общаго исполненія. Когда исполненіе болѣе совершенно и хорошо дисциплинировано, то даже толпа можетъ принимать въ немъ участіе. Именно эта способность соединяться для какого-нибудь общаго занятія объясняетъ пригодность нѣмцевъ и для военнаго дѣла.

Вотъ почему люди миролюбивые и домосѣды по природѣ, часто не покидавшіе семейнаго круга, въ тоже время такъ скоро усваивали военную дисциплину и подчинялись движеніямъ стройной арміи.

Способность соединяться—великая сила, если она одушевляется необходимостью, если задѣто чувство. Послѣднее не скоро овладѣваетъ этимъ народомъ, вообще мало впечатлительнымъ. Но если чувство наконецъ затронуто, то оно разрастается въ бѣшеное *crescendo*: мы видимъ это самое въ органѣ, который вздохнувъ два, три раза будитъ силы, душу

своей громадной машины и разражается могучими потоками гармоніи, превосходящими впечатлѣнія бури. Германія обладаетъ не только громадною силою, благодаря этой способно-къ сближенію; эта сила выказалась не разъ и въ литературѣ, въ самыхъ чистыхъ произведеніяхъ ея, въ высокихъ формахъ общихъ идей. Передъ очевидною неизбѣжною тиранніею Людовика XIV, которая касалась даже свободы совѣсти, Лейбницъ, заимствуя у Аристотеля древнюю философію энергіи, говорилъ: *Человѣкъ есть активная сила*. Этому положенію южная Германія, въ лицѣ Спинозы противопоставляетъ *материю*, какъ понятіе общее и основное. Эти двѣ школы, двѣ философіи совершаютъ по очереди развитіе Германіи. Лейбницъ съ полнымъ основаніемъ возражаетъ Спинозѣ: «главная идея въ насъ—идея *причинности* и только благодаря ей мы получаемъ понятіе о матеріи».

Обѣ школы по очереди одерживаютъ побѣду. Если въ минуты утомленія Германія разрастается въ туманныхъ очертаніяхъ, въ инерціи Спинозы, то она не медлитъ и пробужденіемъ, возвращаясь къ ученію о живой силѣ къ сознанію ея. Можно было догадаться по естественнымъ возвратамъ (*ricorsi*) логики исторіи, что Германіи предстояло пробужденіе героическаго духа, и что послѣ своего критика Лейбница и автора Вертера, вдохновленнаго Спинозою, положеніе о нравственной причинности и живой силѣ снова возьметъ перевѣсъ, что явится прежній стоицизмъ и что тогда Германія, въ лицѣ сорока милліоновъ нѣмцевъ, какъ одинъ человѣкъ кинется на Францію.

Что требовалось чтобы вызвать такое грозное дѣйствіе? Ожесточить Германію тираническимъ и жестокимъ давленіемъ, которое вызвало бы ее изъ состоянія полудремоты, при другихъ условіяхъ быть можетъ еще довольно продолжительномъ.

Внѣшняя фѣдеративная связь имперіи при германскомъ цесарѣ вѣроятно продолжила бы эту дремоту. Религіозная ассоціація, произведенная Лютеромъ, распространилась лишь на одну половину Германіи. Фридрихъ II, набравшій въ свои арміи столько иностранцевъ разныхъ націй, не былъ точно также довольно могущественнымъ объединителемъ. Тогда явился Наполеонъ, который достигъ созданія этой силы не столько своими варварскими средствами или войною, сколько сильнымъ давленіемъ, которое не есть ни война, ни миръ. Стонала ли Германія? Будь она централизованною страной, противодѣйствіе, сосредоточенное въ центрѣ, обнаружилось бы гораздо быстрѣе и по всей вѣроятности было бы вскорѣ подавлено. Такой жестокой хирургъ только сильнѣе бы давилъ больного, когда тотъ хотѣлъ кричать; больной долженъ былъ все болѣе болѣе ожесточаться, противъ своей природы, противъ своихъ привычекъ, собирать силы, напрягать нервы, мышцы. Въ этомъ то смыслъ Бонапарте и былъ благодѣтелемъ Германіи, онъ своими операціями разбудилъ больного и внушилъ ему желаніе убить своего мучителя.

Бонапарте, уничтожая революцію во Франціи, распространялъ ли ее въ Европѣ? Во всѣхъ странахъ традиціи восемнадцатаго столѣтія, освобожденіе мысли, которое обезпечиваетъ уже все остальное, были жестоко поруганы Бонапарте подъ прозвищемъ идеологіи. Италія, которая въ послѣднее столѣтіе довольно близко слѣдовала за Франціею, была приостановлена въ своемъ движеніи генераломъ Бонапарте, который запретилъ городскимъ муниципалитетамъ продажу духовныхъ имуществъ и тѣмъ обезпечилъ существованіе монастырей, всей старой монастырской грязи; потомъ изгнавъ республиканское духовенство, уговорилъ папу перешагнуть черезъ кровь бурбоновъ и коронованіемъ облечь убійство.

Французскій сводъ законовъ, довольно слабый по своему характеру, разрушившій родительскую власть, былъ вначалѣ принятъ съ восторгомъ, и можно было думать, что дѣятельность теперь усилится. Феодалная семья была уничтожена и всѣ братья стали требовать свои небольшія доли, искали затѣмъ мѣста и распложали собой чиновниковъ, праздныхъ и угодливыхъ. Бюрократія сильно умножилась. Эти чиновники имперіи чванливы и жестокіе, полувоенные по своей выправкѣ и воображавшіе себя всѣ полковниками, возбудили къ себѣ общую ненависть даже внѣ Франціи. Императоръ во всѣ консульства назначалъ своихъ людей для наблюденія за краемъ, для полицейскихъ расправъ въ нейтральныхъ государствахъ. Иногда онъ назначалъ даже въ качествѣ посланника одного изъ своихъ рубахъ, въ сущности не злаго, но невыдержаннаго, вспыльчиваго и устрашающаго вида, какимъ былъ напр. Ланнѣ. Французы утратили такимъ образомъ ту славу вѣжливыхъ и кроткихъ людей, которою пользовались до этого времени. Замѣтьте еще, что самые плохіе представители отжившей монархіи имѣли то преимущество, что они охотно подчинялись привычкѣ, рутинѣ. Но вновь образовавшіеся представители, рожденные революціею, измѣнчивые, какъ и она сама, и неограниченные, какъ сама имперія, были предметомъ ужаса, отвращенія тѣхъ, къмъ они управляли.

Все это разразилось, когда Бонапарте вступилъ побѣдителемъ въ Германію. Впрочемъ еще и ранѣе, когда въ 1803 году, подъ предлогомъ привести въ дѣйствіе Люневильскій договоръ, онъ взялъ на себя удовлетвореніе германскихъ принцевъ, лишившихся своихъ владѣній на лѣвомъ берегу Рейна; онъ тогда мало совѣтывался и то только для формы съ дізтой германской имперіи и даже съ Россіею, которая была тоже назначена посредницею. Императоръ Александръ,

не смотря на расположеніе свое къ прусскому королю, во многихъ случаяхъ держалъ однако сторону Австріи, этой слѣпой военной державы, которая была и могла быть еще ему полезной, какъ союзница въ случаѣ европейской войны. Видя его нерѣшительность, нѣмецкіе принцы обратились къ Франціи, которая не колебалась. Все было рѣшено въ Парижѣ. Баварія отдѣлилась первая отъ большаго германскаго тѣла и присоединилась къ Франціи, какъ она дѣлала это и ранѣе при Людовикѣ XV; Бонапарте принялъ ее очень радушно во первыхъ потому, что она была врагомъ Австріи, а во вторыхъ какъ путь, ведущій въ Вѣну. У Бонапарте была мысль странная для друга папы, уничтожить католическіе выборы, которые давали Австріи пять католическихъ представителей, вслѣдствіи чего четыре протестантскихъ оставались всегда въ меньшинствѣ. Такъ что теперь въ имперіи осталось только одно духовное государство — электоратъ Майнцскій, который былъ переведенъ отсюда въ Ратисбоннъ и переданъ въ руки сподвижника Наполеона, Дальберга, этого нѣмецкаго Талейрана, льстившаго Бонапарте идеей устройства государства, которое было бы промежуточнымъ между Германіею и Франціею — Рейнской конфедераціи.

Для Европы уничтоженіе этихъ древнихъ епископствъ показалось большою переменною, нарушеніемъ установившихся привычекъ. Властолюбивые прелаты, неограниченные и жестокіе деспоты *) теперь смирились; къ нимъ прибѣгали тѣ, которыхъ изгоняла теперь военная тиранія. Бонапарте уничтожилъ миролюбивыя Рейнскія области и разогналъ недовольныхъ обитателей Пруссіи и другихъ военныхъ державъ. Онъ оказывалъ имъ особенное покровительство, больше всего Прус-

*) См. книгу мою *Колдунья* въ XV и XVI вѣвѣ.

сіи, которою по своей близорукости и непредусмотрительности, онъ хотѣлъ сдѣлать покровительницею Сѣверной Германіи. Пруссія первая напала на насъ, въ награду за рабскій нейтралитетъ *), который она выдерживала со времени базельскаго мира, не желая возбуждать неудовольствія Англіи и не смѣя открыто слѣдовать за Франціею. Между тѣмъ Пруссія, благодаря Наполеону, увеличила теперь свое народонаселеніе съ пяти милліоновъ до девяти и, продолжая обманывать легковѣрнаго Наполеона, выхватила у него еще полмилліона душъ, давъ ему въ итальянскихъ дѣлахъ совсѣмъ не нужную гарантію. Александръ I высказывалъ свое одобреніе, находясь подъ вліяніемъ прекрасной прусской королевы и молодой аристократической Пруссіи, которая уже утвердила свое вліяніе при этомъ дворѣ.

Находясь подъ управленіемъ униженнаго министерства, посредственнаго мало уважаемаго короля, Пруссія тѣмъ не менѣе продолжала совершенствоваться и это то придавало ей вначалѣ слишкомъ много самоувѣренности; но потерпѣвъ неудачу, она тѣмъ самымъ вновь возродилась. Болѣе всего помогла принятая система воспитанія, строгая и вполне автоматичная, цѣлью которой было повидимому образовывать людей вполне похожихъ другъ на друга; воспитаніе это укрѣпило государство, но парализовало всякую индивидуальность, всякій талантъ, свободный геній. Офицеры образовали касту; они не смѣли жениться, не имѣя извѣстнаго дохода и не иначе какъ на женщинахъ извѣстнаго сословія. Государство вмѣшалось даже въ дѣла частной собственности, запрещая дробленіе имущества. Подобныя аристократическія стремленія тѣмъ болѣе удивительны, что въ Германіи такъ же какъ и въ Италіи,

*) Гарденбергъ т. III ст. 261.

не дворянство, а народъ объявлялъ себя приверженцемъ королей и древней династіи ихъ противъ Франціи. Даже во время Бонапарте, имя Франціи было для нихъ синонимомъ революціи.

Бѣдные обитатели Швабіи, Пфальца, не имѣя яснаго понятія объ общемъ германскомъ отечествѣ держались его связью привычекъ, пѣснями, легендами, связью какого то инстинктивнаго культа, предчувствія. Все это бродило въ народѣ среди крестьянскаго населенія, между тѣмъ ихъ благородные господа ползали передъ Бонапарте, готовы были задохнуться въ улицѣ Сень-Флорентинъ у Талейрана, прося милостыню у этого хромаго Мефистофеля; эти ненасытные нищіе повторяли безъ конца: «Ваше превосходительство, дайте еще столько же душъ, умоляемъ васъ».

II.

Литературное и духовное возрожденіе Германіи. Критическая и мечтательная школа. Школа энергіи. Передъ 1806 г.

Одно дѣлаетъ много чести Германіи — общественное и политическое возрожденіе свершилось въ ней путемъ мысли — прекрасный методъ и глубоко естественный. Франція, при совершенно различныхъ внѣшнихъ формахъ, поступила точно также. И въ ней философія предшествовала всему. У обѣихъ націй Декартъ и Лейбницъ олицетворяютъ въ себѣ то движеніе, которое распространилось впоследствии нашими энциклопедистами и школами, получившими начало отъ Канта, которыя привели къ практическимъ результатамъ.

Въ этой короткой главѣ я желалъ бы указать, по возможности, на длинную и трудную вещь, а именно: какимъ образомъ чистая мысль, освободившись отъ теологическаго тумана, кото-

рый въ семнадцатомъ столѣтіи заставилъ Германію пойти назадъ, испортилъ языкъ ея, теперь ринулась впередъ и придала народному духу силы, совершенно непредвидѣнныя *).

Послѣ Фридриха Германія снова вернулась къ своему природному языку. Но сохранилъ ли языкъ этотъ, даже у самыхъ знаменитыхъ писателей ту простоту и силу, которою восхищаешься въ твореніяхъ Лютера? Тяжеловѣсная военщина, рожденная тридцатилѣтней войной, должна была сильно приглушить Германію: человѣкъ записанный въ полкъ — человѣкъ обезличенный; въ громадной массѣ войска онъ терялъ живое сознаніе индивидуальности. Съ другой стороны, послѣдующіе лютеране-піетисты старались изъ всѣхъ силъ хлороформировать человѣческое я. Клопштокъ, считая себя рабомъ христіанской мистики, началъ противъ воли очеловѣчивать ее: фантастическими украшеніями искусства онъ приблизилъ ее къ дѣйствительности. Любопытно, что годъ 1748, когда появилась *Мессіада*, былъ годомъ первыхъ драматическихъ опытовъ великаго свободнаго мыслителя и критика Лессинга.

*) Мнѣ недостаетъ мѣста и очень многого еще для того, чтобы говорить объ этомъ обширномъ предметѣ. Въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1828 по 1838, я былъ увлеченъ страстью, и очень сильной, къ Германіи, къ германскимъ древностямъ; я изучалъ, нерѣдко съ помощью лучшаго и величайшаго ученаго, Якова Гримма, различныя нарѣчія этого богатаго языка, но изучалъ менѣе въ качествѣ лингвиста, нежели страстнаго любителя нравовъ и духа, которые намъ открываются въ нарѣчіяхъ этихъ. Я остановился на Лютерѣ. У него фраза еще чиста и опредѣленна столько же, сколько и жизненно энергична. Въ XVII вѣкѣ она становится сильно запутанной, какъ змѣя, которая извиваетъ длинныя кольца свои, съ усиліемъ поднимается и кусаетъ свой хвостъ. Безъ сомнѣнія это именно возбудило отвращеніе Фридриха II и заставило его забыть заслуги языка, превосходящаго всѣ другіе звучностью и удареніемъ. Это еще съ 1828 г. поразило меня въ театрѣ во Франкфуртѣ. Сильная интонація слова *Freiheit* (свобода) заставила меня сравнить его съ *libertas* римлянъ, съ *libertà* итальянцевъ. (*Libertas quæ tandem respexit inertem. Virgil.—Liberta, molto e desiato bené. Petrarch*).

Уроженецъ Лузаціи, славянской земли, Лессингъ, былъ ли нѣмецкаго происхожденія? Этотъ сильный, всегда независимый умъ, изучившій математику и медицину, оказывается затѣмъ въ Берлинѣ; Лессингъ—секретарь Вольтера. Эти два человѣка замѣчательнаго ума не понимаютъ другъ друга и кончаютъ взаимною ненавистью. Лессингъ дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы отдѣлаться отъ вліянія Франціи. Онъ охотно пишетъ противъ нашихъ философовъ, исповѣдуя въ то же время убѣжденія ихъ. Онъ прежде всего человѣкъ сомнѣнія, искатель истины. «Я бы не желалъ, говоритъ онъ, обладать высшимъ благомъ, я желаю только поисковъ его». По оцѣнкѣ Лессинга, Вольтеръ долженъ быть апостоломъ. Его ученики, его миссіонеры доказали тождество нравственной природы человѣка *). Лессингъ въ «Мудромъ Натанѣ» доказываетъ равноправность трехъ религій: мусульманской, іудейской, христіанской. Въ своихъ Вольфенбюттельскихъ рукописяхъ онъ одинаково критикуетъ и христіанъ и противника ихъ Бэля. Давъ волю безграничному сомнѣнію, онъ съ прискорбіемъ видитъ, что нѣтъ ничего легче сомнѣнія; именно духъ легковѣснаго сомнѣнія господствуетъ совершенно естественно въ оживленныхъ пунктахъ Европы, т. е. въ имперскихъ городахъ на Рейнѣ, издавна прославленныхъ своимъ сатирическимъ образомъ мыслей и посвятившихъ себя ироніи. То, чего хочетъ, что вырабатываетъ Лессингъ, является у Гёте естественнымъ даромъ природы.

Гёте, подмастерье портнаго, бабушка его, содержательница постоялаго двора, передали своему внуку насмѣшливый умъ и нѣмецкую общительность. Его отецъ, богатый и уважаемый судья, его мать, любезная женщина съ богатой фантазіею,

*) Аньетиль-Дюлеронъ.

при великолѣпной и представительной наружности, передали ему великіе задатки воображенія, которое помогло ему понять все, объять цѣлый міръ. Удивительно, если подумать, какъ германскія народности, говоря языкомъ Комина, или Германія, сѣумѣли проникнуть всюду: она подобно громадному плющу, проникла въ плоть и кровь другихъ народовъ, сильнѣйшихъ по своей энергіи, кельтійскихъ, славянскихъ, итальянскихъ, и подчинила ихъ своему вліянію. Прирейнская Германія, страна виноградниковъ и кельтоваллонскаго племени, выразила въ лицѣ Гёте самый высшій свѣтъ, а въ лицѣ Бетховена сильнѣйшую энергію, до которыхъ раса эта могла только подняться..

Въ Гёте есть многія стихіи таланта, которыя гораздо болѣе французскія, чѣмъ нѣмецкія; одна изъ нихъ болѣе всего характеристична и роднитъ его съ нашими писателями—это богатство личныхъ воспоминаній. Онъ самъ въ томъ сознается, что въ большей части мыслей своихъ объ искусствѣ, о философіи онъ рассказываетъ болѣе всего о себѣ самомъ. Тысячи обстоятельствъ, которыя повидимому сочинены, въ сущности только нѣсколько видоизмѣненные случаи личной жизни его, часто простыя воспоминанія. Сперва его занимали два сюжета чисто нѣмецкія, рейнскаго характера. Случай посвятилъ его въ мистическую алхимику и въ мрачныя легенды ея. Подобно Лиссингу, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на содержаніе *Фауста*, но обработалъ его гораздо позднѣе въ совершенно иномъ духѣ. Будучи страсбургскимъ студентомъ, онъ увлекся другимъ предметомъ, тоже чисто нѣмецкаго содержанія и дорогимъ университетской молодежи, легендою послѣднихъ рейнскихъ рыцарей, великихъ воиновъ — Гётцомъ Берлихингеномъ. Но рыцарскія упражненія студентовъ, ихъ тѣсный міръ не былъ еще цѣлымъ свѣтомъ.

Европейскій, всемірный успѣхъ Новой Элоизы доказаль ему, что для пріобрѣтенія общенароднаго успѣха самый вѣрный путь — повѣсть человѣческихъ страстей. Онъ пережилъ лично подобный романъ въ Ветцларѣ, гдѣ изучаль дипломатическія науки. Но онъ остановился во время и взялъ изъ этого случая только одно вдохновеніе. Если въ своемъ творчествѣ онъ пошелъ далѣе и привелъ Вертера къ самоубійству, то единственно изъ угожденія сентиментальному увлеченію нѣмецкихъ студентовъ. Онъ читаль Спинозу, но не проникся еще ученіемъ абсолютнаго индифферентизма. Страница, гдѣ описано, какъ молодой человѣкъ, лежа въ травѣ, наблюдаетъ шорохъ, производимый борьбою насѣкомыхъ, и проникается великой идеей всего, которое само пожираетъ себя, эта страница единственная уступка, сдѣланная поэтомъ системѣ, изъ боязни охладить впечатлѣніе книги.

Хотя Вертеръ, Шарлотта и др. несомнѣнно принадлежать къ нѣмецкой буржуазіи, авторъ основательно проникся французскимъ духомъ; этимъ и объясняется его успѣхъ въ Веймарѣ и другихъ маленькихъ нѣмецкихъ дворахъ. Въ 92 г. герцогъ веймарскій взялъ его съ собой, когда отправился принимать участіе въ французской кампаніи, которая должна была быть только увеселительною поѣздкою, съ цѣлью возстановить на престолѣ Людовика XVI *).

*) Гёте слѣдовалъ повсюду за арміей, былъ при Вальми. Разсказъ его удивительно ясенъ, нѣтъ ни капли пристрастія. Изъ него мы видимъ, какъ мало ненавидѣли одинъ другаго оба народа, до бѣдственныхъ войнъ Бонапарте. Гёте замѣчаетъ привычку французскаго крестьянина къ порядку, къ бережливости. Онъ передаетъ нѣсколько анекдотовъ, мало извѣстныхъ о героизмѣ и энтузіазмѣ того времени. Не одинъ комендантъ Бореперъ разможилъ себѣ голову выстрѣломъ, но и другіе, чью жизнь пощадилъ непріятель, сдѣлали тоже. Есть еще болѣе прекрасный анекдотъ, разсказанный Гёте: 24 сентября 92 г. обѣ арміи терпѣли страшныя лишенія, и французы, видя голодавшихъ нѣмцевъ, раздѣлили съ ними немногіе припасы, какіе имѣлись.

разсказываетъ обо всемъ, но совершенно безпристрастно. Прѣзжая часто по глубокой грязи въ огромномъ фургонѣ, онъ пользуется уединеніемъ для изученія трактата о физикѣ и набрасываетъ первые очерки своего Фауста. Уже тогда можно замѣтить, какъ этотъ великій умъ обратился къ природѣ, оставивъ въ сторонѣ нравственныя задачи.

Гёте олицетворялъ собою переходное состояніе Германіи, готовою слѣдовать за полетомъ фантазіи его, рукоплескать его драмѣ Фаустъ, сатирической и пантеистической. По примѣру своихъ властителей, она въ то время уже отвернулась отъ социальныхъ реформъ, которыя занимали ее во времена Руссо. Успѣхъ Эмиля заставилъ нѣмцевъ понять лучше самого Руссо, что воспитаніе ребенка заключаетъ въ себѣ и воспитаніе того человѣка, который призванъ воспитать его, что слѣдовало одновременно образовывать и *воспитателя* и *воспитанника*. Это и было великою задачею Базедова, который своими сочиненіями о филантропическомъ воспитаніи, училъ воспитывать не только ребенка, но и гражданина во всѣхъ возрастахъ. И въ заведеніяхъ своихъ, равно и въ сочиненіяхъ, изумлявшихъ ту эпоху, какъ смѣлыя пророчества свободы, онъ стремился достигнуть этой двоякой цѣли *). Какимъ образомъ случилось, что эти смѣлыя сочиненія, которыя не могли бы въ то время печататься во Франціи, явились въ Германіи? Это произошло оттого, что многіе изъ неограниченныхъ властителей Германіи соперничали между собою во многихъ вещахъ. Въ то время какъ Пруссія и Вюртембергъ первенствовали грубымъ военнымъ образованіемъ, веймарскій дворъ и др. пріобрѣли извѣстность покровительствомъ искусствамъ и нерѣдко извѣстнымъ духомъ свободолюбія. Базедовъ

*) См. мою книгу о воспитаніи «Наши сыновья» 1870, главу о Песталотци.

и прекрасныя историческія и политическія сочиненія его приобрѣли бы себѣ въ Германіи большое практическое значеніе, если бы они, къ несчастію, не появились во время господства фантазіи.

Базедовъ желалъ познакомиться съ Гёте и встрѣтился съ нимъ на балѣ между двумя кадрилими, но былъ принятъ имъ довольно холодно. Блестящій юноша боялся, что знакомство такого вольнодумца съ простонародными привычками не оставилъ бы на немъ слѣда своимъ соприкосновеніемъ; нѣмцы, которыхъ считаютъ менѣе рабски подчиненными модѣ, нежели французовъ, повиновались ей въ очень многихъ вещахъ, но съ большою робостью. Они отвернулись отъ Базедова. Даже Кантъ, не смотря на свою славу и высокое значеніе, былъ далекъ для большой публики, благодаря своимъ формуламъ и отвлеченному языку. Подраздѣленіе разума на умозрительный и практическій пришлось по вкусу нѣмецкому уму и онъ предпочиталъ первый. Впрочемъ Кантъ такъ требовательно относился къ повиновенію законамъ худымъ или хорошимъ что, казалось, говорилъ: «Моя система не отъ міра сего».

Обновленный нѣмецкій геній, которому Лессингъ сообщилъ критическую смѣлость, а Гёте блестящее изящество, выразился въ обширной литературѣ, однимъ изъ главныхъ представителей которой былъ Гердеръ; болѣе подвижной чѣмъ другіе нѣмцы того времени, онъ путешествовалъ по Россіи, видѣлъ Азію познакомился со свѣтомъ. Онъ приохотилъ своихъ соотечественниковъ къ философіи исторіи. Изученіе географіи, получившее свое начало въ Швейцаріи въ школахъ Песталоцци, было перенесено въ Германію Риттеромъ и другими; но не былъ перенесенъ геній, независимые методы, которые составляли основаніе воспитательной теоріи Песталоцци. Нѣмецкій театръ, благодаря Шиллеру, получилъ новое на-

правление—чувствительное, дѣйствовавшее на струны человѣческаго сердца. Эта благородная и высокая душа руководилась великими мыслями, великими стремленіями; онъ писалъ: «театръ долженъ воспитывать человѣчество». Но зналъ ли онъ по какой дорогѣ идти? Можно въ этомъ усомниться, когда мы видимъ его такимъ перѣшительнымъ, такимъ слабымъ протестантомъ въ тридцатилѣтней войнѣ; а въ Маріи Стюартъ онъ проникается традиціями католицизма *). Его дружеское отношеніе къ скептику Гёте дѣлаетъ честь его сердцу, но не вліяло ли это еще больше на колебанія его ума?

Къ счастью, среди университетской молодежи, въ іенскомъ университетѣ, образовалось прочное зерно стойковъ, которые уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ противодѣйствовали вліянію Гёте и школы фантазіи. Мы—друзья свободы, вовсе не ослѣпленные военною славою, наша душа не колеблется, и, когда мы видимъ утомленную Францію подпавшую подъ обаяніе Бонапарте, мы радуемся, что свобода нашла себѣ пріютъ въ германскихъ школахъ. Для насъ утѣшительно видѣть, что независимость свила себѣ небольшое гнѣздо среди метафизическихъ доктринъ и въ сердцахъ нѣсколькихъ благородныхъ молодыхъ людей. Нѣтъ болѣе прекраснаго зрѣлища ни лучшаго доказательства вліянія чистой мысли.

Я уже говорилъ выше, какая важная выгода для Германіи заключалась въ томъ, что границы ея касаются другихъ болѣе энергическихъ народностей. Такъ въ тринадцатомъ столѣтіи она заимствовала у скандинавовъ легенду нибелунговъ и разработала ее гениально. Въ 1800 г. знаменитый профессоръ Фихте, рожденный въ верхней Лузаціи, когда то славян-

*) Какъ это могло случиться, что многіе и даже серьезные историки приняли романческіе разсказы компіляціи Джебба, сдѣланной въ ту минуту, когда патривали французскихъ семинаристовъ на убійство Елизаветы.

ской землѣ, смѣло принялся за философію Канта и придалъ ей высокій характеръ независимости. Онъ жилъ въ Швейцаріи и Польшѣ во время самыхъ грозныхъ смутъ, онъ рѣшился составить апологію французской революціи. Когда же она омрачилась и стала неузнаваема даже для друзей своихъ, Фихте, остался ей вѣренъ, не отступилъ передъ своею задачею и издалъ свою *Апологию*, составленную по теоріямъ соціальнаго договора, гдѣ онъ признаетъ право возстанія противъ тиранніи.

Какая свобода мысли царила тогда въ Германіи! Въ это самое время правительство Веймара предложило Фихте кафедрѣ философіи въ Іенѣ, 1794 г. Тамъ онъ нашелъ благородное юношество, которое все больше и больше возмущалось увертками Пруссіи и тою постыдною ролью, какую она навязывала Германіи. Это было первымъ зародышемъ возрожденія. Фихте находилъ что двойственность, которую признавалъ Кантъ, различая чистый разумъ и практическій разумъ, стѣсняла спекулятивное мышленіе. Онъ уничтожилъ это различіе, которое имѣло парализующее вліяніе, призналъ только одинъ принципъ, совершенно практическій, *дѣйствіе*, личное дѣйствіе, личность, или свое *Я*.

«Но, сказали ему, чѣмъ вы считаете міръ, его громадное и разнообразное движеніе, эту міровую сцену которою мы окружены?» Здѣсь высказался человѣкъ. Виѣшность Фихте напоминала героя нибелунговъ: небольшого роста, эта правда, но сильный, сангвиническаго темперамента, силою онъ обладалъ ненормальною, которая подчиняла умъ. «Если существованіе вселенной дѣлается сомнительнымъ, что станетъ съ отечествомъ, съ Германіею?» Фихте не отвѣтилъ: «Пусть погибнетъ вселенная!» Онъ снизошелъ къ дѣйствительности и холодно отвѣтилъ: «я не запрещаю существовать

вселенной, но какъ простое познаніе моего ума». Въ такомъ высокому идеализмѣ исчезло все—подлость существовавшихъ германскихъ правительствъ и все, то что предстояло въ будущемъ: пораженіе подъ Іеною, дерзость и тиранія Бонапарте. Все это было лишь проявленіемъ простыхъ частицъ разума.

Среди Іенскихъ студентовъ и вѣроятно слушателей Фихте, находился молодецъ изъ дикой Пфальца, великолѣпный гимнастъ, неподражаемый во всякихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ; онъ преподавалъ и распространялъ свое искусство. Позднѣе мы познакомимся съ этими косматыми тевтонцами, въ общемъ не лишенными патріотическаго величія. Полагали и увѣряли, что древніе германцы были самыми сильными людьми въ цѣломъ свѣтѣ. Древнія легенды о Зигфридѣ смѣшались съ нѣмецкими нибелунгами тринадцатаго столѣтія. Но не будемъ забѣгать впередъ. Студенты, которые своею численностью образовывали какъ бы юную народность, не успѣли бы на столько распространить свое вліяніе, если бы у нихъ не было языка общаго съ народомъ. Я говорю о музыкальномъ языкѣ.

Языкъ этотъ составляетъ принадлежность нѣмцевъ; между тѣмъ французы, слишкомъ увлеченные національными пѣснями и итальянской музыкой, рѣдко понимали смыслъ его. Симфоніи Бетховена, разыгрываемыя даже въ присутствіи тирановъ, звучали какъ проповѣдь, какъ воззванія Германіи, которая проникалась мужественною гармоніею ихъ, Бетховенъ былъ сыномъ пѣвца; въ капеллѣ кельнскаго электора, до двадцати лѣтъ онъ изучалъ только мелодіи, а съ музыкальною гармоніею познакомился только въ Вѣнѣ, когда его государь, котораго Бонапарте лишилъ владѣній, пріѣхалъ въ Австрію. Молодой человѣкъ написалъ тогда свою первую симфонію и затѣмъ въ послѣдующіе года остальные. Симфоніи эти можно назвать музыкою легионовъ, народовъ; звуки ихъ

разносились далеко. Отголоски этихъ симфоній создали въ Германіи одну общую душу и стали для нея тѣмъ же, чѣмъ были для Франціи федераціи 90 года.

Здѣсь я долженъ остановиться; иначе я забѣгу на два года впередъ до Іенскаго сраженія.

III.

Ни Франція, ни Германія, ни Англія не желали серьезно войны. Возвращеніе и упадокъ Питта. 1805 г.

Пока въ Германіи еще только готовился тотъ пожаръ, который долженъ былъ вспыхнуть со временемъ. Мнѣнія дѣлились на двое. Одно признавало Бонапарте возстановителемъ порядка, проводникомъ революціи съ самыхъ лучшихъ сторонъ ея. Опустошенія, производимыя имъ на Рейнѣ, быстрое уничтоженіе епископствъ-княжествъ, конечно, не встрѣчало порицанія со стороны многочисленныхъ враговъ средневѣковой исторіи. Если Германія была раздражена только тѣмъ, что владѣтели ея простирали руки къ чужестранцу, чтобы получить обломки имперіи, то негодовали на Пруссію, которая, не нарушая соглашенія съ Англіею, обогащалась милостями Бонапарте. Послѣдній имѣлъ много сторонниковъ. Имъ восхищались еще потому, что въ своихъ начинаніяхъ онъ часто былъ очень загадоченъ. Пока онъ оставался консуломъ, многіе хотѣли видѣть въ немъ втораго Вашингтона, который въ одинъ прекрасный день откроетъ всѣмъ свои намѣренія. Другіе видѣли въ загадочной фигурѣ его восточный геній, или по меньшей мѣрѣ прославленнаго военнаго тирана, который устроитъ міръ и введетъ лучшіе порядки. Много сильныхъ умовъ были имъ увлечены. Великій артистъ Бетховенъ, изгнанный съ бе-

реговъ Рейна Бонапарте, который лишилъ его господина кельнскаго епископства, тѣмъ менѣе посвятилъ герою свое первое музыкальное произведеніе. До этихъ поръ Бетховенъ былъ мелодистомъ, но въ этомъ произведеніи онъ сдѣлалъ попытку дать голосъ цѣлой арміи инструментовъ.

Тогда еще существовало консульство, республика. Но какъ только герой его сдѣлался императоромъ, открылъ свои лживыя намѣренія, Бетховенъ смѣшалъ его съ толпою честолюбивыхъ интригановъ и вычеркнулъ его имя. Онъ уничтожилъ пѣсню, которая раздавалась бы на обоихъ берегахъ Рейна и тѣмъ служила бы къ упроченію союза. Таково было настроеніе нѣмецкихъ художниковъ. Шиллеръ только что написалъ свою Іоанну д'Аркъ. Гёте, хотя и не былъ сторонникомъ Вольтера, но принималъ его Танкреда и другія драмы для постановки на веймарскомъ театрѣ. Самый большой успѣхъ выпалъ на долю драмъ Коцебу, написанныхъ въ подражаніе Дидро.

Тогда еще не предвидѣли, что Франція, благодаря неистовству Бонапарте, поссорится со всѣми государствами, не только съ Англіею, съ мая 1804, но и съ Россіею изъ за устройства Германіи, Италіи и всего болѣе за пустое, за тщеславныя выходки. Онъ держалъ въ рукахъ Италію посредствомъ правительства, которое только казалось итальянскимъ. У него поэтому не было причины провозглашать себя королемъ Италіи и тѣмъ бросать вызовъ цѣлой Европѣ; но онъ короновался въ Миланѣ старой игрушкой—желѣзной короной ломбардовъ. Для чего? Чтобы ослѣпить Францію. Для этой же цѣли онъ вооружился мечемъ Карла Великаго въ Ахенѣ и короною Карла V въ Брюсселѣ. Правда онъ этимъ хламомъ привлекъ Геную и генуэзскихъ моряковъ на свою сторону, а ему это было необходимо для честолюбивыхъ плановъ его относительно высадки въ Англію.

Ланфрэ превосходно объяснилъ всѣ увертки его въ этой безумной исторіи. Вначалѣ онъ имѣлъ мысль, смѣлую и совершенно безчеловѣчную — снарядить множество небольшихъ лодокъ. Онѣ погибнуть въ большомъ количествѣ, но нѣкоторые изъ нихъ могутъ достигнуть цѣли. Знающіе люди объяснили ему, что невозможно достигнуть успѣха безъ прикрытія флота и что, наконецъ, корабли разной величины не будутъ имѣть возможности пристать къ берегу съ однимъ приливомъ. Это его нѣсколько охладило. Онъ сознался, что всѣ эти приготовления были только предлогомъ для приготовленія къ большой континентальной войнѣ. Солдаты этого не подозревали; имъ никогда бы не пришло въ голову, что всѣ эти затѣи по снаряженію флота были необходимы для войны съ Германією. По правдѣ сказать, слишкомъ горько играли великими порывами этихъ благородныхъ сердецъ, вызывая ихъ, заставляя ихъ ждать, надѣяться и снова ждать. Сколько разъ эти герои мысленно принимали смерть и готовились принести себя въ жертву! Для чего? Для той великой задачи, которая когда то фанатизировала Павла, вырвать у англичанъ свободу мореплаванія. Приморскіе населенія, всѣ наши гавани были въ плѣну у англичанъ. Искушеніе завладѣть океаномъ отъ Англіи до Индіи посредствомъ такого короткаго переѣзда было слишкомъ велико. Для этого стоило пожертвовать жизнью. Въ такомъ настроеніи онъ засталъ армію, безъ сомнѣнія первую, которая когда либо существовала на свѣтѣ, и съ гордостью дѣлалъ ей смотръ въ Булонѣ съ высоты небольшого холма и раздавалъ ей ордена.

Знаменитая картина Давида, находящаяся въ Версалѣ надъ которой долженъ былъ работать Гро и вся школа, блестящая пестротою красокъ и нѣсколько груба по исполненію, тѣмъ не менѣе прекрасно передаетъ характеръ этой арміи и

лица солдатъ. Послѣдніе не отличались нервною худобою якобинскихъ солдатъ, напротивъ лица ихъ были добродушны и веселы. Чувствуется что всѣ они добрые малые, неспособные на варварства, какъ солдаты явившіеся впоследствии, и гордые сознаниемъ, что имъ принадлежитъ честь состоять въ *великой арміи*, которую они создали и которая торжествовала, пока Наполеонъ не подвергъ ее варварскому разгрому 1808 г. Булонскія приготовленія очень походили на комедію. Деревья для постройки кораблей, вырубленныя въ нашихъ лѣсахъ, напр. въ Анверскомъ, или въ Суасонскомъ, должны были вылежаться большею частью еще два года, прежде чѣмъ они стали бы годны для морскаго плаванія.

17 сентября 1805 г. Наполеонъ бросилъ наконецъ маску притворства, которое продолжалось столько лѣтъ и все же не было въ состояніи ослабить довѣрчивый пылъ нашихъ войскъ. Онъ объявилъ государственному совѣту, что отправляется въ Германію; онъ приготовился къ походу раньше австрійцевъ, такъ какъ давно собралъ войска въ Булонѣ; въ январѣ 1806 года онъ потребовалъ рекрутовъ, очередь которыхъ наступала въ 1807 году; за тѣмъ потребовалъ еще преобразования національной гвардіи. Это былъ запоздалый призывъ къ народу. Арміи двинулась изъ Булона и прошла всю Францію въ самой строгой дисциплинѣ, не было ни одного дезертира. Въ другомъ мѣстѣ я разсказалъ, насколько строги были эти закаленные воины къ молодымъ рекрутамъ, которые проходя по Германіи позволили себѣ небольшіе грабежи. Старики сказали: «прежде чѣмъ идти съ нами въ битву, опорожните свои мѣшки».

Міо говоритъ что Франція вовсе не желала войны. Всѣ воротились въ колею труда. Тоже самое можно было бы сказать и про Англію, если бы не постоянная тревога, которую

поддерживалъ Бонапарте своими фантазіями въ Булонѣ и притворнымъ приготовленіемъ къ высадкѣ. Англія такъ же какъ и Франція была увлечена работою, но не земледѣльческою, а мануфактурною. Ее охватила революція, въ промышленности произведенная машинами, и самая дѣятельная часть населенія отдавала свои силы и капиталы на новое дѣло.

Этого не могъ понять Питтъ. Онъ думалъ найти Англію такою же, какою онъ оставилъ ее. Отсюда его печальный фиваль и то одиночество, въ которомъ онъ находился въ 1805 г. Если бы не постоянныя застрачиванія неловкаго Бонапарте, то Питтъ погибъ бы непременно, въ одиноществѣ, покинутый всѣми. Ни французское, ни итальянское коронованіе, ни раздача нѣмецкихъ земель не могли заставить Англію принять участіе въ войнѣ и бросить новость дня промышленное дѣло, которое открывало впереди магическое обаяніе безконечной перспективы богатствъ.

Недавнія индійскія дѣла, завоеваніе Карпатика, были едва замѣчены. Далекія происшествія, завоеваніе Капской земли, а вскорѣ затѣмъ Лвы, интересовали только часть Англіи, ту, которая помѣщала туда своихъ сыновей. Но большинство, тѣ классы, которые по преимуществу посылали своихъ членовъ въ парламентъ, было очень мало чувствительны къ плодамъ этихъ далекихъ завоеваній. Отсюда возрастающее неудовольствіе противъ Питта. Еще въ мартѣ 1803 года, когда произошелъ разрывъ съ Франціею, онъ былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что отказывался отъ власти, если ему не будетъ предоставлено право переформировать все министерство, замѣстить его своими членами. А нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ напрасно старался сдѣлаться центромъ группы, былъ отвергнутъ Фоксомъ и имѣлъ огорченіе принять въ свое министерство шесть министровъ Аддингтона и, наконецъ, самого

Аддингтона. Такъ что оказалось, что Питтъ стоялъ въ главѣ министерства, которое онъ самъ смѣнилъ.

Неутѣшительное положеніе это было жестоко осмѣяно Шериданомъ, не оставившимъ незамѣченной коварную поддержку, оказанную вначалѣ Питтомъ сопернику, котораго онъ хотѣлъ замѣнить. Такое обвиненіе въ чрезмѣрной хитрости и ловкости повидному не особенно задѣло его. Онъ былъ гораздо болѣе пораженъ, когда убѣдился въ своемъ паденіи, въ ослабленіи своего вліянія и того кредита, которымъ онъ пользовался въ парламентѣ. Одного изъ его друзей обвинили въ злоупотребленіи и онъ напрасно старался выгородить его. Палата оставила его заявленіе безъ вниманія и наказала виновнаго. Питтъ почувствовалъ точно ударъ кнжала въ сердце. Онъ напрасно старался прикрыть лице волосами. Видно было, какъ этотъ гордый человекъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Къ довершенію его отчаянія, столь презираемый имъ соперникъ, Аддингтонъ, хотѣлъ выйти въ отставку, что окончательно уронило бы Питта передъ королемъ. Питтъ долженъ былъ перенести отвратительное униженіе и просить соперника остаться, сознаваясь передъ Аддингтономъ, котораго онъ такъ презиралъ, что тотъ ему необходимъ.

Въ этихъ неудачахъ, подтачивавшихъ его жизнь, Питтъ имѣлъ одну сильную поддержку, которая въ многомъ ему помогала: это возрастающая дерзость Бонапарте, его оскорбленія, вызовы, пренебреженіе, которое онъ выказывалъ человѣческимъ правамъ. Надѣвъ на себя желѣзную корону въ Миланѣ, онъ оскорблялъ всю Европу самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Его Мониторъ былъ наполненъ оскорбительными статьями для всѣхъ народовъ, для всѣхъ властителей, и онъ самъ диктовалъ эти вызовы. Онъ взялся распоряжаться самымъ возмутительнымъ образомъ во всѣхъ нейтральныхъ

странахъ. Онъ имѣлъ даже мысль схватить короля шведскаго передъ глазами всей Германіи.

Онъ угрожалъ, старался всюду изловить англійскихъ торговцевъ. Увѣряли, будто онъ говорилъ, что схватилъ въ Берлинѣ, передъ глазами короля, самого англійскаго посланника.

Все это поддерживало самымъ неожиданнымъ образомъ падающее вліяніе Питта: нелюбимый вообще онъ имѣлъ теперь союзника болѣе прочнаго чѣмъ расположеніе общества: *ненависть Бонапарте*. Тѣмъ, которые жаловались, что предъидущія войны стоили очень дорого, онъ хладнокровно отвѣчалъ, что эта война будетъ стоить еще дороже. Онъ сдержалъ слово и, пользуясь неожиданнымъ чудомъ такого громаднаго накопленія богатствъ, создалъ невѣроятный, необъятный планъ, который онъ однако привелъ въ исполненіе — планъ поддержать коалицію, увеличивъ ее несмѣтными полчищами съ сѣвера и выставить противъ Бонапарте армію въ пять сотъ тысячъ человѣкъ.

IV.

Побѣда при Ульмѣ. Пораженіе при Трафальгарѣ. Октябрь 1805 г.

Въ Бонапарте болѣе всего поражаетъ однообразіе его дѣйствій: постоянныя старанія производить неожиданные эффекты, которые, безпрестанно повторяясь, не могли повидимому никого болѣе удивить. А противники его проявляли все ту же любезность, постоянно ждали, опаздывали и попадали въ просакъ. Громадные и легкіе успѣхи имѣли то неудобство, что Наполеонъ и приближенные его получали ложное понятіе о своихъ собственныхъ силахъ; они думали, что не нуж-

даются болѣе въ средствахъ пропаганды убѣжденій, которыя составляли силу революціонныхъ армій, ихъ твердую вѣру. Мы передавали сообщенія Гёте, что въ 92 г. французы, послѣ побѣды при Вальми, снабжали отступающихъ голодныхъ пруссаковъ не только съѣстными припасами, но и революціонными газетами. Въ 97 году мы видѣли, что послѣ фруктидора явилось внезапно нѣсколько новыхъ республикъ. Такія неожиданныя послѣдствія, точно вызванныя электрическимъ токомъ, мановеніемъ огненного меча, никогда не могли быть вызваны желѣзнымъ мечемъ Аустерлица, не смотря на побѣду его. Страшная разница происходитъ отъ того, что послѣдній дѣйствуетъ только тамъ, гдѣ онъ разрушаетъ; но онъ не имѣетъ того отдаленнаго вліянія, которое производитъ электрическій мечъ революціи.

Другое несчастье: Наполеонъ своими легкими побѣдами создалъ въ арміи глубокое презрѣніе къ духу нѣмецкаго народа и полное незнаніе его характера, такъ что обѣ націи были совершенно чужды другъ другу. Французская армія, красная, упитанная кровью, какою мы видѣли ее въ Булонѣ на картинѣ Давида, слишкомъ легко повѣрила смиренству нѣмцевъ, въ особенности послѣ страннаго событія при Ульмѣ, когда тридцать тысячъ человѣкъ сдались безъ боя. Дѣйствія Наполеона, создавшія это чудо, были очень просты и не глубокомысленны. Армія его была на готовѣ въ Булони и онъ уже купилъ двадцать тысячъ лошадей. Въ теченіи мѣсяца все было переправлено къ Рейну. Множество телѣгъ, взятыхъ по реквизиціи, были нагружены солдатами. Самъ онъ оставался въ Страсбургѣ до послѣдней минуты и, чтобы позабавить австрійцевъ, соображенныхъ Макомъ и однимъ изъ эрцгерцоговъ въ Швабін, онъ приказалъ своей кавалеріи показываться у разныхъ выходовъ Шварцвальда.

Что же дѣлали австрійцы со своею кавалеріею—первою въ мірѣ? Но въ то время никто даже самъ Наполеонъ, не имѣлъ яснаго представленія о томъ какъ употреблять это войско, чтобы развѣдывать, слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось кругомъ. Сперва американцы, а потомъ пруссаки, поняли это только въ послѣднее время. Несчастный Макъ, который совершенно несправедливо сдѣлался посмѣшищемъ исторіи, не былъ въ дѣйствительности главнокомандующимъ арміею. Низкаго происхожденія и не высокихъ чиновъ онъ, подобно венгерскому генералу, котораго разбили въ 1866 г., имѣлъ фактически начальниками своими принцевъ и высокопоставленныхъ вельможъ, находившихся при арміи. Всѣ они руководили имъ, внушали ему слѣдную увѣренность въ своихъ силахъ. Ему указывали на Тироль, на Альпы, гдѣ будто бы находились многочисленныя подкрѣпленія. На сѣверѣ стояли французы, это правда; но вѣдь тамъ была Пруссія, которая должна была ихъ задержать и не дать имъ пройти. На востоѣ находились баварцы, на которыхъ впрочемъ нельзя было особенно положиться. Но они стояли между Макомъ и Австріею, которая могла напасть на нихъ, если бы они сдѣлали какія нибудь подозрительныя движенія; наконецъ, на дальнемъ горизонтѣ думали видѣть русскія войска, которыя обѣщались прибыть къ 1-му октября. Что могло быть успокоительнѣе такой картины? При малѣйшемъ противорѣчій, эти гордые дворяне напоминали бы Маку его неудачи въ Италіи, которыя конечно сдѣлали его нѣсколько робкимъ.

Въ одно утро ему сообщаютъ, что французы занимаютъ высоты, окружавшія его армію. Императоръ посылаетъ ему Сегюра. Все это превосходно рассказано въ мемуарахъ Раппа, придавашаго всему отбѣнокъ эльзаскаго юмора, котораго недоставало Сегюру. Бѣдный Макъ ничего не зналъ и, при

каждомъ новомъ сообщеніи, удивлялся, произносилъ восклицанія. Онъ жила точно Робинзонъ на необитаемомъ островѣ и ровно ничего не зналъ о томъ, что происходитъ на свѣтѣ.

Онъ рассчитывалъ, что обезпеченъ слѣва пруссаками, которые безъ сомнѣнія не дадутъ пройти ганноверской арміи, принудятъ ее сдѣлать большой кругъ. Ему сообщили, что эта армія подъ начальствомъ Бернадотта, не обращая вниманія на пруссаковъ, повернула имъ спину, какъ бы собираясь вернуться во Францію, но затѣмъ повернувъ на востокъ, отправилась въ Мюнхенъ, который былъ сданъ баварцами. Этотъ корпусъ, къ которому присоединились еще другія силы, составлялъ армію въ сто тысячъ человѣкъ, которую Макъ имѣлъ на востокѣ между собою и Австріею, между тѣмъ какъ съ запада подошла булонская армія и окончательно его заперла, поставила въ безвыходное положеніе.

Въ отчаяніи онъ надѣялся еще на русскихъ, говорилъ, что они должны скоро прибыть; ему доказали, что русскіе были очень далеко. Онъ увѣрялъ, что у него хватитъ припасовъ на восемь дней, но это было несправедливо. Его гибель была несомнѣнна, онъ сдался. Удивительное и небывалое зрѣлище: цѣлая армія была въ плѣну, не имѣя возможности драться. Тридцать тысячъ человѣкъ сдались сразу.

Такое событіе было конечно очень печально для Австріи, но я полагаю, что оно было не менѣе пагубно для здраваго смысла нашей арміи: она составила себѣ очень ложное представленіе о той великой странѣ, въ которую вступала. Невѣроятный успѣхъ вскружилъ голову императору, онъ потерялъ почву подъ ногами и вообразилъ себя побѣдителемъ не только нѣмцевъ, но и англичанъ. Его мысли были скорѣе на морѣ, чѣмъ въ Германіи: онъ торопилъ свой флотъ. Онъ самымъ грубымъ образомъ приказалъ ему спѣшить, упрекалъ

его въ медленности; нѣсколько разъ онъ писалъ Декрѣ, морскому министру, вещи самыя жестокия, яростныя.

Наполеонъ вначалѣ былъ предназначаемъ для службы во флотѣ, какъ учрежденіи наиболѣе любимомъ въ Версали, и одинъ изъ членовъ котораго долгое время управлялъ королевой. Вотъ почему Наполеонъ сохранилъ большое пристрастіе къ остаткамъ этого аристократическаго учрежденія во Франціи. Его главный секретарь Шампиньи былъ морскимъ офицеромъ. Нѣсколько *голубыхъ* офицеровъ т. е. не дворянскаго происхожденія, мало по малу подвигались впередъ, но съ медленностью, которая досаждала Наполеону. Быстрые успѣхи сухопутной арміи скрывали отъ него настоящее положеніе дѣлъ и заставили его забыть о техническихъ трудностяхъ морской войны. Кто бы могъ повѣрить, что бывший артиллерійскій офицеръ нагружалъ свои корабли необученными солдатами, которые нисколько не упражнялись въ морской стрѣльбѣ; иначе сказать торопилъ ихъ идти безоружными на вѣрную смерть.

Такъ много говорятъ о террорѣ 93 года и такъ мало о морскомъ террорѣ Наполеона, который былъ однакоже равно жестокимъ, равно дикимъ и который поражалъ далѣе нежели побережья рѣчныхъ устьевъ. Во многихъ департаментахъ, очень отдаленныхъ отъ моря, префекты побуждаемые угрозами Наполеона посылали во все стороны дѣятельную жандармерію, которая набирала молодыхъ крестьянъ, тащила ихъ по дорогѣ къ портамъ и, безъ всякихъ предварительныхъ упражненій, нагружала ими корабли. Насильственный наборъ матросовъ въ Англіи, не смотря на его суровость, имѣлъ хоть-то утѣшеніе, что обѣщалъ несомнѣнную побѣду; во Франціи же подобная мѣра распространяла одно отчаяніе, такъ какъ тѣ, которыхъ забирали насильно, отлично знали, что этимъ бѣдственнымъ путемъ ихъ вели на вѣрную смерть. Сохранилось

много рассказовъ объ ужасной катастрофѣ, но весьма мало о страшныхъ подробностяхъ, которыя предшествовали ей,— объ этой травлѣ на людей. Форгъ, въ своемъ «Сокращенномъ рассказѣ о жизни Нельсона», передаетъ намъ хвастовство, гордыя, надменные рѣчи Бонапарте. Тьеръ оправдываетъ его, насколько это возможно.

Ланфрэ, въ превосходномъ рассказѣ своемъ, преимущественно занимается адмираломъ Вильневымъ, жалѣетъ о немъ, какъ о жертвѣ злой судьбы и тиранническихъ требованій императора. Вильневъ происходилъ изъ хорошей дворянской семьи Прованса и тѣмъ вѣроятно заслужилъ расположеніе Наполеона и ретроградной партіи, столь вліятельной при дворѣ Гортензіи и Жозефины; Вильневъ былъ храбръ и хорошо образованъ. Съ пятнадцати лѣтъ до сорока одного года онъ быстро прошелъ всю морскую карьеру и дослужился до высокихъ чиновъ. Среди многихъ блестящихъ подвиговъ, онъ имѣлъ одно несчастье: прибыть слишкомъ поздно въ Абукиръ и отплыть оттуда слишкомъ рано, полагая, не безъ основанія, что ничѣмъ не поможетъ несчастью, но только усугубить его; а напротивъ, уводя съ собою четыре корабля, онъ спасетъ ихъ отъ гибели.

Воспоминаніе объ Абукирѣ могло остановить Наполеона, вообще склоннаго суевѣрію. Но Вильневъ былъ другомъ императорскаго любимца Декрэ, любившаго его за тѣ сбереженія, которыя онъ дѣлалъ въ морскомъ министерствѣ и которыя отчислялись для сухопутныхъ войскъ.

Въ этомъ случаѣ можно только удивляться этому *homo duplex*. Императоръ, страстно желавшій успѣха своего флота, въ то же время находилъ очень удобнымъ, что копились сбереженія для сухопутнаго войска, побѣды котораго онъ считалъ гораздо болѣе вѣроятными. Своею правою рукою онъ

обкрадывалъ лѣвую. Любезный характеръ Вильнева долженъ былъ тоже способствовать повышенію. Онъ былъ храбръ, но мягокъ и, нѣсколько нерѣшителенъ. Когда Наполеону удалось увлечь Испанію, онъ увидѣлъ въ своемъ распоряженіи два большихъ флота и нетерпѣніе его уже не знало границъ. Медленность Вильнева выводила его изъ себя; онъ упрекалъ его въ малодушіи; наконецъ, онъ назначилъ ему преемника, адмирала Розили, который долженъ былъ смѣнить и отослать во Францію Вильнева. Во избѣжаніе такого оскорбленія, несчастный принужденъ былъ выйти изъ Кадикса, далъ сраженіе и потерялъ все. Созвали на совѣтъ всѣхъ испанскихъ и французскихъ офицеровъ; они были всѣ одного мнѣнія, что вооруженіе недостаточно, что вообще флотъ еще не подготовленъ. Мнѣніе это послали къ Декрѣ, но онъ не далъ ему хода. Крестьяне-матросы не знали какъ управляться съ снастями, не умѣли стрѣлять; ихъ заставляли цѣлиться по старинной методѣ въ мачты, а не въ самый корпусъ корабля, какъ то дѣлали англичане; и такихъ то неумѣлыхъ, несчастныхъ воиновъ поставили противъ яростнаго врага—Нельсона, увѣреннаго въ своей побѣдѣ. Капитанъ Лукасъ и другіе выказали много храбрости, но все было напрасно.

Нельсонъ сказалъ: «Перство или Ветминистеръ». Онъ былъ убитъ. Но его смерть не прекратила этотъ ужасный разгромъ. Наши корабли были до того неповоротливы, что не могли спастись, но ждали своей участи. Цѣлый народъ былъ потопленъ. Императоръ продолжалъ писать угрожающія письма флоту, который уже не существовалъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе взбѣшенъ и жестокъ, что сознавалъ, что *во всемъ былъ виноватъ самъ* и что не было никакихъ средствъ загладить случившееся несчастье. Вильневъ въ отчаяніи искалъ спасеніе въ смерти—онъ перерѣзалъ себѣ горло.

V.

Аустерлицъ 2 декабря 1805 г.

Это громадное несчастье имѣло одно хорошее послѣдствіе: оно положило конецъ безумному стремленію посылать армію на море и подвергать ее еще сильнѣйшему пораженію, чѣмъ трафальгарскій разгромъ. Англичане, судившіе о Франціи по той гласности, которая была принята у нихъ, полагали, что она упала духомъ. Но Франція почти не знала о случившемся. Мониторъ не сказалъ ни слова. Другія газеты еще того меньше. Ходили неопредѣленные слухи о какомъ то морскомъ несчастии. За то у нашихъ враговъ слухи эти распространились очень быстро. Видя радость англичанъ и русскихъ, австрійцы подумали, что войска наши упали духомъ, деморализировались. Но армія наша не знала ни одного слова о несчастии 20 октября. Она была занята торжествомъ при Ульмѣ и не могла забыть небывалое зрѣлище огромной арміи сдавшейся въ плѣнъ; ей казалось, что она идетъ на встрѣчу побѣдѣ. Одинъ Бонапарте зналъ, какая ему грозила опасность. Приближалось нѣсколько армій, которыя могли окружить его. Гораздо позднѣе при Ваграмѣ, въ 1809 году, онъ высказалъ причины, которыя заставляли его выражать въ то время такую увѣренность: «Вы бы имѣли болѣе успѣха, если бы позволили себя окружить». «О! но вѣдь Ваграмская армія не похожа на Аустерлицкую», отвѣтилъ онъ.

Онъ выказывалъ величайшее спокойствіе. Вступая въ Вѣну, которая была оставлена войсками, онъ не только приказалъ какъ можно лучше обращаться съ жителями, впрочемъ нисколько не враждебными, но облакаясь благородною ролью добродушнаго и благосклоннаго повелителя, поручилъ своимъ

войскамъ защищать и беречь все, что относилось къ наукамъ и искусствамъ. Этими миролюбивыми словами онъ, конечно, хотѣлъ выказать полнѣйшее спокойствіе свое среди опасностей, которыми, какъ эти хорошо видѣли враги, онъ былъ окруженъ. Гибель его казалась несомнѣнною. Русскіе, подъ начальствомъ Кутузова, если и отступали, то лишь для того, чтобы соединиться съ резервными войсками, которыя подходили къ нимъ съ тылу и съ фланговъ; они отступали, но сраженія, которыя они давали были довольно удачныя. Еще другіе русскіе корпуса подходили со стороны Силезіи. Пруссія, не смотря на свои увертки, исполняла однако обѣщаніе, данное Александру, и послала свои войска, которыя приближались, хотя и не особенно поспѣшно.

Все это на сѣверѣ. На югѣ подвигался эрцгерцогъ Карлъ. Массена не имѣлъ достаточно силъ, чтобы задержать его. Эрцгерцогъ перегналъ его на нѣсколько дней ходьбы и, перейдя Италію, вступилъ уже въ Моравію. Такимъ образомъ императоръ находился въ центрѣ, къ которому со всѣхъ сторонъ приближались враги. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ свою армію непобѣдимою, однакоже не краснѣя пытался вступить въ переговоры и не отчаявался направить потокъ русской арміи въ новое русло—на покореніе оттоманской имперіи. Полагали, что переговоры Наполеона были военною хитростью, съ цѣлью выиграть время. Но это сомнительно. Такъ какъ онъ смотрѣлъ на все съ точки зрѣнія личной выгоды, то онъ полагалъ довольно основательно, что Александру будетъ гораздо выгоднѣе броситься на Турцію, чѣмъ принимать участіе въ этой бесплодной нѣмецкой компаніи.

Онъ писалъ Александру въ выраженіяхъ болѣе чѣмъ учтивыхъ, льстивыхъ и даже нѣсколько смѣшныхъ. Молодой царь, кроткій и учтивый по природѣ, но руку котораго направляли

эмигранты, отвѣтилъ рѣзкимъ, оскорбительнымъ письмомъ; въ немъ онъ называлъ Наполеона *милостивымъ государемъ* (monsieur) и увѣрялъ его въ истинномъ своемъ почтеніи. Наполеонъ проглотилъ оскорбленіе и въ то время, когда онъ предлагалъ перемиріе, русскіе сдѣлали сильное нападеніе. Не смотря на это, онъ просилъ свиданія съ Александромъ, который не снизошелъ на исполненіе его просьбы; но только послалъ своего адъютанта молодого Долгорукова, который, на предложенія отправиться на завоеванія въ другія страны, гордо отвѣтилъ «что Россія довольно велика».

Это произошло 13 ноября. Французы не соединили свои силы, армія Бернадотта еще не успѣла къ нимъ примкнуть, и Наполеонъ имѣлъ всего пятьдесятъ восемь тысячъ человѣкъ; русскіе же располагали уже восемьдесятю двумя тысячами. Для нихъ это была самая удобная минута нападенія. 20 ноября обѣ арміи были почти равносильны. У Наполеона было уже сто тысячъ человѣкъ. Русско-австрійцы выжидали подвозки съѣстныхъ припасовъ, въ которыхъ ощущался недостатокъ и если бы они выжидали еще долѣе, то вскорѣ, они стали бы гораздо сильнѣе непріятеля. Почему они вдругъ поспѣшили дать сраженіе? Неизвѣстно, говорятъ многіе историки.

Это случилось потому, что молодые военачальники, которые постоянно интриговали противъ эрцгерцога Карла, полагали что онъ останется въ Италіи, и съ неудовольствіемъ смотрѣли на его приближеніе, они захотѣли побѣдить до его прибытія. Другою причиною, не лишенною основанія, было то, что молодой Александръ считалъ себя рыцаремъ прусской королевы и надѣялся своею побѣдою быть единственнымъ спасителемъ ея отъ чудовища Бонапарте; онъ бы лишился этой чести, если бы дождался поддержки Пруссіи, прибытія храбраго гер-

цога Людвига и другихъ, исповѣдовавшихъ тоже культъ королевы. Все это очень романично, скажутъ мнѣ. А клятва, которую королева заставила Александра произнести на могилѣ Фридриха *), дѣлала царя защитникомъ и покровителемъ Пруссіи. Кромѣ того надо вспомнить, что условія, которыя поставилъ Александръ 3 ноября и на которыхъ обѣщалъ помощь своихъ войскъ Пруссіи, были отмѣнены въ декабрѣ; все это доказываетъ, что между ними существовала не только политическая связь, но нѣчто болѣе прочное, тѣсныя узы дружбы, общее поклоненіе и восхищеніе героической красотѣ, которая проповѣдывала войну и славу. Военные историки, трудами которыхъ пользовались и Тьеръ и Ланфрѣ, представили съ замѣчательною наглядностью, насколько это позволяла обширность картины, расположеніе обѣихъ армій и даже отдѣльныхъ корпусовъ, которые принимали участіе въ сраженіи при Аустерлицѣ. Мы не станемъ передавать подробностей непонятныхъ, если не имѣть подъ рукою карты. Мы замѣтимъ однако то, что уже замѣчали и по случаю другихъ менѣе важныхъ дѣлъ, что распоряженія великаго полководца, оправданныя большими успѣхами, сами по себѣ были довольно двусмысленны и возможны только при условіи имѣть въ рукахъ надежное орудіе т. е. армію, съ которою можно рѣшиться на самыя рискованныя дѣйствія. Напримѣръ очищеніе Протценскихъ высотъ и сосредоточеніе французскихъ войскъ въ узкой долинѣ, въ родѣ прохода, откуда они наблюдали свою жертву, которая окружала ихъ со всѣхъ сторонъ, — такое распоряженіе было возможно только, благодаря исключительнымъ свойствамъ арміи: она ничему не удивлялась. Съ другими солдатами было бы слишкомъ большою неосторожностью рѣшиться на что либо подобное.

*) Гарденбергъ т. IX.

Въ часть по полудни центръ непріятельскихъ войскъ былъ разбитъ; оба фланга еще дрались, но каждый порознь, всякое сообщеніе между ними было прервано. Русская гвардія бросилась занимать Протценскія высоты и смяла французскій батальонъ. Тогда вступаетъ въ дѣло французская гвардія подъ предводительствомъ Раппа, который беретъ въ плѣнъ Репнина, командира кавалергардовъ. Нѣчто болѣе ужасное происходило на прудахъ, покрывавшихъ эту болотистую равнину. Артиллерія, переходя черезъ мостъ, провалилась, такъ что войска, сопровождавшія ее, были откинута на другой прудъ, покрытый льдомъ. Наполеонъ видѣлъ это несчастье и приказалъ стрѣлять по льду изъ пушекъ, которыя стояли на высотахъ. Ледъ обрушился. Тысячи человѣкъ исчезли подо льдомъ, но не могли потонуть сразу въ этихъ неглубокихъ водахъ; они боролись и крики и стоны ихъ были слышны еще на другой день. Говорятъ, что соединенные войска оставили двадцать семь тысячъ труповъ на этой обширной равнинѣ Аустерлица; французы потеряли восемь тысячъ человѣкъ. Знаменитая картина Жерара, такъ часто воспроизведенная на разныхъ гравюрахъ, представляетъ почетный пріемъ, оказанный императоромъ плѣнникамъ. Этотъ интересный пріемъ рассказанъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ однимъ свидѣтелемъ, юношей, который запомнилъ малѣйшее обстоятельство съ тою памятливіестью, какою отличаются дѣти. Юноша этотъ, сынъ генерала Петіа, состоялъ въ то время нажемъ при императорѣ и находился возлѣ него; сперва онъ видѣлъ, какъ непріятель ступилъ на ледъ и затѣмъ провалился въ воду. Этого то и ожидалъ Наполеонъ и на него, какъ на охотника, который видитъ что дичь попадаетъ въ его сѣти, нашелъ порывъ веселости. Въ такія минуты Наполеонъ имѣлъ непріятную привычку напѣвать. На этотъ разъ ему пришелъ въ голову опе-

реточный куплетъ по поводу того, какъ дуракъ попалъ въ разставленные сѣти, съ припѣвомъ: «Ахъ какъ онъ попался!» Диссонансъ этой пошлой пѣсенки, пропѣтой не вѣрнымъ тономъ въ такую ужасную минуту, до того поразилъ юношу, что онъ не забылъ ее во всю жизнь.

Убѣдившись, что успѣхъ сраженія обезпеченъ, Бонапарте спохватился что поздно и время обѣда. Согласно его умѣреннымъ привычкамъ, ему подали курицу и бутылку Шамбертена. Петіэ наливалъ ему вино. Къ маленькому столику Бонапарте привели плѣнныхъ и юноша, стоя за императоромъ, могъ наблюдать любезность, съ которою онъ ихъ принималъ. Однимъ изъ первыхъ былъ Реннинъ, конечно сынъ того жестокаго посланника, который возбудилъ ужасъ всей Варшавы и страшный портретъ котораго намъ нарисовалъ Рюльеръ. Наполеонъ, не заботясь о полякахъ довольно многочисленныхъ въ рядахъ нашей арміи, былъ съ нимъ любезенъ и не задержалъ его. Затѣмъ приблизилась личность весьма поразившая юнаго наблюдателя; это былъ эмигрантъ—теперь русскій генералъ; онъ полагалъ, что наступилъ его послѣдній часъ. Юноша дрожалъ за него. Онъ былъ не мало удивленъ, когда императоръ налилъ ему стаканъ вина и приглашая его выпить сказалъ: «Пейте, господинъ графъ, это придаетъ духа!» Это сейчасъ и увидѣли. Эмигрантъ до этого стакана очень блѣдный, мгновенно оживился. Анекдотъ этотъ поучителенъ; онъ доказываетъ, что съ равнины Аустерлица побѣдитель видѣлъ Парижъ, Жерменское предмѣстье.

При такомъ нѣжномъ настроеніи къ ретроградной партіи, при распиваньи вина съ эмигрантомъ, становится понятнымъ, почему онъ послушался совѣта Талейрана: «поберегите Австрію». Хромой совѣтывалъ моему господину только то, что у господина было на умѣ и что онъ уже сдѣлалъ. Развѣ онъ не ща-

диль Австрію еще при Леобенѣ и Кампоформіо? Онъ потребовалъ съ нея денегъ, но не тронулъ внутреннія провинціи. Если онъ отнялъ у нея Тироль въ награду Баваріи, то эта провинція больше поставляла инсургентовъ, чѣмъ рекрутовъ въ регулярныя войска; точно также и Венеція, Фріуль, Далмація, которыя онъ отобралъ у Австріи. Въ сущности же Австрія осталась тѣмъ, чѣмъ была, и мало по малу подготавлилась объявить намъ войну 1809 года.

Въ Европѣ много восхищались сраженіемъ подъ Аустерлицемъ, оно напомнило блестящую и невѣроятную побѣду при Маренго. Между тѣмъ мемуары Нея, въ которыхъ всюду видна больная рука Жомини, доказываютъ, что планъ компаніи не былъ установленъ и измѣнялся во время пути. Быстротѣ похода, которою такъ восторгались, угрожала одно время большая опасность, такъ какъ болѣзни сильно уменьшали число солдатъ; одно время убыло до пятидесяти тысячъ. «Мы были спасены, говоритъ Ней, только невѣдѣніемъ непріятеля». Чего ожидали серьезные поклонники Бонапарте послѣ этой побѣды, которая повергла въ уныніе Австрію, лишила бодрости русскія войска и заставила Пруссію согласиться на то условіе, какое она доселѣ отвергла? Они ожидали одного, что онъ воспользуется выгодами, которыя давала ему аустерлицкая побѣда.

Армія была нетронута, она состояла изъ ста тысячъ непобѣдимыхъ солдатъ — первыхъ въ мірѣ. Потери ея не превосходили восьми тысячъ человѣкъ. Русскіе отступали въ порядкѣ, но поспѣшно и по гладкому пути, по которому ихъ нельзя было преслѣдовать. Почему? Потому что они ждали отъ Наполеона смѣлости, а не осмотрительной осторожности. Они ожидали, что Наполеонъ направится въ австрійскую Польшу,

которая призывала французовъ, уже цѣлые десять лѣтъ. Если бы тамъ вспыхнуло возстаніе, оно бы безъ сомнѣнія охватило и прусскую и русскую Польшу; но это было дѣломъ героя, а не политика, который вдохновлялся низменными идеалами и помнилъ слова «Поберегите Австрію» т. е. «Поберегите ретроградную партію во всей Европѣ».

VI.

Нерѣзительность Александра. Неудовольствіе Россіи и русской арміи противъ Александра.

Я теперь пріостановлюсь, чтобы сказать нѣсколько словъ объ Александрѣ. Его характеръ, далеко не необыкновенный, отличается общимъ качествомъ того времени — *нерѣзительностью*. Не есть ли это особенность русскаго характера, подвижность славянской натуры? Согласенъ. Но скорѣе можно предположить, что это есть тотъ неопредѣленный сантиментализмъ, который составляетъ основу неустойчивую и неясную, но иногда очень плѣнительную женщинъ южной Германіи. Единственная въ своемъ родѣ прелестная книга доказываетъ это довольно наглядно: (это переписка и разговоръ Александра съ графомъ Адамомъ Чарторижскимъ. Парижъ 1865 г.) Чудесная книга, полная слезъ. Читая ее мнѣ казалось, что я нахожусь въ Флоренціи, въ Санта-Кроче, гдѣ Чарторижская плакала, умирая на могилѣ Адама.

Начало книги это сама природа, ея неясная улыбка, которая общается сдѣлаться выразительною. Двое нѣжныхъ восемнадцати лѣтнихъ юношей гуляютъ въ саду, въ короткое сѣверное лѣто и повѣряютъ другъ другу... что? любовныя

тайны? Нѣтъ. Но героическія и романическія предположенія, надежды быть добродѣтельными, стремиться къ совершенству. Все это передается съ большой таинственностью. Екатерина еще царствуетъ. А если бы она узнала? Молодой царь предается безграничной утопіи: Онъ говоритъ поляку: «къ чему наслѣдственность? Право на престолъ это свободный выборъ народа». Затѣмъ слѣдуетъ громадный пробѣлъ. Это царствованіе и смерть Павла. Сынъ въ отчаяніи вступаетъ на престолъ. Александръ опечаленный на всю жизнь призываетъ Адама Чарторижскаго, т. е. свою молодость мечтательную и добродѣтельную, иначе сказать свою совѣсть. Что говоритъ графъ Адамъ? Ничего романическаго, напротивъ онъ даетъ практическій и политическій совѣтъ: «соедините разрозненные части Польши въ конституціонное королевство. Пускай Пруссія отдастъ намъ и Варшаву». Галиція присоединится впослѣдствіе. Пруссія вознаградила бы себя на Рейнѣ или присоединеніемъ Ганновера. Въ этомъ планѣ не предвидится столкновенія съ Наполеономъ. Но самое слово Ганноверъ возмущало англійскую партію, всемогущую при прусскомъ дворѣ.

Англичане въ Берлинѣ устроили дѣло менѣе трагично, но послѣдствія ихъ образа дѣйствій были несравненно пагубнѣе; они воспользовались дружбою прусскаго короля и впечатлѣніемъ, какое произвела прелестная прусская королева на молодого двадцатипятилѣтняго царя. Я уже упоминалъ о смѣлой ловкости королевы, которая поставила на колѣни своего мужа и гостя у могилы Фридриха и заставила ихъ произнести клятву вѣчной дружбы, вѣчнаго союза въ пользу Пруссія, другими словами: объявить смерть Польшѣ. Планъ Чарторижскаго осуждали потому, что онъ французскій планъ. Напрасно. Если онъ и благопріятствовалъ Напо-

леону, поссоривъ Пруссію и Англію за Ганноверъ, за то съ другой стороны Россія, успокоеная со стороны Польши, могла обратить свое вниманіе на Востокъ и оспаривать его у Наполеона. Но планъ этотъ имѣлъ одинъ недостатокъ. Онъ былъ слишкомъ благоразуменъ. Поляки мечтали о другомъ, болѣе блестящемъ—невозможномъ. Они желали, не имѣя болѣе казачевъ и вѣшнихъ силъ, которыя помогали имъ въ средніе вѣка, господствовать надъ Россіею, т. е. чтобы малая величина поглотила большую, неизмѣримую.

Прибавьте къ этому, что союзъ трехъ большихъ сѣверныхъ державъ, дѣлалъ ихъ усилія безплодными, химерическими. Напротивъ того, если бы Россія занялась побѣдами въ Азіи, то несомнѣнно нуждалась бы въ Польшѣ, какъ въ цивилизованномъ народѣ, который могъ имѣть значительное вліяніе на дѣла. Письма принца Адама въ 1806 году великолѣпны, онѣ пропитаны почтительно свободнымъ духомъ и доказываютъ его природный здравый смыслъ и сердце друга. Для Александра было большою честью имѣть такого друга, хотя измѣнчивость и слабость его характера уже дѣлали для него нестерпимыми умные совѣты друга. Адамъ не боится напоминать ему предостереженія, которыя онъ ему писалъ передъ Аустерлицемъ, предсказывая, что присутствіе его обратитъ армію въ придворную толпу и что масса интригъ стѣснитъ дѣйствія генераловъ. Онъ говоритъ съ удивительною смѣлостью о Пруссіи и объ обязательствѣ принятомъ Александромъ передъ королевой Пруссіи. «Мнѣнія и чувства Вашего Величества по отношенію къ лицамъ, которыхъ Вы удостоивали своимъ довѣріемъ, очень измѣнились, что и было замѣчено въ Берлинѣ... Безграничное предпочтеніе выраженное Вашимъ Величествомъ къ Пруссіи придало русскому правительству нерѣшительность дѣйствій».

Такую же смѣлость сужденій мы видимъ и по отношенію къ Аустерлицу, гдѣ молодой дворъ Александра постоянно оскорблялъ австрійцевъ, переходя въ одно утро отъ полнаго отчаянія къ безграничной самоувѣренности. Одни хотѣли оставить дѣло, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла; другіе торопили сраженіемъ, чтобы скорѣе возвратиться домой. Онъ не одобряетъ также Александра за то, что царь подставлялъ свою жизнь опасности, какъ простой солдатъ, и затѣмъ увелъ свою армію сейчасъ послѣ сраженія. «Развѣ можно было предположить, что одно проигранное сраженіе заставитъ русскихъ отступить?» Изъ небольшой записки Александра, въ которой онъ отвѣчаетъ, или скорѣе ни на что не отвѣчаетъ, мы заключаемъ, что строгія, длинныя письма, полныя правды, не были произведеніемъ одного графа Адама, а писались цѣлымъ русско-польскимъ комитетомъ, который старался подавать совѣты Александру, до его страсти къ Пруссіи. Царь высказываетъ сожалѣніе, что такое конфиденціальное письмо переписано на чисто рускою простого писца.

Онъ не обмолвился не однимъ словомъ о чрезвычайно важномъ параграфѣ письма, въ которомъ сквозитъ недовольство Россіи: «въ случаѣ если война перейдетъ за границы имперіи, я не отвѣчаю за поляковъ. Русскіе съ огорченіемъ слѣдятъ за умаленіемъ славы государства и ихъ національное самолюбіе сильно страдаетъ. Если грапицы будутъ урѣзаны, то въ этомъ обвинять Ваше Величество и толки, которые слышатся въ Москвѣ и Петербургѣ, далеко не успокоительнаго характера». Въ первый разъ послѣ столькихъ вѣковъ, мы видимъ громадную Россію возвышающую голосъ; она подняла голову и вставляетъ свое слово въ общее сужденіе.

VII.

Душа великой арміи 1806 *).

Великая армія существовала отъ 1805 до 1808 г. Чтобы обезобразить ее, свести на низшій уровень, Бонапарте долженъ былъ разорвать ее на части. Онъ отнялъ у нея душу, да будетъ это извѣстно. Послѣ Булони и до Аустерлица эта армія великая духомъ сохраняла еще свою иллюзію, свою вѣру: «Чтобы образумить Европу, требовался геній, великій полководецъ; подъ его начальствомъ армія была оружіемъ революціи». Къ чему служили въ такомъ случаѣ тайныя общества, о которыхъ говоритъ Нодье, если убѣжденія арміи были общеизвѣстны? Этихъ обществъ вовсе не существовало тогда.

Ульмское дѣло внушило войскамъ несправедливое презрѣніе къ Германіи, но оно было смягчено убѣжденіемъ: «Мы ее освободимъ». Это были великія мысли. О высотѣ, на которой стоялъ духъ французовъ, можно судить по такому факту: когда послѣ страшныхъ переходовъ, далеко отъ Франціи и не получая оттуда ничего, армія углубилась въ сердце Германіи и проходила черезъ дремучій лѣсъ, то она въ порывѣ героической веселости украсила себя дубовыми вѣтвями. Она однако знала, что три арміи: австрійская, прусская и русская приближались, чтобы окружить ее. На Рейнѣ и на Дунаѣ она видѣла памятники рабства, развалины феодализма, у которыхъ даже великія рѣки, составляющія какъ бы душу страны, протекали стѣсненные подъ ярмомъ произвола.

*) Великое заглавіе, которое я далъ главѣ этой, не можетъ уложиться въ рамки ея. *Великая армія*—это подвижной народъ, который мало по малу проявляетъ себя въ превращеніяхъ своихъ, но который, не смотря на развратителя и губителя своего, Бонапарте, долго хранилъ въ себѣ все одну и ту же душу.

Самое ужасное въ этомъ рабствѣ былъ произволъ массы помѣщиковъ, которые ждали всего отъ имперіи и которые тяготѣли надъ Германіею, творя судъ и расправу. Тысячи тайныхъ драмъ разыгрывались вслѣдствіе такого положенія вещей. Столь извѣстный разсказъ о Гаспарѣ Гейзерѣ, воспитанномъ въ мракѣ и затѣмъ убитомъ, доказываетъ, что при такихъ порядкахъ нечего было надѣяться на справедливость или безопасность.

Нѣмцы, въ литературныхъ произведеніяхъ своихъ, съ ужасомъ описывали это смутное время, полное деспотизма, то время, когда Наполеонъ въ 1804 году проѣзжалъ вдоль береговъ Рейна, по шоссе, которое онъ хотѣлъ обратить въ прекраснѣйшую дорогу въ цѣломъ свѣтѣ. Дальбергъ и другіе указывали ему на замки, построенные на островахъ или на возвышенностяхъ, прекрасныхъ для глаза художника, но весьма опасныхъ для путешественника или торговца, на которыхъ они смотрѣли очень грозно. Бонапарте, вспоминая Рихелье и Кромвеля, этихъ разрушителей замковъ, полагалъ, что очистивъ Германію отъ такихъ непосредственныхъ деспотовъ, онъ сдѣлаетъ угодное всему нѣмецкому народу. Такое предпріятіе было очень сложно и щекотливо; при этомъ не обошлось безъ несправедливыхъ исключеній или справедливыхъ, но грубыхъ и слѣпыхъ расправъ. Оправданіемъ такихъ массовыхъ опустошеній можетъ служить то, что въ 1815 тѣ, которые болѣе всего жаловались на такія мѣры, сами къ нимъ прибѣгали, упразднивъ не мало мелкихъ герцогствъ.

Надо замѣтить, что наши воины, вчера якобинскіе солдаты, а сегодня солдаты императорской арміи, очень безцеремонно обращались съ этими маленькими величествами, которые были однако дороги нѣмцамъ, благодаря древнимъ традиціямъ. Объ этомъ даетъ понятіе одинъ анекдотъ, кото-

рый я знаю изъ первыхъ источниковъ. Молодой французскій хирургъ по фамилии Мутонъ, квартировалъ въ замкѣ графини ****. Онъ нашелъ, что хозяйка и прислуга оказывали ему недостаточно уваженія, какъ французу и члену великой арміи. Тогда дерзкій глупецъ пишетъ старой дамѣ наглое и оскорбительное письмо; оно начиналось словами: «Графинька де***», остальное въ стилѣ Ваде. Старая дама сдѣлала ужасную вещь: она послала письмо Наполеону. Этотъ послѣдній въ день большаго парада, стоя на возвышенномъ холмѣ, откуда онъ могъ обозрѣвать все, устраиваетъ драматичную сцену. «Гдѣ онъ этотъ негодяй? Пусть его приведутъ! Я велю его разстрѣлять! Я не для того выигралъ сраженіе, чтобы оскорбляли побѣжденных!» Его приводитъ ни живаго, ни мертваго, блѣднаго, еле стоящаго на ногахъ. Всѣ содрогнулись. Но императоръ такъ и оставилъ дѣло, онъ уже забылъ о немъ.

Всѣ эти герцоги и графы изъ неограниченныхъ властителей обратились въ частныхъ лицъ и возненавидѣли Францію и Наполеона до такой степени, что стали нашими злѣйшими врагами и возбуждали противъ насъ Германію, которая перестала признавать даже и то благо, какое сдѣлала для нея ненавистная Франція.

Невыдержанные, часто дерзкіе люди, подобные молодому хирургу, вели себя подобно дѣтямъ и дѣйствовали во многомъ и себѣ во вредъ, переходя отъ крайнихъ лишеній въ другую крайность. Офицеры въ этомъ случаѣ были въ худшемъ положеніи, чѣмъ солдаты, потому что они себѣ не разрѣшали грабить съѣстные припасы. Перемѣнчивое питаніе, то слишкомъ обильное, то совершенно недостаточное, порождало разныя болѣзни, или скорѣе одну болѣзнь—дизентерію. Бруссе первый обратилъ на это вниманіе. Славный бретонецъ, родившійся въ Сень-Мало, онъ два года былъ солдатомъ. Въ

1803 году, на двадцать первомъ году отъ роду, онъ снова вступилъ въ армію и прославился своею методою леченія, правда очень однообразною; но и болѣзнь представляла мало измѣненій, ее можно было назвать болѣзнью великой арміи. Въ послѣдствіе въ 1808 году, онъ напечаталъ книгу о воспаленіи, которая имѣла большой успѣхъ. Также удачна была метода, совершенно напрасно осмѣянная въ Жиль-Блазѣ, метода Санградо, въ концѣ царствованія Людовика XIV. Послѣ Наполеона, поколѣнія сильно пострадавшія при немъ, признали въ водѣ хорошее цѣлебное средство, лучшее изъ успокоительныхъ лекарствъ и какъ бы всеисцѣляющее средство противъ всякихъ болѣзней. Отсюда произошла гидротерапія и слава Присница въ 1825 году, которому благодарные больные выстроили триумфальную арку.

Армія занималась литературою. Я сужу объ этомъ не по трудамъ такихъ знаменитостей, какими были Фой и Курье, но по многимъ другимъ, которыхъ я зналъ и которые вполне заслуживали извѣстность, хотя и умерли въ безвѣстности. Фоя, не смотря на полученные четырнадцать ранъ, за отказъ его подписаться подъ адресомъ и подать голосъ за имперію, постоянно обходили вплоть до Ватерлоо. Но за то на досугѣ, служа въ конной артиллеріи, онъ читалъ Виргилія и Тацита. Тоже можно сказать и о Курье, который такъ увлекся научными изслѣдованіями, что не замѣтилъ возстанія въ Римѣ и чуть не погибъ. Въ Калабріи его ограбили разбойники, отняли деньги и лошадей; но онъ болѣе всего жалѣлъ своего Гомера.

Кромѣ этихъ знаменитыхъ именъ, я знаю еще много личностей, которыя не достигли извѣстности, но блестящій умъ которыхъ доказывалъ, что въ арміи не было недостатка въ образованныхъ и развитыхъ людяхъ. Де Фурси, о которомъ

уже я упоминалъ, былъ весьма любезный человекъ, нѣсколько неустойчивый, но весьма способный. Говоря о Сенъ-Симонѣ въ первомъ томѣ), я упоминалъ, какъ одинъ молодой офицеръ слѣдовалъ за нимъ повсюду. Тридцати лѣтъ, въ чинѣ капитана гвардейской артиллеріи, онъ охотно посвящалъ свои досуги поэтическимъ опытамъ, изъ которыхъ многіе содержатъ прекрасные стихи *). Болѣе всего его огорчало ужасное ремесло убивать бомбами неизвѣстныхъ людей, которые, при болѣе близкомъ знакомствѣ, могли стать друзьями. Привычка, рутина, незнаніе какого-нибудь другаго занятія удерживали его при такой обязанности, которую онъ ненавидѣлъ еще до Ваграма 1809 г.

Въ этомъ жестокомъ сраженіи, которое, какъ извѣстно, выиграла артиллерія, двѣ вещи глубоко возмутили Де Фурси. Во первыхъ, то состояніе опьяненія, въ которомъ находилась молодая армія послѣ побѣды; во вторыхъ, въ продолженіи самаго сраженія, его поразило ужасное зрѣлище. Французы и венгерцы, встрѣчавшіеся во многихъ дѣлахъ, прониклись благодаря этому, взаимнымъ уваженіемъ и симпатіею. Среди выжженной солнцемъ равнины, почти охваченной огнемъ, куда прибыли наши летучія баттарей, умиралъ венгерскій гренадеръ, красивый и сильный мужчина. Французскій офицеръ поставилъ ружья въ землю и повѣсилъ на нихъ шинель, чтобы устроить ему тѣнь. Умиравшій, въ припадкѣ бреда, напрасно призывая смерть, дрожащей рукою искалъ пистолетъ, чтобы стрѣлять въ своихъ благодѣтелей. Такое зрѣлище и много другихъ не менѣе ужасныхъ, поразили француза въ самое

*) Кажется слѣдующіе стихи написаны на полѣ сраженія подъ вдохновеніемъ утѣшительной мысли о томъ, что придетъ день, когда всѣ поколѣнія, умирающія одно вслѣдъ за другимъ, сойдутся снова вмѣстѣ: «И я говорю человеческимъ поколѣніямъ, которыя существовали каждое въ свой чередъ, которыя порвавъ цѣпи времени, встрѣтятся современниками на поляхъ вѣчности. . .»

сердце. Онъ отказался отъ чиновъ и наградъ, на которыя имѣлъ полное право, и оставилъ свое печальное ремесло.

Я зналъ также солдатъ, людей безъ всякаго образованія, которые своею кротостью, мягкостью права, нравственными качествами были, пожалуй, достойнѣе многихъ знаменитостей. Мишель, солдатъ при обозѣ, нынѣ помѣщенный въ инвалидахъ, настоящій святой. Я никогда не встрѣчалъ такой совершенной кротости. Единственнымъ его недостаткомъ была безграничная довѣрчивость, которая дѣлала его мученикомъ нескончаемой благотворительности. Послѣ войны онъ завелъ небольшую лавочку и отдавалъ всю свою выручку. Обманщики прибывали со всѣхъ сторонъ и не знали отказа; то являлся мнимый полякъ, то небывалый генераль. Мишель давалъ всегда.

При той измѣнчивой, безпокойной жизни, какую вела великая армія, главное зло заключалось въ невозможности, даже для избранной натуры, какого бы то ни было совершенствованія, усвоенія хорошихъ привычекъ. Еслибы, при такой ужасной жизни, Бонапарте поддерживалъ въ арміи, за недостаткомъ добродѣтели, *великую страсть*, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ тѣмъ самымъ поддержалъ бы и священный огонь, который послужилъ бы на пользу ему самому. Если бы, оставляя Аустерлицъ, онъ повелъ эту побѣдоносную армію въ австрійскую Польшу, то нѣтъ сомнѣнія, что пожаръ, охватившій бы конечно и прусскую и русскую Польшу, на долго парализовалъ бы сѣверныя державы и непремѣнно создалъ бы въ арміи громадное *Sursum corda!*

Но такой пожаръ устрасилъ Наполеона. Онъ не смѣлъ приблизиться къ нему. Онъ скорѣе повѣрилъ Талейрану, который говоритъ: «Поберегите Австрію». И онъ, какъ мы увидимъ ниже, оставилъ всякіе великіе вопросы нерѣшенными.

VIII.

Банкъ устраиваетъ съ Наполеономъ штуку. Уваръ заставляетъ Бонапарте и Питта дѣйствовать за одно. 1805 г.

Бонапарте питалъ отвращеніе къ банку и кредиту. Судя по Пале-Роялю, крыльцу его *) и по сценкамъ при продажѣ процентныхъ бумагъ, Наполеонъ считалъ, что банкиръ и воръ понятія однозначущія. Кредитъ онъ находилъ подозрительнымъ, какъ свободную силу, которою нельзя овладѣть, которая преодолеваетъ всякія преграды и не подчиняется ни времени, ни мѣсту. Чтобы пополнить разность между шестью стами милліоновъ государственныхъ доходовъ Франціи и милліардомъ ежегоднаго дохода Англіи, Наполеонъ мечталъ объ одномъ лишь источникѣ, объ однихъ контрибуціяхъ, исторгаемыхъ имъ у беспильныхъ странъ, покровителемъ которыхъ онъ себя объявилъ; онъ слѣдовалъ примѣру Робъ-Роя и другихъ разбойниковъ, которые продавали путешественникамъ свою защиту отъ грабителей.

По странной случайности, въ 1804 до 1805 года онъ сдѣлался орудіемъ тѣхъ самыхъ банкировъ, которые внушали ему столько презрѣнія и ненависти. Довольно продолжительный промежутокъ времени, между нарушеніемъ мира (мартъ 1804) и началомъ военныхъ дѣйствій (октябрь 1805), не пропасть даромъ, банкъ умѣлъ имъ воспользоваться для своихъ цѣлей и нашелъ возможность заставить Бонапарте сослужить ему службу.

Главными финансовыми королями въ то время въ Парижѣ были: знаменитый изобрѣтатель Сегенъ, химикъ, членъ института, извѣстный промокаемою обувью, благодаря которой милліоны республиканскихъ солдатъ такъ успѣшно шлепали по грязи; Колло, поставщикъ итальянской арміи, снабдившій фондами

*) Крыльцо Пале-Рояля было мѣстомъ биржевыхъ сдѣлокъ.

для великаго событія брюмера и котораго можно считать основателемъ имперіи; наконецъ Уварь, остроумный спекуляторъ, не разъ терявшій все, но благодаря счастливой судьбѣ снова обогащавшійся, человѣкъ неистощимой изобрѣтательности и несравненной смѣлости. Задушевный другъ его Баррасъ, сдѣлалъ ему раззорительную честь, уступилъ ему свою Талліеншу. Уварь сперва отказался, сказавъ: я не довольно богатъ. Но затѣмъ онъ раздумалъ, рѣшивъ, что ничто такъ не подыметъ его кредитъ, какъ содержаніе такой дорогой красавицы. Уступка совершена была публично въ оперѣ. Желанное впечатлѣніе получилось. Акции Увара поднялись въ цѣнѣ. Наполеонъ не любилъ его, чувствуя въ немъ циничную независимую силу, съ которою ничего нельзя было подѣлать.

Еще до начала войны англичане полагали, что Наполеонъ очень нуждается въ средствахъ: «У него сверхсмѣтныхъ доходовъ только и есть то, что платить ему женевскій банкъ, да Испанія. Скоро онъ останется безъ денегъ». Несчастная Испанія, точно обглоданная кость, не давала ничего. Тогда является любезный, ловкій и услужливый Уварь; онъ берется все устроить, отвѣчаетъ за все, общается даже сдѣлаться магнетизеромъ, поставить на ноги мертвеца. Обѣщая воскресить Испанію, онъ имѣлъ въ виду одну серьезную вещь, талисманъ, который онъ скрывалъ. Чародѣйственныя формулы были ему сообщены вѣроятно амстердамскими фокусниками, хотя онъ и старается замаскировать это въ своихъ воспоминаніяхъ, (онъ ихъ писалъ во время долгихъ годовъ заключенія); банкиры Голландіи разсудили съ большимъ хладнокровіемъ, что англичане, не смотря на свое патріотическое негодованіе, не прочь будутъ совершить выгодную сдѣлку съ непріателемъ и что времени у нихъ будетъ достаточно. Дѣйствительно прошло около двухъ лѣтъ.

Бонапарте такъ мало смыслилъ въ финансовомъ дѣлѣ, что нужно было обманывать его даже для его личной выгоды, а также и невѣжественнаго министра, котораго онъ выбралъ какъ руководителя собственнаго невѣжества, ханжу Барбе Марбуа. Предложеніе Уврара, конечно извѣстное голландскому банку, походило на мѣсяцъ, который, освѣщая одну сторону, оставляетъ въ темнотѣ другую.

Невѣждамъ и въ томъ числѣ Бонапарте, показали блестящую сторону, вліяніе Франціи на настоящаго короля Испаніи, принца Мира, любимца короля и королевы, который надѣялся, что Бонапарте создастъ ему независимое положеніе, какъ правителя Португаліи.

Этотъ любимецъ обладалъ нѣкоторыми хорошими чувствами, но не отличался ни блестящими способностями, ни энергіею, ни дѣятельнымъ характеромъ. Положеніе двора было настолько незавидно, что у него не было даже средствъ дѣлать небольшія путешествія и приходилось сидѣть на мѣстѣ. Прибавьте къ этому, что страна голодала и цѣна на съѣстные припасы значительно повысилась. Увраръ, великій эмпирикъ, сказать, что онъ найдетъ средства всему помочь. Прежде всего онъ былъ принятъ въ это странное семейство. Королева совершенно согласная съ королемъ, старалась выказывать свое расположеніе къ принцу Мира и доказать, что онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ. И вотъ мы видимъ Уврара, биржевика, принятаго запросто, въ семейномъ кругу короля Испаніи и Индіи.

Онъ является благодѣтелемъ края. Во первыхъ, онъ прекращаетъ голодъ, уговоривъ Бонапарте и англичанъ дозволить вывозъ хлѣба изъ Франціи. Онъ поражаетъ принца блестящею ловкостью, съ которою онъ берется устранить всѣ затрудненія и приготовить возрожденіе страны. Чудо! Деньги

стекаются со всѣхъ сторонъ. Осторожный амстердамскій банкъ соглашается безъ затрудненій одолжить большую ссуду этой монархіи, которую считали раззорившеюся. Восторгъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Наконецъ потомокъ Карла Пятаго и Филиппа II доходитъ до того, что заключаетъ условіе съ биржевикомъ: «Товарищество Уврара и короля, который обезпечиваетъ первому свободную торговлю съ обѣими Америками на все время войны; добываніе и распредѣленіе золота и серебра; право заключать въ обѣихъ Америкахъ займы, гарантированные казначействомъ, которое обязывается уплачивать ихъ».

Даже море, недружелюбное и суровое, смягчается. Слитки металловъ, піастры, приплываютъ изъ Новаго Свѣта. Испанія, посредствомъ Голландіи, которая удерживаетъ значительные барыши, уплачиваетъ Наполеону обѣщанную субсидію.

Но Увраръ, великій поэтъ; онъ открываетъ новый горизонтъ—огромный, неизсякаемый источникъ испанской церкви въ Европѣ и Америкѣ. При первомъ намекѣ всѣ блѣднѣютъ и пугаются. «Что скажетъ Испанія? Что скажетъ папа?» Принцъ Мира отступаетъ въ ужасѣ, но Увраръ не отступаетъ. Папа пріѣзжаетъ какъ разъ въ то время въ Фонтенебло 1804. Его нисколько не удивляетъ такое ужасное неслыханное предложеніе. Духовенство будетъ обезпечено вѣрными доходами съ имуществъ, которыя въ настоящее время очень непрочны, которыхъ оно вскорѣ лишится.

Какъ сказано такъ и сдѣлано. Смѣлый Увраръ сейчасъ же приводитъ замыселъ въ исполненіе. Онъ посылаетъ своихъ агентовъ въ Америку. Народная вѣра, отвращеніе къ подобнымъ мѣрамъ не можетъ служить препятствіемъ. Операция начинается съ большимъ успѣхомъ. Остается одно затрудненіе: море покрыто англійскимъ флотомъ. Какъ убѣдить Питта?

Питту объясняютъ, что индiйская колонiя нуждается въ звонкой монетѣ, которую можно добыть лишь посредствомъ Голландiи. Ему говорятъ, что Соединенные Штаты, за невозможностью для Англіи взять на себя доставку, берутся перевезти этотъ цѣнный транспортъ. Лондонъ входитъ въ соглашеніе съ Амстердамомъ, для доставки Наполеону средствъ вести войну съ Англіею. Питтъ конечно вспомнилъ, какъ въ прошломъ столѣтіи, при осадѣ Генуи, англiчане продавали своимъ противникамъ бомбы, которыми тѣ въ нихъ стрѣляли. Побѣда— вотъ что удивительнѣе всего, вотъ главное торжество, которое когда либо испытывалъ банкъ. Уваръ любитъ двумя врагами Питтомъ и Наполеономъ, которые послушно доставляютъ ему американскіе піастры. Коммерціа—высшій законъ управляетъ всѣмъ, войною и религіею; самъ папа уступилъ.

Можно и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, предположить довольно основательно, что Бонапарте временами сходилъ съ ума, или дѣлался чрезвычайно опрометчивымъ. Какъ я уже говорилъ, его правая рука часто боролась съ лѣвой. Какъ могъ онъ не обдумать, что посылая свой флотъ съ такою поспѣшностью въ Трафальгаръ, онъ, въ случаѣ побѣды, смутитъ голландцевъ еще болѣе чѣмъ англичанъ, которые такъ любезно доставляли ему піастры и слитки металловъ изъ Америки. Если же онъ будетъ побѣжденъ, что и случилось, то осторожные голландцы одумаются и побоятся ввѣрить свои сокровища морскимъ волнамъ, которыя очень легко могутъ потопить ихъ. Уже это одно достаточно глупо. Но вотъ что мы видимъ далѣе. Товарищи Увара въ Парижѣ, Депрэ и др. искушаютъ Наполеона, предлагая ему снабжать съѣстными припасами его флотъ, т. е. даютъ возможность исполнить задуманную громадную глупость.

Подъ обезпеченіе піастровъ, странствующихъ еще на морѣ,

имъ удастся получить соглашеніе Барбе-Марбуа, вступить въ французскій банкъ и наложить свою руку на значительныя цѣнности казначейства. Барбе-Марбуа *) чувствуетъ опасность, но соглашается. Почему? Потому что главный дѣятель этого предпріятія вѣрный человѣкъ, *вѣрующій*, каждый день посѣщаетъ обѣдню въ Сень-Рокъ. Но вотъ слѣдуетъ трафальгарскій разгромъ, онъ останавливаетъ американскіе піастры и топить одновременно нашъ флотъ и авантюристку компанію. Она повидимому увлекаетъ за собою казначейство. Въ конторахъ все прежняя давка, но платежи не выдаются. Бонапарте, вѣчно опасавшійся Парижа больше всего на свѣтѣ, слышитъ подъ Аустерлицемъ волненіе столицы и насмѣшки Лондона. Словомъ, заключивъ на скоро миръ съ Австріею и подобіе мира съ Пруссіею, онъ спѣшитъ въ обратный путь.

Онъ возвращается въ страшномъ гнѣвѣ. Подобно ребенку, который болѣе всего кричитъ, когда самъ сдѣлалъ большую глупость, онъ старается отомстить за свою оплошность цѣлому свѣту. Онъ прогоняетъ Марбуа и его божьяго человѣка. Онъ вызываетъ Уврара изъ Испаніи и беретъ у него всю наличность компаніи. Чтобы его не обокрали, онъ крадетъ самъ: онъ ихъ разгоняетъ. Новый министръ однако признаетъ, что они спасли государство отъ банкротства, сокративъ на четвертую часть лихонимные договоры, которые Бонапарте заключилъ съ главными сборщиками податей. Бонапарте, разыгравъ страшныя сцены гнѣва, пригрозивъ Уврару, что его разстрѣляютъ, видитъ, что тотъ спокоенъ, и мало по малу успокоивается самъ; онъ ограничивается изгнаніемъ изъ Парижа нѣсколькихъ дамъ

*) Барбе-Марбуа очень аккуратный, для того чтобы сдѣлать аккуратными конторщиковъ своихъ, дѣлалъ самъ по утру смотрѣ всѣмъ бюро своимъ и, найдя Депрэ отсутствующимъ, узналъ, что тотъ посѣщно ушелъ въ церковь св. Роха къ обѣднѣ. Это внушило Барбе-Марбуа безграничную довѣренность къ Депрэ.

аристократическаго предмѣстья, которыя способствовали распространенію паники. Но г-жа де Люйнь, спасенная своимъ громаднымъ богатствомъ, должна подвергнуться другому унижительному наказанію — ее назначаютъ придворной дамою Жозефины.

Бонапарте угрожаетъ амстердамскому банку и Гопу, которые усмѣхаются. Сокровища ихъ способны такъ легко перелетать всѣ пространства. Тогда, въ сильномъ гнѣвѣ онъ обращается къ Уврару: «Вы унизили королевство до торговой сдѣлки». Уврара объявляютъ отвѣтственнымъ на восемьдесятъ семь милліоновъ, но онъ даже не моргнулъ. «Хорошо же», говоритъ Бонапарте: «я примусь за Испанію. Съ пятьюстами тысячъ человѣкъ можно смять все». Да, конечно можно убить курицу, которая несла золотыя яйца. Кто остается на ногахъ послѣ громадной борьбы? Капиталь, который побѣдитъ всегда, который подвиженъ и неуловимъ; его нельзя уничтожить и поэтому онъ представляетъ одинъ изъ видовъ свободы. Увѣренность, съ какою держалъ себя Увраръ послѣ крушенія, кажется мнѣ великолѣпной; онъ напомнилъ мнѣ мудреца Эпиктета. Онъ далъ запереть себя въ тюрьму Сенъ-Пелажи, которая стала его Лувромъ, гдѣ все повиновалось ему. Онъ мстилъ, давъ Бонапарте, шедшему на великое безуміе—Москву, очень мудрый совѣтъ, которымъ тотъ не сумѣлъ воспользоваться *).

*) Что Увраръ былъ человѣкомъ дѣйствительно замѣчательнымъ, доказывается еще тѣмъ, что онъ угадалъ, конечно по формѣ плоскодонныхъ судовъ назначенныхъ для плаванія въ мелкихъ водахъ, что Балтійское море, усыпанное мелими вдоль береговъ Германіи, позволяетъ мелкимъ судамъ плавать совершенно безопасно отъ большихъ кораблей, которые могутъ держаться только въ открытомъ морѣ на глубинѣ. А этого не знали даже послѣ Севастополя французскій и англійскій флоты, которые ничего не сдѣлали съ огромными кораблями своими. Въ 1811 г. Увраръ, знавшій это, писалъ Бонапарте, что великая армія его погибнетъ въ Россіи отъ голода и нищеты, если онъ не устроитъ подвоза припасовъ и подкрѣпленій всякаго рода на судахъ вдоль морскихъ береговъ и потомъ по рѣкамъ. (См. Записки Уврара, г. I).

IX.

Г е н а.

Наполеонъ, слѣдую политикѣ, сначала Сіеса и директоріи, считалъ Пруссію вѣрной союзницей и потому неосторожно увеличилъ и обогатилъ ее добычею отнятою у Германіи. Онъ полагалъ, что государство это, какъ мало любимое нѣмцами, сдержитъ ихъ и будетъ отвѣчать ему за сѣверъ. Потомъ, когда онъ увидѣлъ что Пруссія колебалась, онъ обвинилъ ее въ коварствѣ. Онъ былъ не правъ. Если и дѣйствительно Пруссія дѣйствовала двойственно, то это было несравненно менѣе изъ политики, нежели отъ колебаній между двумя партіями короля и двора т. е. королевы, которыя заставляли ее дѣйствовать въ очень различныхъ направленіяхъ.

Пруссія не однороднаго, но очень сложнаго происхожденія, Небольшое ядро ея славянъ, смѣшанныхъ съ нѣмцами, съ очень давняго времени служило убѣжищемъ отъ двухъ тирановъ Австріи и Людовика XIV, которые нелѣпыми преслѣдованіями своими, обогатили эту бесплодную страну своимъ терпѣливымъ, выносливымъ и въ то же время энергическимъ и мужественнымъ населеніемъ. Выходцы эти отреклись отъ Франціи, но не приобрѣли германскихъ свойствъ: мягкость мечтательную, грезящую и поэтическую, которая такъ умиляетъ насъ въ Германіи. Фридрихъ великій, воспитанный нашими выходцами, которые придали ему необычайный завадь, получавшій помощь англійскихъ субсидій и привлекавшій геніемъ своимъ наиболѣе воинственные элементы Европы, грызъ славянъ и, взявъ сначала Силезію, затѣмъ предложилъ раздѣлъ Польши.

Пруссія, составленная такимъ образомъ изъ разнородныхъ элементовъ, соединилась давленіемъ суроваго воспитанія, которое, начатое очень рано, продолжается неукоснительно и безъ вниманія къ разности натуръ; она, согнувъ Кёльнъ и раздавивъ Познань, вырабатываетъ существа, которыя кажутся однородными; но если вы вскрыете сердца, какое странное разнообразіе увидите вы. Эта противуестественная операція Пруссіи оставляетъ ли расамъ этимъ внутреннее плодородіе ихъ? Я сомнѣваюсь въ томъ. Можно пріобрѣсти изъ другой страны великихъ ученыхъ, даже великаго полководца, замѣчательнаго механика войны. Все это выходитъ не изъ почвы; все это чисто статьи ввоза. Что же касается силы въ цѣломъ, прочности соединенія, то во всѣхъ случаяхъ, когда оба прекрасныя свойства эти присущи какому нибудь созданію, они проявляются въ притягательности, которою одарено оно. Ассимиляціи провинцій Франціи носитъ этотъ характеръ. Даже на островахъ Великобританіи нижняя Шотландія прекрасно ассимилировалась съ Англію, которую такъ прославили великіе шотландцы (Адамъ Смитъ, Вальтеръ Скоттъ и др.). Въ Пруссіи элементы враждебны и менѣе ассимилируются. Все кажется въ ней желѣзнымъ. Но какого желѣза—кованаго ли, которое такъ крѣпко, или литаго, которое такъ ломко?

Возвратимся къ Наполеону; онъ при Аустерлицѣ былъ взволнованъ и гордостью и гнѣвомъ противъ враговъ своихъ. Австрія и Россія до самаго кануна войны старались проводить его. Пруссія приняла и дала убѣжище всему, что только могло спастись при Ульмѣ. Армія ея двигалась впередъ: за или противъ Бонапарте? Французы сомнѣвались въ томъ и сильно негодовали на эту неизвѣстность. Что касается Наполеона, то раненый при Трафальгарѣ, онъ думалъ только объ одномъ

морѣ, объ Англіи. Вотъ почему онъ сдѣлалъ три вещи: онъ захотѣлъ опезпечить себѣ Неаполь и Голландію, оба важные морскіе посты, и ввѣрилъ ихъ братьямъ своимъ, Іосифу и Людовику, людямъ очень неспособнымъ. Сверхъ того онъ принудилъ Пруссію отнять Ганноверъ у англичанъ, актъ очень тиранническій и сильно напугавшій Пруссію и не менѣе того ганноверцевъ, которые никогда не любили пруссаковъ.

Пруссіи не было дано даже часа на то, чтобы принять рѣшеніе, она подписала послѣ Аустерлица. До этой минуты она была раздѣлена между двумя партіями: партіею короля, который съ министромъ своимъ Гаугвицемъ долго слѣдовалъ за Франціею и покорно переносилъ и дары ея и деспотическую дружбу; и партіею королевы и молодаго двора, которую поддерживали Россія и Англія. Королева прекрасная, отважная и предприимчивая, мечтала быть великимъ человѣкомъ, Маріей Терезіей, Екатериной русской, или быть, какъ мать Александра, всемогущей въ лицѣ сына. Нѣмцы въ этомъ вѣкъ, натягивали на себя мужественныя роли. И она позировала, обожаемая, какъ свѣтлокудрая *Германія*, идеаль нѣмецкаго отечества. Оригинальность положенія заключалась въ томъ, что эта молодая партія королевы, напослѣдокъ ставшая партіей патріотической, поддерживала въ то время только однѣ старыя идеи. Напротивъ, такъ ненавидимый министръ Гаугвицъ вмѣстѣ съ королемъ, очень честнымъ человѣкомъ, склонялся къ новымъ идеямъ, враждебнымъ ретроgradamъ Германіи. Секуляризація рейнскихъ епископствъ, уничтоженіе такъ многихъ феодальныхъ судовъ произошли при немъ. Доброта короля распространилась и на поляковъ. Онъ освободилъ плѣнниковъ ихъ и даже выказалъ имъ благосклонность, надѣлъ польскій мундиръ для приѣма Домбровскаго, знаменитаго генерала, и въ особенности дозволивъ бракъ одной принцессы своего дома

съ княземъ Радзивиломъ, который искалъ убѣжища въ Берлинѣ. Въ этомъ отношеніи, король и министръ его Гаугвицъ, казались либеральною партіею. Война Франціи съ Австріей, уничтоженіе послѣдней считались многими за смерть среднихъ вѣковъ.

Таково было мнѣніе Іоганна Мюллера, великаго историка швейцарскаго. Война аустерлицкая должна была показаться ему какъ счастливое продолженіе древнихъ побѣдъ родины его надъ австрійцами. Онъ такъ глубоко изучилъ средніе вѣка, онъ такъ хорошо зналъ нравы ихъ, что радовался, такъ говорилъ онъ: «видѣть, что все что было стараго, ржаваго, чего нельзя было поддержать, погибало и погибало отъ Франціи». Іоганъ Мюллеръ не былъ измѣнникомъ, какъ говорили нѣмцы, Во первыхъ онъ былъ не нѣмцемъ, но швейцарцемъ; а во вторыхъ онъ, какъ и король прусскій, «мигалъ» и не могъ хорошо глядѣть въ такое темное время. Король хотѣлъ закрыть Германію для обѣихъ партій; но королева рассчитывала на Александра и клятву, которую она заставила его дать на могилѣ Фридриха. Она толкала своего мужа и поставила его въ опасность, не разсуждая что, быть можетъ, Александръ придетъ слишкомъ поздно. Король погибъ бы, если бы не уступилъ. Онъ былъ принужденъ подъ страхомъ неминуемой войны принять наконецъ Ганноверъ, рискуя раздражить англичанъ. Полагають, что прусскій министръ, котораго Наполеонъ заставилъ проглотить это лекарство, втайнѣ рассчитывалъ проглотить и другое, болѣе пріятное: онъ надѣялся на Гамбургъ, ганзейскіе города, эти прекрасныя окна на рѣбѣ и море, которыя тиранъ принудилъ бы его принять.

Напрасныя надежды. Наполеонъ не только не довѣрялъ Пруссіи, не только посадилъ одного изъ братьевъ своихъ въ Голландію, но еще между Нидерландами и Германіей поста-

вилъ Мюрата и его герцогство Бергъ, маленькое военное государство, которое, казалось, было авангардомъ великой арміи и которое, въ дѣйствительности, обезпечило ему многія крѣпости на нѣмецкой территоріи. Но это еще не все. Пруссія всегда надѣялась, что если онъ расчленитъ германскую имперію, отдѣливъ западную Германію, то онъ отдастъ послѣднюю, но не въ пользу Пруссіи. Рейнская конфедерація, которая кромѣ Вюртемберга, Гессена, Нассау, Берга, заключила въ себѣ и самое большое южногерманское королевство, Баварію, не могла быть поставлена подъ власть Пруссіи, такъ враждебную баварцамъ. Наполеонъ самъ назначилъ себя главою конфедераціи этой, въ іюлѣ 1806 г. и выказалъ большое нерасположеніе къ конфедераціи сѣверогерманскихъ государствъ, которую Пруссія хотѣла основать отдѣльно отъ южной. Колебанія Пруссіи возбуждали постоянно въ Наполеонѣ сомнѣнія въ томъ, будетъ ли она другомъ ему или врагомъ.

Наполеонъ въ это время могъ поздравить себя съ радостью: Питтъ умеръ. Говорятъ, что Аустерлицъ и печаль свели его въ могилу на сорокъ девятомъ году. Бонапарте, плохо знавшій Англію, не воображалъ, что въ ней найдетъ вѣчнаго Питта. Альбіонъ тратилъ много денегъ, мало людей; такъ что война, какою бы раззорительною и раздражающею ни была она, мало извурала его. По смерти Питта попытались замѣнить его, создавъ смѣшанное министерство, во главѣ котораго всталъ великій ораторъ Фоксъ—имя славное, но слабый правитель; Фоксъ былъ боленъ и близокъ къ смерти.

Бонапарте воображалъ, что послѣ хорошихъ отношеній, какія были между ними въ бытность Фокса въ Парижѣ, Фоксъ смягчится къ нему. Но на всѣ предложенія и обѣщанія его, Фоксъ давалъ одинъ отвѣтъ: «Англія можетъ договариваться только по соглашенію съ Россією». Бонапарте слишкомъ тонко

вообразилъ, будто подъ этимъ упорствомъ скрывалась вещь, которую не говорили: дѣла Ганновера, отданнаго Пруссіи. Онъ подумалъ, будто Фоксъ переговорами съ нимъ боялся прогнѣвать короля, по прежнему влюбленнаго въ свой Ганноверъ. «Мы за этимъ не остановимся», сказалъ онъ: «мы возьмемъ Ганноверъ у короля прусскаго и отдадимъ его англійскому». Это было сказано тайно; но въ Англіи, странѣ гласности, все становится явнымъ, все узнается. Въ парламентѣ партія враждебная миру не замедлила говорить объ этомъ и огласить это съ большимъ шумомъ. Это было ударомъ грома для Европы. Однако Бонапарте думалъ, что если придется ради мира отнять Ганноверъ у Пруссіи, то надо вознаградить ее другими странами. Но Ганноверъ этотъ, отъ котораго она прежде такъ упорно отказывалась, который навязали ей силой, сталъ теперь дорогъ ей и она связала съ нимъ національную гордость.

Въ раздраженіи, возбужденнымъ всѣмъ этимъ, выставляли на видъ дикое самовластіе, какое Бонапарте захватилъ надъ Европой: онъ бралъ, въ новыхъ комбинаціяхъ своихъ, необходимыя для вознагражденія земли у дружественныхъ державъ; напр. предлагая Канарскіе острова, отнятые имъ у испанскаго короля для того, чтобы пріобрѣсти Сицилію, которой онъ домогался для себя. Все это не привело ни къ чему. Англія отказалась отъ Ганновера, довольная тѣмъ, что создала въ лицѣ Пруссіи вѣчнаго врага Франціи. Пруссія, которая никогда не приняла бы Ганноверъ по доброй волѣ, но могла принять только по слабости и какъ залогъ, который слѣдовало возвратить при наступленіи мира, была тѣмъ не менѣе предана и повинута англичанамъ.

Самъ Александръ очень дурно поступилъ въ отношеніи Пруссіи: пользуясь предлогомъ — *колебаніями ея*, онъ очень плохо сдержалъ клятву, данную на могилѣ Фридриха. Быть

можетъ, также родственники Александра, мелкіе нѣмецкіе принцы, которые недолюбливали Пруссію и королеву прусскую, ослабили рвеніе его служить ей. Русская армія не пришла на помощь. «Россія такъ далеко», говорили. Далеко сухимъ путемъ, но очень близко моремъ. Море было открыто и погода благопріятна; можно было послать на помощь цвѣтъ русской арміи.

Какъ бы то ни было, невозможно было избѣжать войны. Національное раздраженіе достигло изумительной степени силы и прусская дворянская молодежь рвалась, закрывъ глаза. Бонапарте, должно сказать, на сколько могъ содѣйствовалъ этому, вызывая тиранніей и насиліями своими такую неровную борьбу. Онъ былъ, какъ мы уже видѣли, очень чувствителенъ къ уколамъ газетъ, брошюръ, памфлетовъ всякаго рода. Городъ Нюрембергъ, занятый Пруссіей, былъ гнѣздомъ этихъ раздражающихъ ость. Онъ сильно скомпрометиралъ себя передъ Бонапарте, послуживъ убѣжищемъ всѣмъ, кому удалось убѣждать при Ульмѣ. Быстрая и горячая кавалерія Мюрата на этотъ разъ нѣсколько измѣнила себѣ. Она почти настигла бѣжавшихъ и, доскакавъ до воротъ Нюремберга, увидѣла съ яростью, что они открылись для австрійцевъ и закрылись передъ носомъ французовъ. Памфлетисты, которые писали въ другихъ мѣстахъ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, какъ Генцъ съ его сильной брошюрой «Порабощеніе Германіи», печатались и продавались въ Нюрембергѣ, который разсылалъ произведенія ихъ повсюду. Книгопродавецъ Пальмъ и нѣкоторые другіе занимались этой опасной торговлей. Наполеонъ въ бѣшенствѣ своемъ, подражалъ Людовику XII, который, за несравненно менѣ смѣлыя выходки, приказалъ похитить газетчиковъ на площадяхъ Амстердама. Баварскій король просилъ за одного книгопродавца и спасъ его. Но Пальмъ былъ судимъ назначенною комиссіею, осужденъ и разстрѣлянъ.

Этотъ актъ безчеловѣчной тиранніи подложилъ огонь въ порохъ, но еще болѣе сдѣлали это оскорбительныя статьи *Монитера* противъ королевы прусской. Принцъ Людовикъ, двоюродный братъ короля, кипучій и пылкій молодой человекъ, полный героизма, сказалъ внѣ себя: «это сама смерть». И онъ понесся на смерть и далъ убить себя въ сраженіи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ. Во главѣ арміи этой, неопытные офицеры которой были большею частью очень молоды, поставили семидесятилѣтняго старца, герцога брауншвейскаго, человека замѣчательнаго, но противъ котораго говорили и знаменитый манифестъ его, такъ раздражавшій Францію, и отступление при Вальми. Посланный къ Александру, онъ получилъ отъ него на словахъ помощь—армію въ семьдесятъ тысячъ человекъ, которые не явились.

Пруссія, предоставленная собственнымъ силамъ, дала сраженіе наполеоновской арміи, несравненно болѣе сильной по числу и привычкой къ войнѣ. Герцогъ Брауншвейгскій, сначала раненый въ голову, лишился зрѣнія и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Было собственно говоря, всего два сраженія: одно выигранное Даву, не смотря на то, что завистливый Бернадотъ плохо помогалъ ему; другое — сраженіе при Іенѣ, было выиграно самимъ императоромъ. Слѣдующее мало извѣстно, но достовѣрно и подтверждено свидѣтельствомъ пруссакъ Гарденберга, что огромное большинство побѣжденной арміи, состоявшее изъ буржуазіи, накинулось на офицеровъ своихъ, обвиняя молодыхъ дворянъ этихъ въ трусости, хотя они были виновны только въ неопытности и хвастливости. Они говорили, что пренебрегаютъ мелкими стычками и хотятъ однихъ большихъ сраженій. Это побудило Наполеона сказать: «Я угощу ихъ по желанію *)».

*) Записки Ранна стр. 71.

Онъ хотѣлъ сдѣлать торжественный въѣздъ въ Берлинъ, чего онъ не сдѣлалъ въ Вѣнѣ. Въ Постдамѣ онъ съ почтеніемъ посѣтилъ кабинетъ Фридриха великаго и увидѣлъ, что предсмертнымъ чтеніемъ прусскаго монарха была книга Монтескьё «Величіе и упадокъ римлянъ». Бонапарте должно было сильно поразить и раздражить то, что онъ увидѣлъ—что королева прусская въ моментъ Іены читала записки Дюмуре и планы его о вторженіи во Францію. Онъ спустился въ склепъ Фридриха. На могилѣ лежала шпага короля; онъ взялъ ее, говоря: «Это принадлежитъ мнѣ». И такъ съ обѣихъ сторонъ ненависть примѣшалась къ войнѣ и побѣда имѣла видъ мести. Однако побѣдоносная армія не была квартирована въ Берлинѣ; только одна императорская гвардія удостоилась этой чести, и, быть можетъ, даже только одни офицеры. Одинъ изъ нихъ случайно былъ помѣщенъ въ домъ француза, одного изъ нашихъ старинныхъ эмигрантовъ. Онъ былъ пріятно изумленъ, когда его приняли двѣ дѣвицы, говорившія очень хорошо по французски, быть можетъ, даже слишкомъ хорошо, съ излишне строгою правильностью. Онъ думалъ понравиться и заслужить расположеніе, сказавъ, что благодарить судьбу, которая именно его назначила квартировать въ французской семьѣ. «Французской? Нѣтъ,» отвѣчали онѣ ему сухо: «но прусской. Мы прусачки и останемся пруссачками». Онъ самъ передавалъ мнѣ этотъ фактъ, но кротко и безъ злобы.

Х.

Берлинскій декретъ. Рабство континента.

Великіе планы консульства, которое вмѣстѣ съ императоромъ Павломъ думало защищать свободу морей, были жестоко

разрушены. Наполеонъ, который, для достиженія цѣли этой, не могъ придумать ничего другого кромѣ рабства континента, средства сильно раздражавшаго, тѣмъ вооружилъ весь свѣтъ противъ себя. Но справедливое отвращеніе, вызванное системой его, не должно заставить насъ забывать и возмутительную тиранію, какую въ то время захватили англичане надъ всѣми флотами земнаго шара. Они не только прикрываясь правомъ свободнаго входа во всѣ порты, присвоили себѣ морскую полицію, право инквизиціи надъ всею торговлею міра, но входя въ портъ похищали, забирали себѣ лучшихъ матросъ, увѣряя что, это англичане дезертиры съ ихъ флота.

Вотъ система, противъ которой Павелъ вмѣстѣ съ Бонапарте, Испаніей, Голландіей, Даніей и др. соединились на защиту слабыхъ, въ 1802. Плавы эти были уничтожены и смертью Павла, отъ котораго избавилась англійская партія, и бѣдствіями Копенгагена и Трафальгара, закрѣпившими цѣпи міра морей; наконецъ тщетными проэктами булонскими, которые придали Франціи ненавистный образъ нападающаго врага, смущавшаго, тревожившаго Англію — этотъ міръ труда. Англичане представлялись каждой націи подъ самой благопріятной личиной, почти задаромъ одною рукою давая одежду, которую машины ихъ могли фабриковать по крайне низкой цѣнѣ, и неся другою колоніальныя товары тропиковъ, такъ необходимые въ нашихъ печальныхъ странахъ. Было очень опасно возставать противъ такого естественнаго хода вещей, Павелъ испыталъ это. Александръ жилъ окруженный дворомъ, хорошо расположеннымъ къ англійской партіи. Вліяніе Чарторыжскаго, предлагавшаго отнять у Пруссіи Познань и Варшаву, было непродолжительно и смѣнилось склонностью Александра къ королевѣ прусской, которая была болѣе англичанкой чѣмъ сами англичане. Отсюда кампанія Аустерлица, за-

тѣмъ Эйлау и Фридланда, когда Россія пришла такъ поздно сражаться и такъ плохо за англійскую партію и защищать Пруссію въ то время, когда та перестала существовать.

Еслибы Бонапарте былъ предусмотрительнѣе, то онъ остался бы вѣренъ своей роли 1802 г., въ которой онъ не заявлялъ ничего другаго, кромѣ принципа свободы морей: Такъ поступили американцы, которые, не смотря на слабость своего тогдашняго флота, не побоялись противиться англичанамъ. Президентъ Джеферсонъ предложилъ и вызвалъ постановленіе о томъ, что каждый американскій матросъ, насильственно вербуемый англичаниномъ, имѣлъ право убивать его. Англія, такъ сильная въ то время, отступила передъ этимъ заявленіемъ. Наполеонъ же, совершенно наоборотъ, забывъ роль свою 1802 г., въ которой онъ защищалъ свободу морей противъ англичанъ провозгласилъ, какъ безумный, тиранію еще худшую нежели англійская. Онъ взялъ на себя запрещать цѣлому міру дорогіе колоніальныя товары и теплыя одежды по низкой цѣнѣ, повсюду продаваемыя англійскими судами. Прибывъ въ Берлинъ и такъ близко отъ Гамбурга, онъ съ негодованіемъ видѣлъ большіе ворота, черезъ которые Англія, изгнанная съ континента, ввозила товары свои по германскимъ рѣкамъ. Онъ приказалъ запретить, жечь повсюду англійскіе товары, и тѣмъ открылъ просторъ безмѣрной контрабандѣ.

Тогда увидѣли возмутительное зрѣлище, доставившее наслажденіе нашимъ врагамъ: женщины народа съ полунагими дѣтьми становились на колѣни около костровъ, на которыхъ жгли англійскія ткани, молили: «Бога ради, дайте ихъ намъ, вмѣсто того чтобы жечь». Въ Парижѣ превращеніе лавочекъ, которыя вмѣсто кофѣ, продавали только лимонадъ и тошно-

творныя баваруазы *), не могло быть популярнымъ. Наполеонъ никогда не прїѣзжалъ изъ Сень-Клу въ Парижъ; но если бы онъ прїѣхалъ, то на рынкѣ онъ могъ бы слышать, какъ его осыпали ругательствами торговли, которыя, постоянно сидя на открытомъ воздухѣ подъ зонтиками, сильно нудились въ подкрѣпленіи кофеемъ. Привычка къ нему уже державшаяся цѣлый вѣкъ, со временъ регенства, была ли притохотью, простою чувственностью? Пичуть. Мозгъ, какъ и всякій другой органъ нашъ, требуетъ спеціальной пищи, дѣйствующей прямо на него. Въ нашихъ пасмурныхъ и такъ печальныхъ климатахъ запада, которые, какъ напр. въ Голландіи, Англіи, Германіи и днемъ даютъ ночь тумановъ, средства возбуждающія нервы равняются по дѣйствию своему свѣту и замѣняютъ его. Напримѣръ сахаръ, лишеніе котораго было такъ чувствительно въ то время, — вмѣстѣ и свѣтъ и алкоголь, онъ возбужденіе силъ, которое даетъ водка.

Мистическое опьяненіе, иллюминатство, которое несетъ оно, можетъ на нѣкоторое время замѣнять средства эти, потомъ вино. Съ 1300—1400 толпы народныя не чувствуютъ болѣе вкуса гостию; но говорятъ съ гусситами: «Чашу народу!» Колдовство пытается удовлетворить ихъ и въ продолженіе трехъ, четырехъ вѣковъ изобрѣтаетъ самыя странныя напитки. Наконецъ съ 1700 г. воцаряется кофе и колоніальныя товары. Это рай мозга, рай не монашескій и ничуть не праздный, но очень дѣятельный и плодородный. Это Азія и Америка, являющіяся на помощь Европѣ. И онѣ явились во время. Въ моменты великихъ нравственныхъ потрясеній нужно, чтобы природа помогала намъ, все равно какимъ бы то ни было образомъ. Въ утро Жемаппа, въ холодное туманное утро,

*) Баваруаза (bavaroise) питье изъ воды, чай и капиллярнаго сиропа.

Марсельеза замѣняла водку, говоритъ Дюмурье. Въ 98 году наканунѣ брюмера она уже оказалась недостаточно сильной. Какая печаль! Мальтусъ въ Англіи и Гренвиль во Франціи написали свои евангелія отчаянія. Отъ Маренго до Астерлица, въ продолженіе пяти лѣтъ бездѣйствія, господствовало не только оцѣнѣніе, но чрезмѣрное ослабленіе, упадокъ первой системы и, слѣдовательно, сильная нужда въ возбуждающихъ средствахъ.

Я говорилъ въ другомъ мѣстѣ, насколько сомнительное состояніе идей возбуждало отвращеніе въ душахъ. Повсюду во Франціи и внѣ Франціи лже христіанская реакція по временамъ вызывала тошноту. Каждая нація, даже самая отсталая, считая себя христіанскою, носила въ себѣ, сама того не сознавая, примѣсь новыхъ идей, ослаблявшихъ, затушевывавшихъ старыя. Даже Россія сама, этотъ міръ отсталый, глубокий неизвѣстный, готовый къ чуду и ожидавшій его, была поражена тѣмъ, что оно не явилось, что напротивъ, при Цюрихѣ и Аустерлицѣ небо покровительствовало безбожникамъ. Одного прекраснаго письма Чарторыжскаго, въ которомъ онъ выясняетъ русскому царю недовольство Россіи, довольно для того, чтобы предвидѣть измѣненіе въ нравахъ. И дѣйствительно, историкъ Карамзинъ, которому такъ сильно покровительствовала императорская фамилія, пишетъ передъ 1811 г. Александру о томъ насколько измѣнилась Россія и болѣе всего о перемѣнѣ, произведенной въ ней чрезвычайнымъ развитіемъ торговли водкою и пр. *).

Во цѣлой Европѣ потребность средствъ возбуждающихъ нервы и мозгъ ощущалась все сильнѣе и сильнѣе. Сахаръ, кофе, водка даютъ нуждающемуся въ томъ человѣку сол-

*) Письмо это было передано намъ г. Александромъ Тургеневымъ.

дату и работнику надбавку энергіи, силу изумляющую и почти божественную, ощущеніе присутствія творческаго духа. Можно судить о томъ, съ какою ненавистью встрѣтили пеловкаго тирана, который захотѣлъ вырвать эту чашу у изнемогавшей Европы.

XI.

Наполеонъ передъ лицомъ Польши 1807.

Двѣ вещи преслѣдовали Наполеона, не смотря на всѣ побѣды его: безуміе его, которое я охарактеризовалъ такъ: безуміе дѣлать изъ себя тюремщика цѣлаго свѣта, раздражать всѣ націи въ томъ, что всего менѣе измѣнчиво — обыденныя привычки; грѣхъ его, который долженъ былъ привести его на св. Елену, — грѣхъ въ томъ, что онъ былъ *великимъ измѣнникомъ*, и не только въ брюмерѣ, но еще прежде во время Леобена и Кампоформіо. Бонапарте всегда щадилъ деспотизмъ и Австрію, которая была оплотомъ его въ Европѣ; онъ поднялъ ее при Леобенѣ, при Аустерлицѣ, когда она была придавлена къ землѣ. При страшномъ громовомъ ударѣ его — Аустерлицѣ, когда вся Европа отступала въ остолбенѣніи, когда русскій царь въ смятеніи выбиралъ проселочныя дороги и исчезалъ на горизонтѣ, насталъ великій моментъ извлечь бѣлаго орла изъ могилы и показать его повсюду поблѣднѣвшей Европы, показать Пруссіи, Австріи и Россіи, что арміи ихъ имѣли аррьергардомъ привидѣніе.

«Такой же моментъ насталъ и послѣ Іены?» Не совсѣмъ такой. То была побѣда менѣе блестящая. Затѣмъ неслыханное безуміе объявить себя тюремщикомъ цѣлаго міра, запелеть его для того чтобы вѣрнѣе изгнать изъ него англичанъ

чудовищно-комичное предпріятіе обнять своими короткими руками земной шаръ. Онъ весь отдался неотступной идеѣ, скрывавшей отъ него путь, и даже не видѣлъ Польшу, возставшую за него. И не только прусскую Польшу, черезъ которую онъ проходилъ, но и болѣе далекую Польшу. Изъ Литвы, изъ Вильны, несмотря на разстояніе и препятствія всякаго рода, не смотря на весь ужасъ глубокой грязи, такъ страшной осенью, пришло двѣнадцать тысячъ человѣкъ, которые хотѣли сражаться подъ начальствомъ Наполеона. И на этомъ не остановилось движеніе.

Это было началомъ культа Наполеона. Я съ умиленіемъ видѣлъ возвышенный и послѣдній экстазъ въ Товіанскомъ — пророкъ и Мицкевичъ — великомъ поэтѣ. Но надо говорить объ этомъ съ самаго начала. Никогда сердца людей не бились такъ много за Францію. Они приняли ея качества, ея добродѣтели и пороки. Версаль и великій король сдѣлали имъ неизмѣримое зло. Но въ самой гибели, ихъ постоянно поддерживала надежда получить помощь отъ насъ, въ особенности когда директорія и Ларевельеръ-Лепо геройски предложили союзъ всѣмъ народамъ, которые хотѣли освободиться (1796). Тогда въ самомъ Парижѣ двумъ полякамъ, Тремо и Ларопшъ, пришла идея создать бродячую Польшу, союзницу армій Франціи, которая слѣдовала бы за ними и сражалась бы вмѣстѣ съ ними. Можно было раздѣлить только почву; но душа Польши, бѣлый орелъ подвижной и свободный собирался летѣть. Это было подражаніемъ прекрасной и истинной идеѣ поляка Коперника, который бросилъ земли въ пространство для того, чтобы она тамъ вращалась во вѣки вѣковъ. Идея понравилась Клеберу, Журдану, Шампионе. Политика Бонапарте допустила поляковъ не въ французскія войска, но только въ итальянскія. Они служили ему усердно въ Египтѣ. Потомъ

онъ имѣлъ варварство отправить все, что уцѣлѣло отъ нихъ въ Сень-Доминго, которое поглотило ихъ. Другіе являлись, но онъ всегда распредѣлялъ ихъ по разнымъ арміямъ, рѣдко допускалъ ихъ сражаться особнякомъ, чтобы не видѣть услуги ихъ и избавить себя отъ благодарности.

Все это должно бы было сильно охладить Польшу? Ни сколько *). Наше прибытіе въ Познань произвело дѣйствіе катаклизма. Населеніе не только кинулось на встрѣчу намъ, но и встало въ ряды, чтобы идти за нами. По выходѣ изъ Познани, оказалось четыре лишнихъ полка. Бонапарте объявилъ, что Костюшко прибудетъ изъ Франціи; но герой этотъ, превосходно понимавшій Наполеона, не только не пріѣхалъ но и настойчиво опровергъ эту официальную ложь. Все равно, импультъ былъ данъ. Легковѣрный Домбровский шелъ впереди. Бонапарте боялся только одного — энтузіазма, который заставлялъ бы его высказаться. Онъ прибылъ въ Варшаву въ темный октябрьскій вечеръ, какъ скрывающійся преступникъ. При свѣтѣ факеловъ онъ смотрѣлъ уже не прежнимъ Бонапарте обоженнымъ и горѣвшимъ пламенемъ великихъ битвъ Италіи, но блѣднымъ и уже начинавшимъ худосочно жирѣть.

Всѣ плакали. Онъ прошелъ, угрюмый и молчаливый. Остановившись въ ратушѣ, онъ въ отвѣтъ на прочувствованныя рѣчи заговорилъ о климатѣ: «Сколько грази въ этой странѣ!» Потомъ рѣзко: «Господа, мнѣ надо къ завтрашнему дню столько то ржи и столько то рису». Послѣ этого онъ сказалъ страшное слово, которое передавали различнымъ образомъ, но отъ котораго сжималось сердце: «Никакихъ отговорокъ. Не то я васъ оставлю на русскія полки. Я зажигаю все и ухожу». Другіе увѣряютъ, что онъ сказалъ эти

*) См. Somo-Sierra, 1807.

слова дикаря: «Мнѣ нужно ваша кровь.» Всѣ вздрогнули и онъ повторилъ: «Что мнѣ нужно — ваша кровь». Слово достойное варварскихъ идоловъ Мексики и Карагена. Тогда красавица полька, трепеща за Польшу, думала смягчить его сердце и отдалась вампиру. Она возвратилась еще въ 1814 г. въ Фонтенебло, когда онъ покушался отравиться. Онъ заперъ передъ нею дверь. И даже на св. Еленѣ онъ закрылъ сердце свое полякамъ, не признавалъ ихъ услугъ.

Но что думала армія? Грязь и нищенскій видъ страны не нравились ей. И однако многіе говорили за Польшу. Не только Мюратъ, вѣчно ловившій себѣ королевство; но и Даву, голова холодная, умъ практическій, видѣвшій все, что можно было извлечь изъ этого энтузіазма передъ лицомъ русской арміи, которая приближалась. Бонапарте ссылаясь на то, что не надо навязывать себѣ на шею вражду съ Австріей, поддерживая Польшу. На самомъ дѣлѣ, онъ боялся одного — раздуть пламя, занести искру его и въ самую французскую армію. Онъ думалъ такъ же какъ и русскій императоръ, что Польша есть очагъ революціи, но не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы убѣдить французовъ, что она страна аристократическая: дворянство, рабы, но нѣтъ народа.

Это была ложь, или сильное преувеличеніе. Во первыхъ былъ ремесленный народъ въ городахъ. У насъ есть записки Килпискаго, варшавскаго героя сапожника. Въ настоящее время г-жа Шуазель описала патріотическій жаръ рабочихъ Польши. Во вторыхъ дворянство было скорѣе большимъ народомъ, чѣмъ кастой. Въ войнахъ турецкихъ масса безчисленныхъ польскихъ кавалеристовъ, все, что носило пику съ значкомъ, было дворянствомъ, безъ исключенія. Въ наше время дворянство находится въ еще болѣе низменныхъ условіяхъ. Одинъ изъ друзей моихъ путешествовавшій въ Польшѣ

десять лѣтъ тому назадъ, говорить сколько было дворянства въ этой странѣ: было миллионъ двѣсти тысячъ. Конюхъ снимавшій съ него сапоги былъ дворяниномъ. Дворяне не доходившіе до такого положенія, владѣли небольшимъ клочкомъ земли, были часто очень бѣдны, имѣли одного крестьянина, и, если отпускали его на волю, то умирали съ голода. Крупные вельможи были всегда очень великодушны въ отношеніи освобожденій: Я читалъ *) прекрасную книгу съ превосходными гравюрами, напечатанную въ Италіи, въ честь Черто-рижскаго прошлаго вѣка, который освободилъ 500.000 однихъ рабовъ. Другіе, менѣе богатые, иногда слѣдовали такому прекрасному примѣру, но новые владыки Польши не позволяли этого и это задержало освобожденіе крестьянъ.

Не надо давать себѣ обманываться словами. Польша съ миллиономъ дворянъ, была демократіей. Это доказываетъ намъ какъ нельзя лучше аптинатія Бонапарте къ ней.

XII.

Сраженіе при Эйлау 8 февраля 1807 г.

Наполеонъ сказалъ очень вѣрную вещь, которая объясняетъ всѣ трудности этой компаніи: «Считаютъ только четыре стихіи; но эти страны познакомили меня съ пятой—съ грязью». Правда, что Россія и всѣ сосѣднія съ нею страны къ западу, въ переходныя времена года осень и весну, почти непроходимы. Это болѣе чѣмъ что либо и остановило великую армію. Прибавьте къ этому важную осаду Данцига, на которую Наполеонъ употребилъ тридцать тысячъ человѣкъ.

*) Въ польской библіотекѣ.

Прибавьте еще обманчивыя предложенія Австріи, которую корсиканецъ Поццо сильно побуждалъ къ войнѣ, по которую возстаніе галиційскихъ поляковъ поставило бы въ очень затруднительное положеніе.

Александръ, въ войнѣ своей съ Персією и Турцією, напрасно просилъ у англичанъ въ заемъ сто двадцать милліоновъ, русскія силы были парализованы изъ за недостатка денегъ. Царь напрасно пытался придать войску религіозный характеръ, подобіе крестоваго похода, увѣряя, что Бонапарте проповѣдывалъ коранъ въ Каирѣ. Мистицизмъ этотъ казался страннымъ потому что въ числѣ русскихъ генераловъ былъ Бенингсенъ, то былъ ганноверецъ *очень мягкій* какъ говоритъ г-жа Шуазель. Фезензакъ, который въ бытность свою плѣнникомъ обѣдалъ за его столомъ, приводитъ одно слово его, доказывающее преданность и привязанность его къ королевѣ прусской. Партія королевы, тогда такъ вліятельная въ Петербургѣ, поддерживала Бенингсена, и конечно по милости ея нѣмецъ съ такою репутаціею, какъ Бенингсенъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ.

Какъ могъ Александръ, съ плѣннымъ сердцемъ его и религіозностью, вѣрившій въ непосредственное вмѣшательство Бога въ дѣла человѣческія, рискнуть ввѣрить армию свою, отвѣтственность такой великой войны въ эти **руки** обагренныя кровью и совершившія такъ недавно еще, всего пять лѣтъ тому назадъ преступленіе? Этого невозможно понять. Какъ бы то ни было, Бенингсенъ, отступавшій постоянно до 7 февраля, очутился передъ французами между Кенигсбергомъ и Эйлау и былъ принужденъ принять сраженіе. Опъ отрядилъ подъ начальствомъ генерала Лестока всѣхъ пруссаковъ, какіе были у него, для прикрытія небольшой крѣпости. Удивительно здѣсь, что Наполеонъ, въ первый разъ пзмѣнившій системѣ

которую онъ до сихъ поръ такъ блистательно проводилъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточиться и дѣйствовать массами, раздѣлилъ войска и отрядилъ Нея преслѣдовать Лестока и небольшой корпусъ пруссаковъ. Это едва не погубило его, потому что русскіе, съ изумительными натискомъ и упорствомъ, брали и отбивали нѣсколько разъ селеніе Эйлау и уничтожили центръ арміи Бонапарте. Изъ дивизіи Ожеро, составлявшей этотъ центръ, едва осталось тысяча человекъ. Русскіе съ героической отвагой дошли даже до подошвы возвышенности (кладбища Эйлау), на которой стоялъ императоръ; онъ былъ изумленъ и вскричалъ: «какая смѣлость».

Съ нимъ была гвардейская артиллерія, которая открыла огонь изъ всѣхъ орудій. Беннингсенъ поставилъ русскихъ длинными колоннами и каждый выстрѣлъ уносилъ цѣлые ряды. Наполеонъ тогда долженъ былъ пожалѣть, зачѣмъ онъ удалил Нея и не оставилъ его при себѣ. Здѣсь умѣстенъ любопытный разсказъ г. Фезензака, очень юнаго адъютанта, которому Наполеонъ далъ такъ настоятельно необходимое и важное порученіе, какъ можно скорѣе призвать Нея. Въ такой крайности этотъ ребенокъ былъ посланъ гонцомъ одинъ. Ему пришлось ѣхать вечеромъ по снѣжной пустынѣ покрытой гололедицей, не зная дорогъ; онъ не смѣлъ сказать о затрудненіи своемъ императору, такъ грозному и постоянно раздраженному. Къ счастью у него было двадцать пять лундоровъ; онъ купилъ лошадь, чтобы замѣнить свою, которая захромала; къ счастью, онъ встрѣтилъ офицера знававшего дорогу; къ счастью онъ не встрѣтилъ казаковъ. Вотъ какова предусмотрительность императора, который хотѣлъ, чтобы *счастье* служило ему, и онъ самъ ничего не дѣлалъ для того.

Это уже исторія Ватерло; та же небрежность и при извѣщеніи Груши. Но Ней счастливѣе, юный гонецъ наконецъ

прибыль и извѣстилъ его. Уже пруссаки Местокъ прибыли на поле сраженія и съ четырехъ часовъ по полудни стали въ одну линію съ Бенингсеномъ. Французская кавалерія обошла русскую слѣва. Ней напалъ съ обычнымъ натискомъ своимъ и заставилъ отступить Бенингсена, который въ хорошемъ боевомъ порядкѣ направился въ Кенигсбергъ. Это былъ великій урокъ для Наполеона, который въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ ждалъ Ней и былъ спасенъ только частыми залпами гвардейской артиллеріи, уничтожившими русскую армію. Никогда еще не было видно болѣе отвратительнаго поля сраженія. Потоки крови на снѣгѣ; Ней поднялъ плечи и сказалъ: «И все это даромъ». И самъ Наполеонъ, видя солдатъ своихъ очень пасмурными, выказалъ сочувствіе къ ихъ волненію и сказалъ: «какой бичъ война!» Живописецъ Гро передалъ слово это въ прекрасной картинѣ.

Можно сказать, что всѣ были выбиты изъ строя: отъ холода, ужаса всѣ были неспособны двигаться. Лепикъ, конный гренадеръ, человекъ желѣзный, гигантъ, искалъ на другой день непріятеля, чтобы драться, и встрѣтилъ только оставшихъ казаковъ. Французы провозгласили себя побѣдителями и остались завоевателями поля труповъ.

Вечеромъ Наполеонъ пригласилъ къ столу своему офицеровъ артиллеріи. «Какой похоронный ужинъ!» говорилъ мнѣ одинъ изъ приглашенныхъ. «Чтобы идти на ужинъ къ императору, мы проходили между двумя горами труповъ, разорванныхъ членовъ, рукъ, головъ, и это—нашихъ друзей. Никто не хотѣлъ ѣсть, это можно представить себѣ. Одно еще дополнило мѣру отвращенія, довело его до тошноты, то, что каждый развертыя салфетку, нашелъ въ ней банковый билетъ. Такова была деликатность императора. Онъ платилъ намъ деньгами за смерть нашихъ друзей. Рассказывали, что для взятія Дан-

цига Лефеврѣ получилъ пакетъ въ двадцать пять милліоновъ. А солдаты видя небольшіе свертки золота говорили: «это данцигскій шоколадъ».

XIII.

Фринландъ. Іюнь 1807. Уныніе Александра.

Императоръ Александръ говорилъ, что онъ родился для частной жизни; и дѣйствительно, великія событія его царствованія объясняются внутреннею жизнью его, которая постоянно носилась между любовью и мистицизмомъ. Наиболѣе всего удивляетъ насъ въ этой нѣмецкой душѣ, гдѣ все должно было имѣть оттѣнки, быть туманнымъ, это рѣзкій финалъ, которымъ обрывались иногда страсти его. Напримѣръ, романтическая поэзія, которая съ 1802 по 1807 г. поработила его интересамъ Пруссіи и за которую молодые друзья его, русскіе и поляки такъ мужественно упрекали его, какъ мы уже видѣли въ письмѣ Чарторижскаго,—эта поэзія внезапно прекратилась. Въ великомъ тильзитскомъ союзѣ его съ Наполеономъ не было сдѣлано ничего для Пруссіи и даже — вещь щекотливая — онъ принялъ добычу, отнятую у Пруссіи. И все это немедленно послѣ сраженія при Фридландѣ. Изумительная нравственная перемѣна, которая поможетъ объяснить военные событія такъ странныя, быстросмѣнявшіяся, темныя.

Ганноверецъ Бенингсенъ, ненавидимый русскими генералами, завидовавшими ему, сильно нуждался въ томъ, чтобы вліяніе прусской королевы продержалось еще долѣе. Отсюда тотъ религіозный обѣтъ который онъ далъ за здоровье королевы (см. Фезензака), бывшей тогда больной. Кредитъ его кончался. Это и побудило Бенингсена спѣшить, заставило его

измѣнить мудрой системѣ медлительности, которою онъ думалъ, «истощить силы, *перепилить* Бонапарте». Прибавьте къ этому что русскіе, гордясь великимъ мужествомъ, какое они показали при Эйлау, негодовали на то, что были принуждаемы этимъ нѣмцемъ держаться оборонительной войны, и еще войны очень несчастной: они только что потеряли Данцигъ и конецъ этой осады прибавлялъ къ наполеоновской арміи еще тридцать человѣкъ. Русскіе солдаты, недовольные генераломъ нѣмцемъ, упавшіе духомъ и дурно кормленные, находясь такъ близко отъ границы, дезертировали — дѣло рѣдкое и искали пріюта у крестьянъ *).

Бенингсентъ, утративъ Данцигъ и за неимѣніемъ крѣпостей, окопался въ своемъ лагерѣ подъ Гейльсбергомъ и поставилъ сильныя траншеи; но онъ не могъ сдѣлать достаточные запасы провіанта. Тогда этотъ осторожный человѣкъ принялъ совершенно противоположную методу, сдѣлалъ суворовскій шагъ и поставилъ русскихъ въ положеніе, въ которомъ они выказали всю храбрость свою. Обѣ арміи слѣдовали одна противъ фаса другой по обѣимъ берегамъ рѣки. Наполеонъ, противъ обыкновенія своего и, конечно, соображаясь съ мѣстными условіями, заставлялъ дефилировать различные корпуса арміи своей на очень большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Русскіе увидѣли одинъ изъ корпусовъ, проходившій почти особнякомъ. Это подало имъ надежду захватить его и они кинулись на него. То былъ корпусъ Нея. Генералъ этотъ, вообще такъ пылкій, теперь выказалъ необычайное хладнокровіе и стойко принялъ натискъ; вскорѣ подоспѣла помощь. Французы, въ свою очередь, стали преслѣдовать русскихъ, но были съ урономъ отбиты отъ укрѣпленнаго лагеря въ Гейльсбергѣ.

*) Гарденбергъ т. IX, стр. 416.

На другой день русскіе захотѣли отрѣзать корпусъ Лацна и это очень необдуманно, раздѣливъ свою армію, одна половина которой въ тылу своемъ имѣла рѣку. Наполеонъ не могъ повѣрить такой дерзости; у русскихъ не было другого пути отступленія кромѣ Фридланскаго моста. Бросили Нея на встрѣчу и, хотя русская гвардія сопротивлялась и на мигъ поколебала его, Ней и Дюпонъ захватили плававшій Фринландъ. Тамъ началось общее бѣгство, страшный безпорядокъ, въ которомъ давили другъ друга, спасаясь единственнымъ путемъ. Въ цѣломъ, двадцать тысячъ русскихъ выбыло изъ строя и десять тысячъ французовъ.

Бѣдствіе было велико, но я думаю, что Александръ преувеличилъ значеніе его, онъ неблагоразумно приказалъ защищать берега Нѣмана татарами, что заставило думать, будто великая Россія была обезоружена, если прибѣгали къ слабому оружію, лукамъ и стрѣламъ варваровъ этихъ. Онъ выказалъ и при Аустерлицѣ ту же склонность быстро отчаяваться. Здѣсь онъ терялъ болѣе. Англичане отказывали дать денегъ и шестьсотъ тысячъ человекъ русской милиціи не могли быть собраны.

Всѣ эти несчастія обрушились на него изъ источника, указаннаго Чарторижскимъ. Призванный Пруссіей, признанный ею какъ защитникъ и какъ вершитель судебъ Европы, Александръ далъ личному вліянію увлечь себя, но и это всегда очень недѣйствительно. При Аустерлицѣ онъ поздно пришелъ и сражался, когда войско не было въ полномъ составѣ; онъ пришелъ слишкомъ поздно на помощь Пруссіи, послѣ Іены, когда было все погублено; и оба великія сраженія при Эйлау и Фриндландѣ не только не поправили ничего, но еще открыли врагу Польшу. Раздраженный противъ самого себя и своихъ ошибокъ, онъ былъ тоже недоволенъ Англіей и даже немного Пруссіей, несчастія которой принесли и ему не-

счастья. Наконецъ, онъ находился въ томъ странномъ состояніи, когда злобно отрекаются ото всего, что прежде привлекало, и когда любятъ друзей своихъ менѣе чѣмъ враговъ.

XIV.

Тильзитъ. Раздѣлъ европейскаго міра 1807.

Тріумвиры Рима собрались на одномъ островѣ, порѣшили какъ говорятъ, раздѣлъ римскаго міра. То было дѣломъ безумнымъ. Однако въ немъ было хоть это благовидное: по крайней мѣрѣ они дѣлили міръ хорошо извѣстный и въ то время очень свѣтлый, бывшій у нихъ подъ рукою. При Тильзитскомъ дѣлежѣ было совершенно другое дѣло: Бонапарте дѣлилъ міръ, котораго онъ не зналъ. Онъ совершенно не зналъ громадныя массы Россіи, на которыя ему пришлось натолкнуться. Онъ зналъ мало Польшу, изъ которой могъ бы извлечь пользу; не болѣе того зналъ онъ и великую Германію, которую онъ раздавилъ, которую выжималъ вплоть до Лейпцигскаго отмищенія.

Но была еще страна, которую онъ зналъ еще менѣе, что бы о томъ ни говорили — то была Франція сама. Въ ней жила странная двойственность. Дѣло странное и однако неоспоримое. Въ то время, когда Франція, полная дѣятельности, брошенная имъ въ арміи, слѣдовала за нимъ съ боевою яростью, которую можно было еще считать энтузіазмомъ, огромное большинство Франціи, рабочая Франція смотрѣла на него, какъ онъ выкидывалъ свои рискованныя акробатическія штуки, и каждый годъ ожидала, что онъ упадетъ съ натянутого каната, и каждый разъ говорила: «какъ? Все еще не кончено?» Чего же онъ хотѣлъ на самомъ дѣлѣ? Цѣлую жизнь

онъ мечталъ завоевать востокъ. Казалось, онъ воображалъ, что завладѣвъ Турцію, онъ черезъ Персію дойдетъ прямо до англійской Индіи. Онъ не принималъ въ расчетъ огромныя разстоянія. Однако въ Тильзитѣ онъ болѣе узналъ русскія силы и потому не сталъ вычеркивать ихъ такъ рѣшительно и предложилъ раздѣлъ Турціи. Но когда онъ увидѣлъ, что царь согласился на это безъ труда, онъ понялъ, что заключилъ невыгодный торгъ и что Россія возьметъ все.

Тогда онъ вдругъ повернулъ въ другую сторону и благодаря великой силѣ воображенія своего, принялся мечтать объ Испаніи вмѣстѣ съ Португаліей, объ испанской Америкѣ, рудникахъ Потозы, — такъ Наполеонъ III бралъ Мексику. Александръ просилъ перемирія. Наполеонъ просилъ свиданія. Онъ надѣялся плѣнить, ослѣпить Александра, привести какою бы то ни было цѣною къ великой цѣли, бывшей его мечтою, страстью, къ отреченію отъ союза съ англичанами, къ закрытію русскаго міра для англійской торговли. Онъ рассчитывалъ буквально обойти, обольстить Александра, испытать надъ русскимъ царемъ то обаяніе, которое всегда было приуще ему.

Но было многое, что должно было ослаблять обаяніе это. Въ Наполеонѣ была дисгармонія, фальшивыя ноты; онъ былъ неумѣренъ въ жестахъ и словахъ, часто напыщенъ, часто тривиаленъ, какъ то говорилъ авторъ написавшій лучшій портретъ его, г. де Прадтъ, который называлъ его Юпитеромъ Скапеномъ. И въ самомъ дѣлѣ, тотъ у кого достало бы хладнокровія хорошо разсмотрѣть его, не думая о славѣ его, увидѣлъ бы, что онъ принималъ въ инныя минуты тонъ фальшивый, кричащій и пошлый, который встрѣчаютъ только у жалкихъ комедіантовъ.

Со всѣмъ этимъ онъ сохранилъ еще въ 1807 ту черту,

тотъ даръ, который составилъ всю его карьеру—южный ѣдкій блескъ. Но развѣ свойство это исключительно принадлежало ему, а не другимъ южанамъ тоже? Массена, равный ему по военнымъ талантамъ, очень рано отождествился съ якобинскою Франціею и казался неотесаннымъ грубіяномъ. Напротивъ, беарнецъ Бернадотъ и былъ и уже слишкомъ смотрѣлъ человѣкомъ тонкимъ. У Бонапарте былъ недостатокъ: онъ говорилъ какъ нельзя хуже по французски и даже по итальянски *). Это заставило сначала Барраса, а потомъ Карно думать, что онъ не можетъ пойти далеко и потому покровительствовать ему. Онъ очень долго сохранилъ эту манеру говорить. Но въ 1807 г. онъ уже мало сохранилъ слѣдовъ итальянскаго происхожденія своего. Излеченный отъ нахожной болѣзни, которою онъ страдалъ очень долго, онъ начиналъ жирѣть, цвѣтъ лица бѣлѣлъ, и вообще лицо его становилось болѣе французскимъ. Но онъ уже утратилъ прежній огонь свой, ту «остроту крови», благодаря которой, какъ онъ говорилъ, онъ одерживалъ побѣды. Теперь онъ воистину начиналъ опускаться.

Если судить по сраженіямъ при Эйлау и Фридландѣ, то хотя послѣднее и было большою побѣдою, все же можно сказать, что онъ начиналъ слабѣть. По гордости или небрежности, онъ не выказалъ большой предусмотрительности и, если онъ окончилъ побѣдой, то потому что исправилъ свои планы,

*) Здѣсь я не могу не привести замѣчаніе очень справедливое и тонкое г. Альфреда Мишлэса. Что языкъ есть для насъ свѣтъ и получаетъ извѣстную силу отъ свѣто-тѣней. Мы гораздо болѣе впечатлительны для языка, который мы понимаемъ наполовину; когда мы его вполне изучимъ, то обаяніе отчасти исчезаетъ. Иностранецъ, который старается говорить нашимъ языкомъ, находитъ нерѣдко вслѣдствіе самаго безсилія своего, формы, которыя правятся новизною и странностью. Такъ было и съ Бонапарте, и это, даже въ очень поздній періодъ его жизни, придавало ему обманчивую оригинальность, видъ человѣка, рѣзавшаго на прямякъ, человѣка энергической откровенности.

спохватился во время. Онъ самъ говорилъ: «Я старъ, Александръ моложе и воспользуется». Одно оставалось въ немъ очень сильнымъ и, къ несчастью, то не была его превосходная положительная черта—серьезное вниманіе ко всѣмъ подробностямъ, которое онъ выказывалъ во всѣхъ войнахъ Италии, то было воображеніе все болѣе и болѣе преувеличивавшее и лживое, которое должно было, наконецъ, увлечь его, низвергнуть въ пропасть.

Воображеніе это заставило его принять для свиданія предосторожности, которыя были признаны чрезмѣрными. Онъ не осмѣлился ѣсть у Александра. Одинъ разъ всего онъ спросилъ чаю, но не выпилъ его. Александръ не разсердился за эту обидную осторожность и ѣлъ нѣсколько разъ у Наполеона. Послѣдній видѣлъ около Александра Бенингсена, виновнаго, по рассказамъ пруссаковъ, въ кровавомъ преступленіи. Разумѣется, Александръ не приказалъ бы преступленія. Но Наполеонъ опасался, что который нибудь изъ такихъ ревностныхъ слугъ можетъ принести и его въ жертву. Александръ, вознегодовалъ бы, оплакалъ бы Наполеона, но призналъ бы въ этомъ персть Божій, месть за смерть герцога Энгиенскаго. Таково мышленіе мистиковъ.

Возвратимся къ Тильзиту. Наполеонъ приказалъ нашимъ войскамъ кричать: «Да здравствуетъ царь!» и пораженный красотою Александра вскричалъ: «Аполлонъ!» Онъ тѣмъ увѣреннѣе думалъ, что эта прекрасная и женственная наружность ручалась ему въ томъ, что Александръ легко поддастся его обаянію и не будетъ противиться планамъ его. Александръ началъ словами, которыя, онъ зналъ, будутъ болѣе всего пріятны: «Я ненавижу англичанъ столько же, сколько и вы».

«Если это такъ, то міръ заключенъ», отвѣчалъ Наполеонъ. Съ этихъ минутъ, казалось, изліянія новой дружбы

не знали границъ. И побѣдитель самъ предлагалъ все. Во первыхъ: нѣтъ болѣе Польши за исключеніемъ небольшого герцогства Варшавскаго, отнятаго у Пруссіи и переданнаго нѣмцу, королю саксонскому. Александръ допустилъ новаго друга своего, такъ великодушнаго, дать ему наиболѣе драгоценную добычу, отнятую у союзника Александра же—у Швеціи. Финляндія, которую такъ желала взять Россія со временъ Петра I, считавшая ее приобрѣтеніемъ наиболѣе желательнымъ и необходимымъ для защиты Петербурга—Финляндія, эта скала гранита стоящаго брильянта, была, съ согласія Александра, отнята у союзника его и подарена ему врагомъ его, Наполеономъ.

Правда, что Наполеонъ, съ своей стороны, за то предаль ему друзей своихъ на востокъ. Онъ обѣщалъ не защищать Персію, возставшую на Турцію, нашу самую старинную союзницу, которую онъ обѣщалъ еще вчера защищать. Россія возьметъ у Турціи два княжества, Молдавію и Валахію, т. е. Дунай. «А если Турція не отдастъ?» Ну что же, тогда возьмутъ и самую Турцію. И все это за обѣщаніе, сдержать которое такъ трудно, «что Александръ затворитъ Россію для англійскихъ товаровъ». А Франція, что же возьметъ она? За нею признавали только то, что было уже у нея въ рукахъ: Голландію, Неаполь, небольшое королевство Вестфальское, наконецъ, Римъ, который Бонапарте беретъ у папы, и сверхъ того Португалію, которую онъ хочетъ занять войскомъ и уже держитъ въ рукахъ своихъ.

Легкомысліе Бонапарте доказывается тѣмъ, что всѣ гигантскіе замыслы его внезапно измѣнились и въ самомъ существенномъ. Приближенные доказали ему какъ нельзя лучше, что Турція такъ далекая отъ него, такъ близкая къ Россіи, будетъ сначала раздѣлена только для вида, но на самомъ дѣлѣ

вскорѣ будетъ принадлежать одной Россіи. Онъ понялъ это и тогда обратился въ Испаніи, обширному государству, значительная часть котораго, находящаяся за морями, должна была навсегда остаться недоступной для него, а европейская—вступить съ нимъ въ упорную борьбу, которую онъ тогда ничуть не предвидѣлъ. Думаютъ, будто Наполеонъ не скрылъ эту переѣну плановъ, не дѣлалъ тайны изъ своихъ видовъ на Испанію и тѣмъ болѣе разсѣялъ сомнѣнія Александра на счетъ замысловъ его о завоеваніи востока и далъ русскому императору полную свободу питать усиленные надежды. Какъ мы уже сказали, Наполеонъ давалъ, Александръ обѣщалъ. Наполеонъ самъ обошелъ себя.

XV.

За кулисами Тильзита. Какъ зараждавшееся сопротивление пользовалось ослѣпленіемъ Бонапарте.

Александръ, прибывшій въ Тильзитъ встревоженнымъ, колеблющемся, долженъ былъ скорѣ увидѣть, что, при страсти владѣвшей Наполеономъ, онъ, Александръ, былъ господиномъ положенія. Пароксизмъ желанія маніака, позволявшій Наполеону видѣть только одинъ предметъ — Англію изгнанную съ континента—ярость эта сдѣлала его очень сговорчивымъ на счетъ одного пункта, который повидимому былъ очень близокъ сердцу русскаго царя: *сохраненію Пруссіи*, правда обрѣзанной, введенной въ тѣсныя границы чисто прусскихъ владѣній. Александръ, который два раза не могъ исполнить обѣщаній своихъ, ни сдержать клятву данную королевѣ на могилѣ Фридриха,—Александръ сможетъ ли получить отъ раздраженного побѣдителя іенскаго смягченіе смертнаго приговора,

который тотъ несъ Пруссіи? Это было невѣроятно. Въ интересахъ Наполеона такъ была очевидна необходимость не оставлять Англіи такую опасную точку опоры, которая можетъ со временемъ служить на то, чтобы поднять Германію. Но гордость побѣдителя, презрѣніе его къ слабому врагу и болѣе всего желаніе его привлечь на свою сторону Александра заставили его уступить въ дѣлѣ, которое казалось ему дѣломъ простой страсти, воспоминаніемъ сердца. Александръ въ этомъ дѣлѣ выказалъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ: тонкимъ, кроткимъ, хитрымъ. Чтобы увѣрить Наполеона въ томъ что, вполне преданный новому другу своему, онъ немного дорожитъ этою связью съ Пруссіею, связью бывшею однимъ воспоминаніемъ, онъ принялъ отъ Наполеона небольшой клочекъ земли, оторванный отъ прусской Польши.

Это могло казаться не деликатнымъ, но въ то же время доказывало, какъ мало онъ имѣлъ вниманія къ Пруссіи и потому должно было успокоить Наполеона и заставить его думать, что разрывъ между Пруссіею и Россіею былъ окончательнымъ. Послѣ этихъ переговоровъ въ Тильзитѣ пріѣхали король и королева прусскіе. Мужественная королева не колебалась ради государства своего и короля пріѣхать на это свиданіе, отъ котораго бѣжала бы всякая другая женщина. Съ довѣрчивостью и смѣлостью, какія придаетъ красота, она ужинала рядомъ съ Наполеономъ. Гордость ея манеры, очень ясно обнаружившая мысли ея, могла бы все испортить. Наполеонъ предложилъ ей розу, она смѣло спросила: «Это Магдебургъ?» И требуя этотъ важный военный постъ, арсеналь Пруссіи, она имѣла такой видъ, какъ будто уже приготовляла отмщеніе за Іену и говорила: «Съ этою розою дайте мнѣ лезвее, чтобы я могла прснзить вамъ сердце».

Однако Наполеону указывали уже на странныя перемѣны,

которыя Пруссія со времени пораженія вводила въ провинціяхъ удержанныхъ ею. Партія дворянъ (молодые офицеры), которыхъ буржуазія жестоко обвиняла въ пораженіи при Іенѣ, оказалась такъ слабой, что не могла помѣшать революціи очень разумно буржуазной, которая вдругъ совершилась. Спѣшили. Все дѣло произошло, если можно такъ выразиться, украдкой и подъ глазами непріятеля. Въ два мѣсяца одинъ человекъ, Штейнъ, бывший чиновникъ Фридриха, путешествовавшій по Англіи, сдѣлалъ эти великія перемѣны. Ему дали такую власть, какой до него не имѣлъ ни одинъ человекъ; ему ввѣрили вмѣстѣ и внѣшнія и внутреннія дѣла. Сосѣдство Варшавы, заразительность французскихъ реформъ принуждали сдѣлать что нибудь *). И можно было произвести реформы безъ малѣйшей опасности; народъ не былъ нисколько революціоннымъ: онъ любилъ короля, какъ личность благосклонную и безвредную.

И такъ могли сдѣлать всякую реформу, муниципальную и гражданскую, и всегда во имя короля. Бюргеры получили право покупать имѣнія. Съ 1810 крѣпостное право было уничтожено. Старыя муниципальныя корпораціи, корыстныя и несмѣняемыя, которыя увѣковѣчивали себя въ доходныхъ привилегіяхъ, были замѣнены муниципалитетами безплатными, избираемыми ежегодно подъ предсѣдательствомъ королевскаго инспектора и имѣвшими во главѣ своей двухъ бургомистровъ, съ условіемъ, что одинъ изъ нихъ назначался королемъ. Такъ для того, чтобы дать народу ручательство противъ дворянъ повсюду выдвигали короля, какъ защитника гражданской свободы. Однако можно было предвидѣть уже то, что впоследствии все болѣе и болѣе стало явнымъ, что, лишь только

*) Гарденбергъ т. IX стр. 463.

пройdetъ опасность, королевство не только будетъ за одно съ дворянствомъ, но даже создать другое дворянство, менѣе древнее и болѣе надменное.

Въ тоже время новый военный министръ, ганноверецъ Шарнгорстъ, открылъ буржуазіи высшіе чины въ арміи и уничтожилъ всякое освобожденіе отъ военной службы. При этомъ словѣ—армія, агенты Наполеона, Даву, Дарю настояжили все таки уши. И что же? Пруссія, которая по договору не могла содержать болѣе 49.000 войска, придумала систему короткихъ сроковъ и, такимъ образомъ, безпрестанно замѣняла обученныхъ рекрутъ новыми и въ немногіе годы успѣла образовать армію въ 200.000 для лейпцигскаго сраженія. Какъ могъ Наполеонъ не видѣть этого? Онъ говорилъ: «Нужно много времени на то, чтобы обучить этихъ пѣмцевъ и сдѣлать изъ нихъ солдатъ». Вся предусмотрительность агентовъ его ограничилась требованіемъ изгнанія Штейна, который нашелъ убѣжище въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поле болѣе обширное и грозное для эксплуатаціи.

Перенесенный на эту сцену, Штейнъ, какъ истинный политикъ, мѣнялъ свои средства. Съ одной стороны, за одно съ Арндтомъ и нѣмецкими раціоналистами, онъ организовалъ тугендъ-бундъ, который вмѣстѣ съ гимнастикой проповѣдывалъ померанецъ Янъ,—ассоціація непризнанная королемъ и однако работавшая для него. Но съ другой стороны, Штейнъ, найдя на сѣверѣ *иллюминатовъ*, сошелся съ ними, какъ говорить соотечественникъ и другъ его, Гарденбергъ, и отдался подъ покровительство вдовствующей императрицы.

Въ то время, какъ въ Пруссіи воспитаніе молодыхъ людей обращалось въ приготовленіе мощной военной машины для будущаго, въ Россіи реакція готовила машину не менѣе страшную. Вдовствующая императрица, которая еже-

годно запиралась въ погребальномъ склепѣ Павла и постоянно терзалась скорбью о смерти его, захотѣла (какъ доброе дѣло, которое должно было умиротворить ее) создать институтъ для пятисотъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, воспитанныя въ извѣстной системѣ и сдѣлавшись потомъ женами и матерями, распространили бы антифранцузскіе принципы въ обществѣ. Тѣ, которые знаютъ насколько сильно вліяніе женщины въ Россіи, хорошо поймутъ значеніе этого великаго орудія *).

*) Я переношу это въ настоящій срокъ 1807 г., а г. Ланфрэ говоритъ, что это было послѣ испанскихъ дѣлъ (Байленъ).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**Антрактъ послѣ Тильзита. Бѣглый обзоръ земнаго шара.
Расы. Черная республика.**

Въ короткій промежутокъ времени, отдѣлявшій свиданіе при Тильзитѣ и страшныя кровопролитія въ Испаніи, при Ваграмѣ и подѣ Москвой, настала минута передышки, я хочу сказать, остолбенѣнія, когда Европа казалось поняла, какія великія бѣдствія должны были обрушиться на нее, поняла что изъ этого лживаго мира, когда два колосса обнимались повидимому братски, выйдетъ нѣчто зловѣщее, какая нибудь великая катастрофа. Человѣчество безмолствовало. Я хочу воспользоваться этимъ мигомъ безмолвія и, переступя границы Европы, заглянуть въ даль и дать слово естественной исторіи.

Конечно, еслибъ душа земли и геній планеты, которые такъ часто говорятъ только въ лицѣ Европы—черной точки на сѣверо-западѣ,—еслибы они выражались во всей общности и величій своихъ, то могло бы очень легко случиться что все то, что мы называемъ нашими великими событіями, заняло бы второе мѣсто. Для земли самой великія событія тѣ, ко-

торыя, въ отдаленныя времена, породили новыя виды животных *) и которыя въ наше время выдвигаютъ на видное мѣсто въ исторіи человѣческой расы.

Сильно дѣйствующія растенія, которыя усиливаютъ или ослабляютъ дѣятельность человѣческую, должны быть упомянуты въ хорошемъ ли, въ дурномъ ли смыслѣ въ исторіи. Я говорю, объ алкоголическихъ растеніяхъ, о средствахъ возбуждающихъ нервную систему, какъ то: сахаръ, виноградъ, кофе, или противоположныхъ имъ: опиумъ, табакъ. Великія силы, изъ которыхъ каждая появленіемъ своимъ производила энергическую революцію, усилившую или ослаблявшую силы наши.

Я говорю тоже о великихъ бичахъ, объ эпидемическихъ болѣзняхъ, умножающихъ годъ отъ году причины смертности. Такъ холера, замѣченная первый годъ въ Бенгаліи при устьѣ Гангеса въ 1817, пошла далѣе и явилась въ Парижѣ только въ 1832. Такъ желтая лихорадка, vomito negro, мало извѣстная въ прошедшемъ вѣкѣ, разразилась въ нашемъ и въ первый разъ появилась въ Европѣ только въ Испаніи, въ Барселонѣ. Какъ бы ни была равнодушна Европа ко всему происходящему въ обширномъ мірѣ земли, по крайней мѣрѣ, смерть грозно напоминаетъ ей о немъ. Великія эпидеміи кажутся могильными голосами напоминающими намъ объ общей солидарности обитателей планеты.

*) Пусть холодныя и индифферентныя умы улыбнутся, но и тѣмъ не менѣе въ числѣ великихъ событій земли поставлю то жестокое избиеніе китовъ, какое происходило въ особенности въ прошломъ вѣкѣ,—этѣхъ колоссовъ морей и однородныхъ съ нами, потому что и у нихъ, какъ и у насъ, есть кровь и молоко. Моря были буквально окрашены кровью отъ этой безумной бойни, въ которой растратили и уничтожили столько богатства и, которую земной шаръ лишился породы эгихъ, по росту по крайней мѣрѣ, бывшихъ на планетѣ самымъ величественнымъ проявленіемъ жизни. См. Ласенеда и др. натуралистовъ.

За то, если въ одни мгновенія кажется будто смерть преобладаетъ, въ другія жизнь сіяетъ или умноженіемъ нѣкоторыхъ расъ, или усиленіемъ дѣятельности ихъ, наконецъ, нѣкоторыми скрещиваніями, выдвигающими ихъ на видъ. Но все это, быть можетъ, есть только слѣдствіе невѣжества, исключительнаго вниманія, сосредоточиваемаго столько времени Европою на себѣ самой, и пренебреженія ея къ другимъ расамъ, существовавшимъ во всѣ времена такъ же, какъ существуютъ онѣ и въ наше время. Смотрите въ Оивахъ памятники Рамзеса II (Сезостриса) такъ удивительно выразительные*). Расы эти несравненно болѣе многочисленны нежели наши, которыхъ считаютъ милліардами; сверхъ того онѣ гораздо брѣвче нашихъ и сопротивляются бичамъ эпидемій, уничтожающихъ насъ. Уже этимъ однимъ черныя, желтыя и мѣднокрасныя расы должны быть рано или единственными жителями и обладателями наиболѣе богатыхъ странъ міра, того гибельнаго рая, гдѣ прекращается дѣятельность наша всякаго рода, куда мы являемся для того только, чтобы чахнуть и умереть.

Вообще говорятъ очень мало о коричневой расѣ, такъ промышленной—расѣ низшихъ кастъ Индіи, огромнаго большинства населенія ея. Многіе изъ выходцевъ ея проникли и въ Европу и извѣстны тамъ подъ очень невѣрнымъ именемъ цыганъ (*zingaris, bohémiens*). Ученый, знающій дѣло и скромный, г. Батальяръ, посвятилъ себя исторіи этого темнаго люда. Весьма вѣроятно, кабирь, кабилы и др. были развѣтвленіями его въ Самооракин, Атласъ и пр. Эта коричневая раса заключающая въ себѣ наиболѣе презираемыя касты, можетъ наслѣдовать Индію, гдѣ европейцы не живутъ и гдѣ высшія касты, со времени Кляйва до великаго возмущенія

*) Шампольонъ, Ленсиусъ и др.

1857 г. въ продолженіе цѣлаго вѣка, носили на себѣ болѣшую часть бремени общественныхъ бѣдствій. Коричневая раса выжила и выживетъ. Великіе бичи Индіи, культъ смерти, холера, появившаяся въ 1817 году у устьевъ Ганга уменьшили число ихъ очень нечувствительно. Это работники трезвые до того, что довольствуются такимъ низкимъ минимумомъ, котораго ничто не можетъ ни уменьшить, ни понизить, и вотъ почему все скользитъ по нимъ. Они по прежнему работаютъ для крупныхъ рынковъ Азіи—Явы и Бассоры самой. Настоящая опасность для нихъ заключается въ томъ, чтобы европейцы, узнавъ произведенія ихъ и крайнюю дешевизну ихъ рабочихъ рукъ, не навязали имъ плохіе вкусы Европы, не исказили бы и не погубили индійское искусство *).

Желтая раса, такъ многочисленная и трудолюбивая, обладаетъ тысячею родовъ искусства причудливо-изящныхъ и тонкихъ, въ особенности гончарнымъ, образцы котораго варварскій грабежъ большаго китайскаго музея распространилъ повсюду. Изобиліе и относительная дешевизна подають надежду, что отвратительныя поддѣлки Европы не одержать верхъ и не погасятъ искусство Азіи. Съ давнихъ временъ уже миссіи познакомили насъ съ желтою расою, обезображивая ее. Голландцы съ привычками ихъ къ осторожности, съ узкою монополіею, познакомили не лучше. Англичане, болѣе осторожные и хозяева Явы съ 1810, позже конторами своими въ Каптонѣ и Сингапурѣ, и въ особенности важною торговлею опиумомъ, открыли для себя китайскую имперію. Наконецъ Европа ворвалась въ него и научилась понимать его. Японцы, умные и энергичные, представляютъ желтую расу въ новомъ видѣ.

*) Области недавно завоеванныя лучше сохранились, но Кашемиръ уже упадаетъ, проникается дурнымъ европейскимъ вкусомъ, тяжеловѣсностью лондонскаго и капризами парижскаго.

Еслибы китайцы эмигрировали съ своими семействами, то дешевизна и драгоцѣнныя качества ихъ, какъ работниковъ, могли бы навести ужасъ на Европу. Крайнее отвращеніе расъ замедляетъ переселеніе ихъ въ Америку.

Негръ есть тайна. Очень долго думали, что это особая раса. Но свѣдѣнія, какія мы начинаемъ приобрѣтать объ Африкѣ, даютъ намъ право думать, что это видоизмѣненіе черной расы, преимущественно населяющей западную Африку. На востокѣ, со стороны Абиссиніи, черная раса очень красива и, за исключеніемъ цвѣта кожи, похожа на бѣлыя расы и даже обладаетъ условіями прочности и не измѣняющейся красоты, которыя повидимому исключаютъ старость, какъ то говорили Геродотъ и многіе современные писатели, Шальо и др. Но по мѣрѣ приближенія къ сырмъ поясамъ запада, говоритъ Ливингстонъ, встрѣчаютъ болота, рѣки, множество земноводныхъ животныхъ, какъ-то гиппопотамовъ, животныхъ съ раздутыми формами и безобразно губастыми. Губы, какъ мягкія части, и затѣмъ животъ, первыя обезображиваются чудовищною вздутостью; мозгъ уменьшается въ той же мѣрѣ, какъ увеличивается вздутость эта. Отсюда эти странныя формы, напр. гориллы, а въ человѣческой породѣ—негритянскія расы, сонныя или судорожно подвижныя, какъ обезьяны. Древніе памятники Египта передавали превосходно странныя фигуры эти въ плѣнникахъ и рабахъ Сезостриса-Рамзеса II.

Быть негромъ слова эти означаютъ не столько расу, сколько настоящую болѣзнь, исцѣленіе которой черезъ извѣстный промежутокъ времени совершалось переселеніемъ въ другой климатъ. Уже негры родившіеся въ Америкѣ, имѣютъ менѣе черный оттѣнокъ кожи и становятся замѣтно коричневыми. Свобода и культура изглаживаютъ мало по малу скотоподобіе и приближаютъ чернокожую красоту не къ строгой

красотѣ Эііопіи, но въ граціи и трогательной нѣжности Европы *). Что же касается даровъ ума, то достаточно назвать величайшаго импровизатора Европы, Александра Дюма и такъ многихъ неустрашимыхъ и искусныхъ полководцевъ. Но наиболѣе сильно и характерично въ этой расѣ одно—это перемѣна произошедшая въ продолженіе полувѣка въ цѣломъ обществѣ этомъ, которое должно было все создавать, даже обновлять физическія условія свои и сдѣлаться, путемъ изумительнаго превращенія, такъ сказать, новою расою. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если съ нѣкотораго времени великое движеніе это остановилось.

Да хранить Богъ Гаити и сохранить ему свободное, самопроизвольное движеніе его! Пусть европейцы и сѣвероамериканцы воздержатся и не наложатъ на него тяжелую руку свою, которая, подъ предлогомъ улучшенія и прогресса, испортитъ все и сдѣлаетъ изъ этой оригинальной страны такой же простой штатъ янѣи, какъ и многіе другіе въ великой американской республикѣ. Это прекрасный опытъ, который не должно подавлять при самомъ началѣ его. Отцы негровъ этихъ такъ много страдали, что на насъ лежитъ въ отношеніи геройски освободившихся сыновъ долгъ уважать свободу ихъ. Сверхъ того, Европа вполнѣ обязана слѣдить съ интересомъ за тѣми, которые, бывъ въ 89 г. рабами, родились

*) Квартеронки, въ ранніе годы съ нѣсколькими лиловатымъ румянцемъ, легко затмѣваютъ самыхъ блестящихъ красавицъ Европы. У мулатовъ мы находимъ наиболѣе красивыхъ дѣтей въ мірѣ, съ тонкими чертами, тонкимъ носомъ и классическимъ профилемъ. Я видѣлъ маленькихъ Б... и дѣвицу Г.... дочь историка Гаити, отличавшуюся пикантной парижской красотой. Но наиболѣе оригинальной показалась мнѣ красота одной дѣвицы, (*трифъ*—помѣсь самаго темнаго оттѣнка) дочери М. М.... гаитскаго посланника въ Испаніи и извѣстнаго лѣтописца своей родины. Эта оригинальная красота полная прелести, пикантной и робкой гайнственности, и дикости полной очарованія заставляла воскликнуть съ перваго взгляда на нее: «Прекрасна какъ ночь!»

внезапно не отъ библейской и протестанской революціи, но отъ философіи самой, отъ ученія о правахъ человѣка, которое Франклинъ, Пайнъ и Джефферсонъ приняли отъ Франціи XVIII вѣка. Книги ихъ—книги нашихъ учителей; въ особенности Дидеро, который—что такъ сильно чувствуется въ книгѣ Рэйналя, полной смѣси,—совершилъ эту революцію и возрожденіе черной расы.

Книга эта, полная напыщеннаго паѳоса и декламациі, а мѣстами краснорѣчія и искренняго чувства, была евангеліемъ чернаго міра. Рэйналь, судя по очень немногимъ портретамъ его, которые я всѣ видѣлъ, смотритъ молодымъ человѣкомъ съ краснымъ лицомъ, полнокровнымъ, необузданной натуры и экзальтированнаго темперамента. Путешествуя по Швейцаріи, онъ былъ крайне удивленъ тѣмъ, что не видѣлъ памятника Вильгельму Теллю; онъ взялся за это и, хотя былъ очень небогатъ, поставилъ на островѣ Люцернскаго озера памятникъ Теллю вышиною въ пятьдесятъ футъ. Когда онъ готовилъ великій трудъ свой «Исторію европейскихъ учрежденій въ обѣихъ Индіяхъ», онъ часто ходилъ подогрѣвать жаръ свой у пламеннаго очага—Дидро. Послѣдній, истый волканъ, давалъ ему не только искры, чтобы освѣтить предметъ его, но цѣлыя страницы, настоящіе потоки лавы, жара нѣсколько декламаторскаго, но истины, увы! слишкомъ неопровержимой, объ этой страшной Іліадѣ бѣдствій двухъ свѣтовъ, Старого и Новаго. Книга эта, самыми недостатками времени своего, имѣла громадное вліяніе. Ее читали, ее распространяли даже тѣ, кого она обвиняла! Можно сказать, что въ этомъ вѣкѣ Франція говорила за весь міръ; книга Рэйналя имѣла на черныи міръ то вліяніе, какое Эмиль Руссо имѣла на Европу.

Въ Сенъ-Доминго колонисты наши, важные сеньеры ни-

сколько не предвидя то, что должно было произойти, были апостолами Рэйналя, такъ же какъ и Руссо. Герои мулаты, которые, какъ Оже, опираясь на декреты собранія, осмѣлились первые говорить о свободѣ и запечатлѣли кровью своею требованіе свое, видѣли въ Рэйналѣ евангеліе. Рэйналь былъ евангеліемъ негра Туссена Лувертюрь, которому вѣроятно книгу эту далъ г. Байу де Либерта, молодой господинъ его. Туссенъ былъ рабомъ, по крайней мѣрѣ пятидесятилѣтнимъ, очень уважаемымъ, очень разумнымъ, умѣвшимъ кое-какъ читать. Сперва онъ былъ пастухомъ и потому смыслилъ кое-что въ леченіи скота. Онъ сдѣлался правой рукой въ плантаціи; вообще онъ былъ задумчивъ, созерцатель, и читалъ по очереди библію и Рэйналя. Онъ былъ сверхъ того человѣкомъ расчетливымъ и очень осторожнымъ. Это именно и отличаетъ его отъ прочихъ основателей черной республики, генераловъ Риго, неустрашимого льва Кристофа и др. И въ хорошемъ и въ дурномъ ему приписываютъ многое сдѣланное другими. Прекрасные историки Гаити гг. Гардуэнъ и Мадіу хорошо познакомили насъ съ нимъ.

Нѣкоторыя интересныя подробности однако, находятся только въ небольшой книгѣ, хвалить которую мнѣ запрещено, но которую впрочемъ хвалила пресса и Франціи и Европы. Г-жа Мишле въ «Запискахъ дѣвочки» рассказываетъ, что отецъ ея, бывшій въ то время молодымъ человѣкомъ, хотя великодушное сердце заставило его стоять за черныхъ, едва не былъ разстрѣлянъ ими по ошибкѣ. Туссенъ пощадилъ его и взялъ сначала наставникомъ къ сыну своему, а потомъ къ себѣ секретаремъ. Какъ ни былъ недовѣрчивъ Туссенъ, но ради собственной пользы, онъ былъ принужденъ высказываться во многихъ вещахъ передъ молодымъ человѣкомъ, образован-

нымъ и къ тому же очевидно чистосердечнымъ *). Г-жа Мишле описываетъ еще торжество Туссена на Копѣ, когда духовенство дало ему нести причастіе подъ бархатнымъ балдахиномъ въ процессіи, праздникъ, устроенный для него дамами бѣлыхъ, и попытки его возобновить обработку земли, заставляя работать негровъ уже болѣе не рабовъ, но солдатъ.

Катастрофа хорошо извѣстна: Наполеонъ, чтобы устроить тронъ сестрѣ своей, составилъ варварскій планъ задушить этотъ зараждавшійся міръ. Нигдѣ тиранія его не проявилась болѣе дикой, нежели въ этомъ покушеніи, въ которомъ онъ похоронилъ остатки армій египетской и итальянской. Человѣкъ, написавшій ему смѣлое письмо (*первый изъ черныхъ первому изъ бѣлыхъ*) былъ захваченъ и отвезенъ въ Европу; онъ погибъ тамъ буквально въ снѣжномъ аду, въ мрачномъ фортѣ Жу, самомъ холодномъ мѣстѣ Франціи. Туссенъ погибъ. Гаити пережило его. Семя, посѣянное тамъ Франціею, выказало геройскую жизненность, въ сопротивленіи наполеоновской Франціи. Конечно, желтая лихорадка тоже запрещала входъ въ Гаити, но еще гораздо прежде чѣмъ могли предвидѣть запрещеніе это, мужество чернаго сердца было уже съ перваго акта заявлено. Всѣ государи земли, дрожавшіе передъ

*) Когда весь домъ спалъ, онъ будилъ отца моего (самъ онъ спалъ не болѣе двухъ-трехъ часовъ). Онъ говорилъ сначала о неопредѣленныхъ вещахъ, потомъ мало по малу начиналъ вышучивать молодого человѣка, желая узнать, какое-нибудь слово, какую-нибудь идею. Свѣтлые глаза молодого человѣка, сіяющій взглядъ его, выразительная южнофранцузская фizioномія открывали ясно всю мысль его. Туссенъ, не безъ зависти, воспринималъ этотъ свѣтъ. Самъ онъ не выказывалъ ничего. При тускломъ свѣтѣ небольшой лампы, мрачное лицо его казалось еще чернѣе; онъ былъ зорокъ какъ рысь, выслѣживая взглядомъ; но чуть наблюдали за нимъ, онъ уходилъ въ себя, скрывалъ взглядъ свой. Поднявъ глаза къ небу, онъ закатывалъ зрачки свои, скрывалъ ихъ подъ толстыми вѣками и показывалъ одни бѣлки. Тогда онъ становился отвратительнымъ. Отецъ мой, какъ ни былъ онъ молодъ и мужествененъ, отвращалъ свой взглядъ. Г-жа Мишле *Записки Дѣвочки* стр. 312.

Наполеономъ были унижены: передъ сильнымъ флотомъ, передъ страшною артиллеріею и арміею единственной въ мірѣ, передъ страшнымъ міру знаменемъ, не сморгнулъ только одинъ негръ: черный Кристофъ заряжалъ пушки и стрѣлялъ.

Но истинной французской пушкой восемнадцатаго вѣка, была пушка Дидро и Рэйналя громившая лже Францію, Францію корсиканца и рабства. Тогда хорошо увидѣли какъ много Гаити получило отъ Франціи, потому что не смотря на кровавыя насилія Дессалина противъ бѣлыхъ, которыхъ—что было вполне естественно—такъ ненавидѣли и такъ подозрѣвали, огромное большинство черныхъ поддерживало умѣренныхъ, Петіона и Бойе, мягкость которыхъ лучше выражала общее чувство страны.

Что совершится въ будущемъ? Сдѣлавшись болѣе просвѣщенными, мы, я думаю, поймемъ великую истину того, что сказалъ другъ мой, докторъ Бертильонъ (*Diète de médecine*); что наши тропическія колоніи всегда будутъ для насъ ничѣмъ инымъ, какъ кладбищами. Русскіе, если вступятъ въ Индію останутся тамъ еще менѣе продолжительное время, нежели англичане. Послѣдніе падутъ подъ великой задачей своею—колонизировать весь шаръ земной. Придется неизбежно европейцамъ уступить этотъ страшный трудъ расамъ болѣе крѣпкимъ. Желтая раса, изобрѣтательная столько же сколько и работающая, черная, превосходящая ее по нравственнымъ качествамъ *), будутъ призваны самими европейцами и расы эти, столько времени изгоняемыя, презираемыя, однѣ будутъ, при истощеніи бѣлой расы, спасеніемъ земнаго шара.

*) Негръ требуетъ воспитанія совершенно различнаго отъ воспитанія бѣлаго: сначала танцы, музыка, потомъ искусства рисованія и письма, и наконецъ, чтеніе, грамматика, литература и пр. Начинать съ чтенія значитъ изсусать ихъ.

КНИГА ПЯТАЯ

Занятіе Рима французами.

О Лиссабонѣ, о Мадритѣ (1808).

I.

Занятіе Рима французами.

Возвратимся къ Наполеону и великой драмѣ Европы. Тильзитское свиданіе, казалось, положило къ ногамъ его цѣлый міръ. Въ опьяненіи гордости онъ сдѣлалъ двѣ вещи, совершенно противорѣчившія одна другой: съ одной стороны довелъ разрывъ съ папой до послѣднихъ крайностей, а съ другой—началъ губительную войну для завоеванія двухъ народовъ, наиболѣе папистскихъ въ Европѣ. Простой здравый смыслъ говорилъ, что для этого послѣдняго предпріятія нужно отсрочить кризисъ римскихъ дѣлъ и не возстановлять противъ себя папскій престолъ. Въ бесѣдѣ своей во время Тильзитскаго свиданія, Наполеонъ, говоря Александру о ссорѣ своей

съ папой, слышалъ, какъ то передаютъ, отъ царя слѣдующее: «Я папа у себя, это гораздо удобнѣе». Это слово тѣмъ болѣе поразило Наполеона, что отвѣчало собственнымъ инстинктамъ его. Воспитанный патерами, большой поклонникъ Людовика XIV, онъ очень рано понялъ, что сильное самовластіе можетъ быть сильно, только опираясь на религіозныя основы, вырасти на глубокомъ корнѣ воспитанія въ строжайшемъ подчиненіи.

Какъ только онъ сдѣлался императоромъ, онъ занялся катехизомъ императорскимъ, книгою, изъ которой дѣти должны были учиться, какъ члену символа вѣры «законности неограниченной наполеоновской власти.» Порталисъ совѣтывалъ ему принять катихизисъ Боссюэта. Но то, что была достаточно для Людовика XIV (*Поученіе повиноватися вообще властямъ*) было недостаточно для Наполеона. Онъ самъ диктовалъ легату Капреры главу, въ которой ребенокъ долженъ учиться наполеоновскому символу вѣры — безбожному, идолопоклонническому, обоготворенію одного человѣка *).

Папа узналъ это только 5 мая 1806 г. изъ статьи Журнала Имперіи (*Journal de l'Empire* **). Одно уже окончательно рисуетъ всѣхъ этихъ честныхъ людей — то, что епископы нашли противъ новаго катехизиса только одно возраженіе, а именно опущеніе статьи, которую Наполеонъ прибавилъ въ послѣдствіе: *внѣ церкви нѣтъ спасенія*. Мы уже говорили выше и никто не опровергнулъ этого, что папа, отправляясь въ Парижъ, надѣялся, что тѣмъ заставитъ отдать обратно себѣ Болонью и легатства. Такъ сговорчивый по отношенію духовнаго дѣла —

*) См. Оссонвилъ со словъ Консальви, Жофре и др.

**) Онъ не протестовалъ, потому что его удержали дѣла болѣе важныя, говорить хладнокровно Оссенвилъ; какъ будто могло быть дѣло болѣе важное, нежели это отравленія дѣтства.

катехизиса, онъ былъ удивительно настойчивъ въ дѣлахъ мірскихъ и церковныхъ. Когда послѣ Аустерлица снова отняли венеціанскія области, онъ хотѣлъ получить за то вознагражденіе. Онъ всегда требовалъ своего вымышленнаго права на Неаполь и южно-итальянскія княжества, Беневентъ и др. Пій VII, лично не особенно алчный, былъ окруженъ недостойнымъ дворомъ (Антонелли и др.), характеръ котораго не скрываетъ даже самъ г. Оссонвиль.

Эти интриги заставили папу еще глубже впасть въ неблагодарность противъ благодѣтеля своего, который дѣйствительно возстановилъ его въ Римѣ побѣдою при Маренго и который съ тѣхъ поръ своимъ вліяніемъ на Европу такъ сильно поднялъ католицизмъ. Римскій дворъ вполне преданный Англіи, передъ Іеной еще надѣялся. Послѣ Іены, придя въ отчаяніе, онъ открылъ противъ Бонапарте очень безчестную войну, — это говорилъ самъ Оссонвиль — и мстилъ отказомъ утверждать епископовъ назначаемыхъ императоромъ. Это привело Наполеона въ сильное бѣшенство и онъ въ письмѣ очень неразумномъ, которое написалъ принцу Евгенію для того, чтобы тотъ показалъ его папѣ, говорилъ: «Чего же хотятъ? Обрѣзать мнѣ волосы? Но пусть это хорошо помнятъ: я буду Карломъ Великимъ, а не Людовикомъ Добрымъ».

И такъ война была объявлена между двумя властями, которыя дѣйствовали различными оружіями и средствами. Бонапарте взялъ у папы Анкону, которую бы не то захватили англичане, и сверхъ того главную военную дорогу, которая ведетъ отъ Ломбардіи въ Неаполь. Съ своей стороны, папа отказывалъ въ буллахъ епископамъ, назначаемымъ Наполеономъ. Вещь очень не ловкая, говоритъ самъ г. Оссонвиль: это имѣло видъ, будто папа хотѣлъ отмщать за личныя обиды свои на счетъ спасенія христіанскихъ душъ. Наполеонъ и

въ очень многихъ вещахъ затрогивалъ духовенства. Онъ отнялъ имущества у епископовъ-электоровъ Рейна; въ Италиі онъ создавалъ новыя капитулы, семинаріи, соединялъ по нѣсколько монастырей въ одинъ. Онъ съ особенною напыщенностью обнаруживалъ, что университетъ императорскій есть духовная власть своего рода, имѣющая назначеніе *учить добру и обличать зло*. Высокая фунекія, составлявшая въ нѣкоторомъ смыслѣ священную власть, глава которой мірянинъ Фонтанъ, получилъ древнее и почетное званіе *великаго магистра*. Наконецъ, правственная власть, присвоенная университету, была дана ему именно въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ думалъ, что папство скоро кончится, 23 января и 17 марта 1808.

Для того чтобы справедливо судить отношенія Бонапарте къ папѣ, нужно вспомнить, что съ тѣхъ поръ, какъ кардиналъ Йоркскій и Стюарты нашли убѣжище въ Римѣ, уже болѣе вѣка тому назадъ, Римъ оттого сталъ въ то же время городомъ англійскимъ и яacobитскимъ. Небольшой дворъ претендента, усиленный разбойниками Неаполя, (Антонелли и др.) и неистовыми эмиссарами Каролины, сильно надавливалъ на папу и принуждалъ его дѣйствовать въ своемъ духѣ. Въ моментъ Тильзита, въ остолебѣніи, какое навело на Европу событіе такое важное и такъ непредвидѣнное, папа написалъ письмо ангельской кротости, въ которомъ приглашалъ Бонапарте пріѣхать къ нему въ Римъ и остановиться у него въ Ватиканѣ. Но не было никакой возможности сговориться. Г. Оссонвиль самъ сознается (т. II, стр. 390) что все было порвано изъ за двухъ статей, которыхъ Наполеонъ не требовалъ уже болѣе. Все дѣло тянулось съ безконечными измѣненіями. Піи VII самъ сказалъ, по отзывамъ совѣтниковъ

его: «Церкви необходимо подвергнуться преслѣдованію. Если онъ возьметъ Римъ, мы укроемся въ катакомбахъ».

Конецъ 1807 г. чрезвычайно смутенъ, полонъ засадъ, ударовъ изъ за угла. Англичане, встревоженные Тильзитомъ, секретныя условія котораго были скрыты отъ нихъ, воспользовались имъ какъ предлогомъ еще разъ напасть на Копенгагенъ, который, какъ утверждали они, Бонаперте хотѣлъ захватить; и потому они сами захватили его 7 сентября, забрали весь флотъ стоявшій у береговъ и всю прибрежную артиллерію, около 3,500 пушекъ. Бонаперте въ отместку взялъ два города, которые онъ считалъ, и не безъ причины, англійскими городами: Лиссабонъ и Римъ. Лиссабонъ и Португалія съ 1701 г. были складомъ англійской торговли, а Римъ однимъ изъ главныхъ центровъ европейской дипломатіи ихъ.

Въ январѣ 1808, Наполеонъ писалъ: «Если французы войдутъ въ Римъ и тайно сойдутся съ римлянами, то папство перестанетъ существовать». Но развѣ не было вполнѣ вѣроятнымъ, что націи такъ сильно католическія, испанцы и португальцы, примутъ сторону папы? Не смотря на всѣ предосторожности бонапартоваго генерала, занятіе Рима разнеслось по Европѣ и надѣлало много шума. Ночью монахи били статуетки Мадонны и увѣряли, будто французы разбили ихъ. Къ тому же папа объявилъ всѣмъ посланникамъ находившимся въ Римѣ о томъ, что онъ называлъ плѣномъ своимъ и говорилъ: «Я теперь какъ плѣнникъ».

II.

Измѣна Испаніи. 1808 г.

Неизмѣннымъ образомъ дѣйствія Наполеона была неожиданность. Это замѣтили въ отношеніи политики его; но и въ свойственномъ ему искусствѣ—въ войнѣ, онъ постоянно повторялся въ этомъ смыслѣ. Военные писатели замѣтили это, какъ полковникъ Леконтъ изъ Лозанны и др. Откуда явилась эта наклонность? Было ли то слѣдствіемъ корсиканской крови, предрасположенія расы этой, или примѣръ знаменитыхъ итальянскихъ кондотьеры исторіи, которыхъ онъ конечно изучалъ въ молодости вмѣстѣ съ исторіей Генуи. Наполеонъ повторялся съ невыносимымъ однообразіемъ. Послѣ неожиданнаго захвата Лисабона въ ноябрѣ 1807, произошелъ захватъ Рима въ февралѣ и мартѣ, наконецъ Испаніи въ апрѣлѣ и маѣ.

Какъ ни были приучены французы въ военной дисциплинѣ, но Ланнъ нашелъ португальское дѣло неблагороднымъ и съумѣлъ отклонить его отъ себя. Жюно, которому его поручили, явился какъ разъ во время для того только, чтобы разыграть смѣшную роль собаки, которая хватается воздухъ въ то время, какъ заяцъ бѣжитъ. Онъ стрѣлялъ изъ пушекъ по флоту, который былъ уже далеко, унося въ Бразилію всѣ сокровища и весь цвѣтъ общества. Это пошло легендой. Европѣ показали геройскую картину народа, который всему мірѣ предпочелъ свободу и, чтобы бѣжать отъ тирана, покидалъ свои могилы, храмы, всѣ воспоминанія свои. Легенда достойная Камюэнса. Едва передохнули, какъ неловкій Бонапарте далъ поводъ къ другой, болѣе потрясающей и возмутительной. То была легенда о захватѣ Рима, о почтенномъ первосвященникѣ-плѣнникѣ, лишенномъ всякаго пріюта, кромѣ

катакомбъ, какъ онъ самъ говорилъ. Всѣ женщины въ Европѣ плакали о томъ, а мужчины негодовали. Вскорѣ полилась кровь.

Тогда разразился погромъ Испаніи—третья легенда, такой безобразный и носившій такую омерзительную личину. Самъ Наполеонъ отвернулся отъ него и предоставилъ сдѣлать все дѣло Савари, привыкшему со смерти герцога Энгіенскаго въ дѣлу палачей. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ въ Миланѣ Наполеонъ притворялся глухимъ и слѣпымъ, не получалъ никакихъ писемъ, или не отвѣчалъ на нихъ, не желая знать ничего ранѣе, нежели дѣло будетъ сдѣлано. То была омерзительная итальянская штука, сѣверное имбродію, въ которомъ онъ подавалъ неожиданность за неожиданностью и заставилъ небольшую пьеску, съ игранною съ Португаліей, служить гигантскому замыслу—спрятать себѣ въ карманъ и проглотить двѣнадцать королевствъ Испаніи и американскія владѣнія ея. Жюно, на пути своемъ въ Лиссабонъ, долженъ былъ, пользуясь договоромъ заключеннымъ съ Испанією, приготовить путь къ вторженію въ Испанію и захвату крѣпостей ея.

Талейранъ отсовѣтывалъ это коварство; но передъ совершеніемъ его, онъ отошелъ въ сторону, уклонился вовремя. Наполеонъ, приученный встрѣчать ото всѣхъ только одно одобреніе, потерялъ совершенно мѣру того, что можно смѣть дѣлать, не возбуждая слишкомъ сильно негодованія всего европейскаго общества. Мало по малу онъ окружилъ себя личностями слишкомъ хорошо извѣстными въ Европѣ, напр. Ровиго (Савари), котораго онъ упорно посылалъ повсюду, въ Испанію, какъ и въ Россію, гдѣ личность эта была въ особенности ненавистна. Справедливость требуетъ сказать, что уже десять лѣтъ Германія вовсе не была управляема, она была предоставлена своей судьбѣ, подъ властью принца Мира, жалкаго

фаворита, и потому съ двухъ сторонъ пытались захватить ее. Питтъ мечталъ о колоніяхъ и въ 1802 г. англичане, которымъ смерть Павла открывала союзъ съ Россіею путемъ наиболѣе мирнымъ—брака, надѣялись наложить руку на Испанію.

Неистовая фурія, Каролина неаполитинская, по совѣту другой фурии, Эммы Нельсонъ, выдала дочь свою Антонію за Фердинанда, наслѣдника испанскаго государства. Антонія эта, обладавшая духомъ матери, вскорѣ умерла; но она въ четыре года сдѣлала изъ Фердинанда чудовище честолюбія, врага отца и въ особенности матери, ради фаворита своего, принца Мира. Она интриговала противъ Наполеона. По смерти ея, совѣтники Фердинанда склонили его къ Наполеону. Принцъ Мира самъ не звалъ кого держаться; считая Наполеона побѣжденнымъ, онъ изготавилъ манифестъ о союзѣ съ Англіею и Россіею, затѣмъ послѣ Іены договоръ о захватѣ Португаліи, которую хотѣлъ раздѣлить съ Наполеономъ.

Въ этомъ же мѣсяцѣ (октябрь 1807) Фердинандъ, изъ ненависти къ фавориту и къ матери своей поддерживавшей его, составилъ какъ то говорили, заговоръ, чтобы разыграть въ Мадритѣ трагедію отцеубійства, съ цѣлью самому вступить на престолъ. Это отрицали, но безъ всякихъ доказательствъ; за то есть много вѣроятностей, заставляющихъ признать, что заговоръ отцеубійства существовалъ. Къ тому же никогда еще природа не придавала такого чудовищнаго выраженія преступленія, какое она придала фizioноміи Фердинанда. Онъ былъ молодъ, а черты лица его были чертами стараго проклятаго грѣшника. И такъ этотъ добрый сынъ, опасаясь, что принцъ Мира забѣжитъ къ Наполеону прежде него, сдѣлалъ рѣшительный шагъ, донесъ Наполеону на отца. И это не все. Перечитывая письмо съ доносомъ (28 ок. 1807 г.) въ немъ находятъ вещь еще болѣе ужасную: декретъ будущаго короля

Испаніи съ пробѣломъ для числа, вручавшій одному изъ фаворитовъ его управленіе мадритской провинціей по *смерти царствующаго короля*, отца того, кто писалъ декретъ. Король былъ убитъ отчаяніемъ. Въ ужасѣ онъ просилъ совѣта у друга своего, Наполеона, который въ благодарность за довѣріе его, ускорилъ отправленіе войска, посланнаго завладѣть Испаніей.

Наполеонъ видѣлъ, какъ все улыбалось ему. Не только король и Фердинандъ были за него; но народъ и сама Испанія. Этому народу, такъ богатому воображеніемъ и такъ податливому на обаяніе великихъ побѣдъ, Наполеонъ казался Сидомъ; солдаты его встрѣчали хорошіи пріемъ, удивленіе. Сама церковь, которая не знала еще ничего о разрывѣ его съ папой, разразившемся не ранѣе марта, видѣла въ немъ возстановителя религіи во Франціи и потому шла ему на встрѣчу. Чего онъ хотѣлъ? Онъ самъ едва ли зналъ это. Позже онъ хвалился тѣмъ, что у него была только одна идея: *воскресить Испанію*. Но чѣмъ? Двадцатью планами, которые противорѣчили одинъ другому.

Положеніе, которое вскорѣ вызвало кровопролитіе и принесло смерть, было въ принципѣ своемъ чѣмъ то странно-безумнымъ, настоящимъ карнаваломъ. Наполеонъ держалъ въ рукъ своей ужъ я не знаю сколько испанскихъ королей. Прежде всѣхъ стараго Карла IV, который убѣждалъ бы если могъ, который отрекся изъ страха, взялъ назадъ свое отреченіе и искалъ спасенія у Наполеона, т. е. въ самой опасности; потомъ Фердинанда, котораго Испанія обожала, не смотря на звѣрскую наружность его, и который тоже далъ себя опутать лапами паука; наконецъ принцевъ собственной фамиліи, родныхъ по крови или брачнымъ связямъ, Мюрата, который на основаніи нѣсколькихъ темныхъ словъ Наполеона, питалъ надежду овладѣть этимъ обширнымъ королевствомъ.

И въ то же время Наполеонъ тайно предлагалъ корону Испаніи брату своему, Людовику, у котораго хватило здраваго смысла отказаться. Иосифъ то же отказался бы, если бы могъ, но ему не дали времени. Его вызвали и, не спрашивая хотѣлъ онъ или нѣтъ, посадили королемъ Испаніи.

Мы далѣе увидимъ продолжительное страданіе Иосифа, мученика короны, которою онъ собственно говоря, никогда не владѣлъ. То англичане, прикрываясь именемъ Фердинанда захватывали сегодня западъ, завтра югъ; то интриганъ Сульть дѣлалъ себя чуть не королемъ Андалузій. Но самымъ тяжелымъ было то, что Наполеонъ, жалѣя о томъ, что отдалъ Испанію, хотѣлъ всѣми средствами вернуть ее. Самою ужасною комедіею, какую когда либо видѣли, былъ способъ, какимъ Савари, безстыдный лжецъ, наполовину надеждами и обѣщаніями, на половину страхомъ, силой и принужденіемъ похитилъ Фердинанда и вытолкалъ его къ границѣ, не смотря на народъ, желавшій остановить короля; потомъ, когда штука была продѣлана и дичь загнана до Байонны, онъ, безстыдно снявъ маску, сказалъ на другой же день Фердинанду: «Домъ Бурбоновъ пересталъ царствовать въ Испаніи.»

Вся Европа вздрогнула отъ ужаса, узнавъ о послѣдовавшей за тѣмъ сценѣ. Начиная съ Атридовъ, ничто въ древнемъ театрѣ не имѣло такого проклятаго, такого отвратительнаго вида, какъ эта мать, которая, увидѣвъ поблѣднѣвшаго жалкаго Фердинанда, сказала ему, чтобы доканать его: «Ты родился отъ прелюбодѣянія, ты только сынъ моего позора, а не наслѣдникъ испанской короны.» И все это было сказано при мужѣ ея, Карлѣ VI, который, махая тростью, осыпалъ незаконнорожденнаго проклятіями и заставилъ его возвратить королевство и только для того, чтобы уступить королевство это императору. Императоръ былъ не доволенъ Фердинандомъ, котораго онъ

называлъ *лукавцемъ*; для лукавца у него были воспоминаія о герцогѣ Ангіенскомъ, о рвахъ Венсенскихъ. Наполеонъ сказалъ ему и повторялъ много разъ, что прикажетъ разстрѣлять его какъ эмигранта. Такимъ образомъ, раздавивъ его страхомъ, онъ отдалъ его подъ присмотръ Талейрана, которому поручилъ забавлять его какими нибудь хорошенькими женщинами. Наконецъ онъ еще глубже забилъ его въ грязь, до такой степени, что Фердинандъ написалъ поздравительное письмо Іосифу, новому королю Испаніи.

Всѣ эти возмутительныя, звѣрства происходили, какъ это думали, безъ свидѣтелей въ замкѣ Маррокъ близъ Байонны. Но Испанія была тамъ и слышала все. Объясню. Образовалась юнта для управленія королевствомъ во время отсутствія Фердинанда; но юнта эта, предвидя что будетъ не въ безопасности оставаясь въ Мадритѣ, постановила, что собранія ея будутъ происходить въ Сарагоссѣ, центрѣ Арагоніи, провинціи прославленной сопротивленіемъ своимъ. Наполеонъ созвалъ въ Байонѣ лже-представителей Испаніи. Сарагосса воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы сговорится съ друзьями Фердинанда и послать депутатовъ въ Байонну; она выбрала арагонскаго дворянина, человѣка очень энергическаго, молодаго Палафокса, который собралъ свѣдѣнія и узналъ всѣ ужасающія подробности. Онъ разнесъ ихъ по Испаніи вмѣстѣ съ омерзѣніемъ къ Наполеону. Мнѣніе Палафокса было такое: если Фердинандъ останется плѣнникомъ, то надо призвать на королевство великаго военачальника Австріи, эрцгерцога Карла, который былъ нѣсколько сродни испанскимъ Вурбонамъ. Принцъ этотъ съ 1806 г. работалъ надъ переформировкой австрійской арміи. Призвать его, значило соединить противъ Наполеона всѣ элементы сопротивленія — германскіе и испанскіе.

III

Возстаніе Испаніи. Май 1808 г.

Наполеонъ самъ освободилъ Испанію, подавъ сигналъ освобожденія ея рѣзною въ Мадритѣ. Онъ говорилъ и часто повторялъ это въ письмахъ своихъ, что нѣтъ лучшаго способа для основанія новаго владычества, какъ бунтъ энергически подавленный. 13 вандемьеръ и возстаніе Карла твердо укрѣпили его въ этомъ мнѣніи. Отъѣздъ двухъ остававшихся принцевъ королевскаго дома былъ причиною возстанія въ Мадритѣ. Но оно произошло бы даже и безъ этой причины. Кромѣ раздраженія, кромѣ изумленія вызванныхъ въ народѣ удивительнымъ коварствомъ Наполеона, народъ Мадрита долженъ былъ считать послѣднимъ оскорбленіемъ то, что ему данъ былъ въ государи скоморохъ. Мюратъ съ фантастическими костюмами его казался скоморохомъ народу; его розовое или яблочно-зеленое платье, мѣха, которые онъ носилъ среди лѣта, все казалось въ немъ нелѣпымъ. Императоръ Александръ былъ скандализованъ, видя возлѣ французскаго императора такого комедіанта; а это поражало еще рѣзче среди испанскаго народа, постоянно одѣтаго въ черное. Прибавьте къ этому странную смѣсь одеждъ въ свитѣ Мюрата; уланы, мамелюки его казались крайне странными фигурами, невиданными на улицахъ Мадрита.

Въ ту минуту, когда, испанскіе принцы противъ воли покидали дворецъ, одинъ изъ нихъ заплакалъ и отказался ѣхать. Это тронуло народъ, собравшійся на площади, и онъ едва не убилъ одного адъютанта торопившаго отъѣздъ. Но взрыва этого ждали, и Мюратъ за ранѣе принялъ мѣры, онъ располагалъ арміей. Небольшой испанскій гарнизонъ не выступилъ,

за исключеніемъ отряда артиллеріи, офицеры котораго всѣ до одного дали убитъ себя. Французская кавалерія, уланы, мамелюки преслѣдовали бѣглецовъ въ домахъ. 800 испанцевъ и 400 французовъ—такова, какъ говорятъ, была цифра убитыхъ. Самое худшее было то, что Мюратъ, обѣщавшій амнистію тѣмъ, которые возвратятся въ дома свои, на другой же день передумалъ, счелъ принятыя мѣры недостаточными и приказалъ схватить и разстрѣлять еще человѣкъ сто изъ числа испанцевъ, мирно возвратившихся въ дома свои. Мюратъ, по природѣ своей, не былъ кровожаденъ; но испанскій тронъ, который онъ думалъ уже держать въ рукахъ своихъ, ожесточилъ сердце его и здѣсь, какъ вѣрно выразился г. Ланфре: «Мюратъ выказалъ себя вполнѣ королемъ».

Но въ самый день казней Наполеонъ извѣщалъ его изъ Байоны: «Что не онъ будетъ королемъ Испаніи, но Іосифъ». Все равно казни совершенныя Мюратомъ получили высокое одобреніе Наполеона, который писалъ: «Главная часть дѣла сдѣлана, мадритскій урокъ рѣшилъ дѣло, все будетъ скоро кончено». Онъ писалъ это въ срединѣ мая: но 9-го началось уже возстаніе Испаніи. Астурія, самая маленькая изъ провинцій, древняя колыбель пелазговъ, возстала и 24-го героически объявила войну властелину Европы. Испанцы выказали то же величіе души и въ Лондонѣ, гдѣ они объявили, что полагаются только на самихъ себя и просятъ у Англіи только одной нравственной поддержки. Надо прочесть у Торрена, и ни у кого другаго, великолѣпное описаніе этого великаго явленія, изумительнаго единодушія столькихъ и такъ вполнѣ согласовавшихся другъ съ другомъ возстаній провинцій, такъ разнородныхъ по расѣ и по духу. Все въ одно мгновеніе было охвачено огнемъ. Первый взрывъ произошелъ въ западныхъ горахъ, второй—немедля на востокъ, въ Карфагенскомъ портѣ.

Онъ задержалъ испанскій флотъ, который безъ него отослали бы въ Тулонъ.

Однако я замѣтилъ, что Торрено, въ прекрасномъ и очень длинномъ повѣствованіи своемъ, описываетъ только одинъ взрывъ патріотизма, но не религіознаго фанатизма, и самъ настоятельно говоритъ, что хотѣлъ опровергнуть Наполеона, по словамъ котораго возстаніе было только одною религіозною революціею, подожженною монахами. Но все таки, даже не придерживаясь мнѣнія Наполеона, крайне трудно повѣрить тому, что извѣстіе о плѣнѣ папы въ Римѣ, извѣстіе такъ сильно распространившееся въ цѣлой Европѣ съ марта 1808 г. могло не имѣть никакого дѣйствія въ Испаніи; ни тому, что рѣзня, произведенная отчасти мамелюками нашими, не утвердила народъ въ мысляхъ, будто мы язычники и сарацине. Я знаю хорошо, что первымъ дѣломъ Наполеона и Іосифа было сильно позаботиться объ умиротвореніи церкви; они лстили инквизицію и высшему духовенству, которые шли имъ на встрѣчу. Но у Торрено самого, страшная исторія Валенціи показываетъ вполне ясно всѣ разнообразныя броженія, волновавшія духовенство.

Городъ этотъ, славящійся прекраснымъ климатомъ и обработанными землями своими, былъ театромъ народной и клерикальной рѣзни, которую можно назвать 2 сентября Испаніи. Разсказъ Торрено совершенно переворачиваетъ всѣ наши понятія въ томъ смыслѣ, что священникъ патріотъ былъ монахомъ францисканцемъ, по имени Риччи; а что священникъ папистъ и зачинщикъ рѣзни былъ достопочтеннымъ каноникомъ мадритскаго собора, имя его было Кальво. Францисканецъ поднялъ революцію въ Валенціи и поддерживалъ ее во всей патріотической чистотѣ ея, когда прибылъ изъ Мадрита каноникъ-папистъ, который и нашелъ мѣсто

уже занятымъ. Францисканецъ былъ вождемъ революціи. Высокій мадридскій іерархъ очень долго употреблялъ всѣ усилія, чтобы переманить въ римскую и іезуитскую партію этого краснорѣчиваго монаха, народнаго трибуна; но это не удалось ему и онъ возненавидѣлъ Риччи на смерть. Въ Валенціи въ то время жило много французовъ торговцевъ виномъ и шелкомъ. Каноникъ Кальво, придумалъ, что если поднять народъ на рѣзню французовъ, то можно будетъ найти случай убить тоже и вождя умѣренныхъ, францисканца Риччи.

Это казалось дѣломъ довольно легкимъ. Населеніе Валенціи видѣло въ этомъ только справедливое возмездіе за великую, рѣзню, совершенную Мюратомъ въ Мадридѣ. Слишкомъ 300 человекъ французовъ скрылись въ цитадели. Кальво пошелъ къ нимъ, увидѣлъ, что они испуганы криками народа, и обѣщаль спасти ихъ. Обѣщаніе это вызвало ихъ изъ убѣжища и всѣ были перерѣзаны у воротъ его. Сцена, произошедшая тогда превзошла даже ужасы Варооломеевской ночи. Сострадательные люди, чтобы спасти несчастныхъ жертвъ, принесли наиболѣе почитаемые мощи Валенціи. Благочестивые убійцы умилились и съ этой минуты рѣзали, только давъ жертвамъ время исповѣдаться. Можно угадать что это была за сцена, что за омерзительная смѣсь душеспасительныхъ увѣщаній и отпущеній грѣховъ людей, хрипѣвшихъ подъ кинжалами. Кальво навѣрно разсчитывалъ, что Риччи, вступаясь за жертвы, погибнетъ и самъ. И онъ дѣйствительно едва не погибъ на слѣдующій день, когда онъ доносилъ судьямъ о преступленіяхъ этой ночи, клеветы Кальво привели въ залу засѣданія еще восемь французовъ и зарѣзали ихъ у ногъ самихъ судей.

Судьи, внѣ себя, смогли наконецъ арестовать Кальво и 3 іюля, въ полночь, удушили его въ темницѣ; то былъ смѣлый, ударъ, наведшій ужасъ на убійцъ. Тогда воспользовались ужа-

сомъ этимъ, говоритъ Торрено, и въ продолженіе двухъ мѣ-
сяцевъ 200 чел. *) были задавлены. Множество жителей Валенціи
убѣжали въ Сарагоссу, какъ это дѣлалось въ то время во
всѣхъ городахъ Испаніи: такимъ образомъ создався центръ
сопротивленія, который два раза останавливалъ непріятеля.
Европа смотрѣла, удивлялась и сама ободрилась. Двойственное
сопротивленіе Испаніи, изъ какихъ бы разнородныхъ элемен-
товъ ни состояло оно—либеральнаго и папистскаго, разож-
женное монахами, поддерживаемое испанцами, стало все-
общимъ ободряющимъ примѣромъ. Австрія пробудилась и
принудила Наполеона раздѣлить силы его и напряженіе борьбы.

IV.

Возмездіе. Пораженія Наполеона при Байленѣ и Цинтрѣ. 1808 г.

Знаменитый генераль Фой, ораторъ и историкъ, самъ
строго осудилъ блестящую исторію свою тѣмъ, что не окон-
чилъ ее. Ему, какъ защитнику арміи передъ партіей, которая
возвратилась торжествующей вмѣстѣ съ непріятелемъ, нужно
было много мужества и непреклонность добродѣтели, для того

*) М. Гюббаръ, жившій долго въ Испаніи и хорошо изучившій страну эту,
очень вѣрно замѣтилъ участіе, какое низшіе классы народа принимали въ крова-
выхъ сценахъ возстанія. Въ Валенціи продавецъ спичекъ былъ однимъ изъ
главныхъ дѣйствовавшихъ лицъ; въ Коронѣ—обойщикъ стульевъ. Наиболее
поражаетъ въ разсказѣ Гюббара превосходное замѣчаніе его, что въ странѣ съ
такой дурной администраціей, гдѣ контрабандисты и разбойники во всѣ времена
составляли въ нѣкоторомъ смыслѣ сословіе, гдѣ профессіи эти были почти при-
знаны, общій порывъ къ вольной и неправильной военной жизни былъ дѣломъ
не особенно удивительнымъ, освобожденіемъ отъ скуки усидчивой жизни, кото-
рымъ молодежь и воспользовалась. Возстаніе казалось возвращеніемъ
къ естественной жизни Испаніи.

чтобы не впасть въ крайность, въ чрезмѣрное снисхожденіе къ товарищамъ своимъ. Вообще онъ не скрываетъ ничего; онъ выставляетъ въ полномъ свѣтѣ *измѣну Испаніи* и не старается оправдать дѣло это. Но если онъ признаетъ всю гнусность, все безстыдство средствъ, онъ въ то же время сильно возвышаетъ Наполеона, приписывая ему необычайную предусмотрительность. Фой вѣритъ странному письму, написанному Наполеономъ гораздо позже съ цѣлью показать, будто онъ заранѣе все предвидѣлъ, письму курьезному и сочиненному спустя долгое время, какъ это превосходно доказалъ Ланфрѣ *).

Фой тоже упорно продвигаетъ на видъ величіе плановъ императора и пользу такого завоеванія для Франціи, завоеванія тѣмъ болѣе желательнаго, что Испаніи, которая, по положенію своему, почти островъ хорошо защищенный моремъ, можетъ со временемъ имѣть страшное давленіе надъ сѣверомъ Франціи. Къ тому же, прибавляетъ онъ, Бонапарте потерпѣвшій неудачу въ Египтѣ, составилъ гигантскій проеѣтъ захватить Средиземное море съ другаго конца, и посредствомъ береговъ Испаніи овладѣть варварійскими **). Прежде всего нужно было взять Испанію. Но въ то же время Фой сознается, что употребляемыя средства далеко не отвѣчали обширности подобныхъ замысловъ. Корпусы, посылаемые въ Испанію, были отребіемъ арміи, или состояли изъ ребятъ, молодыхъ рекрутъ. Предпріятіе казалось дѣломъ легкимъ. Ничтожность препятствій, какія встрѣтилъ Уваръ при исполненіи смѣлыхъ плановъ своихъ въ отношеніи имуществъ духовенства, заставляла считать испанцевъ народомъ индифферентнымъ ко всему, охлажденнымъ, придавленнымъ.

*) Фой, т. II стр. 410.

**) Фой т. II стр. 209, 211 и 212.

Наполеонъ писалъ на островѣ св. Елены, что планомъ его было единственно возрожденіе Испаніи. Но дѣйствія и письма его 1808 г. говорятъ совершенно противное. Іосифъ, не имѣвшій никакихъ блестящихъ качествъ однако не оттолкнулъ испанцевъ. Министрами его были большею частью люди съ достоинствами; но конституція, которую смастерили въ Байонѣ, была комедіей, шутовствомъ, какъ то доказываетъ Торрено. Изъ писемъ Наполеона къ морскому министру и генераламъ его видно какъ нельзя лучше, что онъ хотѣлъ только обмануть Испанію и сдѣлать изъ нея орудіе войны. Ничто не могло такъ открыть глаза Испаніи, какъ бѣдственная участь испанскихъ корпусовъ, отправленныхъ Наполеономъ на берега Балтики. Къ легендарнымъ рассказамъ объ этомъ адѣ съвера присоединялись исторіи вербовки, которая хватала, какъ говорили, молодежь и отправляла ее скованную въ цѣпяхъ.

Наполеонъ такъ мало зналъ состояніе страны, что назначилъ вице-королемъ Мексики генерала, который уже стоялъ во главѣ одной арміи инсургентовъ. Онъ видѣлъ Испанію только изъ Байонны и не сумѣлъ составить себѣ вѣрное понятіе о топографіи страны, завоевать которую онъ хотѣлъ. Онъ зналъ только разстоянія, но, какъ кажется, очень плохо зналъ, какія крутыя и часто почти непроходимыя дороги раздѣляли разныя мѣстности Испаніи. Въ то время какъ онъ смотрѣлъ на Мадритъ, Сарагоссу и Байонну, гдѣ мы одержали побѣду, открывшую ворота Мадрита новому королю, арміи его терпѣли на границахъ Андалузіи рѣшительное пораженіе, можно сказать *смертельное*, которое, измѣнивъ мгновенно мнѣніе Европы, было началомъ великаго возстанія.

Онъ послалъ генерала Дюпона, очень отличившагося въ войнѣ съ Германіей, на помощь своему флоту, запертому въ

Кадиксѣ. Дюпонъ не достигъ Кадикса и на обратномъ пути къ Мадригу, предписанномъ ему приказами Наполеона, онъ долженъ былъ идти мрачнымъ и крутымъ ущельемъ, описаннымъ Сервантесомъ—Сиерра-Морена—черная гора; эта стѣна, отдѣляющая обѣ Кастиліи и ла-Маншъ отъ южной, мавританской Испаніи. Это мѣсто странное, фантастичное, поражающее необычайностями, къ которымъ ничто не подготовитъ путника. Въ немъ вѣтъ рѣзкихъ и часто величественныхъ чертъ гранитныхъ горъ; это цѣпь умѣренной высоты, повсюду представляющая глазу только сѣрые и пепельнаго цвѣта, наполовину обугленные сланцы, массы порою измѣняющія очертанія свои съ такою мрачною причудливостью, что онѣ могутъ вызвать или ужасъ, или смѣхъ неожиданности. И повсюду невѣроятная сушь. Вода такъ рѣдка тамъ, что иногда каменщикамъ при постройкѣ приходилось употреблять вино. Зной солнечныхъ лучей, отражаемыхъ сланцами и сосредоточенный въ узкихъ удушливыхъ ущельяхъ, нестерпимѣе нежели въ африканскихъ степяхъ.

Случилось, что вслѣдствіе положительныхъ инструкцій Наполеона, предписанныхъ вопреки намѣстниковъ его, Дюпонъ, на обратномъ пути изъ Кордовы въ Мадридъ, былъ настигнутъ и оставленъ въ этомъ ужасномъ ущельи. Дюпонъ, говоритъ Торрено, былъ натурой артистической, умомъ литературнымъ и блисталъ успѣхами своими въ академіи. Блескъ славы, завоеванный имъ въ аустерлицкой компаніи, вскружилъ ему голову, сдѣлалъ его надменнымъ, требовательнымъ. При первомъ вступленіи его въ Испанію, онъ, получивъ помѣщеніе во дворцѣ одного града, выгналъ хозяина и одинъ занялъ весь дворецъ. По возвращеніи въ Андалузію онъ выказалъ много жестокости. Кордова, большой и богатый городъ, открытый со всѣхъ сторонъ, все таки сдѣлалъ видъ, что хо-

тѣлъ сопротивляться, Дюпонъ счелъ себя въ правѣ предать городъ грабежу. Армія его, молодая и дурно дисциплинированная, раздраженная лишеніями и африканскимъ климатомъ, на свое несчастіе предалась всевозможнымъ излишествамъ. Чѣмъ болѣе набивала она мѣшки свои грабежемъ, тѣмъ менѣе становилась она способной къ движенію и дѣйствию. Истомленные этимъ роздыхомъ разврата, солдаты были при выходѣ изъ города, убиты плачевнымъ видомъ тѣлъ зарѣзанныхъ и изуродованныхъ товарищей своихъ. Они увидѣли въ этомъ зрѣлищѣ то, что ожидало ихъ въ этой войнѣ безъ пощады. Я самъ вспоминаю съ ужасомъ картины потрясающихъ сценъ засадъ, рѣзни и гнуснаго звѣрства, выставленные въ 1808 г. въ Луврѣ на выставкѣ живописи, съ цѣлью заставить проклипать испанцевъ.

Наполеонъ не имѣлъ понятія о ненависти ихъ. Напрасно предупреждалъ его Іосифъ, говорившій, что въ Испаніи за него нѣтъ ни одного человѣка. Даже самъ Савари, человѣкъ пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Наполеона, тоже предостерегалъ его и взялъ на себя посмать безъ приказа его небольшое подкрѣпленіе Дюпону. Наполеонъ сдѣлалъ ему за то выговоръ, не хотѣлъ ничего видѣть кромѣ Мадрита и небольшихъ успѣховъ, одержанныхъ на сѣверѣ Испаніи. Наконецъ, онъ до такой степени не вѣрилъ въ опасность, что въ послѣднюю минуту, когда Дюпонъ еще могъ пройти роковое ущелье, онъ задерживалъ его, запрещалъ идти. А гроза между тѣмъ приближалась. Испанская армія изъ Андалузіи, подъ предводительствомъ Костяньоса и одного французскаго эмигранта, подкрѣпленная регулярными войсками, бѣглецами швейцарскихъ полковъ и другихъ, достигла цифры 45.000 и была почти вдвое сильнѣе арміи Дюпона. Послѣдняя была принуждена идти, занимать множество постовъ на узкой, длинной, удуш-

ливой дорогѣ. Она шла, пожираемая жаждой, которая была сильнѣе аравійской и уносила десятую часть ея; она шла перегнувшись подъ тяжелыми выюками паграбленнаго добра. Солдаты, люди большею частью молодые и, по недостатку припасовъ, получавшіе половинные раціоны, далеко не обладали закаленнымъ мужествомъ нашей египетской арміи. Имъ предложили сдаться, и Дюпонъ имѣлъ слабость спросить о томъ мнѣніе военнаго совѣта; словомъ онъ сдался непріятелю.

Тогда случились двѣ вещи очень печальныя: первая, что армія поставила условіемъ сдачи слѣдующіе позорные пункты: первый чтобы не обыскивали выюковъ, т. е. чтобы она сохранила награбленное; второй, что одинъ корпусъ Дюпона, бывшій уже далеко, виѣ преслѣдованія сдается вмѣстѣ съ арміей. Все это было исполнено; но самымъ худшимъ было то, что туго набитые мѣшки не выдержали и содержимое обнаружилось; то были причастные сосуды и другіе священные предметы, похищенные въ церквахъ Кордои; видъ ихъ довелъ до изступленія ярость фанатиковъ испанцевъ. Пораженіе это было въ сущности неважно для Наполеона, властелина Европы. Одно было сильно преувеличено: радость дѣлала легковѣрными. Казалось, что Наполеонъ погибъ. Въ дѣйствительности же, пораженіе это имѣло серьезныя для него послѣдствія и не мало повліяло на послѣдовавшее за нимъ пораженіе въ Португаліи.

И тамъ безуміе императора приносило плоды свои. Контрибуція ста милліоновъ была вещью невозможной въ такой маленькой странѣ и держала ее въ состояніи возмущенія, болѣе или менѣе признаннаго. Жюно, у котораго было 29.000 человекъ не могъ ни сосредоточить ихъ, ни оставить даже одного военнаго пункта безъ прикрытія. И такъ армія эта, разсыпанная по странѣ, была очень слаба. Англичане съ 14.000

человѣкъ, которые высадились недавно, были гораздо сильнѣе. Жюно, правда, имѣлъ въ рукахъ столицу; въ Лиссабонскомъ портѣ у него былъ флотъ Россіи, союзницы Франціи, который держалъ Лиссабонъ подѣ выстрѣлами. Но были ли русскіе надежными союзниками? Адмиралъ отказался даже высадить экипажи свои на берегъ, чтобы угрожать городу. Итакъ Жюно пришлось выступить, идти до Цинтры на встрѣчу непріятеля. Англійская армія, превосходившая французскую числомъ, качествомъ пороха*) и оружія, состояла какъ и всегда изъ ирландцевъ, которые закалившиись въ Индіи и въ Мальтѣ, не боялись испанскаго солнца. Веллингтонъ поставилъ ихъ и продержалъ тамъ цѣлый день на берегу моря, и это подѣ жгучимъ и крутымъ утесомъ.

Фой, раненный въ этомъ дѣлѣ, передаетъ въ краснорѣчивомъ повѣствованіи своемъ о героическихъ усиліяхъ французовъ взобраться по скользкимъ скатамъ каменнаго утеса. Лошади артиллеріи были перебиты, она не могла взобраться на верхъ. Веллингтонъ тѣми же средствами одержалъ побѣду при Ватерло. Здѣсь онъ потерялъ только 800 чел. солдатъ и одного офицера. Жюно потерявшій 1800, выказалъ непреклонное и грозное мужество въ отступленіи. Хотя англичане ждали прихода другой арміи, которая удвоила бы число ихъ, не считая португальскіе войска, они не рѣшились преслѣдовать его. **). Жюно удержался бы въ Лиссабонѣ, если бы русскій адмиралъ не отказался помочь ему и не сдалъ кораблей своихъ англичанамъ, которые удержали ихъ въ Лондонѣ для того, чтобы отдать ихъ обратно при общемъ мирѣ; такъ говорили они. Экипажи возвратились въ Россію.

Это предало Жюно непріятелю и отняло у него всѣ шансы

*) См. Пешира, *possim*.

**) Фой т. IV. стр. 334.

на сопротивленіе. Онъ прпнялъ сдѣланное англичанами предложеніе перевести на счетъ ихъ армію его въ какой нибудь французскій портъ, не налагая на нихъ никакихъ условій предоставляя ей полную свободу продолжать войну и даже служить въ Испаніи. Это нанесло страшный ударъ Бонапарте; но его нанесъ не столько Веллингтонъ, сколько русскій адмиралъ, который, сдавъ флотъ англичанамъ, показалъ всю ненадежность союза съ Россією, и тѣмъ разсѣялъ то обаяніе, которое съ самого Тильзитскаго свиданія, держало Европу въ ужасѣ.

V.

Эрфуртская Комедія. Сентябрь-Октябрь 1808.

Ничто не показываетъ, чтобы русскій адмиралъ заслужилъ порицаніе государя своего. Александръ не рѣшился на это; онъ раздражилъ бы мать свою, дворъ и весь міръ. Даже изъ числа министровъ его только одинъ осмѣливался стоять, какъ и императоръ, за союзъ съ Францією. Французскіе эмигранты и пруссаки имѣли сильное вліяніе при дворѣ вмѣстѣ съ вдовствующею императрицею. Де Местръ и другіе французскіе эмигранты, острые и дерзкія словечки которыхъ разносились повсюду, благодаря добродушію императора Александра, поговаривали въ шутку о великомъ азіатскомъ средствѣ.

Александръ приводилъ русскимъ доводы о томъ, что союзъ съ Францією помогъ овладѣть Финляндією и вскорѣ поможетъ овладѣть княжествами—воротами оттоманской порты. Съ другой стороны, слугамъ Наполеона Савари, Коленкуру, онъ говорилъ, что нельзя рисковать раздражить Россію. Но если кто осмѣливался произнести слово о Польшѣ, то при имени этомъ напоминавшемъ такъ многія конфискаціи, Александръ

прекращалъ разговоръ и хранилъ молчаніе. Въ дѣйствительности Александръ, колебался между двумя сторонами, былъ обреченъ играть двойственную роль, желать или дѣлать видъ будто желаетъ союза съ Франціей и часто тайно служить коалиціи.

Въ то время надъ всею Европою носилось густое облако лицемерія. Почему-же сами англичане, которыхъ г-жа Сталь называла «рыцарями всемірной свободы», не способствовали плану Палафокса призвать принца Карла въ Испаніи для того чтобы во время скрѣпить лигу Испаніи и Австріи? Потому что у нихъ были свои планы на Испанію, что они хотѣли захватить Кадиксъ, этотъ важный портъ, или вѣрный мостъ въ Америку. Они пропустили удобную минуту и дождались той, когда Австрія была задавлена при Ваграмѣ. Наполеонъ не могъ вѣрить тому, что неловкіе враги его давали ему время передохнуть своими замедленіями. Онъ зналъ, что Австрія держала уже своихъ военныхъ агентовъ въ Севильѣ и думалъ, что устроится соглашеніе для великаго и общаго взрыва противъ него. Въ числѣ столькихъ враговъ онъ видѣлъ иныхъ колеблющихся, невысказавшихся, особенно въ Германіи, и разсудилъ, что для того чтобы заставить ихъ медлить и отступать, нужно показать имъ, въ самомъ сердцѣ Германіи великую фантазмагорію—*русскій союзъ*, показаться въ Эрфуртѣ, въ двухъ шагахъ отъ Пруссіи.

Нельзя было терять ни минуты. Время подвигалось. Прусская королева, сильно ободренная нашими пораженіями, думала ѣхать вмѣстѣ съ королемъ въ Петербургъ, убѣдиться помнитъ ли еще царь свою клятву и захочетъ ли исполнить ее, покровительствуя Пруссіи и принимая участіе въ близкомъ пробужденіи Германіи. Тогда Александръ очутился бы между двумя сиренами: королевой прусской и Наполеономъ, который

напротивъ увлекалъ его къ югу, къ великимъ планамъ восточнымъ. Западъ, съ воспоминаніями его—Фридландомъ и Аустерлицемъ, былъ непріятенъ Александру. Война съ Турціею болѣе манила его.

Въ началѣ сентября Александръ отправился въ Эрфуртъ, а королева прусская прибыла слишкомъ поздно, когда все было уже рѣшено. Наполеонъ, великій комедіантъ, самъ превзошелъ себя, но слишкомъ шаржировалъ роль свою. При такомъ тонкомъ человѣкѣ, какъ Александръ, онъ слишкомъ явно выказалъ свою тревогу, а также и то, какъ много онъ нуждался въ союзѣ съ Россіею. Ланфре замѣчаетъ очень вѣрно: «При Тильзитѣ онъ былъ господиномъ положенія, при Эрфуртѣ онъ былъ въ зависимости отъ него». Наполеонъ призвалъ въ Эрфуртъ всѣхъ нашихъ знаменитыхъ актеровъ того времени. Если онъ бралъ, какъ утверждаютъ, уроки у Тальмы, то онъ могъ бы научиться у него истинно королевскому или императорскому величію и отучиться отъ шаржированной итальянской игры. Онъ хотѣлъ видѣть знаменитыхъ людей Германіи, заставилъ Гете представиться ему и сказалъ ему слово простое и прекрасное. «Вы настоящій человѣкъ». вмѣстѣ съ царями мысли онъ пригласилъ тоже всѣхъ германскихъ государей и множество принцевъ. Чтобы ослѣпить такую высокую публику онъ приказалъ, несмотря на большія издержки, перевести изъ Парижа всю роскошь того времени: севрскій фарфоръ, гобеленовскіе обои и всѣ рѣдкости дворцовыхъ кладовыхъ.

Александръ, пріѣхавшій съ большою простотою и небольшою свитою, блестѣлъ манерами, любезностью, словами сказанными кстати; онъ воспользовался стихомъ одной трагедіи: «Дружба великаго человѣка есть даръ боговъ». Далеко ли пойдетъ дружба эта? Она принесла Александру два неоцѣнные дара:

Финляндію, Дунайскія княжества, и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣну самымъ стариннымъ союзникамъ нашимъ, Швеціи и Турціи. Наполеонъ съ своей стороны получилъ то, чего онъ хотѣлъ въ эту минуту: тщетное и лживое содѣйствіе въ войнѣ его съ Австріей, которое, какъ ни было оно тщетно и лживо, однако обмануло Европу и произвело желаемый эффектъ. Но какой видъ дружбы ни принимала бы Россія, Наполеонъ долженъ бы былъ лучше знать то, въ какой неумолимо враждебной ему средѣ жилъ Александръ. Вдовствующая императрица и супруга Александра, обѣ нѣмки такъ горячо въ душѣ стояли за Англію, что были готовы пожертвовать всѣмъ для того, чтобы повредить Наполеону. Наполеонъ же не могъ представить себѣ всю ненависть ихъ къ Россіи.

Въ 1809 г. онъ сдѣлалъ легкомысленную попытку дѣйствовать интригами, черезъ женщинъ; но агентъ его этого рода, красавица актриса Жираръ была выслана изъ Россіи. Англичане во всемъ дѣйствовали несравненно искуснѣе и счастливѣе Наполеона. Въ то самое время, когда Александръ повидимому держался всего далѣе отъ нихъ, они умѣли окружить его, или лично, или русскими вельможами, которые нетерпѣливо ждали возобновленія торговли съ ними, или наконецъ, нашими эмигрантами, которые составляли интимный кружокъ обѣихъ императрицъ.

VI.

Раздробленіе великой арміи. *Арабіати.* 1808

Эрфуртскіе политическіе празднества и комедіи дружбы совпали съ событіемъ, погружившимъ въ печаль всю военную Францію. Великая армія была тою же Франціею, но воен-

ною, отторженною отъ семьи и сверхъ всего этого утратившею идеальное отечество свое—республику, Францію, мужи которой вели бродячую жизнь по всей Европѣ. Много ли осталось изъ храбрецовъ 92 г., изъ тѣхъ, которые отвѣтили на призывъ: *Отечество въ опасности?* Герои Италіи, Египта легли въ черной могилѣ Санъ-Доминго, какъ и герои Самбры и Мезы, Рейна; ряды побѣдителей Цюриха, Аустерлица сильно порѣдѣли. Но въ арміи жила все та же душа. Вновь прибывшіе новобранцы, неизвѣстно въ силу какого чуда, воплощали въ себѣ предшественниковъ своихъ съ такимъ торжествомъ, что можно было ошибиться. Привычка къ усталости и страданію придавала имъ необыкновенный закалъ. Они были неустойчивыми ходоками и пренебрегали отдыхомъ. Мицкевичъ ребенкомъ видѣлъ, какъ они во дворѣ виленской коллегіи проводили ночь около огней, и спросилъ у сѣдобородыхъ героевъ: «Почему они не ложатся?» Они отвѣчали: «Не стоитъ!» Они тѣмъ хотѣли сказать, что скоро отдохнуть навсегда.

Все, сказанное Сисмонди о французскихъ войскахъ XVI столѣтія, воевавшихъ въ Италіи, еще съ большою справедливостью можетъ быть сказано о великой арміи, громившей Германію. Французовъ, не смотря на все легкомысліе и грабежъ ихъ, жалѣли, когда они уходили *). Они на другой же день исправляли то, что перебили наканунѣ. Наполеонъ не кормилъ ихъ и они были принуждены эксплуатировать страну. Буйные, но не скупые, какъ испанскіе солдаты, менѣе пьющіе и разпузданные, нежели ирландцы Веллингтона, они наконецъ, очень мало заботились о томъ чтобы уносить награбленное, какъ то дѣлали нѣмцы, еще недавно забиравшіе часы карманные и стѣнные въ подарокъ женамъ и дѣтямъ. Они охотно дѣлились

*) Еще въ 1830 г. когда я посѣтилъ при рейпскую Германію.

съ товарищами и Гете въ 92 г. видѣлъ, какъ они дѣлились чѣмъ могли съ непріятелемъ, съ отступавшими пруссаками. Пока можно было, они жили на квартирѣ и тотъ, у кого были деньги, платилъ за другихъ. Квартира эта становилась вторымъ отечествомъ, за неимѣніемъ далекой Франціи, которой не суждено было увидѣть. Часто нѣмецъ хозяинъ становился другомъ. Многіе изъ воиновъ нашихъ сильно печалились, покидая Германію.

Но насколько сильнѣе была печаль ихъ при разлукѣ съ корпусомъ, съ полкомъ, когда раскассированье это порвало вдругъ столько старыхъ привычекъ, столько воспоминаній. Если душа генераловъ была поглощена алчностью, честолюбіемъ, то духъ солдатъ оставался имъ чуждымъ; у солдата не было другихъ надеждъ, какъ жить изо дня въ день, не было другихъ связей кромѣ связей съ товарищами и нерѣдко съ семьей хозяина. Военное товарищество, которое и старая монархія и республика считали прекраснымъ связующимъ средствомъ, соединяло въ одинъ полкъ фламандцевъ, въ другой бретонцевъ въ третій басковъ. Гошъ, Ней и другіе сильно держались за эту систему; но не Бонапарте, который, воспитанный въ аристократической школѣ, не только не благопріятствовалъ военному товариществу, но напротивъ находилъ удовольствіе и политическую выгоду разжигать зависть и соперничество генераловъ своихъ. Привыкшій видѣть въ людяхъ только орудія свои, онъ забылъ, что армія Италіи и Египта великими успѣхами своими обязаны только сильной связи соединявшей ихъ. Великая армія, менѣе однородная, тоже, въ великихъ кризисахъ была громаднымъ орудіемъ, которое изъ многоразличныхъ звуковъ даетъ одну гармонію.

Наполеонъ, въ дни пораженій своихъ, когда великая армія, по прежнему мужественная, но раздробленная, разбитая

очутилась лицомъ къ лицу съ народами, принесшими въ сраженіе единую душу, долженъ былъ вспомнить тотъ день, канунъ Аустерлица, когда армія, проходя лѣсомъ, увѣнчала себя вѣтвями и единодушнымъ движеніемъ предсказала себѣ побѣду. Насильственный разрывъ совершился по переходѣ черезъ Рейнъ, старыя войска, посылаемыя въ Германію, были въ отчаяніи. Молодые, оставшіяся въ Германіи, чувствовали себя осиротѣлыми, когда ихъ разлучили съ старыми усадами, которые до сихъ поръ водили и учили ихъ. Праздники, которые императоръ устроилъ на походѣ войскамъ отправлявшимся въ Пиринеи, обѣды, спектакли вызывали смѣхъ и слезы. Это было показное веселье, веселье похоронъ. Онъ приказалъ *сочинить пѣсни*, «три рода пѣсень». Но ни одна изъ нихъ не была пропѣта.

Ворота Испаніи и окраина земли басковъ ничѣмъ не печалятъ взоръ: фантастическія вершины сулятъ тысячи неожиданныхъ, тысячи чудесныхъ приключеній. Наполеонъ, приводя туда громадныя массы войска, сначала доставлялъ имъ большіе запасы провіанта. Потомъ все вдругъ прекратилось. Онъ хотѣлъ выжать необходимое изъ Испаніи. Но Испанія растаяла передъ нимъ и ему пришлось выжимать одну пустыню. Онъ безъ труда разсѣялъ испанскія массы, которыя, глупо гордясь Байленомъ, осмѣлились идти противъ него. Самонадѣянность ихъ сильно раздражила его и онъ, думая только объ одномъ—*показать примѣръ*, напустилъ на нихъ жестоко солдатъ и сдѣлалъ солдата дикаремъ. Слѣдствіемъ было разграбленіе Бургоса. Король Іосифъ, бывшій съ нимъ, сильно негодовалъ видя, что по ночамъ бивуачные огни зажигали дорогою мебелью, музыкальными инструментами и пр. и онъ напрасно предупреждалъ о томъ императора *).

*) Міо т. III стр. 119.

Наполеона сильно огорчало то, что армія была такъ очевидно печальна и шла съ неохотой. Обширныя сухія равнины Старой Кастиліи, солончаки ихъ, навѣвавшіе уныніе на самыя мужественныя сердца, казались печальнымъ предзнаменованіемъ. Между старой и новой Кастиліей поднимается довольно высокая горная цѣпь, которую зовутъ Гвадеррама. Ничто не можетъ быть унылѣе этой горной мѣстности и ближайшихъ къ ней мѣстъ, гдѣ короли построили пышную гробницу свою, погребальный дворецъ Эскуріаль. На вершинѣ горы только одна узкая площадка раздѣляетъ оба склона, къ Дуро и къ Таго. Испанцы поставили передъ этимъ проходомъ, называемымъ Сомо-Сьерро, батарею защищавшую уступы горы. Наполеонъ, дойдя до подножия горы, былъ пораженъ мрачнымъ видомъ старыхъ солдатъ своихъ, храбрость которыхъ была такъ испытана.

Онъ совершенно вѣрно разсудилъ, что правильная атака, штурмъ могутъ быть кровопролитны и думалъ овладѣть позиціею, сдѣлавъ кавалерійскую атаку. Кто то рассказываетъ, что наканунѣ прибыла молодежь изъ Варшавы. Юноши эти были такими новичками, что имъ не довѣрили еще ни лошадей ни ружей, и они учились пѣшіе и съ деревянными ружьями. Наполеонъ увидѣлъ ихъ, нашелъ, что они полны пылу, нетерпѣнія, и сказалъ имъ слово, приведшее ихъ въ восторгъ: «что они будутъ имѣть честь пройти ущелье прежде императорской гвардіи». Она шла подкрѣпить ихъ подъ предводительствомъ храбраго Монбрюна. Около 1850 г. я видѣлъ того лейтенанта, который въ 1808, еще юношей, велъ ихъ и прошелъ первымъ. «Это было волшебство», говорилъ онъ: «послѣ нѣсколькихъ залповъ, испанцы бросили все. Гора вмгъ опустѣла. Взойдя на верхъ, я сказалъ единственному товарищу, который слѣдовалъ за мной: «А другіе»?—Они остались на дорогѣ».

Всего хуже то, что Наполеонъ, только что прибывшій изъ Эрфурта, не захотѣлъ признать ту роль, какую поляки играли въ этомъ дѣлѣ. Онъ приписалъ всю честь ея имени пріятному Россіи со временъ Екатерины II, молодому Сегюру, тому самому, который впоследствии женился на дочери Ростопчина. И никакіе протесты съ стороны поляковъ, которые открыли ему проходъ, не подѣйствовали на него. Сегюръ остался въ бюллетеняхъ *). Прекрасная польская гравюра представляетъ намъ этого человѣка въ серомъ сертукѣ, или вѣрнѣе призракъ этотъ, который, не взглянувъ даже на кровавыя тѣла молодыхъ побѣдителей Само-Сьерры, прошелъ черезъ ущелье и напалъ на Мадридъ. Но въ какомъ онъ былъ изступленіи гордости и безумной ярости. Это могутъ описать только психіатры. То, что они называютъ *сознательной мономаніей*, порою превосходитъ умопомѣшательство; потому что она заключаетъ въ себѣ не тщетныя мечты, какъ прекрасное и благородное безуміе Донъ-Кихота, но расположеніе, въ которомъ больной становится бѣшенымъ, наносящимъ вредъ самому себѣ, находитъ злостное торжество терзать и ранить самого себя и дѣлать все, что можетъ погубить его. И все это очень часто съ тщеславнымъ и смѣшнымъ краснорѣчіемъ.

Лишь только Наполеонъ вступилъ въ Испанію, какъ съ первыми встрѣченными имъ испанцами пустился въ неистовую болтовню **). Онъ осыпаетъ ихъ ругательствами, онъ вызываетъ ихъ т. е. подстрекаетъ ихъ къ самозащитѣ, къ возста-

*) Старый полякъ удивлялся этому и негодовалъ на Тьера, который, не смотря на жалобы его, постоянно держался бюллетеней; но что случилось съ старикомъ этимъ, неизмѣнно фанатичнымъ поклонникомъ Наполеона, когда прибывъ въ Парижъ, онъ прочелъ въ *перепискѣ Наполеона* письмо своего обожаемаго императора, въ которомъ тотъ говоритъ, безъ всякихъ оговорокъ: «не надо говорить о полякахъ, прошу васъ, что бы ни случилось, не надо говорить о полякахъ».

**) На половину французскую, на половину итальянскую. См. Міо.

нію. «Я пришелъ съ солдатами Аустерлица. Кто остановитъ ихъ? Конечно не ваши плохія войска, которыя не умѣютъ сражаться. Права мои на Испанію — права побѣдителя. И такъ какъ я не могу болѣе довѣрять народу, то я приму свои предосторожности; я подчиню всю Испанію военному управленію». Чѣмъ далѣе онъ вступаетъ въ Испанію, тѣмъ болѣе портитъ все. Безъ него тысячи обстоятельствъ благопріятствовали Іосифу: недовѣріе испанцевъ къ англичанамъ, опасеніе что они возьмутъ Кадиксъ и отнимутъ у Испаніи обширныя владѣнія ея въ Америкѣ. Англичанинъ Муръ, побитый испанцами и по пятамъ преслѣдуемый Сультомъ, погибъ при отступленіи и былъ счастливъ тѣмъ, что могъ отправить свои войска моремъ въ Коронью. Партія немногочисленная, но составленная изъ людей просвѣщенныхъ, какъ прежній министръ Урквію, совершенно вѣрно угадала, что Фердинандъ будетъ чудовищемъ, и потому оставалась вѣрна Іосифу. Большіе торговые города Андалузій были расположены къ нему и встрѣчали его. Іосифъ на всѣ мѣста назначалъ испанцевъ и старался убѣдить ихъ въ своей полной преданности Испаніи *).

Наполеонъ, прибывъ въ Мадритъ, какъ безумный, отталкиваетъ сторонниковъ Іосифа. Онъ говоритъ все, что можетъ повредить брату его. Онъ отзывается о немъ, какъ о государѣ уже сверженномъ съ престола. Онъ можетъ и *возстановить его на престолъ*, если только испанцы будутъ вести себя умно. «Договоры и конституція—все уничтожено. Остается

*) Я съ удивленіемъ видѣлъ такихъ испанцевъ, которые, какъ старикъ священникъ бургосскій, почтенный Веласко, были до того глубоко проникнуты нашими идеями гуманитарной филантропіи, что я скажу словами Руссо изъ его «Исповѣди», что то были благороднѣйшія еердца, какія только могла произвести природа.

одно право завоеванія». Онъ казнить не болѣе десяти чело-
вѣкъ и пощадить духовные ордена. Онъ уничтожить только
одну инквизицію. И инквизиція съ этой минуты стала попу-
лярной. Испанія не можетъ обойтись безъ нея и это до того,
что революціонная юнта принуждена была возстановить ее
въ угоду народу.

Въ то время какъ Наполеонъ и Испанія осыпали другъ
друга ругательствами и вели такія мудрыя бесѣды, разрази-
лась вѣсть: Германія въ огнѣ. Наполеонъ въ Валладолидѣ
узналъ, что она ускользаетъ изъ рукъ его. Письмо баварска-
го короля принесло этотъ ударъ. Догъ, котораго обожгутъ
раскаленнымъ углемъ для того, чтобы заставить его выпус-
тить добычу, не могъ быть болѣе яростенъ нежели Бонопар-
те. Вотъ онъ, этотъ ударъ, подготовляемый съ 1806 г.! Вотъ
она, въ тиши подготовленная измѣна Германіи! Какъ были
правы тѣ, которые говорили ему тогда, вопреки совѣту из-
мѣнника Талейрана: «уничтожайте Австрію». Бѣшенство На-
полеона было очень заразительно; германская и итальянская
арміи раздѣлили его. Первая, сѣверная армія, болѣе молодая
и менѣе привычная къ войнѣ, казалось, задыхалась отъ на-
пора крови, но была очень дурно дисциплинирована. Вторая,
старая, находившаяся въ Испаніи, генералы которой на время
были отозваны для дѣла при Ваграмѣ и потомъ возвратились
въ Испанію для того только, чтобъ идти на Москву, была
утомлена, раздражена этими перекидываньями.

Солдаты наши, такъ веселые, такъ терпѣливо сносившіе
все во времена республики, сильно измѣнились характеромъ:
они остались покорными, но стали *ворчунами*, Испанія много
тому способствовала и жестоко измѣнила ихъ. Африканскій
климатъ ея, такъ холодный зимой и жгучій лѣтомъ, беско-
нечныя равнины, покрытыя солончаками, иссушили, озлобили

солдатъ нашихъ. Бѣгство, отвращеніе, явный ужасъ испанскаго населенія вызвали одичалость нашихъ солдатъ и перѣдко дѣлали ихъ безжалостными. Сопротивленіе, звѣрски геройское, Сарагоссы и другихъ городовъ не возбудили въ нихъ удивленія. Карнаваль монаховъ, примѣшанный ко всему, въ глазахъ французовъ придавалъ такой шутовскій видъ всему. И это не безъ основанія. Какъ? Такіе отчаянные усилія имѣютъ цѣлью только возстановить на престолѣ Фердинанда, возстановить инквизицію!

Бѣшенство—болѣзнь, которая очень легко доводитъ Испанію до неистовства, какъ это видѣли во всѣ времена, въ преслѣдованіяхъ евреевъ и мавровъ,—очень заразительно и передается легко. Это видѣли при упорныхъ осадахъ въ 1808 г. кто тогда неистовствовалъ болѣе — осажденные или нападающіе? При второй осадѣ Сарагоссы, когда Ланнъ наконецъ одержалъ верхъ, характеръ его обнаружился въ усиленной степени злобы и насилія. Этотъ герой итальянскихъ походовъ, который былъ раненъ четыре раза при Арколѣ и не вышелъ изъ сраженія, раздражался собственными ранами, упивался своею кровью; теперь онъ сказалъ городскимъ властямъ Сарагоссы: «Я ручаюсь за безопасность женщинъ и дѣтей? чего же еще хотите?» Они не приняли условія и онъ предалъ городъ грабежу. Таковъ былъ дикій герой ваграмскаго похода. Онъ отправился туда раздраженный до звѣрства. Можно сказать, что онъ не могъ уже овладѣть возраставшимъ бѣшенствомъ своимъ, кипучестью военнаго пыла и страстью къ опасности, уносившей его. Искалъ ли онъ смерти? Этого никто не знаетъ. Раздробленіе великой арміи, огненной душой которой онъ былъ, казалось, сорвало его съ корня и въ мрачномъ свѣтѣ показывало ему будущее.

VII.

Эсслингъ и Ваграмъ. 1809 г.

Наполеона спросили послѣ Ваграма, зачѣмъ онъ не дождался, какъ при Аустерлицѣ, попытки непріятеля окружить его. Онъ отвѣчалъ: «Потому что ваграмская армія не аустерлицкая». Это хорошо знали, даже преувеличивали результаты превращенія. Конечно армія, вслѣдствіе раздробленія своего, утратила многое изъ высокихъ нравственныхъ качествъ своихъ; но она по прежнему обладала великими военными качествами, которыя воспроизводились отчасти даже и въ рекрутахъ 1808 г. Очень плохо рассчитывали время необходимое на то, чтобы передѣлать и снова приспособить этотъ громадный механизмъ; думали, что на это нужно шесть мѣсяцевъ. И не понимали, что для того чтобы увлечь эту молодежь, достаточно было поставить посреди нея живыя знамена, электрическое пламя которыхъ могло охватить все; такимъ знаменемъ, на примѣръ, былъ Ланнъ еще пылавшій взятіемъ Сарагоссы. Никогда еще Наполеонъ не предъявлялъ такого сильнаго запроса на военную ярость этого великаго солдата, который, ослѣпленный ею все болѣе и болѣе, казалось, искалъ смерти; онъ наконецъ и нашелъ ее при Эсслингѣ.

Что же поддерживало Испанію противъ такой холерической, неистовой отваги? Что же при Байленѣ отдало бандамъ ея побѣду и это надъ самыми прославленными войсками Франціи? Вся Европа знала что одно имя *свободы* сдѣлало чудо это. *Свобода* отъ тираніи Наполеона — вотъ былъ всемірный лозунгъ. Австрія, бывшая до этой минуты оплотомъ деспотизма, центромъ ретроградной партіи Европы, могла ли измѣнить роль и языкъ, и принять лозунгомъ борьбы слово это,

такъ ненавистное, взятое у Франціи, у революціи? Она попыталась сдѣлать это и съ успѣхомъ, въ Тиролѣ для отпора баварцамъ. Въ Италіи даже попытались провозгласить это опасное слово; хотѣли организовать нѣсколько очаговъ возстанія. Но все это дѣлалось очень неохотно, съ очень слабымъ успѣхомъ, съ очевиднымъ страхомъ успѣть слишкомъ хорошо. Что же будетъ, говорили между собой всѣ эрцгерцоги, если всѣ наши дунайскіе варвары выучатся понимать и повторять это роковое, чудодѣйственное слово? Австрія, произнося его, сама боялась его, какъ кудесникъ, который трепещетъ отъ страха при заклинаніяхъ своихъ и воззваніяхъ къ нечистой силы.

Всѣ описанія ваграмскаго похода, какія только существуютъ, не удовлетворяютъ меня и даже заключаютъ въ себѣ много противорѣчащихъ свѣдѣній. Передаютъ угрозы Наполеона австрійскому посланнику: онъ говорилъ, что знаетъ какъ нельзя лучше, что Австрія готовится къ войнѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ зналъ, что партія войны господствовала въ Вѣнѣ, что императоръ австрійскій, женатый вторично, поддался вліянію молодой жены, сильно подстрекавшей его вооружаться; что его подстрекало къ тому же и высшее общество, даже русскій посланникъ, мало придававшій значенія союзу Александра съ Наполеономъ. Это было очевидно. Рѣчи испанскихъ кортесовъ продавались публично въ Вѣнѣ. Все это было извѣстно Наполеону и потому его нельзя было захватить въ располхъ, онъ могъ организовать въ двѣ недѣли быстрый переѣздъ генераловъ изъ Испаніи въ Германію, они на почтовыхъ проѣхали Францію отъ Пиринеевъ до Рейна и нашли уже вступившую въ Германію, молодую армію, которую выставляли противъ Австріи.

Ваграмская кампанія, возбудившая такое удивленіе, пред-

ставляетъ однако много пятенъ, которыя заставляютъ думать, что не только армія стала ниже, какъ это говоритъ Наполеонъ, но что и самъ онъ былъ уже не прежнимъ Бонапарте; онъ прежде всего сдѣлалъ ошибку положиться на Бертъ въ первыхъ операціяхъ этой опасной войны, гдѣ впереди у него стояла Германія, а позади продолжалась война съ Испаніей. Неловкій Бертъ началъ съ того, что развелъ на цѣлыя тридцать лье разстоянія Даву и Массену, которые, по планамъ императора, должны были идти вблизи другъ отъ друга, вдоль обоихъ береговъ Дуная. Наполеонъ, прибывъ наконецъ на мѣсто, увидѣлъ оплошность и исправилъ ее. Эрцгерцогъ Карлъ рассчитывалъ напасть на центръ нашей арміи, составленный изъ нѣмцевъ—баварцевъ; но Наполеонъ лично сталъ посреди нихъ и очаровалъ ихъ довѣріемъ своимъ. Направо отъ нихъ стоялъ Ланнъ съ двумя французскими дивизіями, которыя открыли нѣмцамъ путь къ побѣдѣ и захватили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ австрійцевъ. Въ нѣсколько дней кампанія, упрощенная цѣлымъ рядомъ блестящихъ сраженій, была окончена, и Наполеонъ вступилъ въ покинутую Вѣну. Эрцгерцогъ Карлъ былъ отброшенъ въ Богемію; эрцгерцогъ Іоаннъ, не смотря на кой какіе успѣхи, не можетъ помѣшать Евгенію соединиться съ Наполеономъ.

Остановимся теперь на минуту, чтобы бросить взглядъ на молодую армію, которая, несмотря на неопытность свою, одержала такіе успѣхи. Наполеону слѣдуетъ предоставить оцѣнку заслугъ ея. Онъ и сдѣлалъ это. Послѣ Эрфурта онъ раздалъ несчетные дары генераламъ своимъ: герцогства, княжескія владѣнія. Здѣсь, въ Ратисбонѣ, дѣлая смотръ арміи такъ молодой еще, но уже такъ алчной, онъ какъ нельзя лучше угадалъ корыстныя мысли волновавшія солдатъ и которыхъ они не смѣли еще высказывать: «что намъ за выгода отъ

всѣхъ этихъ леновъ розданныхъ генераламъ? Мы будемъ убиты прежде чѣмъ успѣемъ заслужить такія же награды». Императоръ понялъ. Этотъ великій развратитель зналъ, что награды такой высокой степени и такъ рѣдкія не достаточное искушеніе, и потому учредилъ *бароніи*. Бароніи эти даются такъ сказать, по конкурсу, по представленію начальства и даже самихъ войскъ, которыя скрѣпляютъ ихъ своими кликами. Это была военная демократія учрежденная въ нѣдрахъ грабежа, цѣлый міръ надеждъ, поданныхъ каждому.

Необходимость спѣшить съ этой мѣрой была несомнѣнна. Успѣхи Испаніи ободрили патріотовъ сѣверной Германіи, а на югѣ Тироль былъ охваченъ огнемъ. Новый государь его, баварскій король продалъ монастырскія имѣнія и тѣмъ раздражилъ и спустилъ съ цѣли монаховъ. Монашескій крестовый походъ противъ французовъ прибрѣлъ страшную силу, когда Римъ, занятый ими, далъ папѣ случай представить себя въ манифестахъ своихъ плѣнникомъ Наполеона. Манифесты эти, распространенные въ Тиролю, имѣли какъ и въ Испаніи сильное дѣйствіе съ двухъ сторонъ. Наполеонъ почувствовалъ ударъ и послалъ не менѣе сорока тысячъ человекъ въ Тироль съ Лефевромъ, грубымъ солдатомъ, и Руска, прежнимъ начальникомъ саперовъ итальянской арміи, горцемъ будто нарочно созданнымъ для этой войны. При такомъ положеніи сѣвера и юга, Наполеонъ сознавалъ необходимость поразить центръ рѣшительнымъ ударомъ; онъ взялъ Вѣну и готовился перейти черезъ Дунай, прежде нежели эрцгерцогъ Карлъ успѣетъ получить ожидаемое подкрѣпленіе въ пятьдесятъ тысячъ человекъ, которыхъ эрцгерцогъ Іоаннъ велъ изъ Италіи.

Минута была неблагопріятная, потому что къ концу мая отъ таянія снѣговъ Дунай разливается и становится бурливымъ и опаснымъ. Острова, напримѣръ Лобау близъ Вѣны,

казалось облегчали переправу и даже общались успѣхъ ея. Даже эрцгерцогъ самъ общалъ это, потому что отступилъ не на далекое разстояніе и хотѣлъ атаковать французовъ, только когда они раздѣлятся и треть арміи ихъ перейдетъ. Такъ и случилось. Когда тридцать тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Массены и Ланна переправились черезъ рѣку около Асперна и Эсслинга, онъ напалъ на нихъ съ семидесятью пятью тысячами войска, уничтожилъ мосты позади ихъ брандерами, лодками, бревнами, словомъ всѣмъ, что несло рѣка. Все это произошло на глазахъ наполеоновской арміи находившейся на островѣ Лобау и на другомъ берегу рѣки.

Положеніе было ужасное. Оба покинутые генерала, Массена и Ланнъ, оказали чудеса храбрости, Массена защищавшій селеніе Аспернъ отбивалъ его четыре раза. Принцъ Карлъ, чтобы еще разъ собрать своихъ, шелъ впереди со знаменемъ въ рукахъ; Ланнъ тоже, не смотря на малочисленность своего отряда, пытался самъ впереди всѣхъ пробиться сквозь центръ непріятеля. Онъ погибъ въ этомъ дѣлѣ. Ядра, подъ которыми онъ проходилъ, разбили ему оба колѣна. И вотъ Массена одинъ. Ночь проходитъ, настаетъ утро, и тогда увидѣли бѣдствіе. Не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни военныхъ снарядовъ. Надо сопротивляться, не давъ ни одного ружейнаго выстрѣла, цѣлый день отбиваться штыкомъ. Наконецъ, на вторую ночь помощь могла подоспѣть на лодкахъ, и плашкоутныхъ мостахъ. Массена привелъ людей своихъ въ Лобау и вполне заслуженно получилъ титулъ принца Эсслингскаго. Ланнъ такъ жестоко изувѣченный, приговоренный къ ампутаціи обѣихъ бедеръ, то есть къ смерти, былъ тоже перевезенъ туда. Наполеонъ, говорятъ, заплакалъ, думая безъ сомнѣнія, что конецъ этого великаго полководца былъ и концемъ его счастія. Я думаю, что напрасно полагаютъ, будто

Ланнѣ передъ смертью упрекалъ Наполеона, онъ сказалъ всего одно слово: «Спасайте армію». Вся армія находилась на островѣ Лобау, ее защищалъ Массена; сверхъ того на правомъ, южномъ берегу увидѣли подходившій корпусъ Даву и вскорѣ корпусъ Евгенія, который велъ свое войско изъ Италіи. Наполеонъ провозгласилъ себя побѣдителемъ и приписалъ несчастный случай внезапной прибыти воды въ Дунаѣ. Однако онъ цѣлыя шесть недѣль не начиналъ военныхъ дѣйствій, съ 22 мая по 6 іюля 1809.

Это роковое промедленіе, которое Еврона истолковала во вредъ Наполеону, погубило бы его, еслибы прусскій король имѣлъ мужество двинуться и дать центръ для частныхъ возстаній герцога Брауншвейгскаго, Шилля и другихъ германскихъ патріотовъ. Министръ его, Шангорстъ, завѣрилъ его, что можно немедленно выставить 120.000 человекъ. Въ такомъ случаѣ его подкрѣпила бы не только Австрія, но даже быть можетъ и Россія. Впрочемъ прусскій король своими безконечными требованіями могъ скорѣе оттолкнуть Россію; онъ не хотѣлъ двинуться, если ему не отдадутъ часть Саксоніи и даже австрійской Польши. Этотъ послѣдній пунктъ могъ совершенно раздражить Александра. Наконецъ, онъ *не хотѣлъ двинуться*, какъ онъ говорилъ прежде тѣмъ Австрія не одержитъ рѣшительную побѣду. И такъ шесть недѣль прошли бездѣйствіи, къ выгодѣ Наполеона. Эти, такъ критическія для него, шесть недѣль были какъ бы отсрочкой великой тяжбы, дня Божьяго суда.

Эта отсрочка вывела на свѣтъ позорное коварство Австріи, которая выставила свободу девизомъ на знаменахъ, но ненавидѣла ее въ сердцѣ своемъ. Этотъ лицемерный дворъ, эти надменные женщины, составлявшія свиту новой императрицы, не были способны лгать до конца, испугались помощи наро-

довъ и приняли помощь только отъ однихъ королей. Короли странно колебались. Король прусскій каралъ собственныхъ сторонниковъ. Одинъ изъ офицеровъ его слѣдилъ все время за эсслингскимъ сраженіемъ, не зная которую сторону приметъ государь его. Русскій царь, который не могъ, какъ прусскій король, найти отговорку въ страхѣ и слабости, не менѣе его казался нерѣшительнымъ. Наполеонъ самъ говорилъ, что не можетъ вѣрить союзу съ Россіей. И дѣйствительно Александръ опасался, что возстановляя поляковъ противъ Австріи, можно вызвать и возстаніе цѣлой Польши. Въ Краковѣ русскіе попытались, но безплодно, не дать французамъ войти въ городъ; они повсюду возстановляли австрійскую администрацію.

Наполеонъ былъ въ Шёнбрунѣ и не хотѣлъ дѣйствовать, пока итальянская армія его была занята осадой Рааба. Въ продолженіи бездѣйствія своего, онъ узналъ, что около 12 іюля англосицилійскій флотъ крейсировалъ у береговъ Италіи, на широтѣ Рима. Онъ понялъ какъ нельзя лучше, что у него хотѣли похитить папу, чтобы употребить священный механизмъ этотъ въ Испаніи, или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Онъ объявилъ Римъ императорскимъ городомъ и, не давая генераламъ никакого точнаго и положительнаго приказанія, заставилъ схватить папу и перевезти его въ Тоскану. Онъ давалъ ему два милліона дохода, но уничтожалъ земную власть его и присоединялъ владѣнія его къ французской имперіи. Этотъ актъ, такъ неожиданный при такихъ важныхъ военныхъ событіяхъ, поразилъ Европу изумленіемъ, повергъ католическій міръ въ оцѣненіе и былъ предвѣстіемъ сраженія, въ которомъ Австрія понесла такой смертельный ударъ. Тогда подумали, что ничто не укроется отъ взглядовъ орла этого, изъ Шенбруна такъ хорошо видѣвшаго то, что дѣлалось въ

Италіи, и такъ быстро разсѣкшаго узелъ, развязать который не могли столь многіе вѣка.

Напротивъ того, австрійскій дворъ былъ олицетвореніемъ нерѣшительности, медлительности, глупости. Дворъ не только не оцѣнилъ искусство и геройство, выказанныя принцемъ Карломъ при Эслингѣ, но враждебная побѣдителю придворная кабала и даже сами братья его дѣйствовали противъ него, подставляли такъ много препятствій въ его штабѣ, что онъ нѣсколько разъ хотѣлъ подать въ отставку. Эрцгерцога Іоанна, которому не повезло въ Италіи, завидовалъ ему и увѣрялъ, что будучи преслѣдуемъ арміей Евгенія, онъ не могъ соединиться съ Карломъ, который, согласно уговору ихъ, призывалъ его передъ послѣднимъ рѣшительнымъ сраженіемъ. Но Карлъ призывалъ напрасно. Іоаннъ не подоспѣлъ къ Ваграму съ пятидесятью тысячами венгерцевъ, которыхъ онъ на вербовалъ въ Венгріи.

Наконецъ, 5 іюля Наполеонъ окончилъ громадныя приготовленія свои, укрѣпилъ Лобау, увеличилъ число мостовъ, редутовъ, собралъ подъ руку Евгенія, Даву и Бернадота. У него было сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, у Карла семьдесятъ пять. Ночью разразилась страшная буря, но не смотря на нее перешли мосты. Днемъ наступилъ удушливый жаръ, еще усиленный испареніями зрѣлыхъ жатвъ и желтѣвшихъ колосьевъ прибитыхъ къ землѣ. Австрійцы, венгерцы и др. умирали отъ жажды; на ихъ сторонѣ не было воды и они постоянно смотрѣли не идетъ ли эрцгерцогъ Іоаннъ, ведя пятьдесятъ тысячъ подкрѣпленія. Однако французская армія, большею частью очень молодая, въ началѣ поддалась паникѣ, которую Макдональдъ и Удино остановили съ трудомъ. Вѣсть о ней, немедленно понесшаяся съ поля сраженія, распространилась на сѣверѣ и Берлинъ задрожалъ отъ радости.

Французская артиллерія поддержала и обезпечила исходъ сраженія, соперничая въ быстротѣ и подвижности съ кавалеріей. Гвардейская артиллерія оказала чудеса храбрости, а большія орудія, оставленныя въ Лобау и прикрывавшія ядрами своими противоположный берегъ, остановили австрійцевъ, которые шли изрубить и совершенно уничтожить четыре дивизіи Массены. И онъ, въ этой великой боинѣ, несшій на себѣ всю тяжесть сраженія, былъ обреченъ погибнуть, какъ Ланнъ; но онъ спасся какимъ то чудомъ. Древніе, въ великихъ опасностяхъ, приносили человѣческія жертвы Смерти или Марсу (Marti, Morti). Можно сказать, что въ этомъ кризисѣ, Наполеонъ искупилъ себя, принеся въ жертву двѣ души арміи, великаго солдата своего, Ланна, и великаго вождя своего, Массену. Двадцать двѣ тысячи французовъ легли и столько же австрійцевъ. Уцѣлѣвшіе побѣдители, молодые и удивленные побѣдой своей, кинулись послѣ сраженія на припасы австрійскаго лагеря и до того упивались въ продолженіе трехъ дней, что непріятель, если бы вернулся, могъ бы искрошить ихъ какъ его душѣ было бы угодно.

УШ.

Австрійскій бракъ 1810.

Роялисты говорили, что Бонапарте былъ «случайнымъ существомъ, однимъ изъ тѣхъ грибовъ, которые, родясь вчера, должны на завтра умереть». Въ ожиданіи этого времени они старались, какъ только могли, выжать свои выгоды изъ гриба. Они черезъ Жозефину добивались возвращенія своихъ имуществъ. Де-Местръ, корифей ихъ, получилъ отъ покровительствовавшего ему русскаго двора позволеніе просить у Напо-

леона свиданія. Тотъ не отвѣчалъ и не хотѣлъ видѣть за носчиваго интригана. Наполеонъ, сдѣлавшій такъ много для ретроградной партіи, два раза пощадившій Австрію, возстаповившій въ 1802 г. папство, зналъ очень хорошо, что партія эта ожидала и желала его смерти, паденія и съ радостью видѣла его связаннымъ съ безплодною Жозефиною, коронованною, но оподленною позорнымъ дѣломъ Гортензін, которымъ прогремѣла вся европейская пресса. Жозефина повсюду слѣдовала за Бонапарте, не скрывавшимъ своего отвращенія къ ней.

Всѣ предвидѣли разводъ. Сестры Бонапарте сильно подстрекали его, но въ тоже время боялись появленія иностранной принцессы и хотѣли, чтобы онъ женился на французженкѣ. Это было тоже мыслью лучшихъ царедворцевъ и между прочимъ Нарбонна, который полагалъ, что императоръ долженъ былъ опереться только на Францію. Сестры орудовали это дѣло и очень не деликатно, безпрестанно водя съ собою императора въ институтъ Сенъ-Дени и соблазняя его видомъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ. Его всего чаще приводили именно въ ту минуту, когда первая красавица, казавшаяся уже императрицей по величественной граціи, раздавала бѣднымъ положенную милостыню заведенія *).

Однако во время эрфуртскаго свиданія, онъ имѣлъ мысль породниться съ Россіей; но мать императора Александра, питавшая отвращеніе къ одной мысли объ этомъ, поспѣшила выдать замужъ великую княгиню, о которой шли переговоры, за одного мелкаго принца Германіи. Въ декабрѣ 1809 г. послѣ Ваграма, Бонапарте, который такъ щедро расплатился

*) Я зналъ эту прекрасную и добродѣтельную особу; я получилъ всѣ эти свѣдѣнія отъ г-жи Анжеле, наставницы Сенъ Дени, и г. Вильмена, секретаря Нарбонна.

за сомнительную дружбу царя Финляндіей и княжествами дунайскими, счелъ себя въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ, что просилъ руки другой сестры его. Но прежде чѣмъ вступить въ такой союзъ съ Наполеономъ, Александръ хотѣлъ, чтобы онъ подписалъ такое соглашеніе: *что Польша никогда не будетъ восстановлена*, т. е. отнять у поляковъ всю надежду на Францію, а у Наполеона мечъ Польши, мечъ опасный который Наполеонъ могъ когда нибудь употребить противъ него. Это значило: «Породнимся, я согласенъ, но прежде положите этотъ мечъ».

Наполеонъ не хотѣлъ сдѣлать этого подъ предлогомъ чести Франціи. Чтобы получить руку русской великой княгини, онъ долженъ былъ положить въ свадебную корзинку Польшу и собственное униженіе. Сверхъ того онъ опасался, что русскій дворъ видѣлъ слишкомъ хорошо сквозь стѣны Сень-Клу и зналъ, что вдовствующая императрица требовала чтобы дочери ея каждый день писали ей обо всемъ. И потому, не дожидаясь конца десятидневнаго срока, назначеннаго для отвѣта, онъ порвалъ все и просилъ руки дочери австрійскаго императора.

Это произвело сильное впечатлѣніе; это значило вступить въ союзъ съ ретроградной партіей, главною представительницею которой до сихъ поръ была Австрія. Странное противорѣчіе: онъ только что захватилъ папу въ плѣнъ и, чтобы укрѣпить преобладаніе свое надъ церковью, онъ давалъ пенсіи священникамъ, создалъ лишнихъ пять тысячъ приходовъ и учреждалъ стипендіи въ семинаріяхъ. Но въ то время когда онъ выбиралъ старую партію—Австрію, онъ оттого не сталъ лучше обходиться съ фамиліей, съ которою роднился. Если кто желаетъ видѣть насколько Австрія была расположена къ этому браку, пусть посмотритъ въ Версалѣ посредственную,

но очень вѣрную картину, въ которой жалкій Францъ идетъ на первое свиданіе съ Наполеономъ. Идетъ? Его толкаетъ какое то механическое движеніе, чуждое волѣ его. Этотъ бѣлокурый и розовый призракъ имѣетъ въ себѣ нѣчто странное и возбуждаетъ ужасъ; это мрачный автоматъ, въ которомъ уже теперь можно предугадывать тюремщика Шпильберга.

Бракъ этотъ былъ человѣческой жертвой. Марія Луиза, не смотря на ослѣпительный полнокровный блескъ и свѣжесть двадцати лѣтъ, была какъ мертвая. Ее предавали Минотаврѣ, страшному врагу семьи ея, убійцѣ герцога энгленскаго. Онъ пожретъ и ее?.. Желтая корсиканская кожа его отъ ожирѣнія приняла бѣловатые, совершенно фаптасмагорическіе оттѣнки; дочь сѣвера, роза, нѣсколько пошловатая, какъ ее изображалъ Прюдонъ, пугалась прикосновенія къ ней. Все было устроено съ необычайною поспѣшностью. Предложеніе было сдѣлано 7 марта; 8 подписали контрактъ, 11 бракосочетаніе было совершено въ Вѣнѣ, и принцъ Карлъ, представлявшій Наполеона, былъ повѣнчанъ съ Маріей Луизой, т. е. имѣлъ огорченіе передать ему жертву, какъ добычу отъ своего послѣдняго пораженія.

13 марта, обливаясь слезами, она покинула отца своего и Вѣну. По дорогѣ ее встрѣтила сестра императора и отняла отъ нея австрійскую даму. Наконецъ, послѣ утомительной дороги, она встрѣтила на дорогѣ въ Компьенѣ Наполеона, который пренебрегая приличіями, не медля тутъ же въ Компьенѣ овладѣлъ ею, какъ добычей. Все это было очень дико и такого свойства, что могло вмѣсто упроченія связи только нанести новую рану дому, который противъ воли своей жертвовалъ однимъ изъ дѣтей своихъ. Рана была отравленная: Наполеонъ заранѣе сдѣлалъ все, что могъ, чтобы посѣять въ

немъ раздоръ, недовѣріе между членами его, предложивъ дать миръ безъ всякихъ условій только въ томъ случаѣ, если австрійская имперія *будетъ раздѣлена* на три королевства составляющія ее, или если она въ цѣлости перейдетъ къ одному изъ эрцгерцоговъ. Предложеніе коварное, которое въ другомъ семействѣ могло бы вызвать злыя покушенія.

Онъ не имѣлъ никакого понятія о чевовѣческой природѣ, если думалъ, что насильственный бракъ этотъ умирить Австрію въ отношеніи того, кто выказалъ себя такимъ жестокимъ врагомъ ея. Францискъ принялъ бракъ этотъ, какъ новое униженіе, и извѣстилъ о немъ другихъ государей только два года спустя, когда думалъ что отпаденіемъ своимъ зарѣзалъ императора Франціи. Наполеонъ тоже вывелъ изъ себя, явился до конца короля прусскаго, который получилъ позволеніе возвратиться въ Берлинъ, только приговоривъ на смерть собственныхъ сторонниковъ своихъ. Такъ копилась на всей землѣ ненависть противъ Наполеона, противъ насъ. И худшимъ изъ всего было то, что не предвидѣли конца этой дикой тираніи. Гораздо болѣе вѣрили новымъ успѣхамъ его, которые заклинали бы цѣпи міра. Одинъ прусскій посолъ писалъ (конечно Гарденбергу): «Наполеонъ покорить Испанію и быть можетъ побѣдить Россію, употребивъ послѣднее средство—возстаніе крѣпостныхъ.»

XI

Наполеонъ ссорится съ братьями, распространяетъ власть свою, грозитъ Россіи. 1810.

Я превосходно помню нѣкоторыя событія 1810 г. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ и, хотя я былъ ребенкомъ, но я какъ нельзя лучше понималъ тревоги и бѣдствія того времени. Два

или три года послѣ женитьбы императора, трагическое событіе потрясло Парижъ и было сочтено великимъ предзнаменованіемъ будущаго. Не забыли страшное и погребальное празднество свадьбы Людовика XVI, когда было задавлено столько людей. Балъ, страшный пожаръ австрійскаго посольства весною 1810 г. произвели еще большее впечатлѣніе, потому что жертвами были сановники и самый дворъ императора, которыхъ погубила катастрофа. Первымъ впечатлѣніемъ было впечатлѣніе природы. Много говорили о посланницѣ матери, которая погибла, ища дѣтей своихъ. Потомъ раздались другія, самыя противоположныя мнѣнія. Дядя мой со стороны матери, чиновникъ казначейства, видѣлъ въ этомъ только несчастную случайность; но очень многіе видѣли въ этомъ предвѣщаніе конца счастья Бонапарте, близкаго паденія власти его. Это было мнѣніемъ отца моего, который, какъ содержатель типографіи, терпѣлъ преслѣдованія, и дяди моего по отцѣ, бывшаго работникомъ у отца.

То была безрадостная надежда такъ какъ на вѣрно угадывали, что столь желанное паденіе колосса не могло совершиться, не навлекая новыхъ страшныхъ бѣдствій. Мы были несчастны. Европа задавленная ради насъ, воображала, что мы плавали въ золотѣ. Но все золото шло на обогащеніе генераловъ, на расточительность армій. Бонапарте, при пылкомъ воображеніи своемъ, преувеличивалъ многія вещи. Открытіе сахара въ виноградѣ, по мнѣнію его, должно было избавить насъ отъ необходимости ввоза колоніальныхъ товаровъ. Ришаръ Ленуаръ и Оберкампфъ съ прядильнями своими, съ холстинками Жуи должны были замѣнить лондонскіе товары. Но что же могли сдѣлать эти дѣятельные, изобрѣтательные люди, когда негдѣ было достать главнаго матеріала, хлопчатой бумаги, если императоръ не нарушитъ собственную систему и

не дать *льготу* на ввозъ. Льготы давались кому нибудь изъ привилегированныхъ лицъ, которые позорно перепродавали право свое. Это поднимало въ Европѣ крикъ. Слабые втайнѣ роптали, но сильные, какъ Россія, непременно должны были наконецъ потерять терпѣніе.

Эта таможенная оппозиція была тягостна не менѣе военнаго деспотизма, который принуждалъ нѣмцевъ, посылаемыхъ въ Испанію вмѣстѣ съ нашими войсками, быть или убійцами или жертвами въ рѣзнѣ. Сопrotивляясь такому варварству, португальцы подъ покровительствомъ единственныхъ освободителей своихъ, англичанъ, были обречены употребить безчеловѣчное средство: они обратили отечество свое въ пустыни, какъ то сдѣлали русскіе въ 1812 г. Ни что не можетъ дать намъ понятія о кровавомъ адѣ испанской войны 1810 г. объ этой смѣси самыхъ противоположныхъ мнѣній и враждебныхъ другъ другу расъ, которыхъ можно было счесть непримиримыми. Впрочемъ можно прочесть довольно хорошій разсказъ, въ которому рѣдко обращаются; это разсказъ лорда Лондондери, въ совершенствѣ передающій довѣріе къ Англіи португальцевъ и недовѣріе къ ней испанцевъ. Лондондери сознается въ ужасныхъ неистовствахъ англо-ирландцевъ при взятіи городовъ, или послѣ одержанныхъ побѣдъ. Онъ говоритъ объ общемъ уныніи. Англійскіе офицеры уже искали себѣ мѣстъ въ Англіи.

Португалія опустошалась, превращалась въ пустыню. Французская армія почти шесть мѣсяцевъ не могла получать вѣстей изъ Франціи. Всѣ крѣпости Испаніи были въ рукахъ Наполеона. Но въ цѣлой странѣ, въ деревняхъ, горахъ и ущельяхъ война продолжалась съ звѣрскимъ варварствомъ. Центральная юнта приговорила нашу армію поголовно въ смерти. Убивали каждого француза. Ней и Ланнъ выказали безпощадную же-

стокость. Въ отмщеніе испанцы заразъ утопили восемь сотъ французовъ и, не нападавшихъ на нихъ. Маршалъ Викторъ рассказываетъ, что солдаты Куэсты, послѣ пораженія, сочли себя погибшими и кричали: не надо пощады. Онъ говоритъ, что двѣнадцать тысячъ человѣкъ такъ заставили перерѣзать себя. Ужасающее палачество, въ которомъ французамъ энергически помогали союзники ихъ нѣмцы. Викторъ назвалъ нѣмецкій корпусъ, принявшій участіе въ этой рѣзнѣ и благодарилъ его. *) Наши нѣмцы и швейцарцы зачастую преслѣдовали и убивали нѣмцевъ и швейцарцевъ непріятельской арміи. Безчеловѣчная месть и жестокіе приказы властей превращали каждаго человѣка въ кровожаднаго звѣря. Всѣ убивали и, принужденные убивать, всѣ проклинали тѣмъ злобнѣе тирана.

Страшное положеніе! Хотя ничто еще не поднималось, но такое противуестественное состояніе не могло долго продолжаться. Многіе были убѣждены, что скоро настанетъ срокъ расплаты. Бернадотъ, шуринъ Іосифа, замышлялъ уже двѣ махинаціи, чтобы выплыть надъ потопомъ Европы. Передъ Ваграмомъ, запертый не надолго на островѣ Лобау, онъ заискивалъ въ арміи, въ офицерахъ, которые передавали мнѣ о томъ. Потомъ, имѣя подъ начальствомъ саксонцевъ, онъ осмѣлился пустить бюллетень, въ которомъ приписывалъ имъ чрезмѣрно преувеличенную долю заслугъ въ побѣдѣ. На это отвѣтилъ Наполеонъ оплеухами въ двѣ руки, то есть злобнымъ, ругательскимъ опроверженіемъ, которое отравило еще болѣе ненависть Бернадота и заставило его еще внимательнѣе подстергать каждый случай бѣжать и освободиться, если возможно.

*) См. донесенія Виктора въ *Военномъ Зрителѣ* (Spectateur militaire), февраль—мартъ 1873, статьи капитана Кости де Сарда: Военныя дѣйствія въ Испаніи.

Не иными были и тайныя мысли Мюрата, который, унижаемый императоромъ, спрашивалъ себя дерзновенно: «Если онъ умретъ, кто наслѣдуетъ ему?» Въ Парижѣ друзья Мюрата обсуждали его шансы. Иосифъ, съ которымъ генералы брата его поступали тиранически, сдѣлался испанцемъ въ душѣ и хорошій пріемъ, оказанный ему въ Андалузіи, подалъ ему великія надежды, когда Бонапарте извѣстилъ его, что *требуется себѣ весь стверъ Испаніи* до Эбро. Потомъ онъ сверхъ того захватилъ югъ, назначивъ Сульта чѣмъ то въ родѣ вице-короля Андалузіи. Это можно было назвать захватомъ цѣлой Испаніи, завоеваніемъ всего королевства Иосифа.

Наполеонъ оказывалъ еще менѣе уваженія Людовику, несчастному королю Голландіи. Людовикъ, конечно, не заслуживалъ уваженія. Въ странѣ задавленной налогами, онъ обезьянничалъ раззорительный штатъ Франціи, создавалъ маршаловъ и пр. Однако деспотическая грубость Наполеона дѣлала Людовика предметомъ жалости. Бонапарте, произведя сына Гортензій въ великіе герцоги Берга, не удостоилъ даже извѣстить о томъ Людовика и, такимъ образомъ, подтвердилъ все опубликованное англійскими газетами о рожденіи ребенка этого и супружескихъ несчастіяхъ голландскаго короля. Меланхолія Людовика, мистицизмъ его были предметомъ варварскихъ шутокъ Наполеона, который кололъ брата тѣмъ, что тотъ боленъ «злокачественной лимфой». Къ чему эти преслѣдованія, эти низкія оскорбленія? Онъ долженъ былъ прямо сказать, что хочетъ захватить въ добычу королевство Людовика. Голландія была нужна ему для системы его; онъ уже окружалъ ее французскими таможами, говоря, что она ничто иное какъ аллювіальная земля рѣкъ Франціи—Рейна и Маса. Онъ сначала захватилъ провинціи Зеландіи и Брабанта, жизненные органы Голландіи. Но завоеваніе это было бы ли-

шено, для него прелести, если бы онъ сдѣлалъ его открыто, безъ коварства. Онъ приказалъ Людовику явиться присутствовать при свадьбѣ его и въ это время отнять у него все. Людовикъ былъ такъ взбѣшенъ, что хотѣлъ чтобы Голландія употребила средство, которое такъ хорошо удалось ей въ войнѣ противъ Людовика XIV, общее потопленіе страны. Людовикъ Бонапарте съ большимъ трудомъ спасъ свою собственную особу и нашелъ убѣжище въ Австріи, не желая вернуться никогда во Францію.

Въ эту минуту брака и праздника Наполеонъ учредилъ десять государственныхъ тюремъ, какъ говорилъ, «для людей заслуживающихъ смерть, но которыхъ нельзя было предавать суду». Они должны были оставаться въ безсрочномъ заключеніи безъ слѣдствія и суда; и для того чтобы они не возбуждали участіе, онъ прибавлялъ что многіе изъ нихъ были «грабителями обокравшими дилижансы, или людьми служившими агентами полиціи въ чужихъ странахъ». Такъ была раскинута громадная сѣть и тѣмъ болѣе страшная, что не обозначали опредѣленно тѣхъ, кого онъ хотѣлъ поразить и держать въ безсрочномъ заточеніи. Но къ чему были тюрьмы эти? Вся Европа, какъ говоритъ г-жа Сталь, превращалась въ тюрьму. Можно было предположить, что присоединеніе Голландіи имѣло какую нибудь особенную цѣль, какъ то: завладѣть голландскимъ флотомъ, конфисковать прикрываемые имъ англійскіе товары. Ничего такого не было. Къ концу 1810 г. узнали, что присоединенію это было лишь однимъ шагомъ великой системы общаго захвата, обнимавшей весь сѣверъ, ганзейскіе города, т. е. устья германскихъ рѣкъ, которыя открываютъ доступъ въ Балтику.

И это важное событіе было оповѣщено всего въ двухъ строкахъ герцога Кадорскаго: «Присоединеніе Голландіи по-

вело за собой присоединеніе ганзейскихъ городовъ». Возвышенный лаконизмъ, но чудовищно деркій, даже угрожающій! И чтобы лучше подчеркнуть его, Наполеонъ вербуетъ сто двадцать тысячъ солдатъ, сорокъ тысячъ матросъ; еще онъ объявляетъ безъ всякихъ обиняковъ, что будетъ каждый годъ призывать солдатъ конскрипціей съ тѣмъ, что будетъ отпускать такое же число старыхъ солдатъ. Посланникъ его долженъ былъ безъ всякихъ оговорокъ сдѣлать о томъ заявленіе русскому императору. Австрійскій бракъ и захватъ испанскихъ крѣпостей придали Наполеону столько самоувѣренности, что онъ не побоялся и въ личномъ дѣлѣ раздражилъ царя, которому до этихъ поръ оказывалъ вниманіе. Въ общемъ присоединеніи сѣвера Европы къ Франціи, сдѣланномъ однимъ декретомъ. Наполеонъ не удостоилъ замѣтить, что онъ включилъ и владѣнія герцога Ольденбургскаго, шурина императора Александра, Ольденбургъ—колыбель русской династіи. Поступокъ былъ крайне неполитичнымъ, потому что мелкія таможенныя потребности не оправдывали его нисколько.

Этотъ недостатокъ уваженія и громадныя присоединенія сѣвера Европы, произведенныя такъ быстро, были достаточно яснымъ предостереженіемъ. Встревоженный Александръ укрѣплялъ границы свои и наконецъ рѣшился на крупную мѣру: таможеннымъ тарифомъ онъ запрещалъ французскіе товары всякаго рода, въ то время какъ англійскіе по прежнему допускались, прикрытые нейтральнымъ флагомъ. Это было уже разрывомъ. Если Россія теперь считала себя уже въ правѣ разорвать союзъ, то причиной былъ Наполеонъ; потому что захватывая сѣверъ, онъ не побоялся заявить цѣль и результаты захвата своимъ планомъ великаго канала, который, направляясь отъ Рейна и Эльбы къ Балтикѣ, отнялъ бы у нея характера замкнутаго моря и сдѣлалъ бы его постоянно от-

крытымъ для нашихъ судовъ и, быть можетъ, для нашихъ завоеваній.

И онъ не только не ослаблялъ значеніе плана, возбуждавшаго такъ много опасеній, но объявилъ о немъ въ самыхъ угрожающихъ выраженіяхъ, съ устрашающей напыщенностью. Въ маловажномъ актѣ, которымъ онъ присоединялъ кантонъ валезскій къ Франціи, подъ названіемъ симплонскаго департамента, онъ говорилъ: «англичане нарушили международное право Европы. *Природа измѣнилась*. Я начерталъ планъ канала, который менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ соединитъ Балтику съ Сепой. Мнѣ нужны были новыя гарантіи. Первыми, наиболѣе важными, я счелъ присоединеніе къ имперіи устьевъ Шельды, Мааса, Рейна, Эльбы и созданіе внутренняго воднаго пути сообщенія съ Балтикой». Странный и фантастическій декретъ, который, съ одной стороны прорывая Альпы, съ другой угрожалъ уничтоженіемъ плаванія по Сѣверному морю.

Х.

Походъ въ Португалію. Россію 1811—1812. Войны пожарами.

Историки, писавшіе мрачную повѣсть о походѣ въ Россію, всѣ забываютъ вещь самую существенную, а именно, что великое бѣдствіе это наступило послѣ гораздо слабѣйшаго пораженія, вынесеннаго въ Португаліи вслѣдствіе той же самой причины, тѣхъ же самыхъ ошибокъ Наполеона. Онъ собственно для того, чтобы замять пораженіе понесенное въ Португаліи, выказалъ себя такъ грознымъ на сѣверѣ, присоединилъ Голландію, захватилъ всѣ большія рѣки, которыми

дышетъ Германія, наконецъ такъ дерзко вызывалъ Россіи, провозглашая, что хочетъ пробить себѣ окно въ Балтику. Этимъ угрозамъ Англія дала отпоръ серьезный, жестокой и дѣйствительный. Оба Велеслея-Велингтона, обладавшіе главнымъ вліяніемъ въ Англіи — одинъ въ кабинетѣ, другой въ арміи — примѣняли къ Европѣ свою индійскую методу безпощаднаго опустошенія.

Это видѣли въ Португаліи, гдѣ, не смотря на сопротивленіе сильной партіи, они принудили подѣ страхомъ смертной казни каждаго крестьянина разрушать и жечь все въ въ странѣ. Жители съ большою неохотою совершили требуемое опустошеніе, видя что англійская армія, хорошо снабжена съѣстными припасами, перекочевывая съ однихъ горныхъ высотъ на другія. Всякая другая армія кромѣ ирландской, которую держали въ черномъ тѣлѣ и желѣзной рукой, пришла бы въ негодованіе отъ такой системы опустошенія, свидѣтельствовавшей объ осторожности вождей и тѣмъ самымъ признававшей непобѣдимое превосходство французовъ въ открытомъ полѣ, — системы крайне жестокой, которая жгла союзниковъ вмѣсто того, чтобы защищать ихъ. Система эта, правда, создавала страшно затруднительное положеніе для Массены, она принуждала его подвигаться съ чрезвычайной медлительностью и до такой степени отрѣзала его отъ Франціи, что генераль Фой, посланный добыть какихъ нибудь извѣстій оттуда, едва могъ пройти подѣ защитой двухъ тысячъ солдатъ.

Императоръ, очевидно, смотрѣлъ теперь въ другую сторону и забывалъ Массену. Онъ не долюбливалъ Массену и не требовалъ, чтобы маршаль Сультъ, ставшій настоящимъ королемъ Андалузій и стоявшій стражею при кортесахъ въ Кадиксѣ

и островъ Леонъ, согласовалъ движенія свои съ движеніями Массены. Массена, которымъ такъ явно пренебрегалъ Наполеонъ и который былъ какъ бы покинутъ имъ на жертву, вслѣдствіе этого встрѣчалъ въ подчиненныхъ своихъ лишь одно неповиновеніе. Ней ослушался его и не открылъ ему переписку свою съ королемъ Іосифомъ и съ Испаніей. Въ то же время Веллингтонъ укрѣплялся близъ Лисабона и моря, въ неприступной позиціи Торресъ-Ведраса на грядѣ холмовъ, защищенныхъ батареями. Массена умиралъ отъ голода и напрасно просилъ провіанта у Наполеона, который не слушалъ его. Наконецъ, видя общее неповиновеніе, даже гвардіи императорской, которая отказалась атаковать непріятеля, Массена могъ только отступить. Наполеонъ, униженный этими неудачами, причиною которыхъ онъ отчасти былъ самъ, дошелъ до мысли о жалкомъ средствѣ лишить Іосифа престола и послать въ Испанію Фердинанда съ условіемъ, чтобы тотъ уступилъ ему всѣ провинціи къ сѣверу отъ Эбро.

Это пораженіе въ ту минуту, когда Наполеонъ мечталъ себя вознесеннымъ такъ высоко австрійскимъ бракомъ, побуждало его желать изумить Европу какимъ нибудь великимъ ударомъ; отсюда его наблагоразумные вызовы Россіи. Онъ воображалъ, будто хорошо зналъ императора Александра. Онъ увидѣлъ уже изъ дѣла таможеннаго тарифа, что Александръ на половину возсталъ противъ него, и потому онъ заключилъ, что слѣдуетъ, не теряя времени, пригрозить бывшему союзнику мечемъ. Онъ не предполагалъ, что будетъ война. Но подготавливая вообще войну тѣмъ, что дѣлалъ громадныя запасы военныхъ средствъ, онъ не сомнѣвался въ томъ, что заставитъ Александра отступить. И чтобы усомнился въ томъ? И кто можетъ когда узнать какую степень давленія дворъ

довелъ до энергическаго сопротивленія чловѣка съ такимъ нерѣшительнымъ характеромъ? *).

Важность событій снова привела Александра къ религіознымъ и мистическимъ стремленіямъ, такъ свойственнымъ душѣ его. Колеблющаяся душа его, въ которой смѣшивались различныя вліянія, осталась на всю жизнь омраченною чернымъ облакомъ—двумя трагическими событіями. Однимъ изъ нихъ былъ пожаръ Москвы. Онъ постоянно терзался сомнѣніями — былъ ли онъ причиною катастрофы или нѣтъ. Уже видя приближеніе громадныхъ полчищъ, которыхъ велъ на него Бонапарте, онъ все еще не могъ выйти изъ положенія мистическаго выжиданія, которое стало естественнымъ состояніемъ его. Въ три предшествовавшихъ года, не смотря на войны его въ Финляндіи и Молдавіи, самъ онъ дѣйствовалъ очень мало. Политическіе эмигранты и плюминаты, которые съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе окружали его, указывали ему на деспицу Божію, обрушивавшуюся на Наполеона, на непокоренную еще Испанію и на Германію, уже затрепетавшую борьбой, готовую возстать. Эта точка зрѣнія была совершенно ложна въ 1812 г. Напротивъ того увидятъ, насколько нѣмцы, во время страшнаго отступленія нашего изъ Москвы, были намъ вѣрными и сражались за насъ.

Но все равно. Эти лжепророчества придавали кредитъ де Местру, савойскому Эзекиелю, надъ которымъ такъ долго издѣвались и котораго такъ долго отдаляли; теперь де Местръ, поднявшись подъ покровительство вдовствующей императ-

*) Въ книгѣ одной польки, г-жи Шуазель-Гуффе, книгѣ полной интересныхъ и истинныхъ анекдотовъ, мы видимъ, что въ самый моментъ войны 1812 г., когда французская армія уже была въ походѣ и приближалась, Александръ находился въ Вильнѣ, и былъ на балѣ, окруженный дамами и находя для каждой любезныя слова.

рицы, былъ приближенъ къ императору въ качествѣ секретаря. Мы уже видѣли вліяніе, какое пріобрѣтала вдовствующая императрица посредствомъ института для пятисотъ благородныхъ дѣвицъ, приманки приданого и мѣстъ, которыя легко получались женитьбою на привилегированныхъ воспитанникахъ. Тамъ царилъ мистицизмъ, но онъ былъ сдерживаемъ въ границахъ правительственныхъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ царила строгая внѣшняя обрядность. Воспитанницы были живою пропагандою противъ Наполеона, Франціи и ученій ея. Императорская фамилія была сильно и вполне справедливо раздражена австрійскимъ бракомъ и ольденбургскимъ дѣломъ, которое было ведено съ такою грубою поспѣшностью.

Въ немъ чувствовалось, что гнетъ, подъ которымъ задыхался весь міръ, не уважалъ дружественныхъ связей и коснулся даже Россіи, даже императорской фамиліи. Грубость эта казалась зловѣщимъ предзнаменованіемъ. Начали ставить укрѣпленія на нѣкоторыхъ границахъ и думать о вызовѣ изъ Турціи и Финляндіи дѣйствовавшихъ тамъ армій. Не было никакого плана войны, или, если хотите было цѣлыхъ три, между которыми колебались. Нѣмецкій планъ Барклая курляндца, искуснаго генерала: отступать постоянно, ввѣрять защиту пространству, зимѣ и недостатку съѣстныхъ припасовъ. Александръ самъ излагалъ планъ этотъ Нарбонну, посланнику Наполеона. Русскій планъ, привести въ исполненіе который было приказано Кутузову, — рискнуть на одно рѣшительное сраженіе. Третій планъ можно было назвать англійскимъ, потому что англичане въ такихъ обширныхъ размѣрахъ приводили его въ исполненіе въ Португаліи — жечь и раззорять всю страну. Но исполненіе этого плана должно было быть несравненно болѣе жестокимъ въ Россіи, нежели въ болѣе мягкомъ климатѣ. Въ Россіи онъ велъ къ тому, чтобы морить жестокими морозами не только французовъ, но и русскихъ.

Нужно отправиться только отъ истинной и вѣрной идеи: Наполеонъ — франко-итальянецъ къ тому же не зналъ ничего о мірѣ. Въ глубокомъ невѣжествѣ и полнѣйшемъ равнодушіи своемъ къ различнымъ націямъ, по землямъ которыхъ онъ проводилъ пушки свои, онъ, какъ кажется, не составилъ о нихъ другаго понятія, кромѣ понятія Фальстафа, который воображалъ, что достаточно охаректиризоваль рекрутъ своихъ, давая имъ такое опредѣленіе: «смертные люди». Онъ вступилъ въ Россію, зная очень смутно, что это была страна крѣпостныхъ и воображая, что положеніе въ Россіи точно такое какъ и въ Польшѣ, не имѣя никакого понятія о сложныхъ обстоятельствахъ, которыя и въ наше время дѣлали освобожденіе крѣпостныхъ въ этомъ государствѣ шагомъ крайне затруднительнымъ. Въ Россіи крестьянинъ хотѣлъ свободы только съ землей, съ собственностью, которая принадлежала ему два вѣка тому назадъ; отсюда неизмѣримыя затрудненія, которыя можно было побѣдить только однимъ рѣшительнымъ ударомъ цѣною великаго общественнаго переворота, чего Наполеонъ вовсе не желалъ. Крестьянинъ сохранилъ лишь свою крѣпостную общину, свою церковь, своихъ святыхъ, которые нѣкогда защитили его отъ татаръ. Это было единственною связью небольшихъ сельскихъ обществъ, и это слѣдовало уважать во что бы то ни стало. И потому оказалось дѣломъ крайнѣ труднымъ вести французскую армію въ странѣ не фанатичнаго ханжества, какъ Испанія, но сильно подчиненной мѣстному культу.

Французская армія, какъ то видѣли уже при Ваграмѣ, утратила дисциплину прежнихъ временъ. Перейдя польскую границу, она не получала уже правильно провіантъ, и ей надо было грабить. Вотъ почему она стала бичемъ крестьянина, который возсталъ, но не за нее, а противъ нея. Наполеонъ

самъ до того не зналъ на что рѣшиться, что подавилъ первыя попытки соціальной жакеріи, на которыя донесло ему дворянство. Оно и осталось единственнымъ властелиномъ крестьянъ и, пользуясь религіозною ревностью ихъ, превратило войну въ крестовый походъ противъ Наполеона, который погибъ за колебанія свои. Сверхъ того, что у него не было соціальной предусмотрительности, у него не было и благоразумной осторожности, такъ нужной въ военной администраціи. Его компанія 1807 г. на самыхъ границахъ Россіи, затрудненія, встрѣченныя имъ при Фридландѣ и Эйлау, могли бы заставить его предвидѣть тѣ, которыя онъ встрѣтилъ, углубляясь въ неизмѣримыя пространства Россіи, которая кромѣ суровости сѣверныхъ зимъ останавливала то пропастями грязи, то песками. Это испытали при первыхъ шагахъ. Высокіе и тяжелые фургоны администраціи не могли двигаться и пришлось раздѣлить кладъ ихъ на множество небольшихъ телегъ вашихъ возчиковъ изъ Франшъ Конте, которыя не вязнутъ глубоко. Эта перемѣна сильно задерживала движеніе.

Наполеонъ изъ уваженія къ Австріи и даже къ Россіи, не рискнулъ вооружить поляковъ массою, но разсѣялъ ихъ въ цѣлой арміи. Онъ только допустилъ ихъ провозгласить въ Варшавѣ возстановленіе Польши, но не ободрялъ ихъ ничѣмъ; напротивъ того, онъ раззорялъ, истощалъ Литву, то есть насколько могъ, дѣлалъ Литву русской. Но все равно. Воодушевленіе поляковъ было сильно; о немъ можно судить по вдохновеннымъ картинамъ поэтовъ ихъ, когда они увидѣли какъ храбрые полки ихъ вступали въ древнія стѣны Смоленска, города бывшаго такъ долго польскимъ городомъ, а теперь границей и оплотомъ Россіи. Городъ застали объятый пламенемъ, и тамъ въ первый разъ увидѣли примѣненіе новой системы, которая такъ хорошо удалась англичанамъ въ Португаліи.

Наполеонъ былъ раздраженъ, но не принялъ предостереженія; даже самъ смѣлый Мюратъ говорилъ, что надо остановиться. Даву высказался за мнѣніе императора, противъ мнѣнія Мюрата, бывшего мнѣніемъ почти цѣлой арміи. Пошли далѣе.

Наполеонъ, въ гнѣвѣ своемъ, все менѣе и менѣе останавливалъ пожары и тѣмъ давалъ непріятелю страшное оружіе, заставляя русскихъ думать, будто наша армія, а не русская сожгла все. Это объясняетъ яростную ненависть русскихъ противъ французовъ «поджигателей и враговъ Божіихъ,» и гнѣвное мужество, которые они показали передъ Москвой. Наполеонъ, который такъ сильно желалъ большаго сраженія, думая, что оно положить Россію къ ногамъ его, выказалъ себя передъ Москвой колеблющимся, нерѣшительнымъ, какъ отзываются всѣ историки. Онъ былъ не много боленъ и со времени второй женитьбы своей состарѣлся прежде времени. Побѣда его была неполная, онъ очень мало воспользовался ею, не преслѣдовалъ сильно ослабленныхъ русскихъ, какъ того хотѣли Мюратъ и другіе. Русскіе ушли и потомъ подкрѣпили свои войска и привели ихъ въ боевой порядокъ. Наполеонъ, слѣдуя рутинной системѣ своей, воображалъ, будто выигралъ все, взявъ столицу.

Исторію Сегюра, трудъ реторики часто вдохновенной и всегда нѣсколько декламаторской, самъ по себѣ составляетъ историческій фактъ по году своему—1824. Она появилась среди бонапартическихъ изданій, которыя св. Елена дѣлала такъ популярными. Успѣхъ былъ замѣченъ по ярости генерала Гуржо и другихъ сеидовъ Наполеона.*) То, что молодой Сегюръ,

*) Сегюръ въ молодости былъ осыпанъ милостями Наполеона, который, при близивъ его къ себѣ, довѣрилъ ему почетно щекотливую миссію, какъ напр. принять капитуляцію Ульма. Въ бюллетенѣ о Сомо-Сьеро Наполеонъ упорно называетъ Сегюра, бывшего тогда въ отсутствіи, и умалчиваетъ о польской молодежи и Монбрюнѣ взявшихъ уцѣлье. Наполеонъ любилъ эту расу утонченныхъ

получившій отъ него столько милостей ушелъ изъ партіи его и напечаталъ книгу повидимому безпристрастную, которая выставяла ошибки его и мужество и патріотизмъ враговъ его, было пріятно не только ретроградской партіи, но и всѣмъ намъ, безпристрастнымъ судьямъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, можно замѣтить что авторъ признавая заслуги обѣихъ сторонъ и удаляясь, сильно охуждая ихъ, отъ англичанъ, Керпортера, Роберта Вильсона, строгихъ критиковъ Россіи, воздавая французамъ должное, высоко поднимаетъ (до значенія великодушнаго дѣла) патріотическое самоотверженіе того, кто сжегъ Москву.*).

Дѣло это было изумительно смѣлымъ, если справедливо показаніе Сегюра, будто это было сдѣлано безъ вѣдома царя. Впрочемъ это опровергаетъ самъ Александръ, сказавшій: «Я сжегъ Москву и я сжегъ бы и Петербургъ, если бы Наполеонъ подступилъ къ нему. «Сегюръ зять Ростопчина во время выхода Исторіи въ свѣтъ, жившій въ Парижѣ и какъ бы изгнанный туда ненавистью русскихъ, конечно главною цѣлью имѣлъ оправданіе и восхваленіе тестя своего, Ростопчина, котораго мы всѣ видѣли въ Парижѣ такъ же какъ и богомольную супругу его, старавшихся разсѣяться и принимавшихъ большое участіе въ увеселеніяхъ парижской жизни. Книга Сегюра и успѣхъ ея конечно могли какъ нельзя лучше сгладить всѣ пути, облегчить возвращеніе Ростопчина въ Россію

придворныхъ, извѣстную свѣтскими успѣхами, какими пользовался Сегюръ, посланникъ въ Россіи при Екатеринѣ. Сегюръ военный министръ, который, желая угодить королевѣ, требовалъ, чтобы каждый офицеръ былъ стариннаго и дворянскаго рода и могъ доказать свое происхожденіе по прямой линіи отъ четырехъ предковъ дворянъ. Это заставило выйти изъ службы всѣхъ офицеровъ, составившихъ себѣ карьеру счастьемъ войны, и въ томъ числѣ Массену. Наши старинныя имена: Фаберы и Шеверы были бы тоже исключены.

*) См. записки г.лжн Шуазель.

и омыть память его. Это было главною цѣлью автора въ блестящемъ разсказѣ его.

Принадлежать ли большіе центральные города исключительно тѣмъ странамъ, столицами которыхъ они называются? Этого нельзя сказать, и еще менѣе о городахъ востока, Казани, Дамаскѣ, товарныхъ складахъ для каравановъ и всей азіатской торговли. Это большіе пріюты, общіе всѣмъ націямъ Громадная и богатая Москва имѣла такой характеръ: персіяне, татары считали себя въ ней какъ дома. Твердыня ея, крѣпкій Кремль, и колоссальныя стѣны внушали кочующимъ торговцамъ много довѣрія, успокоительную мысль о безопасности. Говорили: «Чувствовать себя такъ безопаснымъ какъ въ Кремлѣ.»

Москва была двойственнымъ и тройственнымъ городомъ; кромѣ недвижнаго Кремля, полного церквей и общественныхъ зданій, была Москва съ населеніемъ въ сто тысячъ душъ — дворяне и крѣпостные ихъ, которая разѣзжалась лѣтомъ: затѣмъ торговая Москва отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ душъ, которыя постоянно жили въ ней, чтобы принимать караваны и покупщиковъ. Такъ было въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ прекратились набѣги татаръ. Осѣдая, восточная Москва состояла изъ богатыхъ купцовъ и мелкихъ мѣщанъ огородниковъ, обработывавшихъ огороды свои даже въ городской чертѣ, подъ защитой валовъ, и постоянно жившихъ на мѣстѣ; это и былъ собственно говоря, городъ. Баре и прислуга ихъ только на зиму появлялись въ Москвѣ, свидѣться и дѣлать свою глухую оппозицію Петербургу; лѣтомъ они возвращались на постоянное мѣстожительство свое, въ великолѣпные дворцы.

Де Местръ въ перепискѣ своей разсматриваетъ странный вопросъ этотъ: «Что сдѣлаютъ, если царь прикажетъ сжечь столицу какъ англо-португальцы сожгли у себя столько селъ.—

для того чтобы остановить армию Массены?» Онъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Голландецъ по имени Шмидтъ предложилъ пустить зажигательный воздушный шаръ, чтобы какъ молніей поразить и сжечь французовъ. Послѣ сраженія подъ Москвой Ростовчинъ, чтобы все испробовать, принялъ Шмидта и, для облегченія операцій его, помѣстилъ его въ домъ Репнина, ожесточеннаго врага французовъ, бывшаго плѣнникомъ ихъ при Аустерлицѣ. Тогда торговую Москву, сильно перепуганную и до того обремененную товарами, что она не могла бѣжать, а могла только умирать на мѣстѣ, увѣрили, что дадутъ еще одно сраженіе, чтобы спасти ее.

Къ тому же цѣлый городъ вѣрилъ въ Александра. Еще недавно онъ пріѣзжалъ въ Москву и былъ встрѣченъ добрымъ народомъ съ невѣроятными изъявленіями любви. Казалось, что то были дѣти съ чувствами нѣжными и наивными, чувствами дѣтей къ отцу. Они не только отдали на войну все, что могли отдать, и даже болѣе, но они рвались прикоснуться къ царю, цаловать ноги его. Его встрѣтили въ обширномъ саду. Они потрясали рѣшетку, чтобы дойти до царя. Пришлось сломать рѣшетку и толпа ринулась. Государь и народъ соединились въ нѣжномъ объятіи.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Россія. Германія. Франція. 1812—1815.

I.

Катастрофа Москвы. Бѣгство французской арміи.

Лучшимъ авторитетомъ нашимъ при описаніи событій этихъ былъ самъ императоръ Александръ. Онъ сказалъ, говоря о яростномъ сопротивленіи испанцевъ, которымъ онъ впрочемъ очень мало восхищался: «Что русскіе такъ сильно проникнутые духомъ любви къ своей мѣстности, мало способны къ подобному самоотверженію во имя цѣлаго отечества». Онъ сказалъ въ Вильнѣ: «Я сжегъ Москву и сжегъ бы Петербургъ, если бы увидѣлъ приближеніе Бонапарте». Но сожженіе было дѣломъ ужаснымъ и бесполезнымъ, потому что французы, оставшись въ Москвѣ, погибли бы тамъ отъ недостатка пищи. Наполеонъ, утративъ кавалерію и не догадавшись добыть себѣ лошадей, что было такъ легко сдѣлать въ Польшѣ и Украинѣ, долженъ былъ погибнуть, остаться

въ Москвѣ парализованный съ непобѣдимую пѣхотою своею окруженною казаками.

Сжигая Москву, напротивъ, рисковали освободить его и заставить его еще до начала зимы принять единственное разумное рѣшеніе — сдѣлать быстрое отступленіе. Виною была нелѣпая паника большихъ баръ, которые, по словамъ де Местра и другихъ безумцевъ эмиграціи, думали что Бонапарте былъ революціею и пещь ее въ чемоданахъ своихъ, что наконецъ русскіе совсѣмъ готовы понять его и начать чудовищную жакерію. Какъ будто религіозная рознь сама по себѣ не была разрывомъ, пропастью между ними и арміей злодѣевъ? Чтобы закрѣпить разрывъ этотъ приняли ужасное рѣшеніе, безъ сомнѣнія предварительво убѣдивъ Александра, что огонь въ это время года достигнетъ только до жилищъ купцовъ, большею частью иностранцевъ и что бѣдные кварталы, что наконецъ части города населенныя русскими одними, выстроены изъ дерева и потому могутъ быть снова скоро восстановлены. Это совершенно справедливо въ отношеніе домовъ: русскій съ топоромъ такъ быстро ставилъ себѣ домъ. Но люди, сто или двѣсти тысячъ безпріютныхъ, что станется съ ними въ суровую зиму? Пржеде чѣмъ погубить двѣсти тысячъ французовъ, убивали двѣсти тысячъ русскихъ.

Это было великимъ преступленіемъ совершеннымъ для того чтобы совершить другое, пустить страшную клевету и увѣрить добродушныхъ русскихъ, что «франко-польская армія сожгла Москву», то есть создать вѣчную ненависть. Кутузовъ, видя насъ запертыми въ Москвѣ и почти безъ кавалеріи, могъ сколько душъ было угодно, водить армію свою около Москвы и, указывая на море пламени, говорить: «Вотъ дѣло французовъ». А было совсѣмъ не то. Наполеонъ хотѣлъ спасти Москву и первымъ дѣломъ запретилъ грабежъ, но онъ не

смѣлъ настаивать на запрещеніи и тѣмъ послужилъ Кутузову и погубилъ самъ себя. Въ Москвѣ оставалось еще много богатствъ, которыя могли быть спасены. Сверхъ того крестьянинъ, который не смотря на казаковъ, привозилъ въ Москву припасы, привлеченный барышемъ, пересталъ привозить, какъ только увидѣлъ чудовищный беспорядокъ и узналъ, что смѣлая солдатчина грабила его, своего кормильца, свое спасеніе.

Императоръ позволялъ все. Но почему? Онъ хорошо зналъ, что храбрецы эти возвращавшіеся изъ Испаніи, по крайней мѣрѣ старые солдаты, были очень недовольны тѣмъ, что ихъ погнали на край свѣта въ походъ, который всѣ считали безумнымъ. Это сильно смущало Наполеона и онъ оставался въ Москвѣ, постоянно ожидая, что императоръ Александръ оправдаетъ его, принявъ предложенія его. Наполеона, въ ожиданіи зимы, водили переговорами, ловкою лестью. Когда неосторожный левъ очутится на днѣ ямы, то на него смотрятъ съ удовольствіемъ, но конечно не пытаются выпустить его оттуда. Еслибъ Наполеонъ не погибъ въ Москвѣ, то отступивъ въ Польшу, онъ бы снова пошелъ на Россію. Вильсонъ и англичане находившіеся въ русской арміи грубо упрекали Кутузова въ томъ, что онъ не задавилъ дикаго звѣря. Но надо принять въ соображеніе, что русскіе потеряли цвѣтъ арміи подъ Москвой и теперь пополняли ее рекрутами, большею частью конницей, которая то приходила, то уходила, а иногда и совершенно исчезала; и потому Кутузовъ не могъ положиться на силы арміи и былъ принужденъ слѣдить за французами издали. Онъ самъ сознавался, что даже во время отступленія французовъ одинъ видъ мѣховыхъ шапокъ гренадеръ наводилъ ужасъ на его солдатъ. Съ другой стороны, наши истощенные, голодные и обезсиленные солдаты очень часто пугались бурнаго натиска и ура казаковъ, которые внезапно нападали на

нихъ въ походѣ и на мѣстахъ роздыха. И такъ кромѣ реальныхъ опасностей—голода, снѣга и пр., съ обѣихъ сторонъ играло страшную роль и воображеніе.

Кутузовъ два раза уклонялся къ югу подъ предлогомъ защиты наиболѣе богатыхъ областей имперіи, но въ дѣйствительности для того чтобы дать холоду и голоду время сдѣлать дѣло свое, дать великой арміи время умереть. Сегюръ, котораго такъ сильно критиковали бонапартисты, однако выказалъ въ отношеніи къ нимъ очень странную снисходительность; напр. онъ скрылъ такой капитально важный фактъ, который сохранили намъ предшественники его, Шамбрэ и друг., а именно: долгое колебаніе Наполеона послѣ Мирославца (Малоярославца) и рѣшеніе его избрать самую дурную дорогу, уже опустошенную и на которой ожидала его вѣрная голодная смерть. «Онъ заперся съ Мюратомъ, Бертье, которые передали все. Въ продолженіе часа онъ размышлялъ, молча, поддерживая голову руками. Потомъ онъ рѣшился избрать эту роковую дорогу». (Шамбрэ). Отступая тѣмъ же путемъ, какимъ шелъ на Москву, онъ могъ, давъ нѣсколько сраженій, которыя огласилъ бы побѣдами, обмануть общественное мнѣніе, сказать, что онъ отступилъ добровольно для того, чтобы снова и скорѣе вернуться. И онъ доводилъ притворство это до того далеко, что даже въ самый бѣдственный моментъ отступления, онъ приказалъ Нею съ арьергардомъ остановиться, чтобы взорвать стѣны Смоленска, который онъ хотѣлъ, такъ увѣрялъ онъ, осадить при возвращеніи. И обманъ удался ему. Онъ сохранилъ свое обаяніе во Франціи и могъ еще послѣ Москвы, послѣ страшнаго бѣдствія подъ Лейпцигомъ выдать себя за защитника Франціи въ 1814 г., а въ 1815 г. губить французовъ при Ватерло.

Очень многіе люди, мистики и резонеры, видѣли въ немъ

гибельнаго чародѣя въ родѣ Симона кудесника, котораго Богъ допускалъ держаться на воздухѣ на очень значительной высотѣ для того, чтобы онъ упалъ и свернулъ шею. Но какъ могъ Наполеонъ въ нашъ разсуждающій вѣкъ сыграть эту роль чародѣя? Во первыхъ, афишируя великое уваженіе къ разуму, и ради этого вступивъ въ институтъ только какъ членъ отдѣленія механики, и выставляя себя очень положительнымъ во всю итальянскую кампанію. Великое надувательство началось съ Египта, съ ложнаго разрушенія Сентъ-Жанъ д'Акра и необъяснимаго возвращенія. Англичане, считая его агентомъ Бурбоновъ, скрывали четыре мѣсяца перехваченное ими обвиненіе представленное Клеберомъ директоріи, и тѣмъ допустили брюмеръ, а затѣмъ консульство, имперію. Счастливая неосторожность Маренго не удалась и подняла Наполеона до неба; Аустерлицъ, Іена, Фридландъ привели въ уныніе даже Россію и съ этой минуты онъ возмечталъ, что держитъ подъ ключемъ всю Европу. Тогда голова его закружилась отъ романовъ Испаніи и Португаліи, отъ глупаго австрійскаго брака. Въ головоломномъ подъемѣ, голова его кружится еще болѣе, онъ плюетъ на Альпы, на Сѣверное море и говоритъ: «Природа должна измѣниться».

Но ничто не измѣняется, ни природа, ни разумъ. Весь свѣтъ предвидитъ то, что должно случиться, даже вѣтрогонъ Мюратъ. Онъ одинъ не предвидитъ ничего, вмѣсто того чтобы повиноваться разсудку, чародѣй идетъ отъ преступленія къ преступленію для того, чтобы обмануть еще разъ міръ. Наступаетъ страшная зима. Онъ изъ гордости медлитъ отступленіемъ, видитъ, какъ все мретъ вокругъ него, и не смущается. Ней охраняетъ тылъ; но онъ исчезаетъ на нѣсколько дней. Погибъ ли онъ въ буряхъ и мятеляхъ? Наполеонъ все-таки продолжаетъ свою игру. Нужно прочесть не у высоко-

парнаго Сегюра, по у самага Фезензака, товарища Нея, простой разсказъ героя, который на берегахъ Бориссена клянется, что рѣка замерзнетъ и можно будетъ перейти, и потомъ засыпаетъ спокойно подъ ружейными выстрѣлами. Въ самыхъ отчаянныхъ дѣлахъ, каждый разъ чуть появляется Ней, непріятель изумляется, останавливается и Франція еще разъ побѣждаетъ.

Великая армія, превращенная въ призракъ, расцѣвается по снѣжной степи. Слѣды ея видны только по могильнымъ насыпямъ надъ мерзлыми тѣлами. Толстый блѣдный человѣкъ продолжалъ свою игру. Ней позади него, покинутый—все равно! Бонапарте слѣдуетъ за своею звѣздой, которая ведетъ его на гибель Франціи. Онъ спасается, не улетая по воздуху какъ кудесникъ, но бѣгствомъ, пѣшій и опираясь на палку. Если онъ вернется во Францію одинъ тѣмъ лучше; не кому будетъ опровергать его ложь. Онъ можетъ обвинять мертвыхъ, зиму, измѣну—все что угодно. Если онъ первый изъ бѣглецовъ вернется во Францію, то ему тѣмъ легче будетъ лгать, увѣрить, что онъ спасетъ насъ еще разъ, и основать традицію, погубившую насъ пятьдесятъ лѣтъ спустя.

II.

Мале. Октябрь 1812. Настроеніе арміи по возвращеніи.

Октябрь 1812 г. былъ срокомъ возобновленія классовъ въ коллегіи Карла Великаго, старой коллегіи, куда я поступилъ противъ воли. Какъ приходящій ученикъ, я былъ принужденъ прогуливаться по улицѣ до восьми часовъ ожидая, когда откроютъ двери. Я увидѣлъ жандармовъ съ улицѣ Сень-Антуана, у воротъ тюрьмы Лафорсъ, находящейся напротивъ улицы. Намъ

сказали, что ночью былъ шумъ, что какой то генералъ Мале, увѣривъ, будто императоръ умеръ въ Москвѣ, захватилъ начальство надъ городомъ. Все это удивляло, но не казалось непріятнымъ слышавшимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ одинъ ученикъ, старый по лѣтамъ и воинственной фізіономіи, котораго мы прозвали Регуломъ, принесъ намъ сатиру на императора, которую позже приписали одному повѣсь, по имени Нодье, бывшему однако при имперіи чиновникомъ администраціи. Все это волновало очень мало, и не потому чтобы мало ненавидѣли Наполеона, но потому что всѣ рассказы о пораженіяхъ его казались невѣроятными, баснословными. До того сильно зачерстило насъ долгое страданіе, до того пріучило оно насъ къ власти этого бога зла. Привычка дѣлаетъ все. Тѣ, которые на алтаряхъ Мексики проходили сквозь челюсти бога Вицлипуцли, находили это вполне естественнымъ.

Но возвратившись къ Мале надо знать, что трудно было найти заговоръ героя этого, похожаго на республиканцевъ изъ военныхъ, описанныхъ Нодье въ лицѣ полковника Уде; у Мале не было никакихъ сообщниковъ и весь заговоръ *) заключался только въ одной головѣ—его собственной. Какъ же можно было угадать это? Но Мале, бывший долгое время заключеннымъ, не могъ знать положенія, въ какомъ находилась Франція. Онъ воображалъ, что оно все тоже, какимъ было въ 1800 г. Болѣе, онъ въ одномъ выказалъ нерѣшительность, или человѣчность; онъ не отдалъ приказа убить Савари, министра полиціи. Отъ этого все должно было не удасться. Мале рѣшился пролить кровь только въ послѣднюю минуту, выстрѣлилъ и ранилъ Гюлена, парижскаго губернатора; потомъ онъ далъ арестовать себя.

*) Какъ то очень вѣрно сказалъ Говинго (Савари) министръ полиціи.

Еслибы онъ не былъ арестованъ, то планъ его — возстановить республику подъ властью сената — наврядъ ли понравился бы возвращавшимся генераламъ, которые видѣли въ императорѣ гарантію своей фортуны. Даже, чего никто не могъ вообразить и чего не подозрѣвалъ и самъ Мале, послѣдніе пережившіе остатки арміи, погубленной вождемъ своимъ, не были враждебны ему. Они правда не много роптали, выступая въ походъ, но при возвращеніи они умирали молча, боясь слишкомъ сильно огорчить императора. Народъ въ иныя мгновенія, бываетъ способенъ къ изумительному рыцарству. Императоръ, въ ту минуту, когда казаки сильно тѣснили его и когда онъ почти былъ захваченъ въ плѣнъ, роздалъ казну, которая еще оставалась у него, на сохраненіе гренадерамъ гвардіи. Какъ ни было велико искушеніе крайнею нужды, они, какъ только очутились въ безопасности, отдали ему все до послѣдней золотой монеты.

Поляки рассказывали мнѣ, что старые гренадеры, когда силы измѣняли, садились на свѣгъ чтобы умереть и, видя императора быстро проѣзжавшаго мимо нихъ въ легкихъ санияхъ, они просили у него хлѣба, но не по французски, чтобы не разрывать ему сердце, они говорили ему по русски: «*Пана хлѣба!*» Онъ качалъ головой и говорилъ печально: «*Нема хлѣба*» и потомъ проносился мимо со всею быстротою санной ѣзды. Поляки, передававшіе мнѣ это, сами сильно помогли ему при переходѣ черезъ Березину, который спасъ императора. Они помогли еще при Лейпцигѣ, гдѣ герой ихъ Понятовскій утонулъ. И что же? Послѣ Ганау, императоръ собралъ уцѣлѣвшихъ поляковъ и сказалъ имъ холодно: «Господа, счастье мнѣ измѣнило. Вы свободны не слѣдовать за мной; но вѣдь вамъ некуда болѣе идти». Вотъ все что онъ нашелъ въ сердцахъ своемъ для этихъ геройскихъ сподвижниковъ.

III.

Сраженіе подъ Лейпцигомъ 1813.

Умъ Наполеона былъ до такой степени извращенъ тиранией, что онъ послѣ великаго пораженія своего еще воображалъ, будто всѣ тѣ, кого онъ оскорблялъ, съ кѣмъ обошелся жестоко, останутся вѣрными ему. Онъ удивлялся всему. Онъ воображалъ, будто австрійскій бракъ его, который Австрія считала послѣднимъ злоупотребленіемъ побѣды и который онъ совершилъ такъ грубо, какъ мы это видѣли, ручался ему за тестя. И потому онъ былъ крайне сильно и наивно изумленъ, когда увидѣлъ, что тесть этотъ, бывшій сначала нейтральнымъ, вскорѣ сталъ врагомъ его. И однако чтобы сохранить эту сомнительную дружбу, онъ два раза въ 1807 и 1812 г. отвергъ протянутую руку поляковъ и очень мало воспользовался энтузіазмомъ ихъ. Онъ, отправляясь въ 1814 г. на новую войну съ возставшей Германіей и Россіей, еще воображалъ примирить съ собой Германію тщетной церемоніей провозглашенія молодой императрицы регентшей.

Все разомъ выпадало у него изъ рукъ. Въ Испаніи ему предстояло быть принужденнымъ призвать Фердинанда VII, освобожденнаго изъ заключенія. Въ Италіи онъ пришелъ въ негодованіе, видя, что Мюратъ, который, забывъ обиды свои, такъ мужественно служилъ ему, — что Мюратъ, говорю я, ускользалъ отъ него и пытался спастись одинъ. Всего хуже было то, что даже пасынокъ его Евгеній, который такъ хорошо заявилъ себя при отступленіи изъ Россіи, что Евгеній даже не отвѣчалъ ничего на настоятельные призывы его, и это въ той крайности, въ какой находился Бонапарте. Голландія измѣнила Наполеону и освободилась. И такъ

онъ остался единственно со средствами Франціи. Франція съ изумительною дѣятельностью собрала армію въ триста тысячъ человѣкъ, но армія эта нисколько не походила на ту, которая погибла въ Россіи. Эта новая армія состояла изъ молодыхъ солдатъ, плохо обученныхъ, многочисленной артиллеріи и ничтожной кавалеріи. Слѣдовательно, въ случаѣ побѣды не было никакихъ средствъ преслѣдовать непріятеля. Прибавьте къ этому, что большая часть военнаго матеріала осталась въ отдаленныхъ пунктахъ, гдѣ императоръ держалъ огромные гарнизоны, въ безумной надеждѣ возвратиться завтра.

Жомини, который былъ швейцарцемъ и потому, когда его оскорбили, воспользовался своимъ правомъ иностранца, перешелъ къ Александру, постоянно въ книгахъ своихъ говорить о Наполеонѣ съ чувствомъ почтенія и восторга. Но въ прекрасной біографіи Жомини, напечатанной полковникомъ Леконтомъ, который передаетъ разговоры и конфиденціальныя рѣчи его, я увидѣлъ естественное объясненіе послѣднихъ компаній, которыя были такъ превознесены. Императоръ Александръ передалъ австрійскому императору веденіе войны противъ зятя его, а Францискъ передалъ дѣла Шварценбергу, доброму человѣку и знатному вельможѣ, но бездарному генералу. Каждый лѣзь помогать Шварценбергу, давать ему совѣты.

Жомини, наименѣе сатирической изъ людей, даетъ намъ пресерьезно забавную картину этого вавилонскаго столпотворенія. Всѣ генеральныя штабы цѣлой Европы собрались тамъ, предлагали планы свои и часто заставляли отвергать наиболѣе разумныя мнѣнія *). Бонапарте, у котораго весь совѣтъ былъ въ головѣ его и которому не приходилось отдавать отчета кому бы то ни было, имѣлъ передъ непріятелемъ тысячи пре-

*) См. полковникъ Леконтъ Біографія Жомини.

имущество. Единственный рискъ его состоялъ въ томъ, что ему слишкомъ безпрекословно повиновались. Наиболѣе смѣлые изъ генераловъ его измѣняли характеру своему и не брали ничего на себя. Примѣръ: Ней при Бауценѣ не посмѣлъ выступить ранѣе назначеннаго часа и тѣмъ задержалъ побѣду.

Бонапарте, не смотря на то что былъ слабѣе числомъ, хорошо держался, пока Блюхеръ съ своей безумной отвагой не прорвался черезъ линіи, которыя императоръ думалъ удержать. Наконецъ пришла съ сѣвера послѣдняя армія, которой ждали союзники, сто тысячъ человѣхъ подъ начальствомъ Моро и Бернадота. И тогда Наполеонъ увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ непріателемъ. Моро, конечно, не чувствовалъ никакихъ колебаній совѣсти; онъ воображалъ, что спасаетъ свободу цѣлаго міра; а Бернадотъ мстилъ за тысячи оскорбленій *). При Лейпцигѣ произошло то, что можно назвать возстаніемъ человѣческаго рода. Никогда еще не было видано подобнаго сдвигу.

Леконтъ, какъ мнѣ кажется, блистательно объяснилъ то громадное сраженіе, въ которомъ Шварценбергъ хотѣлъ раздробить союзную армію на пять частей, соединить которыя было почти невозможно. Диспозиція эта была такъ нелѣпа, что можно подумать, будто она была приказана самимъ Наполеономъ. По словамъ Жомини, императоръ Александръ полагалъ, что надо соединить арміи, примкнувъ къ Блюхеру и Бернадоту. Но царь могъ побѣдить упрямство австрійца только угрозою, что обойдется безъ него и будетъ одинъ дѣйствовать съ русскими войсками. Наконецъ 18 октября союзники, усиленные Бернадотомъ и Бенningсеномъ, подавили Наполеона.

*) Какъ напр. въ 1809 г. когда Наполеонъ сыгралъ такую штуку: нарочно далъ ему знать о сраженіи слишкомъ поздно, для того чтобы выставить его трусомъ.

Еслибы послушали Жомини, то заняли бы единственный путь отступления, остававшійся Бонапарте, и взяли бы его самого въ плѣнъ.

То было бы великимъ счастіемъ для Европы и для Франціи, которая была бы избавлена отъ двойнаго нашествія и отъ Ватерло. Лейпцигъ имѣлъ почти то же дѣйствіе, какое имѣло отступление изъ Москвы. Молодая армія была разстроена, разбита, уничтожена горячимъ преслѣдованіемъ непріятельской конницы.

IV.

Кампанія 1814 г. Отреченіе Наполеона. Свирѣпость его въ Парижѣ.

Какую странную самоувѣренность долженъ былъ имѣть этотъ человѣкъ, когда онъ могъ явиться на границѣ Франціи и сказать: «Я два раза погубилъ Францію: въ Москвѣ и Лейпцигѣ. Милліонъ человѣкъ погибъ. Все равно. Я здѣсь». И онъ сказалъ все это тономъ обвинителя, угрожающимъ, приказывая: «Надо удвоить налоги». И вмѣсто того чтобы поспѣшно призывать изъ Италіи отдаленные гарнизоны, онъ потребовалъ у обнищавшей и истощенной Франціи триста тысячъ человѣкъ! Очень многіе думали, что онъ сошелъ съ ума.

Говорятъ, будто Талейранъ предложилъ ему дикій и романическій планъ: сговориться съ братьями Веллеслей-Велингтонами и сдѣлать ихъ королями Англіи. Но этотъ страшный безумецъ былъ зятемъ австрійскаго императора. Союзные государи для того, чтобы имѣть австрійскую армію, должны были выдвинуть впередъ кое какія мирныя предложенія, на-

примѣръ, предложить Наполеону сохранить прежнюю Францію. Бонапарте хотѣлъ одной войны, завоеваній и возстановленія владычества своего надъ міромъ. Мы уже видѣли, какъ онъ подъ Смоленскомъ говорилъ: «Я ухожу для того чтобы возвратиться».

Для того чтобы получить новую ставку въ 300000 чел. на вѣрный проигрышъ, ему пришлось наконецъ считаться съ Франціей. Онъ созвалъ, но очень поздно, законодательный корпусъ, который, сначала очень покорный, скоро пронюхалъ что ему не довѣряютъ и скрываютъ отъ него предложенія союзниковъ. Франція, наконецъ, пробудилась и рѣшилась спросить Наполеона о своей судьбѣ. Вице-президентомъ собранія былъ адвокатъ изъ Бордо, Лене, человѣкъ суровый и честный, котораго считали республиканцемъ, но который при надлежалъ къ смѣшанному отѣнку цвѣтовъ, желавшему только одного — спасти Францію все равно какимъ путемъ. Когда Ровиго, прославившійся убійствомъ герцога Энгьенскаго, потребовалъ Лене въ полицію, онъ былъ тамъ великолѣпенъ и заставилъ Ровиго поблѣднѣть словами: «Совѣсть моя говоритъ мнѣ громче васъ».

Бонапарте, потерявъ два мѣсяца съ половиной въ переговорахъ, разругалъ законодательный корпусъ и прогналъ его, т. е. порѣшилъ обойтись безъ Франціи. Союзники, напротивъ, ловкими прокламаціями обращались къ Франціи и увѣряли, будто дѣлаютъ все только для нея одной.

Вся эта кампанія 1814 г. была дурно понята и искажена не только бонапартистами, но и риторамъ, воображавшими сдѣлать изъ нея пѣснь Иліады. Наполеонъ не удовольствовался тѣмъ, что лгалъ при жизни; онъ на св. Еленѣ принялъ мѣры, чтобы заставить лгать тѣхъ, которые будутъ писать послѣ него. Для того чтобы создать себѣ адвокатовъ у народа

реториковъ, ему было довольно подкупить ихъ словами: «Тѣ, которые будутъ со мной, будутъ защищать меня, только они и будутъ прекрасны». И всѣ захотѣли быть прекрасными. Вотъ каковы литераторы, и здѣсь мы видимъ всю разницу между литераторомъ и историкомъ. Первый ищетъ прежде всего великое единство интереса, которое можно получить, только сосредоточивъ свѣтъ на блестящей сторонѣ и оставляя все прочее въ тѣни, къ прямому ущербу правды. Для литераторовъ существенно было показать героя 1814 г. во образѣ одинокаго льва, который, преслѣдуемый полчищемъ охотниковъ, заставляетъ ихъ отступить. Это давало возможность писать картины какъ Жерико, какъ Делакруа, заставить кричать: «Какъ это прекрасно!»

Все то, что риторы говорятъ въ похвалу Бонапарте, служить ему въ осужденіе. Теперь у него было всего сорокъ пять тысячъ человѣкъ. Франція покинула его и осудила его. Горныя мѣстности были наполнены молодежью укрывавшеюся отъ наборовъ. Работники нашихъ предмѣстій кричали; но очень немногіе говорили. Но изумительнымъ переходамъ Бонапарте, иногда въ двадцать лѣтъ въ день, видно, что за нимъ могли слѣдовать только неутомимыя ноги молодыхъ крестьянъ. Въ этой странѣ солдатъ, которая съ 92 г. все еще давала солдатъ, всѣ, даже мальчики, дѣти спѣшили идти на войну и на смерть. Тѣ, у кого погибли старшіе братья, еще тѣмъ болѣе спѣшили бѣжать въ армію. «Много мретъ? Тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе я подвинусь въ чинѣ!» Слова эти, приписываемыя императору, показываютъ, что онъ имѣлъ дѣло только съ сельскимъ населеніемъ. «Они храбры и скоро бѣгаютъ, какъ только разобьютъ свои деревянные башмаки». Но это не долго продолжалось. Болѣзни, недостаточная пища скоро деморилизовали молодыхъ крестьянъ и они

возвращались домой. Другіе являлись. Но никогда не было болѣе 40—45.000 человѣкъ.

Небольшіе частныя успѣхи Бонапарте только жестоко ухудшали положеніе наше и не служили ни чему. Какую пользу принесли 10.000 чел., которыхъ онъ убилъ при Бриеннѣ, и 5.000 въ Шампоберѣ? Ту—что онъ поднялъ свои требованія до того, что сдѣлать миръ невозможнымъ. Правда, что Александръ просилъ перемирія, далъ отступить австрійцамъ и, для того чтобы возобновить войну, долженъ былъ ждать 100.000 армію съ сѣвера, которую посылалъ ему Бернадотъ. Замедленіе непріятеля обмануло Бонапарте до того, что внушило ему безумный планъ обойти непріятеля, чтобы отвлечь его къ Рейну. Непріятель, при многочисленности своей, не обратилъ на это вниманія и продолжалъ идти на Парижъ, слѣдуя мудрому совѣту Поццо и лучшихъ министровъ Александра.

Бонапарте потерялъ двѣ недѣли на эту безумную диверсію въ сторону и на возвращеніе въ Фонтенебло. Онъ добился только усиленія великаго европейскаго союза, которому англичане обѣщали выдать жалованье на 500.000 человѣкъ. И въ эту минуту гибели своей безумецъ говорилъ: «Я ближе къ Мюнху, нежели они къ Парижу!» Онъ говорилъ и повторялъ, что если онъ отступить, то Парижу надо продержаться только нѣсколько дней; но онъ не принялъ никакихъ мѣръ для того, чтобы защищать и прокормить такое громадное населеніе. Онъ самъ сильно сомнѣвался въ возможности защиты; потому что въ то же самое время писалъ Іосифу. *«прежде всего увезите императрицу въ безопасное мѣсто»*. Эта нерѣшительность была жестока для Парижа, покидаемаго императрицей, Іосифомъ и всѣми. Іосифъ сказалъ: «Я остаюсь», и уѣхалъ.

Парижъ въ эту минуту былъ болѣе нежели Парижемъ. Онъ былъ наполненъ безчисленными толпами искавшихъ убѣжища бѣглецовъ, которые стекались со всѣхъ сторонъ имперіи, изъ всѣхъ далекихъ странъ, бывшихъ тогда Франціею, и скрывались въ самыхъ тѣсныхъ норахъ. Союзникамъ довольно было подвигаться къ Парижу громадными массами, оставляя Франціи время распознать себя, покинуть, отречься отъ человѣка—причины всѣхъ бѣдствій ея. Опасность такого терпѣливаго образа дѣйствія заключалась въ томъ, что за Александромъ слѣдовалъ полупредатель—австрійскій императоръ, который помогалъ движенію, затаивая мысль бросить все, если Франція, доведенная до крайности, схватится за средство призвать тестя вмѣстѣ съ дочерью.

Союзники начали дѣйствовать съ твердостью и увѣренностью, только когда Бернадотъ привелъ Александру 100.000, которые обязался выставить съверъ; австрійцы оказались въ меньшинствѣ и потому подчиненными. Всего страннѣе видѣть, какъ Ровиги и вообще сеиды императора трудятся изъ всѣхъ силъ, чтобы объяснить *интригу*, которою устранили молодую императрицу и маленькаго римскаго короля. «Двухъ невинныхъ, которыхъ нечего было опасаться! Императоръ, предложивъ отречься въ пользу ребенка, тѣмъ самымъ заявилъ, что ребенокъ этотъ былъ все таки онъ самъ, и что подъ этой мирной маской это былъ все же онъ—вѣчная война.

Это было очевидно для самыхъ недалекихъ людей. Австрійка очень хорошо сдѣлала, что уѣхала. Она и дитя—очень прозрачная маска и грубо выдвинутая пружина—не имѣли ни малѣйшаго шанса обмануть кого бы то ни было. Фанатики, упорно державшіеся за Бонапарте, слѣдовательно, были до послѣдней степени ослѣплены, если не видѣли огромное, исполнинское препятствіе, заграждавшее ему путь, изгонявшее

на всегда и его самого и потомства его. Какое это было препятствіе? Ненависть цѣлаго міра. Ненависть сильная и всеобщая. И гдѣ же была она наиболѣе искренней, наиболѣе оскорбительной? Во Франціи—я это могу сказать—гдѣ посили трауръ по убитымъ сынамъ, послѣ Москвы, послѣ Лейпцига и послѣдней кампаніи. Наполеонъ былъ проклятъ во Франціи, говорю я, и тою великаго Франціею, которая не принадлежитъ ни къ какой партіи, но просто обречена на вѣчныя сожалѣнія о погибшихъ.

Я хорошо помню тотъ день, когда намъ называли Бурбоновъ, которыхъ никто не зналъ. Правда императоръ Александръ прибылъ окруженный эмигрантами, полный идеей о старой Франціи и съ мистическимъ настроеніемъ, въ цѣломъ благопріятнымъ для древней расы Бурбоновъ. Талейрантъ, имѣвшій нѣкоторыя причины опасаться возвращенія стараго режима, долженъ былъ присоединиться къ роялисткой интригѣ и направлять ее, если могъ. Что же должны были сказать Александру? «Что фамилія эта менѣе чѣмъ всякая другая могла нарушить спокойствіе Европы, будучи фатально миролюбивой, обреченной рокомъ на вынужденный миръ».

Происхода по женской линіи отъ саксонскаго дома, она наслѣдовала толщину его. Толстый Людовикъ XVIII уже престарѣлый, безсильный, не могъ двигаться. Семецъ фамиліи, графъ Артуа, истощенный и оподленный наслажденіями, былъ униженъ до послѣдней степени со времени кампаніи, слѣдовавшей за Киберономъ, презрѣніемъ вандейцевъ и насмѣшками Шаррета. Страшная маленькая книжка Вобана начинала уже ходить вездѣ по рукамъ; это быть можетъ еще послужило въ пользу фамиліи Бурбоновъ, показавъ, что никогда не найти другой менѣе способной. Сынъ графа Артуа, герцогъ ангулемскій, женатый на бесплодной принцессѣ, дочери Людовика XVI,

былъ порядочнымъ человѣкомъ, но казался изуродованнымъ, преждевременно состарѣвшимся отъ распутства отца своего, и въ цѣломъ неспособнымъ ни на что.

Сынъ графа Артуа, герцога беррійскій, сильно преданный вутѣжу, былъ въ тоже время грубымъ солдатомъ, способнымъ внушить Франціи только отвращеніе къ военной жизни. Словомъ—Бурбоны представляли въ самой успокоительной степени всѣ условія неспособности, которыя обѣщали парализовать такую воинственную страну, какъ Франція, и которую считали, и совершенно не справедливо, попрежнему жаждавшей военной славы.

Въ совѣтѣ, въ которомъ императоръ Александръ засѣдалъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и австрійскимъ генераломъ Шварценбергомъ, никто не осмѣлился завести рѣчь о регентствѣ императрицы. И самъ австріецъ молчалъ. Вопросъ былъ разрубленъ рѣзкимъ словомъ генерала Десоля: «Призовите регенство... и тигръ возвратится!»

Мармонтъ, мужественно давъ послѣднее сраженіе для защиты Парижа, былъ принужденъ муниципальнымъ совѣтомъ подписать капитуляцію города, покинутого братьями, женою и министрами императора и, можно сказать имъ самимъ, потому что онъ находился въ двухъ шагахъ отъ Парижа. Союзники вступили въ большомъ порядкѣ и національной гвардіи было оставлено оружіе для того, чтобы она охраняла общественную тишину. Александръ, вступивъ въ Парижъ, сказалъ прекрасное и правдивое слово: «Я примирилъ Францію съ Европой».

Однако Бонапарте въ Фонтенебло обдумывалъ безумный и ужасный планъ, который сравнялся бы съ бѣдствіемъ Москвы, даже превзошелъ бы его. Онъ хотѣлъ съ остатками войска вступить въ Парижъ, дать тамъ сраженіе и попытаться из-

гнать оттуда армию цѣлой Европы. Отчаянное дѣло, въ которомъ Парижъ не помогъ бы ему, но которое повело бы за собой разрушеніе Парижа. И онъ, отправивъ семейство свое въ безопасное убѣжище, не принявъ никакихъ мѣръ для защиты Парижа, призывалъ безоружный городъ на бой съ цѣлой Европой.

Очень многія обстоятельства сдѣлали бы это событіе ужаснымъ. Во первыхъ, городъ былъ переполненъ безчисленными толпами, со всѣхъ концовъ имперіи искавшими въ немъ убѣжища. Во вторыхъ, новыя мануфактуры и фабрики, устроенныя въ немъ безъ всякихъ необходимыхъ предосторожностей, въ особенности фабрики химическихъ продуктовъ, въ случаѣ бомбардированія, подвергали городъ опасности страшнаго пожара. Я сохранилъ объ этомъ мучительное воспоминаніе. Мы жили близъ одной изъ такихъ фабрикъ и, когда нѣсколько бомбъ упали на предмѣстье Тампля, я былъ при умиравшей матери моей, которую невозможно было перенести. Если бы одна искра попала въ нашу сторону, мы были бы сожжены живьемъ. Вотъ въ какую страшную опасность онъ кинулъ насъ. Къ счастью, генералы его отказались быть сообщниками такого великаго преступленія. Удино, Лефевръ объявили, что не будутъ повиноваться ему; а самъ Ней, генераль наиболѣе популярный въ арміи со времени Москвы, потребовалъ его отреченія. Ему объявили, что сенатъ голосовалъ его паденіе.

Онъ сдѣлалъ тщетныя попытки отречься въ пользу сына, но никто не поддался на эту уловку; держались капитуляція, требовавшей чтобы его заточили въ мѣстности, выбранной союзниками. Человѣчно, но очень не благоразумно они выбрали островъ Эльбу, такъ близкій къ Франціи и Италіи. Перечитывая историковъ даже небонапартистовъ, я всегда бывалъ пораженъ, видя, что они на сторонѣ тирана, а не ге-

нераловъ его, которые спасли насъ. Говорятъ: эти люди были обязаны ему своею фортурою. Но развѣ и онъ не былъ обязанъ тѣмъ, которые въ Россіи и повсюду защищали его своею грудью. Это ничего не значить, повѣствователи принимали участіе только въ великомъ преступникѣ. Совершенно какъ въ извѣстной эпиграммѣ: «Я плачу о несчастномъ Олофернѣ, такъ безчеловѣчно убитомъ Юдифью».

V.

О характерѣ и сердцѣ Бонапарте.

Я помѣщаю изслѣдованіе объ этомъ въ 1814 г. потому что въ 1815 онъ упалъ такъ низко, что невозможно было ни минуты усомниться въ томъ, что онъ уже не тотъ Бонапарте. Позже на св. Еленѣ онъ—Бонапарте тщательно передѣланный, прикрашенный. Цѣлое поколѣніе наше потратило года, долгія и драгоцѣнныя частицы человѣческой жизни, на чтеніе документовъ болѣе или менѣе поддѣланныхъ о жизни того, кто даже послѣ паденія своего, царилъ въ памяти толпы, какъ богъ побѣды. Онъ имѣлъ ужасающую честь упрочить и усилить недугъ, такъ свойственный человѣческой природѣ,—обоготвореніе грубой силы и поклоненіе успѣху.

Что касается меня, то какъ я ни далекъ отъ повторенія смѣшныхъ сказокъ св. Елены о добросердечіи и чувствительности Бонапарте, я тѣмъ не менѣе отвергаю безчеловѣчныя и бессмысленныя сатиры, которыми роялисты преслѣдовали его въ день паденія. Онѣ до того отвратительны, что я считаю ихъ средствомъ дѣлать людей бонапартистами. *Корсиканскій людодѣ* и даже памфлетъ Шатобріана, эти яростныя публикаціи, такъ жадно принятыя въ то время Франціею

облеченною въ трауръ, не попадали въ цѣль именно въ силу чрезмѣрной ярости. Но дѣло другое—книга де Прадта «Варшавское посольство». Эта книга человѣка умнаго, хотя несомнѣнно легкомысленнаго, но которая, по моему мнѣнію, такъ же основательна, какъ и блестяща. Де Прадтъ первый выставилъ, разъяснилъ невѣроятныя противорѣчія, грубые контрасты характера Бонапарте. То, что позже Виньи, Маріо Протъ выразили словомъ, имѣвшимъ такой успѣхъ: трагикъ-комедіантъ (*comediante tragediante*) де Прадтъ выразилъ словомъ рискованнымъ, но вѣрнымъ: Юпитеръ-Скапень.

Эти быстрые переходы отъ театральнаго величія къ тривіальной и буффонской низости роднили его съ посредственными итальянскими актерами, которые не знаютъ искусства хорошо подготовленныхъ переходовъ. Я уже высказалъ въ первой части тѣ причины, которыя поставили его въ такое враждебное положеніе относительно Италіи, въ особенности его равнодушіе къ прекрасному и полнѣйшая прозаичность характера, нимало не чувствительнаго къ обаянію искусства. Одинъ остроумный англичанинъ, Дизраели хотѣлъ доказать, что Бонапарте еврейскаго происхожденія; и такъ какъ Корсика была въ прежнія времена населена семитами Африки: арабами, карфагенянами или маврами, маранами, какъ называютъ ихъ испанцы, то онъ кажется болѣе принадлежить послѣдней расѣ, нежели итальянской. Страсть копить деньги, столько милліоновъ сложенныхъ въ погребѣхъ Тюльери—все это пахнетъ мараной.

Де Прадтъ превосходно описалъ этотъ характеръ: «Императоръ олицетворенная хитрость, хитрость на подкладкѣ силы; но онъ болѣе цѣнитъ хитрость. Для него торжество само по себѣ не значитъ ничего; *одурачить*—для него все. «Я человѣкъ тонкій», говорилъ онъ мнѣ разъ сто. «Посмотримъ, чѣмъ

кончилъ этотъ тонкій человѣкъ, когда онъ вернулся въ Вильно одинъ. Сцена такъ наивна, такъ очевидно правдива въ малѣйшихъ подробностяхъ своихъ, что можно безошибочно поклясться въ томъ, что рассказчикъ не могъ и не хотѣлъ прибавить ничего.

«Дверь моей комнаты отворяется и входитъ рослый человѣкъ, опираясь на одного изъ секретарей моихъ. Черная тафта окутывала голову его, лицо его казалось утонуло въ густомъ мѣхѣ. Эта сцена напомнила сцены привидѣній. Я узнаю его и говорю: «А, это вы, Коленкуръ? Гдѣ же императоръ?»

— Здѣсь, онъ ждетъ васъ въ гостинницѣ Англія.

— Куда вы отправляетесь?—Въ Парижъ.—А армія?

— Ея нѣтъ, отвѣчалъ онъ, поднимая глаза къ небу.

Я мчусь, я прибѣгаю въ гостинницу и вижу во дворѣ небольшой каретный кузовъ, поставленный на сани, сдѣланные изъ четырехъ на половину разбитыхъ еловыхъ полѣньевъ, Мамелюкъ вводитъ меня въ низкую залу, ставни которой были на половину закрыты, чтобы охранять инкогнито его.

«Императоръ ходилъ по комнатѣ, закутавшись въ превосходную шубу, крытую зеленой матеріей съ великолѣпными золотыми застежками. На головѣ у него было что-то въ родѣ мѣховаго капюшона и сапоги были подбиты мѣхомъ. «А, господинъ посланникъ», сказалъ онъ мнѣ со смѣхомъ. Я поспѣшно подошелъ и сказалъ ему: «Вы заставили насъ сильно тревожиться. Но наконецъ вы здѣсь». Я сказалъ это такимъ тономъ, который долженъ былъ показать ему все, что происходило во мнѣ. Несчастный не замѣтилъ этого. Я говорилъ ему о польской арміи. «Какъ! сказалъ онъ: я не видѣлъ никого во время компаніи». Я объяснилъ ему какъ онъ, раз-

сѣявъ польскія силы по всѣмъ войскамъ, сдѣлалъ невидимыми 80,000 человекъ *).

«За обѣдомъ, на которомъ присутствовали два министра, онъ говорилъ, смѣясь: «отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ». И когда они выражали радость свою, что видятъ его невредимымъ послѣ столькихъ опасностей, онъ сказалъ: «Опасностей? Не было ни малѣйшей. Я живу волненіемъ. Чѣмъ болѣе я буторажу міръ, тѣмъ лучше чувствую себя; только короли лѣнивцы жирѣютъ во дворцахъ своихъ, я же на конѣ и въ лагерѣ. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Армія моя превосходна. Я всегда билъ русскихъ. Я ѣду набрать еще 300.000. Все, что случилось — пустяки; это слѣдствіе климата. Я вездѣ билъ русскихъ». Онъ говорилъ все это съ самымъ веселымъ видомъ. «Я не могъ остановить морозы. Мнѣ каждый день говорили, что я въ ночь потерялъ 10.000 лошадей. Ну чтожъ такое, пускай!» А слѣдующее повторялось разъ пять шесть: «А, это была великая сцена! Кто ничѣмъ не рискуетъ — не получить ничего. Отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ». Разговоръ въ такомъ духѣ продолжался часа три. Огонь погасъ и холодъ сталъ чувствителенъ, такъ что мы всѣ перезябли. Императоръ не замѣчалъ этого; онъ разгорячался по мѣрѣ того, какъ говорилъ и повторялъ два-три раза сряду: «Отъ великаго до смѣшнаго—одинъ шагъ». Когда онъ собирался ѣхать и каждый напутствовалъ его пожеланіями, онъ сказалъ: «Я никогда еще не чувствовалъ себя такъ хорошо. Когда я схвачусь съ чортомъ, то буду чувствовать себя еще лучше». Разговоръ этотъ такъ сильно поразилъ меня, что я не могу не быть вполне увѣреннымъ въ томъ, что передалъ его съ величайшей вѣроятностью».

*) Замѣтите, что они отчасти сдѣлали его при Березинѣ.

Онъ поразить и **каждаго**, какъ примѣръ самой грубой нечувствительности. Увы, эта страшная гибель 300.000 **человѣкъ**, погребенныхъ подъ снѣгами, была бѣльшимъ нежели гибелью одной арміи; то была гибель цѣлаго міра; людей, остатковъ реквизиціи, наборовъ двадцати лѣтъ; говоря другими словами, Франціи героической, побѣдительницы міра, которая, ведомая слѣпою вѣрою своею, пришла туда умереть и погрестись подъ снѣгами. Какъ? Все что оставалось отъ нашихъ республиканскихъ армій — итальянской, египетской, нѣмецкой, все было соединено вмѣстѣ для общей катастрофы, и ни одной слезы, ни малѣйшаго сожалѣнія, объ этомъ **катаклизмѣ**, о гибели этого міра! Прибавьте еще, что цѣлая Франція оплакивала ее много лѣтъ послѣ Москвы. Я передамъ одну вещь странную, но несомнѣнную: черезъ тридцать лѣтъ послѣ Москвы въ богадѣльняхъ старухи матери ждали сыновей и говорили: «Онъ вернется». Даже русскіе сами были тронуты этими сценами смерти, этимъ необъятнымъ бѣдствіемъ. Они вспомнили, что они люди и нашли, что они слишкомъ хорошо отпущены. Нашелся одинъ **человѣкъ**, одинъ въ цѣломъ **человѣчествѣ**, **человѣкъ** такой звѣрской гордости, что видѣли, какъ онъ, чтобы избавиться отъ свистковъ заслуженныхъ его глупостью, прибѣгалъ къ смѣху, къ омерзительной ироніи.

Конечно то былъ желѣзный **человѣкъ**? Такъ говорили **бонапартисты**. Нисколько. Онъ былъ безконечно чувствителенъ ко всему, что касалось его собственной безопасности, его собственного спасенія. Слѣдующее повѣствованіе о немъ до того печально, позорно и унижительно для **человѣческой природы**, что я сначала хотѣлъ выпустить его. Какъ могъ **человѣкъ**, закаленный въ битвахъ, упасть такъ низко до чудовищно смѣшныхъ крайностей самаго позорнаго страха? Это кажется невероятнымъ. Онъ самъ просилъ, какъ ручательство безопасности, чтобы комиссары отъ пяти великихъ державъ сопровождали его на островъ Эльбу, такъ что все то, что читатель

прочтеть, происходило передъ глазами пяти свидѣтелей. Если наиболѣе враждебный Бонапарте свидѣтель, пруссакъ, спѣшилъ замѣчать нѣмны позорныя обстоятельства, то онѣ были точно также засвидѣтельствованы русскимъ, австрійцемъ, который видѣлъ въ Наполеонѣ зятя своего императора. Русскій и австріецъ были даже настолько человѣчны и доброжелательны, что для успокоенія его, они сами рисковали собой, согласясь на переодѣванья, на обмѣнъ платья, и это, среди опьяненнаго яростью народа, могло кончиться печально для нихъ; обманутый народъ могъ растерзать ихъ.

Близъ Валанса Бонапарте встрѣтилъ Ожеро и здѣсь въ первый разъ увидѣлъ всю глубину собственнаго паденія. Ожеро не поклонился ему, но обнявъ его, грубо говорилъ ему «ты» и упрекалъ его въ томъ, куда привело его честолюбіе. Наполеонъ принялъ все въ хорошую сторону и обнялъ его еще разъ. Ожеро ушелъ, не поклонившись. Въ Авиньонѣ тысячи ругательствъ раздались въ толпѣ. Въ Оргонѣ, всѣхъ перепугало зловѣщее зрѣлище висѣлицы, на которой болталась окровавленная кукла. Русскій комиссаръ, ѣхавшій позади, старался умирить толпу, говоря ей о жалости къ несчастному плѣнному. Бонапарте, очень блѣдный, забился въ глубину кареты и сначала пытался спрятаться за своего спутника, генерала Бертрана. Вскорѣ онъ не могъ выдержать долѣе; страхъ заставилъ его надѣть бѣлую кокарду, ливрею курьера, и онъ поскакалъ впередъ.

Но кареты не могли ѣхать такъ скоро, и это едва не было причиной трагедіи. Въ Сенъ-Канатѣ народъ сдѣлалъ попытку отворить карету, чтобы убить Бертрана, занимавшаго мѣсто императора. Самъ онъ, послѣ напрасной попытки выдать себя за англичанина, предложилъ повернуть назадъ до Лиона и взять другую дорогу. Онъ плакалъ и, какъ ребенокъ, смотрѣлъ нельзя ли выскочить въ окно; но оно было заграждено рѣшеткой и, быть можетъ, охраняемо враждебной тол-

пой. Пришедшая хозяйка, увѣряла, что безъ сомнѣнія хотять убить Бонапарте; и онъ самъ, чтобы лучше скрыть себя, одобрялъ убійство. Иногда онъ воображалъ, что комиссары хотять отравить его, и не прикасался къ яствамъ ихъ. Наконецъ, что было вѣрнымъ признакомъ мозга сильно потрясеннаго страхомъ, бывали минуты, когда посреди слезъ, онъ вдругъ начиналъ много говорить, любезничалъ и ласкался, словомъ велъ себя такъ, какъ постыдился бы вести себя ярмарочный шутъ.

Въ полночь отправились далѣе и одинъ русскій, адъютантъ комиссара Шувалова, согласился, чтобы успокоить Наполеона, надѣтъ то платье, въ которомъ тотъ игралъ роль курьера. Бонапарте же самъ взялъ роль австрійскаго генерала, надѣвъ бѣлый мундиръ комиссара Колера и сверху него шинель русскаго, Шувалова. Колеръ везъ Бонапарте въ своей каретѣ и по просьбѣ его для того, чтобы удалить всякое подозрѣнiе, на которое бы могъ навести этикетъ, свисталъ и заставлялъ кучера своего курить. Наконецъ, встрѣтили два эскадрона австрійскихъ гусаръ, которые могли сопровождать его и покончили эти терзанія страха. Я передалъ этотъ печальный рассказъ для тѣхъ, которые какъ Монтэнъ любятъ замѣчать измѣненія человѣческой природы. Онъ силенъ, но не чудесенъ и объясняются какъ пельзя лучше физическими причинами *).

*) Шатобрианъ смѣшонъ, принимаясь за объясненiе этого. Онъ заключаетъ, что Бонапарте, какъ духъ зла имѣлъ двойной даръ—обманывать въ двухъ смыслахъ: по временамъ быть безконечно малымъ и потомъ безмѣрно возвышаться. Другiе писатели напишутъ исторiю, болѣе медицинскую нежели страстную, любовныхъ похожденiй его довольно позднихъ, но черствыхъ и страшно эгоистичныхъ. Такъ, дѣятельная компанiя 1814 г. оставила его совершенно изнуреннымъ; отсюда упадокъ силъ его въ Фонтенебло, попытка отравленiя (?) и наконецъ, въ Провансѣ, этотъ подлый страхъ смерти. Поправившись и укрѣпившись на островѣ Эльбѣ, онъ снова запасся тамъ энергiей для прекрасной сцены въ Греноблѣ. Безконечная болтовня въ Парижѣ кажется снова разстроила нервы его. Онъ былъ очень нерѣшителенъ въ короткой компанiи 1815 г. и Бернаръ, адъютантъ его, увѣрялъ, что онъ рано оставилъ поле сраженiя и остановился только въ десяти миляхъ отъ него.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Реставрація. Бурбоны.

I.

Хартія. Людовикъ XVIII. 1814.

Если Бурбоны, въ такъ многихъ отношеніяхъ стоявшіе ниже Наполеона, показали бы, что они хотя немного походятъ на Генриха IV сердцемъ, то имъ простили бы остальное. Это дѣлало роль ихъ болѣе легкою, нежели то предполагали сначала. Франція, послѣ такого страшнаго царствованія, алкала и жаждала человѣколюбія и была довѣрчива къ малѣйшимъ признакамъ, которые говорили о немъ. Представлялись торжественные случаи и Бурбоны холодно, безтактно пропустили ихъ всѣхъ. Смерть Нея, роялистскій терроръ на югѣ представляли много случаевъ, которыми не сдумѣли воспользоваться, и въ особенности такимъ естественнымъ случаемъ вступить въ итальянскія и испанскія дѣла, остановить пролитіе крови, когда оба народа эти протягивали намъ руки, пальца-

лись на сострадательное заступничество королей нашихъ. Бурбоны ничего не сдѣлали для нихъ.

Младшая вѣтвь, обладавшая такъ многими личными добродѣтелями, не выказала болѣе человеколюбія нежели старшая. Ни въ Италіи, ни въ Польшѣ не было сдѣлано ни малѣйшей попытки заступничества. Кровавое подавленіе волненій Сень-Мери и прочный успѣхъ его за-долго еще предсказали путь, какимъ другая династія одержитъ 4 декабря 1852 г. торжество, не менѣе продолжительное и которому только одинъ позоръ Метца и Седана могъ положить конецъ. И такъ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, при трехъ разныхъ династіяхъ, вѣкъ этотъ медленно совершилъ дѣло, которое останется прочнымъ: онъ изгладилъ въ сердцахъ французовъ легенду, которая столько вѣковъ заставляла вѣрить *въ сердце королей*, въ доброту ихъ. То, чего логика не могла сдѣлать, то сдѣлалъ опытъ и въ этомъ вѣкѣ Франція пошла къ республикѣ, къ самоуправленію. Это исторія вѣка въ двухъ словахъ: съ него начинается совершеннѣйшее человѣка.

Писатели роялисты, говорившіе о революціи, въ своихъ вообще многословныхъ разсказахъ, сокращаютъ и затемняютъ, насколько это возможно, главный фактъ: далъ ли Людовикъ XVIII хартію по собственному побужденію, какъ то говоритъ Канефигъ и другіе? Или, какъ говоритъ съ бѣльшимъ вѣроятіемъ Ламартинъ и другіе, далъ ли онъ ее противъ воли, повинаясь наиболѣе могущественному изъ союзниковъ, который былъ убѣжденъ, что безъ этой уступки страна, такъ сильно взволновавшаяся, не приняла бы мира? Императоръ Александръ говорилъ, что безъ этого онъ не осмѣлится вывести войска изъ Франціи, или что онъ оставитъ въ Парижѣ, по крайней мѣрѣ, тридцать тысячъ человѣкъ. Людовикъ XVIII пріѣхалъ изъ Англіи и благодарилъ принца регента, какъ единствен-

наго устроителя реставраціи. Англичане склонны думать, будто представительное правленіе, естественный плодъ англійской почвы, слишкомъ высокъ для Франціи. Съ другой стороны, эмигранты и глава ихъ, графъ Артуа мечтали только объ одномъ возстановленіи старой монархіи. Они воображали, будто Франція счастлива тѣмъ, что идетъ къ нимъ на встрѣчу и отдается имъ безусловно.

Я помню этотъ день 18 апрѣля 1814 г. великолѣпный весенній день, когда графъ Артуа вошелъ въ Парижъ. Пріятное, блаженное, истасканное и глуповатое лицо его было совершенно неизвѣстно толпѣ народа. Но она усердно насто-рожила уши при словахъ, которыя онъ повторялъ съ роялистами своими: «Нѣтъ болѣе конскрипцій! Нѣтъ болѣе усиленныхъ налоговъ». Подагрикъ король, сильно завидовавшій ему, послалъ его впередъ въ надеждѣ и весьма основательной, что онъ съ первыхъ же шаговъ сдѣлаетъ какую нибудь глупость, надастъ обѣщаній, которыхъ невозможно будетъ исполнить. Сверхъ того еще на Артуа должна была пасть непопулярность за нѣкоторыя мѣры, на какія обрекало насъ тогдашнее положеніе; напр. возвращеніе и еще съ громаднымъ матеріаломъ многихъ крѣпостей и гарнизоновъ, которые мы еще держали во всей Европѣ. Артуа исполнилъ это и даже не потребовавъ того, что было привезено изъ старой Франціи: депо Ла-Фера, Валанса и пр.

Но партія его на радостяхъ, что возвращается какою бы то ни было цѣною, не негодовала на него за это и онъ остался по прежнему ея Генрихомъ IV, къ величайшему прискорбію Людовика XVIII. Людовикъ, который прежде, гоняясь за популярностью, выказывалъ притворную нѣжность къ конституціи, увидѣвъ въ 1814 г., что Артуа именно потому пользуется приверженностью партіи роялистовъ, что не

общаетъ ничего другаго, кромѣ, абсолютнаго королевства, Людовикъ XVIII, говорю я, конечно не подумалъ предложить права, которыхъ не требовала его партія. Онъ считалъ дѣломъ прекраснымъ сказать, что онъ только продолжаетъ царствованіе свое на новыхъ условіяхъ. Роялисты историки съ удивленіемъ отзываются о высотѣ и величіи мужества, съ какимъ онъ сопротивлялся благодѣтелю своему, Александру.

Должно сказать къ чести человѣческой природы, что Александръ, испытавъ великое счастіе свергнуть Наполеона и войти въ Парижъ, считалъ долгомъ благодарить Бога за свой успѣхъ поведеніемъ, которое изумляло великодушіемъ. Онъ, казалось, просилъ прощенья въ томъ, что побѣдилъ. Не только онъ не тронулъ нашихъ памятниковъ, но оставилъ намъ даже плоды побѣдъ нашихъ. Когда онъ посѣтилъ инвалидный домъ и увидѣлъ старыхъ солдатъ печальными, ему пришла на умъ рыцарская и утонченно добрая мысль возвратить имъ русскія пушки, взятая ими при Аустерлицѣ. Онъ ходилъ постоянно окруженный избранными изъ лучшихъ людей Европы: Гумбольдтомъ, Капод'Истріей и Поццо, который, какъ корсиканецъ по рожденію, потребовалъ правъ француза. Въ бытность свою проѣздомъ въ Со, Александръ встрѣтилъ прежняго наставника своего, великаго швейцарскаго патріота Сезаря де Лагарпа.

Это напомнило царю молодость его, мечты, которыя поддерживалъ въ немъ другъ его, Чарторишскій. Къ тому же тотъ несвязный актъ, который былъ названъ хартіей и который, по приказанію Людовика XVIII, былъ написанъ Бенью и аббатомъ Монтезью, походилъ нѣсколько на тотъ, который Александръ и прежній другъ его молодости приготовили для Польши. Но давая права, король прибавилъ слово, которое казалось отнимало ихъ всѣ: онъ сказалъ, что «даровалъ» ихъ. Новый

король, не имѣвшій за себя никакого обаянія, никакой славы, надменно считалъ себя въ правѣ уничтожить слова *«верховная власть народа»*, тѣ слова, которыя такъ часто употреблялъ Бонапарте. Это одно устанавливало революцію.

Можно было ожидать, что старикъ, такъ долго находившійся въ изгнаніи и родной братъ мученика партіи, долженъ бы былъ внушать уваженіе, тѣмъ болѣе роялистамъ. Но цвѣтущая наружность его, сильная тучность, какъ нельзя яснѣе говорили о равнодушіи его къ несчастіямъ брата. Знали даже, что онъ принималъ сильное участіе подготавливая несчастія королевы; онъ, если не самъ писалъ, то подавалъ мысль писать безыменные памфлеты, которые такъ сильно обезчестили королеву и опозорили тронъ. Онъ имѣлъ репутацію полнѣйшаго эгоиста. Ходили гастрономическія легенды о немъ, о пирамидахъ котлетъ, которыя готовились для него и изъ которыхъ онъ съѣдалъ только послѣднюю, нижнюю, пропитанную сокомъ стекавшимъ на нее съ другихъ. Полнокровіе, естественное послѣдствіе жизни обжорства и неподвижности, могло бы разстроить его здоровье, еслибы его не облегчали фонтанелями. Эти отвлекающія средства сохранили ему прекрасный цвѣтъ лица и даже придавали ему странные порывы возвращающейся молодости, которые проявлялись въ неблагопристойныхъ разсказахъ его и въ неприличныхъ выходкахъ противъ дамъ, въ незаходившихъ далеко безстыдныхъ нападеніяхъ.

Каждый парижанинъ сохраняетъ живое воспоминаніе о поколѣніи, окружавшемъ императора Александра. Гумбольдтъ, послѣ продолжительныхъ путешествій своихъ, остался на многіе годы жить на набережной Лувра, какъ мѣстѣ, наиболѣе удобообитаемомъ на землѣ. Это было поколѣніе не только наиболѣе просвѣщенное, но даже болѣе человѣчное и доброже-

лательное, нежели всѣ послѣдовавшіе за нимъ. Капод'Истрія принадлежалъ ему и работалъ, чтобы вскорѣ сдѣлать для Греціи то, что Лагарпъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ сдѣлалъ для Швейцаріи, по крайней мѣрѣ на родинѣ своей, кантонѣ Ваадскомъ.

Людовикъ XVIII по прибытіи своемъ сдѣлалъ великую глупость, безтактность, которая имѣла видъ объявленіи войны арміи и страннаго презрѣнія національной чести. Бонапарте держалъ въ тюрьмѣ Дюпона, который заключилъ капитуляцію Байлена; теперь арестанта освободили и назначили военнымъ министромъ. Бурбоны сами изолировали себя, удаляя изъ Парижа остатки императорской гвардіи, составляя лейбъ гвардію свою исключительно изъ молодыхъ дворянъ. Это было причиной ссоръ и дуэлей съ офицерами, которыхъ отставляли на половинномъ жалованьи. Молодые дворяне и конная національная гвардія могли быть для короля очень плохой защитой. Храбрые какъ отдѣльныя личности, они никуда не годились какъ военный корпусъ; и въ день опасности, они почти всѣ разсѣялись.

Бурбоны не могли бы лучше дѣйствовать, если бы они замыслили возвращеніе Бонапарте. Однако бонапартисты сначала не осмѣливались появляться. Великое движеніе прессы было начато патріотами, Карно и редакторами «Цензора» (Censeur) Контомъ и Дюнойе. Первый пустилъ памфлетъ, въ которомъ оправдывалъ цареубійцу отъ взводимыхъ на нихъ клеветъ. «Цензоръ» серьезно задался цѣлью поднять правительство на конституціонную линію. Наконецъ появился «Желтый Карликъ» (Nain jaune) мелкій журналъ, въ которомъ бонапартизмъ разоблачилъ себя и металъ сатирическія стрѣлы противъ смѣшнаго и ненавистнаго правительства.

Единственная вещь, въ которой Александръ выказалъ себя

русскимъ и которую онъ конечно былъ обязанъ сдѣлать для своихъ, какъ искупленіе пожара Москвы, это обѣдня, отслуженная по приказанію его подъ окнами на площади революціи. Во всемъ прочемъ онъ выказывалъ умиленіе и уваженіе въ отношеніе Парижа, какъ столицы западной цивилизаціи *).

II.

Сто дней.

Всѣ хорошо понимали, что Людовикъ XVIII не продержится долго, что такому неводержанному старику можетъ легко грозить какой нибудь внезапный припадокъ, который передастъ престолъ графу Артуа, игрушкѣ ретроградной партіи. Послѣдній, не смотря на природную мягкость и любезныя качества, несомнѣнно долженъ былъ дать увлечь себя этой ненасытной сворѣ эмигрантовъ на путь Испаніи, террора и конфискацій, путь Фердинанда VII. Ужасающая перспектива, которая вполнѣ объясняетъ легкость, съ какою такъ многіе честные люди, только что присягнувшіе Бурбонамъ, приняли Бонапарте, когда онъ вернулся съ острова Эльбы. Исторія слишкомъ мало обратила на это вниманіе и жестоко упрекала

*) Нельзя было быть болѣе доброжелательной, нежели была свята Александра, прибывшая въ Парижъ. По дорогѣ въ Фонтенебло, покрытой казаками, даже произошла вещь необычайная. Знаменитый Платовъ, атаманъ такъ страшный французамъ, во время отступленія ведя къ Парижу этихъ дикихъ наѣздниковъ, встрѣтилъ неожиданно на пустынной дорогѣ, покинутой жителями, маленькаго худаго старика, который приближался къ нему верхомъ на дрянной клячкѣ. Платовъ сошелъ съ коня и бросился впередъ нимъ на колѣни, проливая слезы. Маленькій старикъ былъ Костюшко, и Платовъ, увидѣвъ его, вспомнилъ о жестокой длящейся уже два вѣка разлукѣ между Польшей и казаками—двумя народами одной крови, разлученными гибелью одного и порабощеніемъ другого.

Францію, геройскихъ солдатъ ея, Нея и др. за переметчивость, которую вполне объясняла измѣнчивость самихъ Бурбоновъ, скажемъ точнѣе, — коварство ихъ исказить хартію, которую они только что дали, измѣнить ей.

Александръ и Австрія рисковали многимъ, оставивъ Бонапарте въ Европѣ и заключивъ его на островѣ Эльбѣ такъ близко отъ Франціи и Италіи. Англичане, напротивъ, хотѣли заключить его посреди южныхъ морей и давно уже въ газетахъ своихъ высказывали сожалѣніе о томъ, зачѣмъ его не заточили на островѣ св. Елены. Этотъ рискъ понимали интриганы, желавшіе соединить Францію съ Испаніей и не сомѣвшіе бы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, даже еслибы Россія и Австрія не вызвали мрачныя тѣни желѣзныхъ береговъ острова Эльбы. Одно, во всякомъ случаѣ, заставляло Бурбоновъ и вообще всѣхъ союзниковъ считать возвращеніе его невозможнымъ, это рассказы комиссаровъ, которые сопровождали его и охраняли отъ ярости провансальскаго населенія. Онъ казался такъ перепуганнымъ этою опасностью, выказалъ признаки страха до того наивнаго, что не могли повѣрить, что бы онъ рѣшился еще разъ подвергнуться ему.

Тестъ мой, человѣкъ съ богатымъ воображеніемъ и сердцемъ, влюбился въ несчастнаго героя и поступилъ секретаремъ къ нему на островѣ Эльбѣ, читалъ и переводилъ англійскія газеты и другія. Онъ смягчалъ ругательства ихъ и выставлялъ на видъ полезныя свѣдѣнія, какія можно было почерпнуть изъ нихъ. Въ цѣломъ, тѣмъ, что по моему мнѣнію могло болѣе всего дать ему толчокъ, бросившій его на это рискованное предпріятіе, были не свѣдѣнія, крайне неопредѣленные, которыя онъ получалъ черезъ Дюмурьена, Шабуллона, Бассано или королеву Гортензію, но очень точный маршрутъ, составленный для него Лавалеттомъ или кѣмъ другимъ

и намѣтившій ему, что позади сильно угрожавшей ему Роны, можно подняться приморскими Альпами, Греноблемъ и наконецъ Дижономъ, подвигаясь среди населенія, настроеніе котораго было совершенно противоположно и въ которомъ преобладали бонапартисты.

Бонапарте нашелъ ловкихъ путеводителей. Онъ прошелъ позади гряды горъ до Гренобля, прошелъ черезъ Ліонъ быстро на сѣверъ, избѣгая центра, юга и запада Франціи, такъ что могъ говорить или вѣрить, будто вся Франція была за него. Его все время ставили лицомъ къ лицу съ солдатами такъ что доставляли ему полную возможность переговоровъ, тогда какъ его слѣдовало бы оставлять въ отдаленіи и говорить только пушечными выстрѣлами. Что же касается до смѣлой выходки, которою такъ восхищались, когда онъ пошелъ одинъ въ Гренобль подставить грудь подъ ружья, то сцена эта произвела эффектъ до того разсчитанный и предвидѣнный, что надо удивляться той важности, какую всѣ историки, даже роялисты придавали ей. Инстинктъ его навѣрно угадывалъ, что французскіе солдаты будутъ поражены этимъ драматическимъ жестомъ, остановятся передъ нимъ и не будутъ стрѣлять по человѣку, который пойдетъ одинъ, даже еслибы у человѣка этого не было обаянія имени.

Все служило Наполеону и до такой степени, что даже не сломали мостовъ въ Ліонѣ подъ пустымъ предлогомъ, что жаль портить такіе прекрасные памятники. Людовикъ XVIII, объявившій въ палатѣ, что останется и будетъ погребенъ подъ развалинами монархіи, сыгралъ въ руку Наполеона, убѣжавъ въ Гандъ. Наполеонъ осмѣлился войти въ Парижъ только вечеромъ. Парижъ ненавидѣлъ его. Но въ другихъ мѣстностяхъ колебаніе было безгранично. Эмигранты, хозяева при Бурбонахъ, предсказывали Франціи аграрную революцію, напоми-

навшую конфискаціи Фердинанда VII. Отсюда смущеніе, нерѣшительность Нея, и колебанія Бенжамена Констана, который послѣ того рѣзкаго письма, какое онъ прежде написалъ Наполеону, легко повѣрилъ обѣщаніямъ и явился на призывъ его въ Тюльери. Сисмонди, одинъ изъ честнѣйшихъ людей въ Европѣ, нарочно пріѣхавшій въ это время въ Парижъ, позже сознавался мнѣ, что онъ самъ былъ въ большомъ затрудненіи, видя, что безъ Бонапарте неизбежно явилась бы контръ-революція. Однако онъ всегда былъ непріязненъ Бонапарте и, даже во время колебаній своихъ въ его пользу, находилъ его измѣнившимся, опустившимся, жирнымъ, толсто-брюхимъ и болтуномъ. Лицо его стало совершенно другимъ. «Я нашель, говорилъ Сисмонди, что онъ при блѣдности своей походилъ на вареную телячью голову.»

Бонапарте явно лгалъ, увѣряя, что императрица должна возвратиться. Австрія это правда, такъ же какъ и другія державы свергая Наполеона, не отнимала однако у него послѣднюю надежду и приберегала себя на случай регенства. Наполеонъ былъ обязанъ австрійскому браку одною изъ главныхъ причинъ своей гибели; ему же онъ былъ обязанъ своею безумною самонадѣянностью. Съ одной стороны Наполеонъ не далъ свободы дѣйствія партіи искренно національной; съ другой—онъ терялъ въ разговорахъ время, которое уже могъ употреблять на военныя дѣйствія, напр. на захватъ Бельгіи, который далъ бы ему лишнихъ 50.000 войска.

Это напоминаетъ мнѣ исторіи кондотьеровъ и тирановъ Италіи, которые браками роднились съ княжескими родами, и браки эти завлекли и погубили трехъ изъ этихъ авантюристовъ и тѣмъ доказали, что лучшей приманкой на гибель бываетъ женщина. Къ тому же война приняла теперь совершенно другой образъ. Для Александра, все болѣе и болѣе

уходившаго въ мистицизмъ, она приняла видъ крестоваго похода противъ врага общаго спокойствія и представителя антихристіанскаго принципа.

Если и была для Бонапарте возможность спасенія, то она состояла въ томъ, чтобы онъ искренно выставилъ принципы революціи, но онъ испугался. Франція была менѣе усмыслена, нежели то полагали. Актъ, который онъ добавилъ къ государственной конституціи и который даровалъ новыя права, какъ продолженіе двѣнадцатилѣтняго деспотизма, не обманулъ избирателей, призванныхъ имъ для принесенія присяги. Они сказали строго, что онъ долженъ былъ принести изъ изгнанія своего раскаяніе въ прошломъ. Въ день этой присяги церемонія майскаго поля была смѣшна во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, къ чему это карловингское имя майскаго поля? Къ чему обѣдня съ кардиналами въ красныхъ чулкахъ? Шампольонъ старшій, человекъ довольно двусмысленный, прочелъ сомнительный и не полный списокъ голосовъ, который называли спискомъ *почти единогласнаго избранія*.

Но что было страннѣе всего, что едва не лишило церемонію всякой серьезности, это былъ костюмъ императора. Какое было изумленіе видѣть того, который всегда появлялся въ военной формѣ и сапогахъ со шпорами, вдругъ облекшимся въ бѣлыя одежды непорочности, въ костюмъ юнаго Эліасена изъ Гюэоли! Прибавьте къ этому, что надъ этой дѣвственной бѣлизной рѣзко выдѣлялась желтая и мрачная фізіономія корсиканца. Все казалось театальной ложью и было ею. Худшимъ изъ всего было то, что спрашивали: неужели все кончится этой сценой; потому что ожидали другаго. Одни думали, что Марія Луиза возвратится съ ребенкомъ и принесутъ миръ; другіе, что Бонапарте, отрекшись отъ престола, возстановитъ республику подъ управленіемъ избраннаго консула.

Какъ продолженіе этой комедіи онъ въ то время, когда вся Европа шла на него, занимался составленіемъ палаты перовъ. Въ палатѣ депутатовъ у него было не болѣе шестидесяти голосовъ. Это значило, что и Франція такъ же отвергала его, какъ отвергала Европа. Съ 13 марта Европа,—я говорю не только о государяхъ и дипломатахъ, но и народахъ самихъ,—осудила этого демона войны. Изгнаніе его на островъ южнаго океана, св. Елену было уже рѣшено и этому рукоплескали болѣе всего вооруженныя массы, которыя, возвратясь по домамъ въ 1814 г., были снова въ 1815 призваны на то, чтобы исполнить приговоръ, произнесенный надъ ненавистнымъ арестантомъ.

Важное событіе происходило въ сосѣдствѣ нашемъ—реставрація Испаніи, которая подавала Бурбонамъ надежду, что можно исказить и реставрацію во Франціи, обойти обѣщанія хартіи, данныя противъ воли, какъ мы это уже видѣли. Безумное упорство Бонапарте въ его дѣлѣ съ Испаніей побуждало его оттягивать до послѣдней минуты исполненіе плана возвратить свободу Фердинанду и отпустить его, наложивъ на него условія. Бонапарте, который какъ много говорилъ о томъ, что дѣйствовалъ только ради испанцевъ, злобствовалъ противъ нихъ за мужественное сопротивленіе ихъ и не поставилъ никакихъ условій въ пользу народа. Съ другой стороны англичане, которымъ кортесы не позволяли взять Кадиксъ и американскія колоніи, отмстили, не потребовавъ ничего для Испаніи отъ Фердинанда. Такъ съ обѣихъ сторонъ героическая нація эта была предана безъ всякихъ условій тирану своему, алкавшему мщенія.

24 марта, почти въ ту минуту, когда союзники вступали въ Парижъ, Фердинандъ вступалъ въ Испанію, не получивъ отъ кортесовъ никакихъ обязательствъ, кромѣ клятвы очень

призрачной. Самъ онъ увернулся отъ клятвы довольно двусмысленнымъ письмомъ, которое послалъ передъ своимъ прибытіемъ. Наконецъ, 24 мая въ Валенціи онъ объявилъ уничтоженными всѣ постановленія кортесовъ и отказался дать присягу конституціи. Англійскій министръ, хорошо знавшій его, опасался, чтобы Англія не пришла въ негодованіе на то, что сдѣлала такъ много для возстановленія на престолѣ чудовища, взялъ съ него единственное обѣщаніе, что онъ не будетъ проливать крови. Но это не помѣшало морить патріотовъ медленною агоніею въ *президахъ*—африканскихъ каторгахъ. Это не помѣшало изгнанію двѣнадцати тысячъ человѣкъ и конфискаціи ихъ имѣній. Весь югъ Франціи былъ заселенъ живыми скелетами умиравшими съ голоду. Возстановленная инквизиція усиливала жестокости страшной полиціи, слѣдуя указаніямъ Гравины, нунція Піа VII и духовника дона Карлоса; у него пришлось отнять управленіе монастыремъ молодыхъ монахинь, которыхъ онъ всѣхъ растлилъ.

Эта тиранія въ Испаніи и громадныя конфискаціи ея внушали эмигрантамъ нашимъ сильное соревнованіе. Они изыскивали средства подражать всему этому, не смотря на обѣщанія хартіи, соединясь съ Испаніей, съ Наполеономъ, съ возвращенными Бурбонами и воскрешая такимъ образомъ между тремя націями то, что называлось *семейнымъ договоромъ* и было плодомъ идеи Шуазеля и Людовика XV. Чтобы снова поглотить весь западъ ретроградной партіей, къ договору присоединили Австрію и это такимъ образомъ, что устранили императора Александра, у котораго теперь осталась только одинъ союзникъ—Пруссія. Планъ ханжей павильона Марсапъ, друзей графа Артуа, былъ по природному инстинкту лукавства, принятый Людовикомъ, XVIII противъ Александра, который привелъ его въ Парижъ и принудилъ дать Франціи хартію.

Людовикъ XVIII нашелъ удовольствіе довѣрить исполненіе этого дѣла неблагодарности человѣку, который болѣе чѣмъ кто либо видѣлъ милостей отъ Александра, Талейрану, которому Александръ оказалъ честь дать у себя въ Парижѣ помѣщеніе. Талейранъ былъ очарованъ тѣмъ, что могъ вести интригу вѣнскаго конгресса и тѣмъ примирить себя съ ретроградной партіей. Александръ въ негодованіи, чтобы отомстить, принялъ хорошо Евгенія и всѣхъ Богарне, которые вслѣдствіе этого стали питать самыя безумныя надежды.

Дѣло въ томъ, что Александръ, быть можетъ, изъ воспоминанія о прежней дружбѣ, выказалъ много снисходительности, даже изумительнаго неблагоразумія, назначивъ для Бонапарте мѣстожительство въ родномъ климатѣ изгнанника, предложивъ ему Корсику, потомъ островъ Эльбу, такъ близкій къ Франціи и Италіи. Талейранъ злостно повторялъ англійскія рѣчи, что всего лучше посадить Наполеона за океанъ, на островъ св. Елены, мѣсто гдѣ удобно сторожить его, и гдѣ онъ будетъ находится въ полу-тюрьмѣ, на базальтовомъ пикѣ, какъ тѣ, на которые англичане засадили столькихъ индійскихъ принцевъ.

III.

Ватерло 18 іюня 1815 г.

Великій историкъ, который обличилъ ложь записокъ св. Елены, Шаррасъ, и Кипе, въ небольшой и прекрасной книгѣ своей, можетъ быть не достаточно сильно выказали слѣдующее: что *Франція осудила Бонапарте*, отвергла его; я говорю не о роялистской Франціи, не о Ванден, Ронѣ, но о великой безпристрастной Франціи, которую составляло громадное большинство населенія. Онъ могъ набрать всего 16.000 рекрутъ.

Небольшое число голосовъ палаты депутатовъ, подавшихъ голосъ за него, какъ нельзя лучше свидѣтельствовало о слабомъ меньшинствѣ, которое еще было за него и приняло участіе въ войнѣ. «При Ватерло было мало народа». Почему? Потому что Франція знала Наполеона и не рѣшалась сражаться для того, чтобы снова вернуть тиранію и вѣчную войну.

Армія Ватерлоская была вполнѣ воинственной арміей, набранной не изъ молодежи, какъ большая часть лейпцигской, но изъ солдатъ загорѣлыхъ и закаленныхъ въ войнѣ. Были пѣльники вернушіеся изъ Россіи, Испаніи или съ англійскихъ понтонныхъ; всѣ были сильно озлоблены, одичавши. Одинъ англличанинъ, рассказывавшій о сраженіи и служившій въ англійской кавалеріи, говоритъ съ какою страстною ненавистью французскіе кирасиры преслѣдовали, кололи англичанъ, которые, благодаря своимъ несравненно лучшимъ лошадямъ, постоянно опережали ихъ. «Я никогда не видѣлъ такихъ враждебныхъ, ни такъ жестко воинственныхъ лицъ,» говорилъ онъ. Наши солдаты были полны не только злобы, но и недовѣрія; они приписывали измѣнѣ всѣ послѣднія пораженія, не ставя ни во что ни вины Наполеона, ни то, что онъ возстановилъ противъ себя все человѣчество.

Многіе переходили къ непріятелю, не какъ Мармонъ *in extremis*, послѣ упорнаго сопротивленія, но заранѣе и въ критическую минуту, какъ вандеецъ Бурмонъ. Еще худшимъ было то, что Кларкъ, бывшій военнымъ министромъ въ 1814 г., а въ 1815 министромъ Людовика XVIII въ Гандѣ, далъ союзникамъ самыя полезныя для нихъ свѣдѣнія. Посланный имъ офицеръ на память сдѣлалъ союзникамъ расчетъ, вычисленіе силъ, которыя были съ Наполеономъ, 120.000 чел. Веллингтонъ еще ночью зналъ это и принялъ сраженіе только удостовѣрся,

что пруссаки подоспѣютъ къ нему на помощь въ четыре часа по полудни.

Пруссаки, сначала сильно испуганные успѣхомъ Бонапарте при Флёрусѣ и при Линьи, разсѣялись и въ значительномъ числѣ, какъ говоритъ Мармонъ. Мармонъ, опасно раненый, былъ перевезенъ въ Ахенъ и видѣлъ тамъ 3000 чел. прибѣжавшихъ въ это мѣсто, находившееся на очень далекомъ разстояніи отъ поля сраженія. Мармонъ, судья вполне компетентный и свидѣтельство его сходится съ показаніемъ Шарраса, человѣка положительнаго, который говоритъ, что Наполеонъ, нерѣшительностью своею, потерялъ всѣ выгоды, какія онъ имѣлъ въ началѣ сраженія; что 16 іюня онъ ослабилъ Нея, не далъ ему овладѣть Катрбра и раздавить непріятельскій авангардъ. Эта нерѣшительность водила его отъ Эрлона въ маршахъ и контръ-маршахъ, такъ что онъ не могъ быть полезенъ ни противъ англичанъ, ни противъ пруссаковъ, которые съ приходомъ Бюлова усилились на 30.000 чел.

18 іюня при Ватерло, Бонапарте узналъ изъ перехваченнаго письма, что Блюхеръ придетъ въ четаре часа пополудни. Слѣдовательно, онъ долженъ былъ начать нападеніе гораздо раньше. Погода была дурная, ночью выпалъ сильный дождь; намокшая жатва дѣлала равнину непроходимой для кавалеріи и артилеріи. «Прибавьте еще», говоритъ Мармонъ; «намъ приходилось разсчитывать и то, что у насъ было слишкомъ мало снарядовъ для продолжительнаго сраженія. Наполеонъ завтракалъ въ восемь часовъ, очень поздно для іюня, когда день начинается рано. Петію, генералъ кавалеріи, сидя верхомъ видѣлъ, какъ онъ завтракалъ за маленькимъ столомъ, и говорилъ, что всѣ были поражены его блѣдностью, производившей впечатлѣніе чего то фантастическаго. «Видя это

лицо изъ сала, мы всё почувствовали», говорить онъ: «что это дурное предзнаменованіе.»

Онъ началъ сраженіе только въ одиннадцать часовъ по желанію Велингтона, который съ часами въ рукахъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ четырехъ часовъ и прибытія пруссаковъ; въ счастію для него, Наполеонъ потерялъ еще нѣсколько часовъ, на приступѣ замка Гугемона, который онъ могъ раздавить артилеріей, если бы не былъ принужденъ беречь пороховъ. Но отчего же у него не хватило предусмотрительности заранѣе привезти достаточные запасы?

Французская кавалерія подъ начальствомъ Нея, смявшая и раздавившая англійскую, овладѣла высотами надъ равниной, на которой стоялъ Велингтонъ; но англійская инфантерія своею стойкостью, быстрыми залпами, превосходнымъ оружіемъ и пороховъ, лучшимъ чѣмъ нашъ, остановила французовъ. Теперь настала минута двинуть императорскую гвардію. Но Наполеонъ рѣшался на это, только испробовавъ всё другія средства; при Ватерло онъ послалъ ее слишкомъ поздно и она сдѣлала немного. Тяжелая артилерія ея завязла въ грязи. Велингтонъ, видя ее увязшей, парализованной, сдѣлалъ ужасную жертву для того, чтобы еще дольше удержать ее. Онъ напоилъ до пьяна одинъ изъ лучшихъ драгунскихъ полковъ и на разнузданныхъ лошадяхъ пустилъ весь полкъ сверху на французовъ, зная хорошо, что всё драгуны будутъ перерѣзаны, но что этою рѣзней онъ выгадаетъ еще нѣсколько минутъ до прихода пруссаковъ. Бюловъ пришелъ съ 30.000, Блюхеръ долженъ былъ придти съ 80.000.

Здѣсь причина возникшаго сильнаго спора. Наполеонъ обвиняетъ Груши въ замедленіи. Но даже еслибы Груши и шелъ быстрѣе, такъ говоритъ Шаррасъ, то развѣ онъ могъ

бы съ 30.000 остановить 100.000? *) Группы, прибывшія въ десять часовъ, могъ во всякомъ случаѣ только усилить бѣдствіе. Конецъ сраженія и послѣдовавшее смятеніе очень благоприятны для созданія всякихъ картинъ воображенія. Здѣсь поле торжества риторовъ. Даже роялисты, вслѣдствіе своего культа власти какой бы то ни было, стараются защитить Наполеона. «Онъ бросался на смерть, его удержали и онъ не могъ умереть.» Адьютанты его, напр. генераль Бернаръ, говорятъ совершенно противное. Онъ уѣхалъ очень рано и персидскій конь его безъ роздыха унесъ его за десять лье, въ Филиппвилъ. Онъ былъ первымъ изъ бѣглецовъ. Онъ, какъ и при возвращеніи изъ Египта, Москвы, Лейпцига, опередилъ всѣхъ и заслужилъ призъ за бѣгъ.

Мы уже видѣли, какъ онъ былъ первепъ въ Провансѣ. Здѣсь же, въ этой послѣдственности скртыся въ безопасномъ убѣжищѣ, всего ярче выступаетъ черствая нечувствительность и забвеніе чести. Потому что армія не была же уничтожена и говорятъ, что англичане и голландцы потеряли такое же число людей. Черныя массы пруссаковъ, подонедшія вдругъ въ числѣ ста тысячъ, произвели панику и заставили Наполеона сказать: «Ихъ слишкомъ много.»**) По дорогѣ, храбрые люди, какъ Мутонъ-Лобау нѣсколько разъ пытались собрать нашихъ солдатъ и снова повести ихъ на непріятеля; но они были поражены въ сердце, упали духомъ. Кто рискнетъ сказать, что еслибы императоръ захотѣлъ остаться, то присутствіе его не остановило бы, не пригвоздило бы къ полю сраженія тѣхъ солдатъ, которыхъ Лобау строилъ въ ряды, которыхъ раненный и окровавленный Камбронъ удержалъ при себѣ и которые хотѣли умереть съ нимъ?

*) Шаррастъ глава XV.

**) Слово историческое.

Въ Шарлеруа Наполеонъ сказалъ: «Я остаюсь въ Ланѣ». Въ Ланѣ онъ издалъ лживый манифестъ свой о Ватерло, сожалея только объ одномъ, что не обвинилъ Нея въ потерѣ сраженія. Наконецъ онъ рѣшился стать лицомъ къ лицу съ Парижемъ, говоря, что если Парижъ будетъ въ рукахъ его, то будетъ и все. Но также такъ и по возвращеніи своемъ съ Эльбы, онъ рискнулъ войти въ Парижъ только вечеромъ и жалко прокрался въ Елисейскія поля, не смѣя войти въ Тюльери. И здѣсь еще роялисты, съ Ламартиномъ во главѣ, защищаютъ Наполеона; они приписываютъ все, что за тѣмъ послѣдовало, интригамъ Фуше, который съ одной стороны спосится съ Велингтономъ, съ другой—толкаетъ Лафайета.

Совершенно напрасно затемняютъ этими тщетными хитросплетеніями фактъ порожденный необходимостью и который ясенъ какъ день. Императоръ, болтая неосторожно, сказалъ о представителяхъ націи: «Еще побѣда—и я заставлю ихъ всѣхъ замолчать. Двѣ побѣды—и я прогоню ихъ.» Онъ сказалъ это въ день отъѣзда своего въ Ватерло.*) Онъ возвращался побѣжденный, въ третій разъ погубивъ Францію и требуя, чтобы она еще разъ ввѣрила ему свое спасеніе. Это было безстыднымъ, нелѣпымъ требованіемъ, когда союзники еще 14 марта сказали, что онъ былъ единственнымъ препятствіемъ миру, что война велась противъ него, а не противъ Франціи.

Повѣрили союзникамъ. Поведеніе Александра въ 1814 г. было по истинѣ великодушно и внушало довѣріе. Онъ отстоялъ противъ закоренѣлыхъ враговъ Франціи сохраненіе ей въ Европѣ значенія великаго государства и наперекоръ эмигрантамъ настоялъ на томъ, чтобы она получила хартію, ко-

*) Ламартинъ самъ сознается въ этомъ. Реставрація т. IV стр. 328.

торая должна была обезпечить внутреннее спокойствіе. Отъ Бонапарте, начиная съ 18 брюмера, не видѣли ничего кромѣ клятвопреступленій и азартныхъ предпріятій безумнаго игрока. Онъ возвращался побѣжденный, осужденный Европою и что же предлагалъ Франціи? Раздѣлить съ нимъ проклятіе, произнесенное надъ нимъ и скрѣпленное пораженіемъ его... Этотъ побѣжденный и осужденный пришелъ сказать: «Вѣрьте мнѣ еще, и я спасу васъ.»

Кажется, что въ эту минуту всѣ остатки ватерлоской арміи, возвращавшіеся какимъ то чудомъ, покинутые Наполеономъ, который нисколько не позаботился объ участи ихъ, должны бы были протестовать противъ него. Но солдаты остались бонапартистами,—странное дѣло—и онъ вскорѣ собралъ вооруженную массу, чтобы дѣйствовать противъ палаты. Да, со стороны Лафайэта было мужественнымъ шагомъ предложить слѣдующій декретъ, который и былъ принятъ: «Палата остается несмѣняемой. Каждый, кто сдѣлаетъ покушеніе распустить се, будетъ судимъ за государственную измѣну. Національная гвардія будетъ созвана. Министры призываются въ палату». Этимъ декретомъ палата брала на себя правленіе и отнимала его у Бонапарте; она передѣлывала его 18 брюмера.

Что будетъ онъ дѣлать? Ему, уже стѣсненному со всѣхъ сторонъ европейскими арміями, погубленному и пораженіемъ при Ватерло и прокламаціями союзниковъ, которые обѣщали миръ, оставался только одинъ путь — не спасенія, а самоубійства: употребить солдатъ, возвращавшихся къ нему съ прежнею покорностью, на гнусное предпріятіе, о которомъ онъ мечталъ прошлаго года и которое окончилось бы сожженіемъ Парижа; стать противъ палаты, говоря другими словами: противъ Франціи. Къ счастью, у него не хватило отваги на

такое великое преступленіе, на которое онъ пошелъ бы тогда, еслибы не отказъ генераловъ: Нея, Удино, Лефевра и друг. Въ 1815 у него не хватило, говорю я, отваги на такое отчаянное предпріятіе. Трусость его въ Провансѣ и быстрое бѣгство изъ Ватерло сильно размягчили его и, не смотря на порывъ мужества, выказанный имъ въ Греноблѣ, онъ самъ начиналъ судить себя такъ, какъ будетъ судить его потомство.

Люсьенъ, который былъ отчаянной головой, совѣтовалъ ему снова сдѣлать 18 брюмера. Наполеонъ не посмѣлъ и трусливо держался за такую мѣру: просить чтобы пять комиссаровъ обсудили съ министрами его средства спасенія, — чего? Его династіи. Здѣсь припоминается невольно, срывается съ языка потокъ ругательствъ конвента и слово его 9 термидора: «Какъ трудно убить тирана!» Но Робеспьеръ, свирѣпый и безкорыстный, несравненно менѣе заслуживалъ это проклетіе. Бонапарте, съ безумнымъ омерзительнымъ упорствомъ, требовалъ сохраненія династіи своей, хотѣлъ, чтобы Франція въ опасности призвала для защиты и спасенія ея, австрійскаго ребенка породы эпилептиковъ, котораго портреты въ сущности изображенія полупомѣшаннаго. Люсьенъ осмѣлился настаивать на этомъ и вызвалъ страшное слово Лафайэта; то былъ приговоръ, которымъ гибельная династія эта оставалась на всегда клейменной и который былъ гнѣвнымъ отвѣтомъ на слова тирана въ брюмерѣ: «Что вы сдѣлали съ Франціею». Люсьенъ разносилъ даже въ палатѣ перовъ свое наглое предложеніе призвать эту маленькую куклу, т. е. самого Наполеона. И даже въ этой палатѣ былъ осмѣянъ.

Силла говорилъ, что когда рубашка полна вшей, то нечего больше дѣлать, какъ сжечь ее. Вѣрное сравненіе. Наиболѣе цѣпкій изъ всѣхъ паразитовъ—тиранъ. Вотъ почему итальянцы, рѣшая участь своихъ тирановъ, всегда слѣдовали

только одной аксіомѣ Силлы. Наполеонъ отрекся отъ престола для своего сына. Онъ былъ до того наглъ въ упорствѣ своемъ, что когда ему говорили о томъ, что и братья его должны за себя отказаться отъ короны, онъ вышелъ изъ себя, протестовалъ съ крикомъ. Наконецъ, узнавъ, что сами перы отвергали регентство, онъ говорилъ, что не отречется. Нужно было буквально взять его за плечи и вытолкать изъ Франціи.

А затѣмъ началась новая комедія. Всю дорогу до Роншфора онъ хотѣлъ увѣрить, будто приговоръ его, произнесенный 5 мая цѣлою Европою, могъ быть отмѣненъ только одною Англіею. Ему ничего не обѣщали, ему не отвѣчали. Но съ величайшею безтактностію его заточили на св. Елепѣ; такъ что обманщикъ могъ обратить такіе высокіе подмости въ Кавказъ, эксплуатировать состраданіе общества и готовить безконечною ложью второе кровавое повтореніе всѣхъ бѣдствій имперіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Передъ предисловіемъ	1
<i>Предисловіе. Общій обзоръ вѣка и быстроу упадка его . .</i>	<i>5</i>
Всѣ государства падаютъ въ эту минуту. XIX вѣкъ родился метисомъ и незаконно-рожденнымъ. Ходъ XVIII былъ простъ и ясенъ. Онъ поднимался къ свободѣ. XIX склоняется къ фатализму. Философское безсиліе его. Литературная плодovitость. Въ немъ были великія мннуты возрожденія. Сильная перемѣна его. О медицинѣ. О родѣ нищ. Первое истощеніе. Исповѣдь, романъ, алкоголь. Поднимется ли нашъ вѣкъ? Нѣсколько взглядовъ на будущее:	

КНИГА ПЕРВАЯ.

ФРАНЦІЯ. ИТАЛІЯ. РОССІЯ.

Глава I. Новое правительство. Нѣтъ болѣе законовъ—личности. Выборъ должностныхъ лицъ	14
II. Борьба Франціи и Россіи. Нельсоу и Суворовъ въ Италіи	25

III. Кампанія въ маѣ 1800. Переходъ черезъ Большой Сенъ-Бернаръ. Голодъ Генуи. Массена покинутъ .	32
IV. Маренго 14 іюня 1800. Сраженіе проиграно и выиграно	38
V. Тиранъ. Сестры. Ракъ. Адская машина. Слѣпое изгнаніе. Конецъ 1800 г.	42
IV. Императоръ Павелъ. Любовь его къ Франціи. 1798—1880.	46
VII. Императоръ Павелъ. Планы его. Смерть его. 31 марта 1801.	49
VIII. Послѣдствія смерти Павла. Тиранія англичанъ на морѣ, Бонапарте на сушѣ. Амьенскій миръ. Конкордатъ 1802	57
IX. Торжество непріятеля. Беспильное возвращеніе къ прошедшему. Шатобріанъ. 1801—1806	65
X. Гренвилль «Послѣдній человѣкъ»	78

КНИГА ВТОРАЯ.

АНГЛІЯ. ФРАНЦІЯ. РОССІЯ.

Глава I. Мальтусъ	94
II. Уатъ и машины. Невѣроятное обогащеніе Англіи.	99
III. Разрывъ мира. 1803. Борьба Гортензін и Жозефины противъ братьевъ Бонапарте	105
VI. Заговоры роялистовъ противъ будущаго императора. Энгъенъ, Моро, Пишегрю, Кадудаль. Февраль Май 1804	114
V. Безумная любовь Бонапарте къ старшему сыну Гортензін. Жозефина принуждаетъ его сдѣлать уни- зительный шагъ	122
VI. Коронація. Папа въ Парижѣ: Торжество Гортензін и Жозефины надъ братьями Бонапарте	125

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЕРМАНИЯ.

Глава I. Политическая Германия	132
II. Литературное и нравственное возрождение Германии. Критическая и фантастическая школа Школа эпер- гии. До 1806 г.	140
III. Ни Франция, ни Англия, ни Германия не желала особенно войны. Возвращение и падение Питта . .	150
IV. Ульмская победа. Поражение при Трафальгарѣ. .	156
V. Аустерлицъ 2 Декабря 1805	163
VI. Нерѣшительность Александра. Недовольство Рос- сiя и русской арміи противъ Александра	170
VII. Душа великой арміи 1806	174
VIII. Банкъ играетъ, штуку съ Бонапарте. Уваръ при- нуждаетъ Бонапарте и Питта дѣйствовать вмѣстѣ	180
IX. Йена	187
X. Берлинскій декретъ. Порабощение континента . .	195
XI. Наполеонъ передъ Польшею. 1807	200
XII. Сражение при Эйлау	240
XIII. Фридляндъ iюнь 1807. Уныніе Александра . . .	208
XIV. Тильзитъ. Раздѣлъ европейскаго міра	211
XV. За кулисами Тильзита. Какъ зараждающееся сопро- тивленіе пользовалось ослѣпленіемъ Наполеона .	216

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Антрактъ послѣ Тильзита. Взглядъ на земной шаръ. Расы. Желтые, красные. Черная республика . . .	221
--	-----

КНИГА ПЯТАЯ.

ЗАПЯТІЕ РИМА, ЛИСАБОНА, МАДРИТА 1808.

Глава I. Занятіе Рима. Мартъ 1808	231
II. Измѣна Испаніи. 1808	236
III. Возстаніе Испаніи май 1808	242
IV. Искупленіе. Пораженіе Наполеона при Байленѣ и Цинтрѣ	246
V. Эрфуртская комедія. Сентябрь—октябрь 1808 . .	253
VI. Распущеніе великой арміи. 1808	256
VII. Эслингъ и Ваграмъ. 1809	265
VIII. Австрійскій бракъ. 1810	273
IV. Наполеонъ ссорится съ братьями, распространяетъ власть свою повсюду и грозитъ Россіи	277
X. Экспедиціи въ Португалію, въ Россію 1811—1812. Войны и пожары	284

КНИГА ШЕСТАЯ.

РОССІЯ. ГЕРМАНІЯ. ФРАНЦІЯ.

Глава I. Бѣдствіе Москвы. Бѣгство французской арміи . .	295
II. Мале. Настроеніе арміи по возвращеніи	300
III. Лейпцигское сраженіе 1813	303
IV. Кампанія 1814 г. Отреченіе Бонапарте. Безчело- вѣчіе его въ отношеніи Парижа	306
V. О характерѣ и сердцѣ Бонапарте	314

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РЕСТАВРАЦІЯ. БУРБОНЫ.

Глава I. Хартія	321
II. Сто дней	327
III. Ватерлоо	334